ЛИБЕРАЛЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Девятые «Муромцевские чтения»

Орел 2017

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6
Л 55

Научный редактор
д.и.н., профессор Д.В. Аронов

Рецензенты
д.ф.н., профессор А.А. Кара-Мурза
д.и.н., профессор В.В. Журавлев

Л 55 **Либералы и революция:** Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 13-14 октября 2017 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / Под общей редакцией д.и.н., профессора В.В Шелохаева. Орел: Издательский дом «ОРЛИК», 2017. – 384 с.

ISBN 978-5-91468-242-9

В настоящий сборник научных статей вошли материалы девятых «Муромцевских чтений», объединенных общей проблемой взаимоотношения либерализма и революции применительно к российской действительности 1917 г. В статьях традиционных участников «Муромцевских чтений» нашли свое отражение самые разнообразные аспекты этого сложного и многопланового взаимодействия этих, по сути, не совпадающих сущностей.

Сборник предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

ISBN 978-5-91468-242-9

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

© Издательский дом «ОРЛИК», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Шелохаев В.В.
ПРЕДИСЛОВИЕ ***7***

Медушевский А.Н.
ПОЧЕМУ ЛИБЕРАЛЫ ПРОИГРАЛИ РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ?
Революция и либерализм в сравнительной перспективе ***12***

Шелохаев В.В.
ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ ***34***

Журавлев В.В.
РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ***51***

Туманова А.С.
ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ***63***

Аронов Д.В.
ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В 1917 г. ***78***

Калугин П.А., Золотухина Е.К., Павлова О.И.
ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. К ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (февраль – октябрь 1917 г.) ***86***

Соколов В.В.
ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЛИБЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ НАЧАЛА XX в. ***91***

Калякина А.В.
«ОПОЗДАВШИЕ ЛИБЕРАЛЫ». ПОЗИЦИЯ КАДЕТОВ В БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И ЕЕ ОЦЕНКА РУССКИМ ОБЩЕСТВОМ ***100***

Соловьев К.А. ***107***
КАДЕТЫ: КОНЦЕПЦИЯ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ РЕВОЛЮЦИИ

Гайда Ф.А.
РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ В 1917 г. ***116***

Хайлова Н.Б.
РОССИЙСКАЯ РАДИКАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЦЕНТРИЗМЕ В 1917 г. ***125***

Муромцева Л.П.
С.А. МУРОМЦЕВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ ***141***

Кара-Мурза А.А.
ФИЛОСОФ И РЕВОЛЮЦИЯ (ФЕДОР СТЕПУН О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОСКВЕ) ***150***

Кантор В.К.
ПРЕОДОЛЕВАЯ БЕЗУМИЕ ЭПОХИ ***161***

Жукова О.А.
РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИОСОФИИ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО ***175***

Харусь О.А.
РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ: ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ ЛИБЕРАЛА «ВНЕ ПОЛИТИКИ» ***186***

Карнишина Н.Г., Карнишин В.Ю.
А.С. ИЗГОЕВ – ПУБЛИЦИСТ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ***195***

Попова А.В.
П.Н. МИЛЮКОВ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ СОЦИУМА ***200***

Алымова Н.И.
МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПРИ П.Н. МИЛЮКОВЕ (МАРТ - МАЙ 1917 г.) ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Г.Н. МИХАЙЛОВСКОГО ***209***

Жбанкова Е.В.
А БЫЛ ЛИ РУССКИМ ЛИБЕРАЛОМ ВНУК ДЕКАБРИСТА? ***218***

Березовая Л.Г.
ЛИГА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1917 г.: ИДЕЯ И СОЗДАНИЕ ***225***

Вострикова В.В.
«УЖАСНАЯ КАТАСТРОФА … НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ»: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ОЦЕНКЕ АВТОРОВ СБОРНИКА «ИЗ ГЛУБИНЫ» ***239***

Ливцов В.А.
ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИНТЕРКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ ***251***

Сабенникова И.В.
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ ***264***

Тимофеев Д.В.
РОССИЙСКОЕ ЗЕРКАЛО ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ: ПОНЯТИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. ***278***

Протасова О.Л.
«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» КАК ИСХОДНЫЙ ПУНКТ НА ПУТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА (В ОЦЕНКЕ НЕОНАРОДНИКОВ И ЛИБЕРАЛОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.) ***288***

Желтикова И.В.
ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ И СТО ЛЕТ СПУСТЯ ***297***

Кузнецов Ю.В.
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ ***311***

Усманова Д.М.
ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК БАРОМЕТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ (МАРТ – АПРЕЛЬ 1917 г.) ***317***

Егоров А.Н.
ВОЛОГОДСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ 1917 г. ***328***

Хандорин В.Г.
ФЕВРАЛЬ 1917 г. ГЛАЗАМИ СИБИРСКИХ КАДЕТОВ В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ***340***

Сапон В.П.
В ОЖИДАНИИ ТРЕТЬЕГО: НИЖЕГОРОДСКИЕ КАДЕТЫ В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ – НАЧАЛЕ НОЯБРЯ 1917 г. ***349***

Селезнев Ф.А.
ЛИБЕРАЛЫ НА ВЫБОРАХ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ) ***359***

Гронский А.Д.
СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ЛИБЕРАЛЫ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 г. И ПОПЫТКЕ СОЗДАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ***373***

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современном публичном пространстве столетний юбилей революции 1917 г. проходит так же бурно, как в свое время развивались революционные события в России. По всей стране чередой и на самых разных уровнях проходят Международные и Всероссийские конференции, «круглые столы», телевизионные дебаты, в которых принимают участие ученые и политики, демонстрируются документальные фильмы, публикуются коллективные и индивидуальные монографии, сотни научных и популярных статей. Казалось бы, спустя сто лет после революции 1917 г., страсти по ней должны были бы поутихнуть, и настала пора дать реальную объективную оценку. В действительности же все оказалось наоборот. «Страсти» по-прежнему сильнее рассудка.

В ходе бурных публичных дебатов выявилось несколько диаметрально противоположных оценок революционных событий 1917 г. Одни, в том числе и ученые-историки, и политики характеризуют революцию 1917 г. как абсолютное зло, прервавшее традиционный тренд исторического развития России. Носителями этого зла безоговорочно объявляются либералы и социалисты, якобы действовавшие по указке либо мирового масонства, либо спецслужб иностранных государств. Путем «заговора(ов)» они свергли монархию и разрушили Российскую империю. В свою очередь, их антиподы так же безоговорочно винят царизм, своими бездумными действиями вызвавший стихийное массовое движение, которое смело монархический режим, одновременно ввергнув страну в анархию и хаос. Правда, наличествует, хотя и в меньшинстве, ряд дискурсантов, которые пытаются глубже осмыслить и адекватно оценить революционные события 1917 г. в России.

Учитывая состояние современного публичного дискурса о революции 1917 г., представляется крайне важным окончательно не утратить подлинные научные ориентиры при оценке причин и следствий этого исторического события, характеристике политических и социальных сил, действующих на арене освободительного движения в России, а также содержательной сущности стратегических планов его основных акторов.

В этой логике IX «Муромцевские чтения» ставят своей целью дать комплексный анализ стратегических замыслов одного из ос-

новных акторов революции 1917 г. – российских либералов. Учитывая, что 1917 г. стал переломным в истории российского либерализма, участники данной Всероссийской научной конференции попытались раскрыть содержательную сторону этого качественного перехода, демонстрирующего потенциальные возможности теоретиков и политиков либерального сегмента российской общественной мысли и российского общественного движения в экстремальной ситуации 1917 г.

Не случайно, в центре внимания конференции оказались малоизученные и дискуссионные проблемы российского либерализма начала XX в. И среди них, прежде всего, вопрос о теоретических представлениях русских либералов о революции. Признавая в теории альтернативную возможность реализации исторического процесса, русские либералы на протяжении многих десятилетий сохраняли надежду на эволюционное развитие страны, на достижение компромисса с авторитарным режимом. Однако в реальности «сработал» второй теоретически предполагаемый ими вариант, когда неуступчивость авторитарного режима могла привести (и привела) к массовому стихийному взрыву, который в одночасье смел трехсотлетний царский режим. Учитывая эту реальность, теоретики и политики либерализма признали Февральскую революцию 1917 г. общенациональной и общенародной, преследующей цель освободить Личность от оков несвободы, сформировать гражданское общество и правовое государство, которые во взаимодействии друг с другом осуществят объективно назревшие преобразования во всех сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения. При этом они отдавали себе отчет, что все это непросто сделать в раздираемой идеологическими, политическими и социальными противоречиями стране. Тем не менее, лидеры российского либерализма взяли на себя политическую и моральную ответственность за дальнейшие исторические судьбы России.

В выступлениях участников научной конференции убедительно показано, что либеральные теоретики и политики продемонстрировали способность к оперативной перестройке своих рядов, коррекции своей программы и тактики, к совершенствованию агитационных и пропагандистских форм и методов работы с массами, налаживанию контактов с умеренными социалистическими партиями и организациями. Эти либеральные замыслы нашли свою реа-

лизацию при формировании всех составов Временного правительства, выработке его основных законодательных актов и постановлений, при формировании региональных властных органов. По сути, программа Временного правительства в своих исходных позициях соответствовала программным пунктам основной партии российского либерализма – кадетов, наиболее адекватно отражавших в своей модели переустройства России тренд мирового общественного прогресса. Не случайно, в выступлениях участников конференции столь большое внимание уделено всестороннему анализу стратегического и тактического курса кадетской партии. При этом отмечается, что этот курс подвергался неоднократной коррекции с учетом стремительно меняющейся ситуации и расстановки политических и социальных сил. Это свидетельствовало о политической гибкости либералов, стремящихся найти оптимальное решение, чтобы направить развитие революционных событий в эволюционное русло. Именно в этом ключе формировалась и корректировалась программа Временного правительства, велись поиски разумного компромисса между либералами и лидерами умеренных социалистических партий, которые опасались предлагаемого большевиками «скачка» в социализм, способный якобы разрешить объективно назревшие проблемы и удовлетворить требования масс. Отстаивая демократические завоевания Февральской революции, рассчитывая использовать их в качестве исходной опоры для осуществления крупномасштабных преобразований в сфере экономики, социальных, национальных и конфессиональных отношений, в деле укрепления обороноспособности страны, либералы пытались убедить своих идеологических и политических оппонентов в рациональности предлагаемых ими мер, способствующих, в конечном счете, стабилизации обстановке в стране. Однако традиционное разномыслие, присущее российскому интеллектуальному меньшинству, не позволило принять этот либеральный проект за основу и приступить к совместным поискам разумного компромисса, позволившего избежать деструктивного развития событий.

В выступлениях участников конференции раскрыт неоднозначный процесс взаимоотношений либералов с массовым движением в стране. Несмотря на попытки установить идеологический и политический контроль над массовым движением, либералам этого сделать не удалось. Так, исходя из ошибочного положения «армия

вне политики», либералы с большим опозданием стали создавать собственные партийные организации в армии и на флоте, проиграв тем самым контроль над вооруженными силами, которые активно использовали социалистические партии в своих собственных интересах. Несмотря на неоднократные попытки подчинить своему контролю Советы всех уровней, либералам не удалось использовать их огромный потенциал в своих интересах. Либеральным теоретикам и политикам не удалось убедить не только социалистов, но и собственных коллег в национальных регионах России в рациональности их программного положения о сохранении единой империи и достаточности «культурно национальной автономии» для народностей, населяющих Россию. Не удалось либералам убедить «капитанов» промышленности и бизнеса в необходимости пойти навстречу требованиям рабочих и служащих. Еще большая неудача постигла либералов в их попытках «примирить» крестьян и помещиков, хотя, как показано в ряде статей сборника, либералы максимально демократизировали свою аграрную программу. Будучи верными союзническому долгу, ставя своей конечной целью доведение Первой мировой войны до победного конца, либералы не получили массовой поддержки со стороны солдат и матросов. Результаты выборов в Учредительное собрание продемонстрировали либералам суровую реальность – неприятие их стратегического курса со стороны массового избирателя.

Сконцентрированный в сборнике огромный фактический материал, наблюдения и выводы участников конференции, во-первых, опровергают все инвективы в адрес либералов как неких масонов и заговорщиков, способствовавших разрушению романовской империи и своими действиями открывших путь к власти большевикам; во-вторых, они раскрывают объективные и субъективные причины органической слабости российского либерализма, не имеющего надлежащей социальной опоры и не понятого (а, следовательно, и не принятого) традиционным массовым сознанием. Если при всем этом еще принять во внимание кратковременность либерального эксперимента, осуществляемого в экстремальных условиях революции, то станут понятны причины его неудачи. Однако это ни в коей мере не говорит о том, что неудачные опыты не имеют никакого смысла для познания истории, их следует вообще игнорировать и не тратить усилия на их изучение. Очередные «Муромцевские чте-

ния» убедительно показали, что обращение к неудачным историческим экспериментам (а их в истории было не мало) позволяет современному поколению либералов извлечь соответствующие уроки при разработке их стратегического и тактического курса применительно к новым историческим реалиям. Учитывая, что исторический процесс альтернативен, нельзя априори исключить того, что его либеральные теории и концепции рано или поздно окажутся востребованы.

В.В. Шелохаев

А.Н. Медушевский[1]

ПОЧЕМУ ЛИБЕРАЛЫ ПРОИГРАЛИ РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ? Революция и либерализм в сравнительной перспективе[2]

Современная социология революции актуализирует их интерпретацию как спонтанного психологического срыва общества, связанного с преодолением когнитивного тупика – традиционалистской реакцией консервативного сознания, определявшейся феноменом относительной депривации в условиях роста завышенных ожиданий. Следствием становится рост недовольства (фрустрация), а основным способом ее преодоления – социальная агрессия. Революция, поэтому, не может остановиться на середине и завершается лишь с исчерпанием своего деструктивного потенциала. Данная логика приводит к свержению Старого порядка и последовательному делегированию власти от умеренных к радикалам с тем, чтобы завершиться частичным восстановлением стабильности (Реставрация или ее исторические аналоги). Общий итог этого развития (на примере как классических, так и современных революций) заключается в том, что революции есть срыв устойчивого и поступательного развития в результате спонтанной реакции неподготовленного общества на трудности ускоренной модернизации. Цели революции, следовательно, не отличаются от целей радикальных социальных реформ и могут быть достигнуты без спонтанного социального разрушения. Это значит, что либеральная стратегия социальной трансформации предпочтительнее революционной, поскольку является менее социально затратной (цели революции достигаются без использования ее средств) и более устойчивой в длительной перспективе. Эта теоретическая схема, известная как «закон Токвиля», определяет социально-психологические причины революций, раскрывает логику спонтанного революционного цикла и зна-

---

[1] *Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор, ординарный профессор кафедры теории политики и политического анализа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ординарный профессор НИУ «ВШЭ».*

[2] Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ проекта 17-01-0048) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017-2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

чение важнейших ее фаз, но вовсе не предполагает фатальности развития событий. Объяснение русской революции с этих позиций предполагает выявление не столько общих закономерностей, сколько отличий от представленной теоретической схемы, в частности, тех, которые можно определить как ошибки когнитивного конструирования реальности, повлекшие результаты, на которые не рассчитывали инициаторы и современники революции[1].

Классическая схема революционных циклов, основанная на опыте европейских революций XVIII-XIX вв., предполагала универсальность их развития и более или менее правильную смену ключевых фаз. Этот подход доминировал в трудах тех западных ученых, которые были наиболее популярны в России – Гизо, Тьера, Токвиля, Сореля и, особенно, А. Олара[2]. В русской литературе о европейских революциях, в трудах А.Д. Градовского, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, Э.Д. Гримма и др.[3], доминировало представление о демократическом социальном содержании революций Нового времени и неизбежности их завершения переходом к гражданскому обществу и правовому государству, революционный террор воспринимался как искривление магистральной линии, а реставрационная фаза как временное отступление от этого идеала. Данная траектория четко представлена в названии труда Ковалевского – «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму»[4].

Главная проблема усматривалась в своевременном ограничении деструктивных тенденций – недопущении или минимизации радикальной (якобинской) фазы, способной отодвинуть эту цель во времени, но не отменить ее. Срыв революции к террору интерпретировался как крушение ее проекта в Европе и причина установления диктатуры – деформация, ведущая к Термидору и Реставрации, которых в принципе следовало избежать в русской револю-

---

[1] Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.-СПб., 2017.

[2] Олар А. Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789-1804). М., 1902.

[3] Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. М., 1895. Т. 1-2; Гримм Э.Д. Революция 1848 года во Франции. СПб., 1908. Ч. 1-2; Кареев Н.И. Великая французская революция. М., 1918; Он же: Отчего кончилась неудачей европейская революция 1848 г.? Пг., 1917.

[4] Ковалевский М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. СПб., 1906. Т. 1-3.

ции[1]. Для русских последователей Маркса, Каутского, Жореса[2] и других социалистических историков французской революции[3] конструкция циклов революционного процесса в целом была сходной, но включала приоритетное внимание к радикальной якобинской фазе, в которой усматривалась не столько девиация, сколько норма всякой радикальной демократической трансформации.

Однако прогнозы о последовательности и закономерности смены фаз революции, делавшиеся в ходе русской революции, оказались несостоятельны: a) крушение Старого порядка (Самодержавия) стало результатом сочетания внутренних и внешних факторов (Первая мировая война) и в) оказалось неожиданностью для всех политических партий; c) установление демократического строя изначально столкнулось с волной традиционализма (т.н. «двоевластие» Временного правительства и Советов); d) победа умеренных сил была кратковременной и во многом эфемерной, отнюдь не соответствуя образцам европейских «буржуазных революций» (срыв Учредительного собрания); e) напротив, господство революционного экстремизма (несмотря на различие его этапов) оказалось гораздо более продолжительно, f) бонапартистская альтернатива – не реализовалась; j) а фаза Реставрации (в ее классическом понимании как возвращения монархии) – так и не наступила.

Таким образом, доминировавшая концепция (в основе которой лежало обобщение Французской и других классических революций) стала основой объяснения русской революции, определив позицию либеральных партий на критически важных поворотных точках ее развития. Вопрос о том, может ли русская революция завершиться иначе, чем европейские революции, практически не рассматривался. Но именно он стал центральным для XX в., когда выяснилась невозможность создания единой схемы революции.

Неустойчивое равновесие: вариативность моделей революции и путей выхода из них

Социология революции поставила под сомнение, во-первых, универсальную значимость этого понятия с точки зрения ценностей

[1] Кареев Н.И. Историки французской революции. Л., 1924.
[2] Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. 1-6.М., 1977-1983.
[3] Кунов Г. Борьба классов и партий в Великой французской революции 1789-1794 гг. М.-Пг., 1923.

и средств их достижения; во-вторых, правильность смены фаз революционного цикла и возможность их корректировки; в-третьих, безальтернативность общего конечного результата[1]. С этих позиций переосмыслен опыт Французской революции и характер влияния ее мифа на революции XX в. – Русскую, Мексиканскую, Китайскую, Иранскую и революции в развивающихся странах новейшего времени, а также общий вклад либерализма в корректировку политической системы.

Революции, как стало ясно в XX в., не обязательно имеют целью создание правового демократического общества, но могут вести к его разрушению (что показала русская революция); поднять массы на разрушение существующего строя оказалось возможным не только под классовыми лозунгами социального протеста, но также под лозунгами национализма, этнической или конфессиональной идентичности, суверенитета и обретения независимости (так называемые колониальные революции); революции могут осуществляться не рациональными, а вполне традиционалистскими силами (как, напр., исламские революции); политическим содержанием революций могут стать не обязательно уравнительно-распределительные принципы всеобщего равенства, но противоположные им принципы (как показывают антикоммунистические революции 90-х гг. XX в. в Восточной Европе, направленные на восстановление «капитализма» и индивидуализма); движение революционного процесса не обязательно идет от столичного центра к периферии (как было во Франции и России), но может, напротив, развиваться на периферии (как это было в китайской и мексиканской революциях) с последующим движением к городам и столичным центрам; движущие силы этих революций вовсе не обязательно представлены «рабочим классом», но могут включать самые различные элементы – от маргинализированного крестьянства (в так называемых «аграрных» революциях) до солдат и студентов.

---

[1] Brinton C. The Anatomy of Revolution. N.-Y., 1952; Furet F. Penser la Révolution Française. Paris, 1978; Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Making of Modern World. Boston, 1967; Scocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1980; Tilly Ch. European Revolutions. 1492-1992. Oxford-Cambridge, 1993; Kimmel M.S. Revolution. A Sociological Interpretation. L., 1990; Krejci J. Great Revolutions Compared. The Outline of a Theory. London, 1994.

Динамика революций также различна: революционный переворот может быть единовременным или растянутым во времени, а формы его проведения могут включать как кровавые насильственные методы подавления оппонентов, так и вполне бескровные и мирные акции социального давления на власть (в виде различных «цветных революций» новейшего времени); руководство революционными изменениями могут брать на себя не партии, но лидеры национальных движений, профсоюзов, духовенства, армии; общим результатом революций может стать не гражданское равенство и утверждение принципа правового равенства, но напротив – создание новых, более жестких форм господства (фашистские движения); наконец, следствием революций может стать не правовое конституционное государство, а распад государства или различные варианты авторитаризма (от тоталитарных до традиционалистских патерналистских режимов в развивающихся странах). Еще большее количество вариантов возникает с учетом глобальной ситуации – влияния на революционные процессы доминирующих идеологий (или их комбинаций), ведущих держав и уровня средств коммуникаций и подавления.

Этот исторический опыт XX в. не мог быть учтен современниками русской революции, его предстояло осмыслить только в дальнейшем. На исходе XX в. это привело к отказу от принятия единой теории революции и приоритетному вниманию к социологическому и сравнительному конструированию многофакторных моделей революционных процессов. Особое место в них занимает вопрос о роли либеральной интеллигенции и условиях поддержания ее доминирования в революционном процессе. Ключевое значение в когнитивном повороте начала революции справедливо отводится либеральной интеллигенции как создателю новой картины мира, носителю революционной идеологии и одновременно инструменту ее реализации. Однако разворачивание спонтанного революционного процесса (в русской революции) выражается в создании утопического революционного мифа (коммунистический миф о всеобщем равенстве), отказе масс от правовых форм преобразований, апелляции к насилию (террору) как способу социального переустройства, утверждению программы левых («социалистических») партий, а затем – экстремистских политических сил (большевизма). Революция, в случае спонтанного развития, оказывается гибельной для

самой интеллигенции, утрачивающей когнитивное доминирование и способность управлять социальным конфликтом.

В этом контексте правомерен вопрос о вариативности революционного процесса вообще и российского, в частности, ретроспективный анализ причин, по которым русский либерализм, инициировавший свержение самодержавия, не смог удержать ситуацию под контролем, уступив позиции левому экстремизму, в течение почти столетия безуспешно и с огромными социальными затратами пытавшемуся реализовать утопический коммунистический проект. Эти причины могут быть разделены на теоретические (стратегии либерализма в революции); доктринально-правовые (концепция легитимности и законности власти и ее институтов) и тактические (технологии власти и политической борьбы).

Теоретические основы либерально-реформистской стратегии: концепция правовой трансформации авторитарного режима

Реформистская позиция (представленная октябристами, другими умеренными партиями, правыми конституционными демократами) в принципе опиралась на традиционную (академическую) трактовку исторического генезиса российской государственности, но включала три существенных особенности: во-первых, она отказывалась видеть в ней «самобытное» явление, рассматривая самодержавие как аналог европейского абсолютизма (более ранних периодов истории); во-вторых, считала эту модель утратившей эффективность в новейшее время; в-третьих, настаивала на необходимости корректировки политической системы правовым путем.

Политическая система, возникшая в 1905 г., получила поддержку партии «Союз 17 октября» именно потому, что позволяла совместить исторически легитимную монархическую власть с ее конституционными ограничениями. Было признано, что «монархия стала ограниченной», а сохранившееся в основном законодательстве понятие «самодержавие», напротив, не означает «неограниченности» этой власти. Фактически констатировалось принятие октроированной конституции – «государь по своей собственной воле ограничил свою власть». Октябристы (ядро которых составляли умеренно-либеральные представители общеземских съездов) позиционировали себя как «искренние монархисты по убеждению», видевшие в

конституционной монархии «противодействие идее деспотизма олигархии или массы»[1]. С этих позиций «Союз» интерпретировал революцию как социальную катастрофу – «Смуту» (по аналогии с событиями начала XVII в.), отвергал «всякий насильственный путь для достижения свободы» и особенно «отвратительные кровопролития», объявлял себя партией центра, которая заняла «среднюю позицию между всеми русскими политическими партиями», отстаивал необходимость широкой демократической коалиции, выступающей против двух крайних течений – угрозы революции и реакционного возврата к абсолютизму.

Сходная программа выдвигалась рядом других консервативно-либеральных политических объединений, установки которых представлены в их обозначении – «Партия демократических реформ», «Партия правового порядка», «Прогрессивно-экономическая партия», «Всероссийский торгово-промышленный союз», «Демократический союз конституционалистов» и «Союз мирного обновления». Сами названия этих партий, как и содержание их программ, четко показывают их умеренно-реформистский характер. Государственное устройство Российской империи определяется ими в соответствии с Основным законом как наследственная конституционная монархия, принятие законов в которой осуществляется на основе согласия народного представительства и утверждения императора. Эта система, однако, находится на стадии формирования (многие положения закреплены только «на бумаге») и вынуждена отражать как деструктивные революционные тенденции, так и консервативно- реставрационные тенденции к бюрократическому склерозу. Поскольку массовое сознание не готово к принятию ценностей правового государства, велика опасность его срыва.

Главная задача переходного периода в России – не допустить раскачивания того маятника конфронтации крайних сил, который действовал в ходе Английской и Французской революций, запуская весь цикл от свержения монархии до ее реставрации. «Партия демократических реформ» выступала «и против владычества невежественной черни, и против ее исчадия – народного цезаризма», отстаивала концепцию «свободы в праве и равенства в свободе», что «мыслимо только при широком просвещении народных масс вместе

[1] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905-1915 гг. Т. 1. М., 1996. С. 48-50, 152.

с образованием, и тесно связанным с ним сознанием своих прав и обязанностей». Основной формулой политического процесса должно стать «видоизменение и развитие существующего»[1]. Поэтому преобразования должны иметь эволюционный характер: не Учредительное собрание, а расширение избирательных прав; не автономизация, а создание «верхней палаты, которая сделалась бы представительницей земских и городских миров»; не радикальное изменение формы правления, а введение «ответственного правительства» и широкое развитие местного самоуправления; не земельный передел, а строительство гражданского общества – защита личных прав, «равноправие полов, национальностей и вероисповеданий»; не революционная агитация, а распространение просвещения.

Сходным образом «Партия мирного обновления» искала идентичность в отмежевании «как от крайне левых партий, считающих возможным изменить общественный строй путем насильственного осуществления отвлеченных теорий, так и от тех правых элементов, которые удовлетворяются лишь частичными улучшениями»[2]. Позиционируя себя как партию «конституционного центра», которая «призвана объединить все истинно-конституционные элементы для борьбы с усилившейся реакцией», она выдвигала программу осуществления «классового мира» – достижения консенсуса для «обновления государственного строя на конституционных началах», проведения земельных преобразований, судебных и административных реформ «во имя ценности человеческой личности», последовательное осуществление принципов конституционной монархии для преодоления режима «личной власти». Это означало осуждение спонтанных форм аграрного протеста («безумная пугачевщина»), революционного терроризма («политических убийств») и произвола власти (требования отмены смертной казни).

Наконец, «Партия промышленников и предпринимателей» внесла в эту общую программу существенный прагматический компонент – обеспечение национальной, религиозной и государственной идентичности в традиционных формах, т.е. защиту фундаментального принципа частной собственности от покушений коммуни-

---

[1] Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы 1906-1916 гг. М., 2002. С. 40.
[2] Там же. С. 63-64.

стов, отстаивание «всеобщего равенства граждан путем уничтожения всех сословных привилегий»; переход от общинного владения землей к личному; выстраивание стабильных институтов рыночной экономики. «Кровавое зарево революционного пожара», развернувшегося в результате популизма левых партий, разрушение экономики в результате социальной анархии (экспроприаций и забастовок), паралич административно-судебной системы – должны быть преодолены конструктивными силами общества на основе ценностей общественной солидарности, завещанных Петром Великим – «свобода, знание и труд»[1].

Эти установки, аккумулированные в программе «Союза 17 октября», исключали коалицию с партиями, не разделявшими центристские позиции – не признававшими конституционно-монархического строя, единства и неделимости России (при равноправии всех национальностей), не стремящимися к осуществлению свобод, данных Манифестом 17 октября или требующими созыва Учредительного собрания[2]. Именно поэтому октябристы отказались от сотрудничества с другой либеральной партией – кадетами («монархистами из тактических соображений»), победа которых воспринималась как угроза единству страны (допущение автономии) и политической системе.

Парадигма конституционной революции как либеральная альтернатива проекту социальной революции

Конституционные демократы, образовавшие партию народной свободы, оценивали политическую систему скорее как протоконституционную. Понимая незавершенность конституционных гарантий в «Основных законах» 1906 г., они, тем не менее, программно подчеркивали ограниченный характер монархической власти после Манифеста 17 октября 1905 г.: «Слава Богу, у нас есть конституция» и «Дума есть вид парламента», «русская оппозиция становится оппозицией Его Величества»[3]. В оценках политической системы прослеживается существенная дифференциация между правыми и

---

[1] Партии российских промышленников и предпринимателей. Документы и материалы 1905-1906 гг. М., 2004. С. 27, 44-48, 114, 175.

[2] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905-1915 гг. Т. 1. С. 147.

[3] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 2 (1908-1914 гг.). М., 2000. С. 83, 175.

левыми кадетами – от признания ее состоявшейся конституционной монархией до тезиса об имитационном характере уступок монархии. Это различие позиций нарастало по мере разворачивания революционного кризиса. Критическая позиция выражалась в оценке Думской монархии как «лжеконституционализма» или «мнимого конституционализма». Кадеты пришли к выводу, что в стране «восстановлен старый абсолютный строй», а это предполагает дальнейшую «необходимость борьбы за упрочение Конституции»[1]. Политическую трансформацию (аграрные преобразования, изменения избирательной системы, ответственное правительство, реформа Государственного совета) предполагалось осуществить путем конституционно-правовых реформ, либо путем созыва Учредительного собрания. Данная позиция определяла смену приоритетов – переход от самодержавия к конституционной монархии, а затем парламентской республике. В целом «между борющимися силами реакции и революции демократический конституционализм выставил принцип легальной конституционной борьбы»[2].

Революционный кризис определялся кадетами как социальное возбуждение – «психология масс, легко возбудимых, фатальных». Управлять им – значит следовать за массовым сознанием, что неприемлемо. «Идти с массами и овладеть ими – превосходный рецепт, когда он осуществим; но если идти к массам – значит отдаться их бурлящему потоку, то на это нельзя согласиться. Трудно ценить активность, которая выражается в плавании по равнодействующей разных течений»[3]. Это значит, что революция должна быть остановлена в определенной точке, а социальное недовольство – использовано против правительства исключительно для обеспечения конституционных преобразований. В условиях революционного кризиса важно не допустить спонтанного развития процесса, т.е. запуска революционного цикла по образцу Французской революции. «Что дал бы стихийных ход революции? – спрашивал П.Н. Милюков. – Как полагается по классической теории всех революций, этот ход привел бы прежде всего к замене смешанного правительства чисто социалистическим, правительством большинства Советов, а

---

[1] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 2 (1912-1914 гг.). М., 1997. С. 41-45.

[2] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 242.

[3] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 2 (1912-1914 гг.). С. 103.

в дальнейшем он мог бы привести к замене умеренного социалистического правительства крайними социалистическими представителями ленинского типа. Дальше анархия, террор, военный переворот и военная диктатура. Но, по счастью, можно сказать, классические образцы революции – не для России»[1].

Общая стратегия состояла в ожидании (и провоцировании) не социальной, но политической (конституционной) революции – такого обострения революционного кризиса, которое вынудит монархический режим пойти на радикальные уступки либеральной оппозиции под угрозой свержения, – не больше и не меньше. Эта ситуация неустойчивого равновесия должна быть использована для утверждения полноценного правового конституционного строя. Данная позиция определила различное отношение центристов и левых либералов к правительству, революционному движению и террору. Россия при попустительстве кадетов, считали октябристы, «быстрыми шагами идет к повторению французской революции», поскольку левое большинство (кадеты) стремится «обратить Думу в Учредительное собрание, диктующее свою волю монарху»[2]. Роспуск Думы 3 июня 1906 г. был квалифицирован обеими партиями как «переворот», однако октябристы оценили его как «акт государственной необходимости», в то время как кадеты – как сигнал к кампании гражданского неповиновения власти (Выборгское воззвание).

Ключевым фактором в расхождении позиций стало различное отношение к революционному террору. Октябристы выступали за его жесткое подавление, отстаивали «необходимость скорого и строгого суда для твердой борьбы с анархией», и повторяли, вслед за П.А. Столыпиным, что на акты революционного насилия правительство должно отвечать «энергичным подавлением» – юридически обоснованным и соразмерным применением карательных мер. Кадеты, в принципе отрицательно относившиеся к террору, не пошли, однако, на его однозначное осуждение. Даже правые кадеты (как «любимец октябристов» В.А. Маклаков) связывали эту акцию с устранением репрессий и произвола, левые – вообще отказались от осуждения террора. В свете современного исторического опыта

---

[1] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915-1917 гг.). М., 2000. С. 692.

[2] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК 1905-1915 гг. Т. 1. С. 244-245, 292.

– это была принципиальная стратегическая ошибка (впоследствии неоднократна признававшаяся всеми, прежде всего, Маклаковым).

Обеспечение легитимности политической системы в новых условиях социального развития предполагает, по мнению либеральных партий, удовлетворение социальных запросов основных групп общества, необходимость уступок консервативной власти при одновременном общественном давлении на нее. Смыслом всего процесса трансформации должен стать переход к гражданскому обществу и правовому государству, а формой – конституционная (дуалистическая) монархия или (позднее) парламентский режим правления (в монархической или республиканской форме). В самом крайнем проявлении это была программа конституционной (но не социальной) революции.

Почему либералы оказались неспособны определить время наступления революции?

Возможность предвидения революции оказалась крайне ограниченной. Принципиален вывод: ни одна из политических партий России не оказалась способна прогнозировать точные сроки наступления революции. Ретроспективные оценки Февральской революции не опровергают этого общего вывода, независимо от того, считают ли ее результатом спонтанного социального взрыва или следствием готовящегося переворота[1].

Радикальные партии оказались застигнуты революцией врасплох. Характерно признание эсеров: «Революция ударила как гром с неба и застала врасплох не только правительство, Думу и существовавшие общественные организации. Будем откровенны – она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров, работающих на нее долгие годы и ждавших ее всегда». Вообще «никто не предчувствовал в этом движении веяния грядущей революции»[2]. Бунд честно признавал: «Мы не можем предсказать момент наступления революции», а потому «нельзя приспособить организационные формы к революционному моменту»[3]. Известно признание В.И. Ленина, сделанное в Швейцарии, о невоз-

[1] Катков Г. Февральская революция. М., 2006.
[2] Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1 (Февраль-Октябрь 1917 г.). М., 2000. С. 24.
[3] Бунд. Документы и материалы. 1894-1921. М., 2010. С. 418.

можности революции в России в краткосрочной перспективе. Он даже не рассчитывал дожить до революции, но полагал, что это удастся молодому поколению[1]. Данная позиция связана в первую очередь с инструментальным характером интерпретации революции, предполагавшим (при наличии общей абстрактной теории) отношение к ней как к «искусству» (концепция «революционной ситуации» и выхода из нее), а на практике – подготовке государственного переворота путем использования новых технологий захвата и удержания власти.

Значительно интереснее вопрос, почему либералы оказались не способны предвидеть революцию, несмотря на серьезную социологическую основу их теоретических построений? Если правые партии вообще не ставили этот вопрос, то либералы так и не смогли дать определенный ответ на него. Конституционные демократы, как показывают их дебаты в канун революции, в большинстве считали революцию маловероятной или невозможной в краткосрочной перспективе. В ЦК кадетской партии в 1914 г. активно дебатировался вопрос – «будет ли революция?» Ответы на него были даны ведущими мыслителями и практиками того времени. Одни констатировали, что категоричного ответа дать нельзя, хотя не исключен и положительный ответ (Н.В. Некрасов); другие считали, что «никаких данных для приближения революции нет» – «не чувствуется ни достаточной активности, ни смелости» (В.И. Вернадский) и «не видели в стране элементов революции», полагая, что «вообще реставрация гораздо вероятнее, чем революция» (Ф.И. Родичев), третьи думали, что в стране царит «бессмысленно-революционное настроение» (А.И. Шингарев) и поэтому вместо революции «не исключена возможность всяких pronunciamento» (Д.И. Шаховский). Единственным представителем партии, сделавшим четкий прогноз о скорой революции, была женщина – А.В. Тыркова (ее, впрочем, называли единственным мужчиной в кадетском ЦК). Однако, суммируя дискуссию, лидер партии Милюков заявил, что «не ждет революции»[2]. В 1916 г. кадеты констатировали: «Для революции даже

[1] Ленин В.И. ПСС. Т. 30. С. 328.
[2] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 260-261, 268, 270-275.

лозунгов у нас нет, нет и программы, – вообще это не наш метод борьбы» (А.А. Корнилов)[1].

Очевидно, что либералы не нашли решения проблемы по принципиальной причине – они считали, что в ситуации неустойчивого равновесия четкий прогноз наступления революции сам является фактором, способным спровоцировать ее (случай «самореализующегося прогноза»). Возможно, это – интуитивное осознание того факта, что в случае социальной революции они не смогут удержать ее в границах правового поля, а, следовательно, выступить стабилизирующим фактором. Однако, не заметить проблему – не значит решить ее. Осознание этой позиции как ошибочной представлено ретроспективными оценками: кадеты признали, что недооценили опасность – были «Гамлетами русской революции». «Русская интеллигенция, – резюмировал А.С. Изгоев, – понесла свою кару за нежелание и неумение организовать постепенный переход от абсолютизма к правовому строю. Камень скатился обратно к подножию горы. Интеллигенции, как Сизифу, надо снова вкатывать его наверх»[2].

Это подтверждает вывод о спонтанности революционного взрыва, мотивированного неустойчивым состоянием массовой психики, неготовность основных политических партий и их лидеров рационально управлять им, показывает ограниченную объясняющую силу всех «теорий» революции, фигурировавших в русской политической мысли. Но, одновременно, позволяет поставить гипотетический вопрос: если бы либералы своевременно установили факт наступления революции (или, как считают некоторые, даже тайно готовили ее в виде свержения самодержавия), смогли бы они удержать контроль над ситуацией и если да, то как могла бы выглядеть их стратегия и тактика?

Доктринально-правовые параметры либеральной стратегии: легитимность и законность революционного правительства

Основой доктринальных взглядов деятелей либерального движения была общая теория демократии (обязанная Просвещению, Французской революции и интерпретации ее результатов мыслите-

---

[1] Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 3 (1915-1920 гг.). М., 1998. С. 297.

[2] Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917-1932) // Труды по россиеведению. М., 2009. С. 359.

лями XVIII-XIX вв.), связывавшая ее наступление с введением всеобщего избирательного права, утверждением парламентаризма и реализацией концепции политической власти, основанной на жестком разделении властей. Каждый из элементов этой конструкции вступал в определенное противоречие друг с другом и, что важнее, радикально расходился с российской реальностью периода Первой мировой войны, крушения самодержавия и угрозы фактического распада государства. Введение всеобщих демократических выборов в Учредительное собрание (действительно, самых демократических в мире) сталкивалось с вызовом радикального социального и национального популизма, преодолеть который (тем более в условиях войны) было невозможно конституционными средствами; решение так называемого «национального вопроса» путем обеспечения особого статуса национальных регионов или «прав национальных меньшинств» (в условиях отсутствия гражданской нации) противоречило принципу формального равенства индивидов – гарантий прав человека (как основы правового государства); попытка введения парламентаризма (в его классических западноевропейских формах республики или парламентарной монархии) была нереализуема в ситуации конвульсивного перехода от традиционного (фактически, сословного) общества к массовому и раскола политических партий по всем вопросам социальных и национальных преобразований, внутренней и внешней политики; наконец, принятие доктрины разделения властей в ее жесткой трактовке – подрывало единство революционно-демократического правительства, ведя, в конечном счете, к недееспособности исполнительной власти. Наиболее четким выражением этих противоречий стало чрезвычайно спорное решение вопроса о легитимности Временного правительства и обоснования его права на власть.

Прежде всего, конфликт легитимности и законности, неизбежно возникающий в ходе каждой радикальной революции, не был успешно преодолен Временным правительством. Новая власть оказалась неспособна решить вопрос о своей юридической преемственности по отношению к старой, хотя имела для этого возможности. Она предпочла революционную легитимность формальной законности, отвергнув (в результате цепной реакции отказов от власти) все возможные способы обеспечения преемственности. В результате, установление Временного правительства с формально-

юридической точки зрения представляло собой конституционный переворот, поскольку новые юридические нормы создавались без учета положений, зафиксированных в действующем праве. Не была осуществлена и последующая легитимация новой революционной власти – путем скорейшего создания конституирующей власти (Учредительного собрания) или ее аналогов (в виде созыва Национального собрания).

Далее, не получил быстрого преодоления драматический разрыв конституирующей власти (Учредительного собрания) и конституционной (Временного правительства), которая неизбежно приобретала поэтому временный, неустойчивый и нелегитимный характер. При определении соотношения конституирующей и конституционной власти была выбрана неправильная модель конституционного устройства (отдающая всю полноту власти законодателям в будущем, в ущерб исполнительной власти в настоящем). Был упущен «конституционный момент» (новую конституцию нужно было принять в ходе или сразу после Февральской революции); не было готового конституционного проекта, который можно было предложить стране немедленно (такой проект, в случае его утверждения, дал бы немедленный перевес правительству); вместо этого технология разработки проекта была принята в виде его коллективного обсуждения в открытом порядке, что вело к неоправданному популизму; неправильно было вынесение на публичное обсуждение вопросов будущего конституционного устройства без возможности практической реализации права на это – при неразработанности избирательного законодательства и трудности его реализации в условиях войны (конфиденциальность обсуждения играла существенную роль при разработке наиболее успешных конституций).

Принятая концепция Учредительного собрания (взятая из опыта Конституанты Третьей Французской республики, где она также не обеспечила стабильности политической системы) оказалась главным деструктивным фактором всего демократического переходного процесса: она заблокировала созыв Государственной Думы как единственного легитимного носителя власти, не дала возможности своевременно принять демократическую конституцию (пусть переходную и инструментальную, но дающую власти легитимность), добиться консолидации умеренных политических сил, преодолеть двоевластие, обеспечить легитимацию новой власти на основе

временной конституции, а также сформировать эффективную и постоянную (а не временную) исполнительную власть, которая была необходима в условиях войны и революционного кризиса. Более того, не было ничего сделано для преодоления вакуума исполнительной власти переходного периода, напротив была сознательно парализована деятельность старого аппарата исполнительной власти до того, как создан новый (известный принцип «непредрешенчества» – признания революционного правительства «временным» и делегирование всех принципиальных вопросов «суверену» – Учредительному собранию).

Следствием избранной ошибочной стратегии демократического переходного периода стали следующие упущенные возможности: 1) утрата политической инициативы в силу господства иллюзорного представления о возможности единства подходов всех политических партий к решению проблемы переходного периода на основе идеи Учредительного собрания. 2) Отказ от немедленного созыва Государственной Думы и превращения ее в Национальное Собрание сразу после акта отречения царя и возможности принять временную конституцию на пике революционных ожиданий. 3) Не были эффективно использованы институты и процедуры договорных механизмов, способные обеспечить коалицию основных политических партий путем взаимных тактических компромиссов с целью отстранения экстремистов и создания работоспособного переходного правительства. Эта возможность была теоретически намечена в таких институтах как Государственное совещание, Демократическое совещание; Предпарламент (Совет Республики) или даже Директория и подтверждается более успешным опытом других демократических переходов в мире. 4) Невозможность преодоления двоевластия конституционным путем уже в момент его формирования (вынуждавшая Временное правительство согласовывать все акции с Советами). 5) Пролонгирование ситуации неопределенности на длительный срок, что вело к эрозии легитимности демократической власти и делало ее легкой добычей экстремистских сил.

Реальный выбор постфевральской России состоял, следовательно, не в артикулированной дилемме – Самодержавие или парламентская республика (в одной из предложенных модификаций), а в избрании оптимальной формулы авторитарного режима – должна это быть диктатура революционного экстремизма (якобинского ти-

па) или контрреволюционная военная диктатура (бонапартистского типа), способная остановить спонтанное развитие революционного цикла. Однозначное принятие этого вывода было сделано политиками обоих направлений – радикалами (Ленин) и либералами (П.И. Новгородцев, Милюков), однако последние сделали его слишком поздно, а главное – в ситуации, когда они уже не имели рычагов власти (ретроспективное признание этого факта стало общим местом эмигрантской публицистики).

Тактические ошибки либерализма: технологии захвата и удержания власти

Принципиальной тактической ошибкой Временного правительства и вообще либеральной политической мысли периода между Февральской революцией и Октябрьским переворотом 1917 г. стало представление об угрозах демократическому правительству. Исходя из опыта классических «буржуазных» революций в Европе XVIII-XIX вв., основная опасность демократическому строю усматривалась справа (угроза контрреволюционной диктатуры и последующей реставрации монархии), а не слева (опасность установления диктатуры якобинского типа воспринималась как менее значимая, маргинальная). Культивировавшаяся кадетами ранее формула об отсутствии у них «врагов слева» – оказалась когнитивной ловушкой Временного правительства в условиях эйфории Февральской революции. Слово «тоталитаризм» еще не прозвучало, а описываемый им феномен не мог быть предметом четкого осмысления в рассматриваемый период. Собственно концепция тоталитаризма стала результатом этого осмысления коммунистической революции и фашизма в последующее время.

В этом контексте решение проблемы двоевластия (в реальности – плюрализации центров власти и принятия решений) отнюдь не представляется столь фатальным. В историографии укоренился ряд предрассудков по этой проблеме: один из них связан с господствовавшей до настоящего времени «классовой» теорией двоевластия (как баланса сил); другой – с представлением об исторической уникальности феномена двоевластия, якобы присущего исключительно российскому социуму; третий – с одномерной интерпретацией функции советов в революции; четвертый – сознательным или бессознательным отрицанием альтернативных моделей развития

событий и возможностей моделирования (на сравнительном материале) другого вектора развития; пятый – с представлением о фатальности движения событий русской революции. Отказ от механистической классовой интерпретации данного феномена, позволяет рассматривать его в ряду многих других ситуаций неустойчивого равновесия конституционных и антиконституционных движений новейшего времени, выход из которых определялся способностью политических элит нейтрализовать деструктивные популистские элементы, а в случае необходимости – реализовать принцип государственной монополии на легитимное насилие, т.е. подавить «революцию» силой. Именно негативный опыт русской революции оказался чрезвычайно важным для разрешения сходных ситуаций двоевластия в других странах (где либеральным или центристским партиям удалось преодолеть захват власти самопровозглашенными институтами «непосредственной демократии»).

Эта политика вполне могла быть реализована в отношении советов – суррогатных органов, не способных к управлению, но являвшихся (именно в силу своей архаичности и аморфности) идеальной формой манипулирования темными массами со стороны экстремистских сил. Функция советов в русской революции – оказалась чрезвычайно негативной и выражалась, во-первых, в дестабилизации Временного правительства с самого начала его существования; во-вторых, в противопоставлении Съезда советов – Учредительному собранию (предполагаемый созыв которого ускорил большевистский переворот), в-третьих, свелась к легитимации однопартийной диктатуры (установления партийной диктатуры над советами). Потенциальное двоевластие правовых и антиправовых сил, однако, отнюдь не обязательно переходит в реальное (и юридически оформленное) двоевластие, а это последнее – не влечет автоматической победы экстремизма. История знает примеры того, как подобные конфликты разрешались в пользу конституционной демократии или, в условиях невозможности добиться этого, установления временных авторитарных режимов, способных стабилизировать ситуацию в переходный период.

Временное правительство (опиравшееся на правовую и революционную легитимность, военный патриотизм, поддержку цивилизованной части общества, контроль над армией, административный аппарат и известный престиж лидеров) имело шансы устранить

двоевластие и остановить большевистский переворот, по крайней мере, три раза (в самом начале Февральской революции, в июле и августе 1917 г.). Этот вывод признал, фактически и сам Керенский: он считал, что выступление Корнилова – заговор, направленный против него, но впоследствии осознал, что военный переворот мог спасти страну от более серьезной угрозы большевизма[1]. Не случайно в последних интервью он пришел к выводу: истинной причиной Октябрьского переворота был он, Керенский. Этой позиции придерживались и лидеры антибольшевистского движения – Деникин и Врангель[2]. Как отмечал Брюс Локкарт, из всех ошибок Временного правительства самой ценной для Ленина было выступление Корнилова и его провал: «Поражение Корнилова 12 сентября открыло широкую дорогу для успеха революции 7 ноября»[3].

В условиях конституционной неопределенности решающим фактором определения вектора политической системы становились технологии государственных переворотов. Содержание новой технологии государственных переворотов, разработанной большевиками (Л.Д. Троцким), сводилось к превращению так называемых «стихийных» революций в «научно» организованные, т.е. осуществлению массовой мобилизации деструктивных антидемократических сил, захвату стратегических коммуникаций вместо штурма непосредственных институтов власти; легитимация переворота путем использования квазипредставительных институтов «народной демократии» (советов) как альтернативы «буржуазному парламентаризму» с тем, чтобы потом полностью выхолостить содержание самой «советской демократии», превратив ее в бутафорию, прикрывавшую реальность однопартийной диктатуры[4]. Важной чертой данной технологии стала возможность применения, независимо от идеологического содержания движений, что сделало ее востребованной организаторами различных антипарламентских переворотов XX в.

---

[1] Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918; Kerensky A.F. Russia and the History's Turning Point. N-Y., 1965.

[2] Воспоминания генерала барона П.Н.Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969.

[3] Bruce Lockhart R.H. The Two Revolutions. An Eye-Witness Study of Russia, 1917. London, 1957.

[4] Обобщение этих технологий: Malaparte C. Technique du Coup d'Etat. Paris, Bernard Grasset, 1966 (1992).

Значение проблемы для современности

Общая типология революций позволяет разделить их на две большие группы – те, которые завершились демократической консолидацией общества, и те, которые оказались неспособны решить эту задачу в ходе революционного цикла. Российская революция принадлежит ко второй категории: осуществив в XX в. социальный переворот и радикальную насильственную модернизацию страны, революционный режим не решил проблемы создания устойчивой демократической системы политической власти. Проиграв русскую революцию 1917 г. силам левого популизма и экстремизма, либеральная программа преобразований не утратила своего значения в последующий период. Незавершенность Февральской революции не уменьшает ее исторического значения: провозглашенная ею программа либеральных реформ начала реализовываться в постсоветский период.

В рамках данного подхода конституционная трансформация постсоветского периода выступает как завершающая фаза русской революции, а современный российский политический режим ограниченного плюрализма – как исторически реализованная концепция реконструкции (своеобразный российский вариант Реставрации). Перестройка (1985-1990 гг.), вопреки определениям ее как новой революции или радикальной реформы, представляла собой скорее известный светский аналог религиозной реформации, поставивший под сомнение ценности и легитимирующую основу однопартийной диктатуры. Распад СССР в 1991 г. воспроизводит всю логику создания этого государства, только в обратном порядке: отказ от партийного абсолютизма поставил вопрос о переходе от номинального к реальному конституционализму, но эта попытка завершилась распадом страны по национальному признаку (в силу признания принципа сецессии республик советскими конституциями). Описав полный круг, советский эксперимент вернул страну к начальной точке – ситуации распада Российской империи в 1917 г.

Конституционная революция (переворот 1993 г.) – выступает завершающим актом этой исторической драмы: неконституционными методами вводилась конституционная система, новая либеральная легитимность восторжествовала над старой советской законностью. Опыт крушения Февральской демократической системы 1917 г., несомненно, оказал влияние на разрешение конституцион-

ного кризиса конца XX в. Принятие либеральной конституции 1993 г. в результате конституционного переворота показало, в частности, как можно преодолеть двоевластие в пользу демократических сил – разрешить конфликт с помощью вооруженных сил. Конституция 1993 г. приняла формулу Учредительного собрания, определив Россию как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», однако воспроизводила исторически детерминированное противоречие между широкими гарантиями либеральных прав и свобод и сверхцентрализованной конструкцией политической власти, представив главу государства гарантом демократического перехода – наделив президента огромными (почти монархическими) полномочиями и практически неограниченным правом по изданию указов с силой закона. Тем самым реконструируется историческая преемственность имперской, революционной и республиканской формул: завершением эволюции легитимирующей формулы стало имперское президентство, определяемое как «демократический цезаризм», «латентная монархия» или «медиабонапартизм». Окончание переходного периода и стабилизация системы вновь делает актуальным общественный выбор – переход к полноценному конституционализму и его институтам или воспроизводство авторитарной системы мнимого конституционализма.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы завершить процесс политических реформ в направлении демократизации – окончательно решить проблемы, которые были поставлены, но не решены в период Февральской революции 1917 г. Этим объясняется научная значимость представленных в либеральной мысли рекомендаций в отношении направлений и методов постреволюционной стабилизации, которые оказались актуальны с крушением коммунистической диктатуры. Выявляя те социальные параметры, по которым возможны сбои демократических реформ, очень важно противопоставлять им разработанную программу конституционных преобразований, стратегию и технологию разрешения конфликтов, обеспечить устойчивость и предсказуемость политического процесса.

В.В. Шелохаев[1]

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Учитывая наработки новейшей отечественной историографии[2], в данном докладе сосредоточу внимание на тех коррективах, которые были внесены кадетскими теоретиками в наиболее важные разделы своей программы после Февральской революции 1917 г. Напомню, что пересмотр политическими партиями своих программных документов является вполне нормальным явлением. А диапазон этих изменений зависит от динамично меняющейся реальности и конкретного соотношения политических и социальных сил в данный конкретный момент. В этом смысле теоретики нового либерализма не были исключением из общего правила, характеризующего «зигзаги» политического поведения практически всех общероссийских и национальных партий.

Новая политическая реальность, возникшая в России после победы Февральской революции, настоятельно требовала от либеральных теоретиков и политиков оперативного реагирования на новые вызовы, внесения соответствующих корректив в разделы своей партийной программы

Прежде всего, вновь возник вопрос о пересмотре политического раздела программы о типе государственного устройства послереволюционной России. Напомню, что данный раздел либеральной программы подвергался пересмотру уже не первый раз. Еще при разработке «освобожденческого» варианта конституции в сентябре-октябре 1904 г. в либеральной среде разгорелась жаркая дискуссия о предпочтительности установления либо республиканской, либо конституционно-монархической модели государственного устройства. Если в 1904 г. проблема рассматривалась исключительно в

---

[1] *Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX-начале XX в.» Института российской истории РАН.*

[2] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997; Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. СПб., 2017.

теоретической плоскости, то через год, в октябре 1905 г., она приобрела более конкретные очертания. В результате массовых выступлений авторитарный режим был «загнан в угол» и, согласившись на переговоры с оппозицией, просчитывал допустимую для него возможность уступить общественному мнению. В этих условиях либералы заняли выжидательную позицию, стремясь, на всякий случай, избегать каких-либо определенных формулировок программного и тактического характера. Не случайно пункт программы о типе государственного устройства на Учредительном съезде кадетской партии был изложен весьма неопределенно. После подавления вооруженных выступлений политическая ситуация в стране стала меняться. Поэтому на II съезде кадетской партии в январе 1906 г. будущий государственный строй характеризовался уже более определенно, именно как парламентарный и конституционно-монархический.

В свое время «освобожденческие» теоретики, будучи убежденными сторонниками идеи «народоправства», подчеркивали, что вопрос о Конституции в России, а, следовательно, и о типе государственного устройства, должно решить Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего избирательного права. Неудача насильственного свержения самодержавного режима в декабре 1905 г. блокировала возможность созыва Учредительного собрания и, по сути, на длительный период перечеркнула мечту левых «освобожденцев» о введении в России демократического республиканского образа правления. Отстаивая принцип парламентаризма, кадетские теоретики, учитывая политическую реальность, вынуждены были временно снять лозунг созыва всенародно избранного Учредительного собрания и ограничиться введением в раздел политической программы требования парламентарной и конституционной монархии. Февральская революция 1917 г. смела с политической сцены монархический режим, поэтому либералам пришлось вновь возвратиться к обсуждению программного раздела о форме государственного устройства России.

Разъясняя делегатам VII съезда кадетской партии отказ ее руководства от идеи монархизма, один из ее ведущих теоретиков Ф.Ф. Кокошкин рассуждал следующим образом.

Во-первых, обращаясь к предыстории вопроса (т.е. к «освобожденческим» дискуссиям 1902-1904 гг.), Кокошкин признал, что «мо-

нархия конституционная или парламентарная» не была для левых «освобожденцев», а затем и кадетов, «верховным принципом, которому бы мы подчинили всю нашу политическую программу». Монархия, утверждал он, была для нас «не вопросом принципа, а вопросом политической целесообразности». Кокошкин не скрывал, что кадеты, принимая и корректируя свои программные лозунги, всегда руководствовались не принципами, а именно политической целесообразностью. Обращаясь к предыстории вопроса, Кокошкин подчеркнул, что либералы, будучи сторонниками народоправства, рассматривали парламентскую конституционную монархию в качестве переходной ступени, через которую «переход от абсолютизма к народоправству мог бы совершаться наиболее легким образом».

Во-вторых, принимая свою программу в 1905 г., и внеся в нее коррективы в 1906 г., кадеты, продолжал развивать свою мысль Кокошкин, вынуждены были учитывать и такое немаловажное обстоятельство как отношение населения к монархии, с которой оно связывало «свое представление о государстве с личным символом». Поэтому они и не хотели, «насилуя эту потребность, навязать народу свои собственные идеалы». Однако за 12 прошедших лет, по мнению Кокошкина, «государственное самосознание народа изменилось», и «личный символ утратил свой идеал». Монархия сама «подорвала собственные устои и своими собственными руками готовила свою гибель»[1].

Из этих рассуждений логически следовал вывод: в данный момент, т.е. после свержения монархии в 1917 г., в программу партии целесообразно внести требование демократической республики, которое, с одной стороны, позволило бы учесть изменившееся «самосознание народа», а, с другой, – снять противоречия между либералами и социалистами по вопросу о форме государственного устройства. «Монархия, – заявил Кокошкин, – нас разъединяет, а республика соединяет». В новой политической ситуации, сложившейся в стране после Февральской революции, Россия, считал Кокошкин, должна стать демократической парламентарной республикой. «Республика в наших глазах не может не быть самой совершенной формой правления, ибо, – подчеркивал он, – это такая форма правления, при которой наш демократический принцип: господство воли

[1] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 369-370.

народа – осуществляется в самом полном и чистом виде»[1]. Чтобы обеспечить действительное господство демократического принципа, считал Кокошкин, «в республике должно быть проведено разделение власти». В республике законодательная власть должна «целиком принадлежать представительному собранию»[2]. Эти доводы Кокошкина обеспечили единогласное (323 делегата) принятие решения об изменении параграфа 13 программы о государственном устройстве России. В новой ее редакции читаем: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой»[3].

Единогласно была принята и формула Кокошкина: «Законодательная власть должна принадлежать народному представительству. Во главе исполнительной власти должен стоять Президент республики, избираемый на определенный срок народным представительством и управляющий через посредство ответственного перед народным представительством министерства»[4].

Главной заботой либеральных юристов после Февральской революции был поиск оптимального решения вопроса о практической реализации основополагающей идеи разделения властей в общей системе правового государства. Во-первых, речь шла о том, чтобы четко разграничить вопросы правомочности Временного правительства и его законодательные и исполнительные функции. По мнению сторонников «народного суверенитета», источником власти правового государства должна быть воля большинства народа, выраженная Учредительным собранием, избранным на основе всеобщего избирательного права.

На VII съезде кадетской партии был заслушан и обсужден доклад Кокошкина «Об Учредительном собрании», сроки созыва и объем его компетенции, которого весьма волновали все российское общество. «Русский народ, – говорил докладчик, – стоит перед Учредительным Собранием, через которое он свободно выразит свою волю и утвердит свою свободу. Это будет историческое собрание, которое, может быть, на столетие вперед определит путь нашего дальнейшего политического развития»[5]. Напоминая, что Временное правительство дало обещание созвать Учредительное

[1] Там же. С. 373.
[2] Там же. С. 377.
[3] Там же. С. 400.
[4] Там же. С. 400, 492.
[5] Там же. С. 403.

собрание в кратчайший срок, Кокошкин считал, что «все данные говорят в пользу того, что Учредительное Собрание может и должно быть созвано еще во время войны». Если это будет действительно так, то «точное определение срока этого созыва будет зависеть от хода военных действий», ибо «среди серьезных и решающих военных операций провести выборы в армии, стоящей на фронте, будет, конечно, невозможно». Однако «в момент затишья военных операций» выборы в армии могут быть проведены. Кроме того, Кокошкин обратил внимание на ряд процедурных сложностей при подготовке избирательной кампании (выработка избирательного закона, составление списков избирателей, которые будут осуществлять органы местного самоуправления, которые, в свою очередь, также должны быть переизбраны на основе всеобщего избирательного права, период избирательной агитации и подведения итогов выборов). В результате, при самом благоприятном стечении обстоятельств, Учредительное собрание могло быть созвано не ранее конца лета или начала осени 1917 г. «Это мне, – заявил Кокошкин, – представляется самым ранним сроком»[1].

В докладе Кокошкина было определено оптимальное число депутатов Учредительного собрания, которое не должно превышать 800 человек. Кокошкин считал, что выборы депутатов Учредительного собрания должны проходить на основе пропорциональной системы, которая, по его мнению, на данный момент является «наиболее совершенной» и «наиболее справедливой». Разделяя эту точку зрения, ЦК кадетов обращается к местным партийным организациям с просьбой «подвергнуть этот вопрос обсуждению и в скорейшем времени предоставить свои заключения Центральному комитету, который внесет вопрос о системе выборов на следующий съезд для окончательного решения»[2]. VIII съезд партии на своем заседании 12 мая 1917 г. принял предложение ЦК о желательности пропорциональной системы выборов в Учредительное собрание[3].

Говоря о пределах компетенции Учредительного собрания, Кокошкин особо подчеркнул, что, исходя из реального положения дел, эти пределы нельзя ничем ограничить. «Юридически оно будет полновластным, и никто не может ни ограничить его круга ведом-

[1] Там же. С. 407.
[2] Там же. С. 412.
[3] Там же. С. 603.

ства, ни поставить срок, когда оно должно кончить свою деятельность. И то и другое – и свою компетенцию, и срок своей деятельности – Учредительное собрание само определит свой собственной властью»[1]. Вместе с тем, в чисто практическом плане, Учредительное собрание, считал Кокошкин, должно «само ограничить себя»: «Оно должно само очертить круг своих задач и не выступать в пределы тех задач, а также положить срок своей деятельности». Основная задача Учредительного собрания – принятие российской конституции, определение образа правления, а также решение всех важных государственных вопросов, вставших к этому времени на повестку дня.

В своем докладе Кокошкин подробно остановился на вопросе об организации исполнительной власти в период работы Учредительного собрания. «Исполнительная власть, – подчеркивал Кокошкин, – должна быть отделена от законодательной и должна быть отделена от Учредительного Собрания даже временно до установления окончательной конституции». Временная исполнительная власть устанавливается Учредительным собранием на началах парламентаризма. Учредительное собрание должно избрать временного главу исполнительной власти (Президента республики), который будет осуществлять «правительственные функции через министерство, ответственное перед Учредительным собранием». «Таким образом, – отмечал Кокошкин, – исполнительная власть будет, с одной стороны, отделена от Учредительного собрания, но, с другой стороны, будет находиться в зависимости от него. Министерство будет существовать до тех пор, пока будет пользоваться доверием собрания»[2].

В результате единогласного голосования была принята резолюция Кокошкина: «1) Учредительное собрание должно быть созвано в возможно кратчайший срок, но с соблюдением всех гарантий, необходимых для того, чтобы выборы могли правильно выразить народную волю. 2) Так как Учредительное Собрание будет обладать всею полнотой власти, то определение его компетенции и продолжительности его деятельности будет зависеть от него самого. Но нужно признать желательным, чтобы по выполнении своих задач, заключающихся в установлении конституции России и в раз-

[1] Там же. С. 413.
[2] Там же. С. 414-415.

решении тех неотложных государственных вопросов, которые встанут на очередь ко времени созыва Учредительного Собрания, оно возможно скорее уступило место установленному им законодательному порядку. 3) На время деятельности Учредительного Собрания исполнительная власть должна быть организована по принципу ответственного пред Учредительным Собранием министерства»[1]. Вопрос о месте проведения Учредительного собрания съезд оставил открытым.

Отстаивая идею созыва Учредительного собрания в кратчайшие сроки, кадетские юристы считали, что оно должно выработать и принять конституцию, в которой и будет окончательно определена форма государственного устройства (структура исполнительной и законодательной органов власти). Такой «непредрешенческий» подход, безусловно, был рассчитан на политическую консолидацию либеральных сил (среди них продолжал дебатироваться вопрос об однопалатном или двухпалатном представительстве, о мажоритарной и пропорциональной избирательной системе), заинтересованных в мирном переустройстве России. Вместе с тем, идея «непредрешенчества» в определенной степени сглаживала те противоречия, которые имели место между кадетами и социалистическими партиями.

Отстаивая идею «непредрешенчества», кадетские юристы сосредоточились на разработке модели правового государства, которая должна была стать основой конституции, принятой на Учредительном собрании. При Временном правительстве был создан ряд комиссий и совещаний (Юридическое совещание, Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия и др.), в состав которых вошли кадетские юристы Кокошкин, М.С. Аджемов, Д.Д. Гримм, Б.Э. Нольде, А.Э. Нольде, Н.И. Лазаревский, В.А. Маклаков, В.Д. Набоков, П.П. Гронский и др.[2] На рассмотрение Юридического совещания передавались все вопросы публичного права, возникающие в связи с разработкой всего комплекса проблем, связанных с установлением в России нового государственного строя.

---

[1] Там же. С. 430, 492.

[2] См.: Стародубова А.Л. Юридическое совещание 1917 г.: основные направления деятельности. Дисс… к.и.н. М., 2000; Черкесова Н.И. Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия. (Всевыборы). 3 марта 1917 - 1 марта 1918 г. М., 2002; Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

Кроме того, Юридическое совещание давало заключения по всему кругу проблем, имеющих законодательный характер. В контексте общей либеральной правовой теории Юридическое совещание подготовило проекты основополагающих документов: Конституция Российского государства, Декларация прав гражданина, в которых был аккумулирован многовековой мировой и отечественный опыт наработок в области создания действенной и эффективной модели гражданского общества и правового государства. Юридическим совещанием был разработан и проект закона «Об организации Временной исполнительной власти при Учредительном собрании», в котором были четко прописаны функции и круг полномочий временного Президента демократической парламентской республики. Помимо текущего оперативного руководства исполнительной ветвью власти, в компетенцию Президента входили внешнеполитические вопросы (объявление войны, заключение договоров), исполнение функций главнокомандующего вооруженными силами. Президент имел право и законодательного почина. Вместе с тем кадеты считали необходимым специально подчеркнуть, что все действия Президента должны находиться под контролем Учредительного собрания. Всероссийской комиссией по выборам в Учредительное собрание был разработан избирательный закон, причем в ходе его длительной подготовки победу одержали сторонники пропорциональной системы выборов, которая должна была гарантировать права меньшинства.

Весной и летом 1917 г. кадетскими юристами были разработаны проекты реформ местного самоуправления и управления, многие из которых стали действующими законами (закон 15 апреля 1917 г. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях»; закон 25 мая 1917 г. «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных»; законы 9 июня 1917 г. «Об общественном управлении городов» и «Об изменении действующих положений о губернских земских учреждениях»; закон 15 июля 1917 г. «О поселковом управлении»). Суть реализуемых Временным правительством законов, разработанных либеральными юристами, сводилась к ликвидации архаичной системы и к реальному осуществлению демократизации местного самоуправления и управления. Реализация в законах принципа всеобщего избирательного права обеспечивала децентрализацию управ-

ления и способствовала значительному расширению компетенции органов местного самоуправления. Согласно законам, выборы на уровне поселка и волости, как правило, производились на основе мажоритарной системы. Однако по решению уездной управы допускалась и пропорциональная система выборов. Выборы же в уездное и губернское земство осуществлялись исключительно на основе пропорциональной системы, учитывающей интересы меньшинств и региональные особенности. Органы местного самоуправления получали право образовывать союзы и товарищества. Единственным ограничением было то, что союзы и товарищества не имели права устанавливать налоги и издавать обязательные постановления.

Как видим, используя огромный интеллектуальный опыт наработок теоретиков и идеологов российского либерализма, Временное правительство достаточно оперативно приступило к созданию столь необходимых базовых низовых структур гражданского общества и правового государства. К сожалению, последующие события – большевистский переворот и Гражданская война – не позволили довести этот либеральный эксперимент до его логического конца.

Большое внимание либеральные теоретики уделили разработке национального вопроса. На VIII съезде кадетской партии был заслушан доклад Кокошкина «Автономия и федерация». Подчеркивая свою приверженность принципу единой и неделимой России, Кокошкин категорически высказался против предоставления народностям права политического самоопределения. Он считал, что в условиях политической нестабильности и усиления конфронтации в сфере национальных отношений разделение страны даже по национально-территориальному принципу, на чем настаивали представители отдельных национальностей, с логической неизбежностью привело бы к «полному разрушению единства России, к установлению даже не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств)». Наиболее оптимальным решением национального вопроса в рамках полиэтнического государства, по мнению Кокошкина, должно было стать представление народностям культурно-национальной автономии. В противном случае, заявил он, могло вообще произойти

«крушение русской революции и русской республики под ударами разгоревшихся национальных страстей»[1].

Вместе с тем, он не отрицал, что в перспективе вполне могут сложиться условия для введения территориальной автономии, «поставленной в зависимость от всей совокупности экономических, этнографических, бытовых условий. Притом при такой постановке вопроса имеется в виду автономия не государственного, а провинциального типа со сравнительным узким кругом ведомства, относящимся к чисто местным делам». Местному же законодательству должны быть предоставлены вопросы «местной национально-культурной жизни, правила употребления различных языков в местных учреждениях, с соблюдением основных принципов, которые будут установлены общегосударственным законодательством для охраны прав общегосударственного языка и языков национальных меньшинств»[2].

В данный же исторический момент Кокошкин считал вполне назревшим распространение местного самоуправления на всю территорию России. Губернским и областным земствам могли быть предоставлены широкие права, включая издание местных законов в сфере хозяйственной, культурной и культурно-национальной жизни. Однако при этом местное законодательство не должно было противоречить общегосударственному законодательству. Общегосударственным органам власти предоставлялось право, в случае необходимости, применять вето по отношению к местному законодательству. Губернские и областные органы местного самоуправления могли вступать между собой «в срочные и бессрочные» соглашения для совместного осуществления общих задач и образовывать для этой цели «временные и постоянные союзы». Изменение территориальных границ губерний и областей, а также их разделение и слияние могло быть осуществлено «по инициативе и с согласия подлежащих местных представительных собраний и в соответствии с желаниями местного населения», но только в порядке общегосударственного законодательства. Подчеркнув, что «революцию совершил весь российский народ, без различия национальностей», надо помнить, что в данный исторический момент было бы не разумно

---

[1] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915-1917 гг. Т. 3. Кн. 1. С. 561.
[2] Там же. С. 563-564, 723.

«разбегаться» по отдельным «национальным квартирам». «Сейчас наша задача – вместе всем, сообща, утвердить свободу всей России, а в будущей свободной России не могут быть закрыты пути для удовлетворения каких-нибудь справедливых требований»[1].

В резолюции, внесенной Кокошкиным от имени ЦК, большое внимание было уделено проблемам русского и национальных языков. В логике общей либеральной теории решения национального вопроса русский язык должен сохранить статус не только общегосударственного, но и должен быть языком межнационального общения, т.е. выполнять интегрирующую роль межнационального сближения национальностей, проживающих на территории России. В местных государственных и общественных учреждениях, содержащихся за счет государства или органов местного управления, устанавливалось право употребления местных языков соответственно национальному составу населения. При этом должны быть в порядке общегосударственного законодательства обеспечены права русского языка и языков национальных меньшинств. Населению каждой местности предоставлялось право получения начального и, по возможности, среднего и высшего образования на родном языке. VIII съезд партии кадетов большинством голосов поддержал основные положения доклада и резолюции Кокошкина и внес соответствующие изменения в новую редакцию партийной программы[2].

На IX съезде кадетской партии, состоявшемся 23-28 июля 1917 г., в новую редакцию программы было включено 2 новых отдела: церковный и военный. Положив в основу решения церковного вопроса принцип свободы вероисповеданий культа, кадеты подчеркивали, что православие, как религия значительного большинства населения, должна занимать приоритетное положение «во всех актах государственной жизни, в которых государство обращается к религии, и в публичных богослужебных действиях». Православная церковь является институтом публично-правового характера, которому государство должно оказывать покровительство в законе и материальную поддержку. Такими же институтами публично-правового характера признавались и другие вероисповедания («со-

[1] Там же. С. 569.
[2] Подробно о ходе дискуссий по национальному вопросу на съездах партии народной свободы см.: Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 517-520.

ответственно их распространению»), которым также обеспечивалось «покровительство в законе и материальная поддержка» со стороны государства.

Контрольные функции за наблюдением над реализацией «актов Церкви» и их «закономерности» возлагалась на министра исповеданий. Церковно-приходской общине предоставлялись права юридического лица публично-правового характера. Такие права имели соответствующие учреждения и других вероисповеданий, которые признавались институтами публично-правового характера. С духовенства снимались права и обязанности по ведению актов гражданского состояния (метрических, брачных, по воинской повинности, статистические и проч.) и по «объявлению с церковной кафедры манифестов, указов и других чисто государственных распоряжений»[1].

Что же касается военного отдела программы, то в нем подчеркивалось, что вооруженные силы России «составляют одну общую для всего государства организацию, подчиненную Президенту Российской республики, верховному вождю армии и флота». Власть Президента, в качестве верховного вождя армии и флота, осуществляется им через ответственное перед народным представительством правительство в лице входящих в его состав министров военного и морского. Функции снабжения и хозяйственно-административные должны быть «строго отделены от функций командных и военно-оперативных». С этой целью, наряду с военным министерством как органом высшего военно-хозяйственного и административного управления и независимо от него, учреждался «реорганизованный Генеральный штаб в качестве органа высшего строевого управления армии, ответственного за его боевую подготовку». Начальник Генерального штаба и управляющий военным министерством должны быть независимы друг от друга и оба непосредственно подчинены военному министру. На таких же началах должно быть построено высшее управление флотом и морским ведомством. Армия и флот должны были комплектоваться на основе всеобщей обязательной воинской повинности с применением «по возможности территориальной системы». Величина контингента ежегодно определялась законом. Взаимоотношения воинских чинов должны быть основаны на началах законности и строгой воинской

[1] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915-1917 гг. Т. 3. Кн. 1. С. 724-725.

дисциплины, в соответствии «с основными принципами правового демократического государства и опытом западноевропейских демократий». Отменялись всякого рода личные и корпоративные привилегии при прохождении службы. Чины гвардии и армии уравнивались в правах. Подлежал упразднению корпус офицеров Генерального штаба. В основание прохождения строевой службы должен быть положен строевой ценз, а в основание прохождения нестроевой службы – специализация функций[1].

Определенной корректировке подвергся и аграрный раздел либеральной программы.

Исходные принципы «подвижек» по аграрному вопросу после Февральской революции 1917 г. были сформулированы Н.Н. Черненковым. С одной стороны, он самым решительным образом высказался против социализации, национализации и муниципализации земли, предлагаемых представителями различных социалистических партий и течений. С другой стороны, он настаивал на необходимости передачи «трудового землевладения» непосредственно в руки трудящихся. «Земли сельскохозяйственного пользования, – подчеркивал он, – должны принадлежать трудовому земледельческому населению»[2]. Признавая право на существование «всех исторически сложившихся и могущих возникнуть форм местного земельного устройства», Черненков подчеркивал, что непосредственным «распределителем земли в современном государстве может быть только само население, живущие и хозяйствующие на этой земле»[3].

В новой редакции программы были расширены источники пополнения государственного земельного фонда для наделения крестьян. В него должны были войти земли государственные, удельные, кабинетские, монастырские, церковные, принадлежащие Крестьянскому и Дворянскому банкам, а также принудительно отчуждаемые частновладельческие земли (лиц физических и юридических), превышающие трудовую норму. По существу, речь шла о принудительном отчуждении подавляющего большинства частновладельческих земель.

---

[1] Там же. С. 725-726.
[2] Там же. С. 529.
[3] Там же. С. 530.

В свою очередь, принудительному отчуждению не подлежали: 1) земли сельских обществ и приравненные к ним казачьи земли; 2) все, не превышающие трудовой нормы, мелкие владения отдельных лиц и участки членов товариществ; 3) земли под фабриками и заводами, усадьбы, сады, виноградники, огороды; 4) земли, принадлежащие городам, земствам, а также другим учреждениям, предназначенным для образовательных, общественно-санитарных, научных и других общеполезных целей. В тех местностях, где не было недостатка земли для нормального обеспечения малоземельного и безземельного населения, владельцам, ведущим хозяйство собственным инвентарем, предоставлялось право «сохранить за собой количество земли больше трудовой, но не свыше устанавливаемой для этого предельной нормы». Одновременно допускалось, что в исключительных случаях, если местные земельные учреждения признают необходимым сохранить «данное хозяйство в прежнем виде», сохранить за владельцем участок, превышающий предельную норму. Земли отводились нуждающемуся населению на началах постоянного (бессрочного) пользования – как коллективным единицам: общинам, обществам с подворным владением, товариществам и прочим союзам земледельцев, так и отдельным владельцам, «сообразно с местными особенностями существующего трудового землевладения и желаниями населения».

Принудительное отчуждение частновладельческих земель должно было производиться путем выкупа их государством. «В основу оценки земли полагается нормальная ее доходность с устранением из расчета тех повышающих доходность элементов, которые обуславливаются земельной нуждой населения, ненормальными условиями найма рабочих и пр. Во владениях превышающих известные устанавливаемые законом пределы, излишек земли сверх этих пределов оценивается по нормам, прогрессивно понижаемым соответственно размерам упомянутого излишка. Нормы доходности земли вырабатываются местными земельными учреждениями и устанавливаются законом». Выкупная сумма должна была выплачиваться владельцам земли выкупными свидетельствами, причем государство принимало на себя погашение «всей выкупной суммы и известной доли процентов по выкупным свидетельствам». Остальная часть подлежащих ежегодно уплате про-

центов включалась в особый налог с земель, отводимых в пользование населению.

Местным земельным учреждениям предоставлялись достаточно широкие права в реализации земельной реформы, включая выработку критериев принудительного отчуждения частновладельческих земель, определение норм и их доходности, круга наделяемых малоземельных и безземельных местных крестьян, а также в решении вопросов их переселения.

Несмотря на бурную дискуссию, развернувшуюся на съезде кадетской партии по аграрному вопросу[1], ее лидерам удалось убедить большинство делегатов в рациональности данного варианта решения одного из ключевых вопросов революции 1917 г.

Помимо принятия новой редакции партийной аграрной программы, кадетские теоретики приняли решение адаптировать ее применительно к казачьему землевладению. Дело в том, что кадетское руководство рассчитывало на привлечение на свою сторону казачества, которое в условиях дальнейшего развития революции могло сыграть важную роль в поддержке и укреплении позиций Временного правительства. На заседании ЦК 20 августа 1917 г. председатель аграрной комиссии А.А. Кауфман сообщил о разрабатываемых мерах, направленных к приспособлению партийной программы «к условиям казачьего землевладения». Предварительные встречи с представителями казачества, подчеркнул Кауфман, показали, что они стоят «на той точке зрения, что все земли в войсковых пределах составляют войсковую собственность в смысле исключительного права казачества распоряжаться ими и никаким общероссийским планам не должны быть подчинены»[2]. На X съезде кадетской партии по предложению А.И. Шингарева было принято предложение относительно проведения аграрной реформы в казацких областях. «Для цели земельной реформы, – читаем в принятом дополнении к программе, – не могут быть затрагиваемы не только юртовые и станичные наделы, но также и запасные войсковые земли; равным образом и подлежащие принудительному отчуждению в границах казацких территорий владельческие земли должны быть обращены на дополнительное земельное обеспече-

[1] Подробно см.: Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 524-528.
[2] Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. Т. 3. М., 1998. С. 394.

ние нуждающегося в земле казачьего населения. Если только не перешли еще в руки иного трудового населения»[1].

Два дополнения по докладу Шингарева было внесено в финансово-экономический раздел программы: «1. Партия должна в основу экономических мероприятий поставить своей задачей развитие производительных сил добывающей, обрабатывающей и сельскохозяйственной промышленности страны при непременном сохранении хозяйственной самостоятельности России и охране ее производительной жизни;

2. Развитие источников дешевой энергии и переработка отечественного сырья внутри страны должны стоять на первом плане в экономической программе так же, как и работы по земельной мелиорации и широкое развитие путей сообщения вплоть до морского транспорта. Развитие производительных сил страны должно идти рука об руку с законодательным обеспечением интересов трудящихся».

Наряду с этим, съезд принял по докладу Шингарева два постановления. В первом из них отмечалось, что партия должна обратить внимание «на планомерное и своевременное проведение демобилизации армии и промышленности, работающей на оборону». Это должно быть сделано в интересах предотвращения безработицы, а также для того, чтобы рабочий класс испытывал наименьшее потрясение и промышленные предприятия, прекратившие производство военного снабжения и снаряжения, были направлены на производство недостающих стране продуктов и товаров, ввозимых из-за границы». Во втором постановлении речь шла об осуществлении ряда финансовых мероприятий, направленных на понижение таможенного обложения, сокращение косвенных налогов на предметы широкого потребления[2].

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в условиях новой исторической реальности 1917 г. теоретики и политики нового либерализма продемонстрировали свои потенциальные возможности к оперативной трансформации своей модели преобразования России. Это, в частности, получило отражение в появлении в их программе новых разделов, в раскрытии

---

[1] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915-1917 гг. Т. 3. Кн. 1. С. 742.
[2] Там же. С. 741-742.

формулировок уже существующих в ней положений. По сути, речь шла о совершенствовании их идеологической и политической картины мира. Не случайно на своих партийных форумах главная политическая партия российского либерализма – кадеты – не раз возвращались к корректировке своих программных положений. Во-вторых, программа 1917 г. отражала максимум уступок, на которые готовы были пойти представители нового либерализма, чтобы удержать революционный процесс в мирных рамках демократических преобразований российского общества, предотвратить сползание страны в анархию и хаос. В-третьих, новая редакция кадетской программы, как наиболее полно и адекватно отражающая возможные пределы эволюции либерализма как ценностной мировоззренческой системы, была положена в основу законодательного творчества Временного правительства[1], которому в кратчайшие сроки удалось выработать и предложить обществу конкретную программу преобразований практически всех основных сфер жизни. В-четвертых, несмотря на то, что в условиях деструкции 1917 г. либеральная программа преобразований не была реализована в ее полном объеме, тем не менее, опыт ее частичной реализации представляется заслуживающим не только исследовательского внимания, но и практического применения в современных условиях очередного исторического витка преобразований в современной России.

[1] Подробно см.: Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2016. С. 361-413.

В.В. Журавлев[1]

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

По всем критериям научной и чисто человеческой справедливости мы вправе были ожидать, что с такого рода докладом в год столетия Великой российской революции 1917 года перед нами выступит доктор исторических наук, профессор Лев Григорьевич Протасов – крупнейший специалист в исследовании истории «рождения и гибели», как он сам сформулировал, удивительного и уникального феномена отечественного «народоправства». Безвременная кончина ученого не позволила осуществиться этим ожиданиям. Отдав напряженной работе над темой по меньшей мере четверть века, Лев Григорьевич совершил научный подвиг, последовательно выпустив в свет две фундаментальные монографии «Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели» (1997 г.) и «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи» (2008 г.), и завершив познание проблемы практически единолично созданной универсальной энциклопедией «Всероссийское Учредительное собрание» (2014 г.). Войдя в золотой фонд отечественной историографии, труды эти будут востребованы долгие годы и десятилетия, пока будет жить интерес к «непредсказуемому» прошлому Отечества.

Данное скромное выступление, основанное на результатах творческого поиска Льва Григорьевича, посвящается светлой памяти большого ученого и замечательного человека.

Исторический опыт, накопленный страной и миром на протяжении XX столетия, заставляет менять акценты в видении ряда важнейших событий прошлого. Сегодня очевидно, что своей кульминации (с точки зрения судьбы демократической альтернативы в России и стратегических перспектив российской модернизации), поли-

---

[1] *Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории.*

тические процессы достигли не в октябре, а в ноябре 1917 г. Этим событием, которое на десятилетия заслонили от нас тень Октябрьского вооруженного восстаниям и его последствия, были выборы в Учредительное собрание 12 ноября.

Осуществленные на основе самой эффективной и демократичной по тем временам пропорциональной (смешанной) системы, сочетавшей выдвижение кандидатов от территориальных округов (68 тыловых и 7 фронтовых) с голосованием по партийным спискам, выборы эти вовлекли в избирательный процесс почти 50 млн. человек (впервые включая и женщин). Все они получили возможность выразить свою волю в соответствии с демократическими принципами всеобщих, прямых, равных выборов при соблюдении тайны голосования.

Реализовавшая себя в разгар мировой бойни, это была электоральная и социально-политическая инновация (по современной терминологии) мирового масштаба и значения. В чем правомерно усматривать, хотя и непростительно запоздавшее, но главное итоговое достижение Временного правительства в серии его попыток преодоления разброда в обществе демократическими методами.

Оценивая истоки такого электорального энтузиазма российских граждан, М. Горький писал: «Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания»[1]. Добавим, что пришли они к избирательным урнам уже достаточно политически «подкованными». За месяцы, прошедшие с Февральских событий, Россия, по крылатой оценке другого писателя и современника данных событий – К.Г. Паустовского, «выговорила все, о чем молчала целые столетия»[2]. И не только выговорила, но, так или иначе, определилась – в сложной парадигме отдельных социальных сил – со своими политическими предпочтениями, в ткани которых парадоксальным образом сочетались сиюминутный социальный расчет и рационализм с размытыми и утопическими представлениями и надеждами относительно будущего российской цивилизации. Именно *цивилизации*. Ибо в 1917 г. страна как раз и подошла к исторической развилке (точке бифуркации) цивилизационного уровня и значимости. Вопрос состоял лишь в том, в каких социально-политических формах этот

---

[1] Новая жизнь. 1918. 9 января. См. также: Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 22.
[2] Паустовский К.Г. Собр. соч. Т. 4. М., 1968. С. 515.

назревший – и перезревший – исторический запрос эпохи найдет свое реальное воплощение.

О чем свидетельствовали представления и надежды ведущих на тот момент социальных сил российского общества?

Ответ на этот вопрос дают нам итоги выборов, скрупулезно и всесторонне подсчитанные и оцененные профессором Л.Г. Протасовым.

Результаты выборов для измученной войной и социальными катаклизмами страны оказались знаменательными, знаковыми именно для тогдашней России с ее исконным крестьянским традиционализмом, лишь частично – с правого крыла – затронутым буржуазным либерализмом, и довольно значительно – с левого края – революционным радикализмом. Будущее страны на путях стабильной модернизации во многом зависело от того, смогут ли, в конечном счете, наиболее влиятельные общественные силы и представляющие их политические партии найти базу компромисса в рамках идей социальной справедливости в их как крестьянском, мелкобуржуазном, так и в пролетарском вариантах.

Выборы 12 ноября подвели под указанную альтернативу мощную базу массового волеизъявления. В итоге своем указанные политические предпочтения и социальные упования – в подавляющей массе их выразителей – свидетельствовали о призрачности надежд крайне правых на реставрацию самодержавного строя (монархисты собрали 300 тыс. голосов избирателей или 0,6%) и бесперспективности самого рационального и взвешенного, но запоздавшего на полвека, либерального варианта эволюционного переустройства страны (кадеты получили 2,2 млн. голосов или 4,5%). В массе же своей избиратели вручили свою судьбу и судьбу страны тем политикам, которые звали их к социализму «без берегов» в его национально окрашенной как крестьянской, так и пролетарской интерпретации: 19,1 млн. человек (39,5%) проголосовали за эсеров; 10,9 млн. (22,5%) – за большевиков; 1,5 млн. (3,2%) – за меньшевиков; 439 тыс. (0,9%) – за народных социалистов. Еще 7 млн. голосов (14,5%) собрали разнородные национальные партии неонароднического и социалистического толка[1].

---

[1] См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 164. См. также: Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014. 555 с.

Именно итоги выборов 12 ноября, а не Октябрьское вооруженное восстание, с позиций последующего исторического опыта представляются сегодня «моментом истины» в плане выявления возможностей реализации демократической альтернативы развития революционного процесса 1917 г.

Нравится ли это сегодня нам или не нравится, но к осени 1917 г. путь России к радикальному социальному эксперименту *цивилизационного* масштаба и значения был и объективно, и субъективно неизбежным. Страна была обречена на этот эксперимент. Более 39 млн. россиян, т.е. 80,6% принявших участие в голосовании, в совокупности своей однозначно высказались за демократическое – на базе многопартийности – будущее страны в русле так или иначе понимаемого принципа социальной справедливости. Это был именно вердикт народа, который не только давал права лидирующим партиям, но и накладывал на них определенные обязательства. Однако вердикта этого претенденты на звание демократов предпочли «не заметить».

Уже тогда впервые проявилось то, что в конце XX столетия продолжало составлять характерную примету политического ландшафта страны: соискатели титула демократов предпочитают видеть в демократии не изначальную ее суть как власти народа, а строй, именно им – «демократам» – дающий якобы право на то, чтобы самолично решать за народ его проблемы и судьбы. Достаточно вспомнить в этой связи судьбу всенародного референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР.

За месяц до октябрьских событий В.И. Ленин писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками… сделал бы гражданскую войну невозможной»[1].

Разогнав в ночь с 5 на 6 января 1918 г. Учредительное собрание, силой подавив выступления в его поддержку, большевики делом показали, что «абсолютно бесспорный» урок революции оказался преданным ими забвению. Они внесли свою – на том этапе решающую – лепту в погребение российской демократии.

Концепция Учредительного собрания, основанная в первую очередь на идеях французского Просвещения, была впервые реа-

[1] Ленин В.И. ПСС. Т. 34. С. 222.

лизована в ходе Великой Французской революции 1789-1791 гг. В России она была подхвачена уже декабристами («Конституция» Никиты Муравьева) и широко дискутировалась на всех «этажах» как либерального, так и революционного движения XIX-начала XX столетия. Как это ни парадоксально, но первыми лозунг Учредительного собрания внесли в свою программу социал-демократы на II съезде РСДРП (Лондон, 1903 г.), выдвинув требование «*низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, избираемого всем народом*»[1]. В Программу Партии социалистов-революционеров (Финляндия, 1906 г.) был включен аналогичный пункт. Свое видение революционного переустройства общества партия намеревалась «как отстаивать в Учредительном собрании, так и стремиться проводить в революционный период»[2].

Широкое распространение указанный лозунг получил в программных документах целого ряда национальных и региональных партий Российской империи социал-демократического и неонароднического толка (Бунда, «Поалей Цион», Латышской социал-демократической рабочей партии, Украинской рабочей партии и др.).

Путь Партии народной свободы – как лидера либерального движения в стране – к признанию идеи Учредительного собрания и к активному участию в подготовке и осуществлении этой идеи не был простым и однозначным.

В первоначальном тексте Программы конституционно-демократической партии, утвержденном ее Учредительным съездом, проходившем 12-18 октября 1905 г., т.е. практически синхронно с подготовкой и обнародованием Манифеста 17 октября, пункт 13 был сформулирован весьма осмотрительно: «Конституционное устройство российского государства определяется основным законом»[3]. Развернувшаяся в стране кампания по выборам в Первую Государственную думу заставила делегатов II-го партийного съезда (январь 1906 г.) прояснить и конкретизировать упомянутую формулировку: «Россия должна быть конституционной парламентской монархией. Государственное устройство России определяется Основным законом»[4]. Это означало, что именно в укреплении позиций

---

[1] Программы политических партий России. Конец XIX-начало XX вв. М., 1995. С. 50.
[2] Там же. С. 146.
[3] Там же. С. 328.
[4] Конституционно-демократическая партия. Постановления II-го съезда 2-11 января 1906 г. и программа. СПб., 1906. С. 1-8.

и расширении полномочий Государственной думы кадеты видели «столбовую дорогу» к утверждению *парламентской* демократии в стране по типу конституционной монархии английского типа.

Реалии Февральской революции заставили кадетов достаточно оперативно вернуться к вопросу о типе будущего государственного устройства страны. Уже 10 марта 1917 г. было созвано заседание ЦК партии Пленарного состава с присутствием на нем членов парламентской фракции, членов партии из Государственного Совета и прежних составов Государственной думы. К обсуждению вопроса о форме правления в России решено было приступить, руководствуясь строго демократической процедурой, а именно: вначале проанализировать аргументы в пользу сохранения парламентской монархии и доводы против республики, а затем уже привести доказательства необходимости республиканской формы правления.

Итоги дискуссии, как свидетельствует протокол заседания, были однозначными: «По существу в пользу монархии не высказался никто»[1]. При этом было подчеркнуто, что с момента создания в 1905 г. Партии народной свободы принципиальных приверженцев монархии в ее рядах не было. Программное требование конституционной монархии «было принято лишь по соображениям целесообразности этого строя именно в данный момент и невозможности при уровне политического развития масс строя республиканского». К тому же кадеты «надеялись», что «грань между республикой и конституционной монархией удастся свести до минимума, как в Англии, где король царствует, но не правит»[2].

События революционного Февраля убедили кадетов не только в нецелесообразности сохранения требования конституционной монархии, но и в его принципиальной *невозможности*: «…Если раньше боялись, что путь к республике ведет через море крови, то теперь можно думать, что к морю крови вели бы попытки реставрации»[3]. Исходя из этого, заседание ЦК Пленарного состава 10-13 марта принимает решение предложить намечаемому съезду партии «изменить параграф 13 программы партии в том смысле,

---

[1] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 3. 1915-1920 гг. М., 1998. С. 359.
[2] Там же. С. 350-360.
[3] Там же. С. 360.

чтобы вместо парламентской монархии признать необходимость установления демократической республики»[1].

Неотложность такого рода перемен диктовалась тем, что революция фактически возвела партию в ранг правящей: в ночь на 2 марта совместным решением Временного комитета Государственной думы и делегации Исполкома Петроградского Совета было образовано Временное правительство, ключевые позиции в котором принадлежали кадетам. Среди первоочередных его задач, согласно декларации учредителей, значилась немедленная подготовка к созыву Учредительного собрания, которое должно было установить форму правления и принять Конституцию страны.

Выдвигая лозунг демократической республики, кадеты не были бы кадетами, не выразив одновременно «готовность подчиниться решению У[чредительного] С[обрания] в случае, если бы большинство высказалось за монархию»[2].

Стремление взять ситуацию под свой полный контроль подвигло участников упомянутого заседания ЦК образовать специальную комиссию в составе М.М. Винавера, Ф.Ф. Кокошкина и П.П. Гронского «для разработки вопросов, связанных с созывом и предстоящей деятельностью Учредительного Собрания, предоставив комиссии право кооптации»[3].

С докладом «Об Учредительном собрании» на VII съезде партии конституционных демократов (25-27 марта) выступил Кокошкин, выразив надежду, что это будет «историческое собрание, которое, может быть, на столетие вперед определит путь нашего дальнейшего политического развития»[4].

Принятая 25 марта резолюция Съезда «По вопросу об Учредительном Собрании» гласила:

«1. Учредительное Собрание должно быть созвано в возможно кратчайший срок, но с соблюдением всех гарантий, необходимых для того, чтобы выборы могли правильно выразить народную волю.

---

[1] Там же. С. 361.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. Т. 3. Кн. 1. М, 2000. С. 403. Отмечая сегодня вековой юбилей, отделяющий нас от описываемых событий, нельзя не заметить, насколько опрометчивыми могут быть любые прогнозы в масштабе столетия. Даже если они исходят от незаурядных политиков.

2. Так как Учредительное Собрание будет обладать всей полнотой власти, то определение его компетенции и продолжительности его деятельности будет зависеть от него самого. Но нужно признать желательным, чтобы, по выполнении своих задач, заключающихся в установлении конституции России и в разрешении тех неотложных государственных вопросов, которые станут на очередь ко времени созыва Учредительного Собрания, оно возможно скорее уступило место установленному им законодательному порядку.

3. На время деятельности Учредительного Собрания исполнительная власть должна быть организована по принципу ответственного перед Учредительным Собранием министерства»[1].

Об активности конституционных демократов в деле реализации феномена Учредительного собрания свидетельствуют многие факты. Именно либералами-правоведами были впервые озвучены основополагающие юридические принципы и разработаны организационные основы подготовки и проведения выборов. На VII и VIII съездах Партии народной свободы, т.е. в период с марта по май включительно[2], ставилась и обсуждалась проблема использования при выборах пропорциональной системы как «наиболее совершенной», что было подтверждено затем «Положением о выборах в Учредительное собрание», была четко сформулирована его цель – принятие Конституции, основанной на принципах правового государства. Именно либералами было предложено оптимальное число депутатов учредительного форума (не более 800 человек).

При этом кадеты оставались верными традиционной для себя политике «непредрешенчества» в вопросе об определении возрастного ценза избирателей и даже в выборе места проведения заседаний будущего форума. Тем не менее, именно развернувшаяся на VII съезде партии дискуссия о возрастном цензе для избирателей (оставить ли прежний гражданский возраст в 21 год или понизить его до 18 лет) определила принцип дифференцированного подхода к данной проблеме, закрепленный в «Положении о выборах…». Будучи одинаковым для активного и пассивного избирательного права, он устанавливался на уровне 20 лет для всех основных категорий населения, распространяясь на женщин, и 18 лет

---

[1] Программы российских политических партий . Пг., 1917. С. 48.

[2] Специально об этом см.: Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 511-514.

для военнослужащих, гражданская зрелость которых подтверждалась их ролью непосредственных защитников Отечества, при отсутствии остальных цензов (имущественного, грамотности, оседлости, по национальному и религиозному признакам, по государственной и общественной службе).

Выборы в Учредительное собрание 12 ноября, однако, не принесли конституционным демократам отдачи, адекватной тем усилиям, которые были затрачены ими на реализацию идей форума, его правовую и организационную подготовку и четко выстроенную стратегию выборной кампании. Успех сопутствовал им в 7 из общего числа 75 территориальных округов (68 тыловых и 7 фронтовых). Из 14 (по подсчетам Л.Г. Протасова) ставших депутатами Учредительного собрания кадетов[1] более половины были избраны по столичным округам: от Петроградского столичного (городского) избирательного округа П.Н. Милюков, М.М. Винавер, Н.Н. Кутлер, Ф.И. Родичев; от Московского столичного (городского) округа Ф.Ф. Кокошкин, В.А. Маклаков, Н.И. Астров, П.И. Новгородцев. Здесь они составили для многих неожиданную конкуренцию большевикам, собрав в Петрограде 26,2% всех голосов (большевики – 45%), в Москве – 34,2% (большевики – 48,1%)[2].

В других округах поддержка конституционных демократов была достаточно скромной. От Московского губернского избирательного округа был избран П.Д. Долгоруков; от Пермского – Л.А. Кроль и В.М. Сумароков (ввиду отказа Милюкова); от Петроградского губернского – В.Д. Набоков; от Херсонского – Л.А. Велихов (ввиду отказа Милюкова); от Ярославского – А.И. Коновалов. В Волынском округе, где Партия народной свободы выступала в блоке с «беспартийными хлеборобами», полученный мандат отошел польскому списку.

Наиболее популярной и известной фигурой в кадетской партии, как показали выборы, был Милюков, избранный одновременно от трех избирательных округов (закон допускал выдвижение одной и той же кандидатуры максимум в 5 округах).

Ряд других лидеров партии на популярность среди избирателей претендовать не смогли. В Саратовском округе А.И. Шингарев кон-

---

[1] Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия… С. 300-306.
[2] Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 87-91.

курировал с выдвинутым от Партии социалистов-революционеров А.Ф. Керенским, но проиграл, набрав 2,5% голосов. Эсеры же по этому округу, получив 56,3% голосов, обрели 11 мандатов. Избранный также от Области войска Донского (мандат был передан В.С. Мамонову), Керенский в начале января 1918 г. тайно прибыл в Петроград, намереваясь участвовать в открытии Учредительного собрания, но отказался от этой идеи из-за угрозы ареста.

А.В. Карташев, примкнувший к кадетам после Февраля, член ЦК партии, с 24 июля – обер-прокурор Синода, выдвигался по трем округам (Вологодскому, Пермскому, Черниговскому), но нигде не получил поддержки. В Черниговском округе, например, кадетский список набрал 3% голосов. Избрана же была по правоэсеровскому списку «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская.

Неудача постигла и члена ЦК партии (избран на VIII съезде) Б.М. Овчинникова, заявленного в кадетском списке под № 1 по Орловскому избирательному округу и набравшего 2,3% голосов[1].

Особенно низкой была поддержка кадетов в действующей армии. Так, список Партии народной свободы и примыкающих к ней в избирательном округе Юго-Западного фронта набрал лишь 1336 голосов (0,1%).

Электоральные усилия Партии народной свободы пошли прахом еще до открытия Учредительного собрания. 28 ноября Совнарком в 22 часа 30 минут принял, а Ленин подписал декрет «Об аресте вождей Гражданской войны против революции», в котором, в частности, говорилось: «Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционного трибунала»[2]. Однако еще до принятия декрета – утром 28 октября, были арестованы члены ЦК партии, уже имевшие мандат депутатов Учредительного собрания, П.Д. Долгоруков и Кокошкин, а также Шингарев.

Это заставило кадетов принять решение о неучастии в работе Учредительного собрания. Однако Долгоруков, находясь в Петропавловской крепости, оценил это решение как ошибку. «Следовало,

---

[1] Овчинников Борис Михайлович (1665-1938) – участник Всероссийского Демократического совещания (сентябрь) и член Временного совета Российской Республики (Предпарламента) от земских учреждений. В Учредительное собрание выдвигался также в Московском губернском и Рязанском избирательном округах, но безуспешно. См.: Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия… С. 285, 303.

[2] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 62.

– полагал он, – по крайней мере, по 2 члена из Петрограда и Москвы явиться и постараться от фракции прочесть краткую декларацию из двух пунктов: о суверенной власти Учредительного собрания и по вопросу о мире»[1].

Всенародное волеизъявление 12 ноября выбило российских либералов из мейнстрима общественно-политических процессов, «выделив» им 4,5% голосов избирателей и 14 депутатских мандатов из 765. Но, если возвести эти более чем скромные проценты в ранг живой человеческой поддержки, то картина меняется кардинальным образом. Либеральный вариант решения стоявших перед страной проблем поддержало 2 млн. 200 тыс. человек, составивших – в основе своей – интеллектуальную и деловую элиту тогдашнего российского общества: мыслителей и ученых во всех основных отраслях знания, экономистов, финансовых работников, правоведов, юристов, адвокатов, преподавателей, врачей, инженеров, писателей, деятелей искусства, прогрессивно настроенных предпринимателей и управленцев…

Трагическим заключительным аккордом и горьким символом судьбы конституционно-демократической партии как политической структуры стала дикая расправа над Кокошкиным и Шингаревым ворвавшимися в тюремную больницу матросами и красногвардейцами. И случилось это 6 января 1918 г. – в день разгона «палладиума народной свободы», в реализацию которого либералы вложили так много сил – интеллектуальных и организационных.

Несчастливый «роман» либералов с Учредительным собранием исчерпал себя сразу же после его разгона. Все попытки различных антибольшевистских кругов привлечь кадетов к реанимации идей и практики этого уникального представительного учреждения в годы Гражданской войны и в условиях эмиграции заканчивались ничем. В фонде Милюкова в ГА РФ сохранилась резолюция заседания ЦК партии кадетов, состоявшегося ориентировочно в феврале-марте 1918 г., которая определяла позицию кадетов относительно использования лозунга Учредительного собрания в дальнейшей борьбе с большевизмом: «Полагая, что для созыва Учредительного Собрания для восстановления нормальных условий жизни с целью закрепления нового строя на началах правопорядка необходимо провести новые выборы, Центральный Комитет признает, что

[1] Цит. по: Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия… С. 121.

Учредительное собрание, избранное к 28 ноября 1917 г., не было бы в состоянии осуществить предлежащих ему функций и тем выполнить задачу восстановления в России порядка и потому возобновление его деятельности должно быть сочтено нецелесообразным и ненужным»[1].

Итак, выборы в Учредительное собрание не принесли российским либералам зримого успеха. Политический бал в стране к осени 1917 г. правили радикалы различных цветов и мастей. К тому же, клеймо «врагов народа» не позволило даже законно избранным от Партии народной свободы депутатам добраться до столь хорошо знакомого, давно «обжитого» ими зала заседаний Таврического дворца.

Разгон Учредительного собрания, резюмирует американский историк Александр Рабинович, профессор Индианского университета (Блумингтон, США), «похоронил надежды российских либералов и умеренных социалистов на то, что революция 1917 г. еще может завершиться формированием в России демократической политической системы западного образца»[2].

Интересна интерпретация именно западным исследователем причин, определивших такой поворот событий: «Конечно, свою роль в этом сыграли такие факторы, как мощная народная поддержка большевиков в Петроградском регионе, которую продемонстрировали ноябрьские выборы, и отказ эсеровского руководства прибегнуть к физической силе ради защиты Учредительного собрания – в отличие от большевиков и левых эсеров, готовых с оружием в руках защищать Советскую власть. Но самый главный фактор, возможно, указал Святицкий[3], который объяснял судьбу Учредительного собрания глубоким безразличием русского народа, позволившим Ленину просто дать отмашку: "Пусть расходятся по домам"»[4].

---

[1] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. В 6-ти т. Т. 3. 1915-1920 гг. С. 414.

[2] Рабинович А. Большевики у власти. Первый год эпохи советской власти в Петрограде. М., 2007. С. 199.

[3] Святицкий Николай Владимирович (1886-1937) – социалист-революционер. Член Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. «Обязательный» кандидат в УС от ЦК ПСР. Член УС по Харьковскому избирательному округу. Автор ряда трудов по истории УС. См.: Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия… С. 285-286.

[4] Рабинович А. Указ. соч. С. 199.

Удивительно, но факт: потребовалось менее 2 месяцев от выборов в Учредительное собрание до его открытия, чтобы настроения широких слоев населения сменились столь кардинальным образом в диапазоне от всеобщего электорального энтузиазма к почти полной индифферентности к судьбам своего детища.

Не в этом ли заключается свидетельство того, что революционный процесс в стране еще не исчерпал своих потенций в плане дальнейшей радикализации? То есть, того самого бурно нарастающего социально-политического «торнадо», которое не оставляло либерально мыслящим политикам и поддерживающим их умеренным слоям населения никаких надежд на то, что их голос будет услышан.

А.С. Туманова[1]

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ[2]

Взаимоотношения публичной власти и гражданского общества, ключевым институтом которого выступают общественные организации, можно схематически представить в виде различных моделей. Шведскому социологу Торкелю Янссону они рисуются в форме своеобразного «треугольника»: государство находится наверху, а внизу, с одной стороны, – местное самоуправление, муниципалитеты, относящиеся к общественной сфере и к государству, с другой стороны, также внизу, – добровольные объединения, размещенные в частной сфере. В тех обществах, где наиболее рельефно выражено местное самоуправление, получает развитие коммуналистский тип. Там, где более выпукло представлены добровольные

---

[1] *Туманова Анастасия Сергеевна – доктор исторических и юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики».*

[2] В данной научной работе использованы результаты проекта «Комплексный анализ факторов эффективности сотрудничества НКО и государства в сфере оказания социальных услуг», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г.

объединения, общество становится ассоциативным. Если правящая политическая элита проводит курс на поддержание общественной самодеятельности граждан, минимизируя вмешательство государства в дела гражданского общества, а элиты последнего уважительно относятся к государственным структурам, то, по мнению Янссона, создаются необходимые предпосылки для установления союзнического типа отношений между этими социальными контрагентами. В ином случае между ними возможны отношения конфронтационного типа.[1]

Модели отношений между гражданским обществом и государством получили рассмотрение в монографии польского социолога, основателя Института политических исследований в Польской Академии наук Эдмунда Внук-Липиньского. В отличие от Янссона, Внук-Липиньский фокусирует свое внимание на взаимодействиях, возникающих преимущественно между государством и гражданским обществом, не беря самоуправление в расчет. Внук-Липиньский выделяет три разновидности отношений между государством и гражданским обществом: гражданское общество как противопоставление государству; гражданское общество как дополнение государства; государство как дополнение гражданского общества. Он полагает, что для государств, осуществляющих переход от авторитаризма к демократии, свойственен первый (антагонистический) тип взаимоотношений, однако у него «… короткая жизнь, ибо он характерен для конечной стадии существования клонящейся к упадку авторитарной системы и для начальной стадии возникновения демократического государства». Этот тип явно обнаруживается в процессе демократизации общества, он был характерен для стран Центральной и Восточной Европы. Второй тип взаимоотношений наиболее характерен для республиканских, а иногда и для коммунитарных подходов; он предполагает самоограничение гражданского общества теми областями коллективной жизни, в которых государство наименее компетентно или наименее эффективно. Третий тип взаимоотношений, близкий к либеральной теории, формулируется с опорой на принцип минимального государства, с одной стороны, и на принцип подсобной, вспомогательной роли государства

[1] Янссон Т. Треугольная драма: взаимоотношения между государством, местным самоуправлением и добровольными ассоциациями // Гражданское общество на европейском Севере. СПб., 1996. С. 6.

(государство необходимо исключительно в тех сферах коллективной жизни, где самоорганизующееся гражданское общество менее эффективно либо менее компетентно), с другой. Если в рамках первой модели отношения между государством и гражданскими обществом являются антагонистическими, то в остальных двух случаях это отношения, опирающиеся на сотрудничество, взаимное дополнение и относительно гармоничное сосуществование[1].

Характеризуя необходимые для развития гражданского общества условия, Внук-Липиньский указывает на наличие публичного пространства, допускающего свободную институционализацию общественных сил, на присутствие неподконтрольной государству общественной (публичной) коммуникации, а также рынка, в рамках которого осуществляются различного рода взаимодействия по обмену ценностями и услугами, и защищается частная собственность. В случае отсутствия первого фактора, когда публичное пространство недоступно для свободной институционализации общественных сил, но полностью подконтрольно недемократическому государству, появление автономных от государства организаций и объединений, составляющих институциональный контекст гражданского общества, становится невозможным. Тогда публичное пространство наполняется квазигражданскими организациями и объединениями, контролируемыми государством, и (или) призываемыми им к жизни, а также формируются разнообразные неформальные диссидентские группировки, функционирующие вне публичного пространства[2].

Россия принадлежит к странам, которые больше ориентированы на государство, чем на общество. Здесь укоренено представление о сильном и вездесущем государстве, тогда как общество недостаточно автономно и инициативно. Исторически в России сложился тип общественной системы, базирующейся на эффективности власти, а не гражданского общества. Отношения государства и некоммерческого сектора в имперской России наиболее рельефно отобразили сложности и диспропорции формирования гражданских институтов в условиях авторитаризма, когда отсутствовали развитые демократические традиции, гражданское сознание, жизнеспособный средний класс как архитектор модернизации и носитель ценностей гражданской культуры, что компенсировалась всемогу-

[1] Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни. М., 2012. С. 191-192.
[2] Там же. С. 192-193.

ществом самодержавия и бюрократии. Между тем в различные периоды российской истории складывались условия для различных моделей отношений власти и общественности.

В XIX – начале XX вв. публичная власть, с одной стороны, стремилась оказать поддержку конструктивным, с ее точки зрения, инициативам общественных организаций, способствовавшим удовлетворению материальных и культурных нужд населения, а, с другой, видела в добровольных обществах соперника и ставила преграды развитию многих их начинаний. Врастание в ткань политической системы самодержавной России общественной инициативы одновременно продлевало ей жизнь и подрывало ее устои, поскольку способствовало привитию населению несвойственных для авторитарного строя ценностей демократической правовой культуры, гражданского долга и ответственности. В рамках сложившейся тогда модели гражданское общество противопоставлялось государству.

В то же время со времени либеральных реформ 1860-1870-х гг. и наиболее очевидно с 1890-х гг. наблюдалась тенденция использования государством потенциала организованной общественности. Формировавшийся добровольческий сектор постепенно заполнял те ниши на рынке социальных услуг (социальная защита, образование, наука, здравоохранение и др.), которые государство не обслуживало, либо обслуживало чрезвычайно слабо. Так, в дореволюционной России не сложилось государственной системы социального обеспечения, в силу чего социальным обеспечением занимались организации взаимопомощи, оказывавшие материальную (выдача ссуд, пособий, пенсий утратившим трудоспособность членам, их вдовам и сиротам и др.) и интеллектуальную помощь (устройство различных форм проведения культурного досуга, таких как спектакли, концерты, вечера и др.) представителям различных профессиональных групп[1]. Представители власти участвовали в публичных акциях обществ. Так, под патронажем «первых леди» Москвы проходили крупные общегородские акции местных благотворительных обществ (вербные базары, дни «колоса ржи», «белой ромашки» и др.), доходы от которых шли на поддержку нуждающихся.

Союзнический тип отношений между государственной властью и гражданским обществом установился в период прихода к власти

[1] Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 133-139.

Временного правительства (февраль – октябрь 1917 г.). Произошло это в силу того, что общественные организации представляли собой весьма деятельный и жизнеспособный институт, а также вследствие обоюдного стремления к сотрудничеству, существовавшего у правящей элиты и у общественных деятелей.

Министры Временного правительства, недавно сами принадлежавшие к лагерю общественников и знавшие их нужды, постарались отмежеваться от характерного для старого режима недоверия к общественности. Они подвергли критике систему взаимоотношений власти и общественности, сложившуюся ранее. Выступая в заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта, его председатель, по совместительству военный и морской министр А.И. Гучков возложил вину за осуществление Второй русской революции на царскую власть. «Этот переворот был подготовлен не теми, кто его сделал, – сказал Гучков, – а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители власти». Существующую систему взаимоотношений государства и общественности, когда «русский народ и русское общество навязывали свою помощь и свое сотрудничество власти, которая в этой помощи в этом сотрудничестве нуждалась, и страшно нуждалась, но она их боялась и чуждалась», Гучков признал странной. «Для меня было ясно, – сказал он, – что при такой комбинации, когда один человек протягивает руку помощи, а другой убирает руку назад или сжимает кулак, никакого сотрудничества быть не может»[1]. В своих выступлениях Гучков, а также его коллеги – министр торговли и промышленности А.И. Коновалов и министр финансов М.И. Терещенко призвали русских граждан к творческой созидательной работе. Подобная риторика присутствовала во всех публичных собраниях той поры.

Многие добровольные общества и публичные собрания общественников выступили в марте–апреле 1917 г. с декларациями «добрых намерений» по отношению к Временному правительству. Они направили персональные приветствия новым министрам, сказали слова поддержки правительству в запланированных им преобразованиях и пожелали, чтобы последнее создало условия для

[1] Цит. по: О перевороте и задачах момента. Заседание Центрального военно-промышленного комитета // Русские ведомости. 1917. 9 марта.

максимального использования частной инициативы в государственном строительстве.

О содействии правительству в деле обновления государственного строя заявили Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, Московское общество сельского хозяйства и ряд других организаций, державшихся либерально-демократического направления[1]. Лидеры Вольного экономического общества направили приветствие Временному правительству, председателю Государственной думы, Совету рабочих и солдатских депутатов, а также персонально министру юстиции А.Ф. Керенскому. Совет ВЭО в заседании 9 марта постановил возобновить деятельность, приостановленную при старом режиме, в январе 1915 г. Планировалось заняться научной разработкой вопросов экономической политики в рамках публичных собраний, а также посредством издания экономического журнала[2].

Лозунг поддержки Временного правительства в его начинаниях (в деле демократизации и подготовки скорейшего созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования) прозвучал на проходившем 4–9 апреля 1917 г. в Москве чрезвычайном Пироговском врачебном съезде. Требования установления демократической республики на основе самоопределения национальностей, населяющих Россию, передачи земли народу через Учредительное собрание, установления восьмичасового рабочего дня и широких социальных реформ встретили понимание у врачебного сообщества[3]. Помимо Временного правительства учительский съезд приветствовал совершившую «великий переворот» революционную демократию в лице советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, признал их оплотом решительной и полной демократизации страны и провала планов контрреволюции[4].

Призвав «приступить к организации новой жизни на новых началах», участники врачебного съезда обратились к более частному вопросу о переустройстве врачебно-санитарной организации: «В деле новой организации санитарной и медицинской части в России

---

[1] Вестник Временного правительства. 1917. 9 апреля.
[2] В Вольном экономическом обществе // Русские ведомости. 1917. 11 марта.
[3] Вестник Временного правительства. 1917. 12 апреля.
[4] Резолюции Пироговского съезда // Русские ведомости. 1917. 11 апреля.

мы должны сказать свое слово». Проектировалась такая организация управления врачебно-санитарным делом, когда общественные коллективы возьмут в свои руки заведование врачебно-санитарным делом вплоть до выработки руководящих принципов для постоянных врачебно-санитарных организаций новой демократической России Учредительным собранием. Практическое ведение врачебно-санитарного дела среди гражданского населения на местах предлагалось сосредоточить у земств, городов и самоуправляющихся больничных касс, а для согласования их действий планировалось образовать при Временном правительстве центральный совет из представителей указанных общественных организаций[1].

Факты проявления внимания к министрам Временного правительства выражались и в форме бурных оваций, которые общественные деятели им устраивали. Делегаты организованного в Петрограде 4–8 апреля 1917 г. всероссийского учительского съезда в ответ на выступление министра народного просвещения А.А. Мануйлова, поприветствовавшего учителей и выразившего им признательность за то, что «в глубокую реакционную пору они делали свое светлое, святое дело», встали и долго ему аплодировали[2]. Участник съезда педагог и филолог С.А. Золотарев, обращаясь к Мануйлову, призвал называть его «товарищем». «Вы явились сюда министром, – сказал Золотарев, – Позвольте надеяться, что вы отсюда уйдете нашим товарищем. Позвольте связать это большим, великим словом товарищ-министр». На это последовал ответный шаг со стороны Мануйлова, поднявшегося на кафедру и заявившего, что «он всем сердцем принимает это великое слово и просит относиться к нему не как к министру, а как к товарищу, по-дружески»[3].

Временное правительство, в свою очередь, декларировало всемерную поддержку общественных организаций, обещало создать условия для использования частной инициативы в интересах общества и государства. Культивировалось убеждение, что старая власть была сброшена «силой народного гнева», а новая власть, являясь временной, может жить и действовать только в атмосфере общественного доверия и общественной поддержки, необходимых для нее, как воздух. Такая фразеология использовалась, в частности, в

---

[1] Пироговский съезд // Русские ведомости. 1917. 5 апреля.
[2] Учительский съезд // Русские ведомости. 1917. 5 апреля.
[3] Всероссийский учительский съезд // Русские ведомости. 1917. 9 апреля.

выступлении министра земледелия А.И. Шингарева 8 апреля на съезде Союза городов в Москве. Шингарев резюмировал на съезде, что «… государство без общества не в силах ничего сделать»[1].

Всероссийскому союзу городов было предложено составление проекта нового Городового положения, призванного заменить Городовое положение 1892 г. Экономическим отделом ВСГ такой проект был составлен. Он предусматривал снижение возрастного ценза по активному и пассивному избирательному праву до 20 лет, отмену возрастного ценза для воинских чинов, упразднение ценза оседлости, а также распространение на города пропорциональной системы выборов. В обсуждении участвовали С.В. Бахрушин, В.Д. Кузьмин-Караваев, Б.А. Кистяковский, М.Д. Загряцков и др.[2]

В основу реформы административного управления, готовившейся Министерством внутренних дел с марта 1917 г., была положена популярная в общественной среде программа модернизации местного управления на началах широкой общественной самодеятельности, с использованием ресурсов органов самоуправления, а также частных обществ[3]. Объясняя идею реформы губернским комиссарам Временного правительства, министр-председатель Г.Е. Львов заявил: «При старом приказном полицейском порядке мы всегда боролись против стеснительной бюрократической регламентации, против того, чтобы местная самодеятельность втискивалась в узкое ложе чиновничьего шаблона. И мы понимаем, что в минуту государственного переворота губернии, уезды и города России захотели возложить заботу о благоустройстве и порядке на своих излюбленных местных людей»[4]. Подобное стремление всячески приветствовалось.

Идея использования ресурсов общественных организаций и опыта отдельных общественных деятелей в государственном строительстве активно эксплуатировалась в марте–апреле 1917 г. министрами. Так, министр просвещения А.А. Мануйлов высказывался за приобщение добровольных организаций к демократическому реформированию школьного образования[5]. Выступая 4 апреля на учредительном собрании Московского областного отдела всерос-

---

[1] Съезд представителей Союза городов // Русские ведомости. 1917. 11 апреля.
[2] Там же.
[3] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1800. Оп.181. Д.18. Л. 1-6.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 147. Л. 235.
[5] Вестник Временного правительства. 1917. 3 мая.

сийского учительского союза, Мануйлов призвал учительские организации к реформе управления школой на демократических принципах и выборном начале при участии педагогического персонала, к раскрепощению школы и ликвидации довлевшего над ней «наследства старого режима». Мануйлов также призвал деятелей школы к крестовому походу против неграмотности, к распространению в народной среде образования, сообщению народу тех сведений, которые ему необходимы для сознательного исполнения своих гражданских обязанностей[1].

Учительские общества, наряду с деятелями местного самоуправления, представителями науки и практики, были приглашены весной 1917 г. к составлению проекта школьной реформы. Она была призвана обеспечить преемственность школ разных ступеней, их общедоступность в территориальном и материальном отношениях. Планировалось способствовать улучшению материального положения учителей, развитию внешкольного образования при участии органов местного самоуправления и содействии государства. Министр просвещения заверил активистов собравшегося в Петрограде Всероссийского учительского съезда в том, что требования организованного учительства будут министерством не просто «приняты во внимание, но послужат руководством в его работе». Председатель съезда В.И. Чарнолуский в ответной речи признал министра «сотоварищем в деле народного образования» и декларировал готовность учителей помогать ему. В качестве направлений реформы провозглашалось предоставление полной свободы учительским организациями, собраниям и союзам, а также организациям, собраниям и союзам учащихся, повышение уровня материального обеспечения учителей, предоставление школе права самостоятельного разрабатывать программу обучения и др.[2] По инициативе Мануйлова, в июне 1917 г. учительским обществам взаимопомощи была выделена крупная субсидия в 300 тыс. руб. на поддержание общежитий для учительских детей, устройство библиотек, музеев, книжных складов и курсов[3].

С предложением о привлечении потенциала благотворительных организаций, действовавших в сфере попечения о воинах-

---

[1] Учительский съезд // Русские ведомости. 1917. 5 апреля.
[2] Всероссийский учительский съезд // Русские ведомости. 1917. 9 апреля.
[3] Вестник Временного правительства. 1917. 10 июня.

инвалидах и беспризорных сиротах, выступило в июне 1917 г. Министерство государственного призрения. Оно вынашивало план превращения частных обществ в несущую конструкцию системы государственного призрения в России. Роль государства при этом должна была сводиться к осуществлению общего руководства действиями добровольных обществ и органов местного самоуправления, оказанию им необходимой финансовой и технической поддержки[1].

Министр торговли и промышленности А.И. Коновалов призвал общественные организации к участию в мобилизации промышленности. На заседании Центрального военно-промышленного комитета 8 марта 1917 г. Коновалов говорил, что мобилизация промышленности должна пойти и вширь, и вглубь, без препон и опеки со стороны государства и при полной свободе развития творческих созидательных сил. От общественности правительство ожидало, по словам министра, «широкой энергичной помощи». Он выражал уверенность, что «падение старого режима вызовет новый подъем энтузиазма среди промышленной деятельности…, что свободный труд широких народных масс, спасшихся от деспотизма и вдохновляемый полным торжеством над ним, принесет великие результаты». Выступление Коновалова завершалось патетическим рефреном: «Победа будет за нами»[2].

Крупнейший фабрикант и известный думский оратор по вопросам экономики и рабочего движения Коновалов являлся знатоком рабочего вопроса. Одно из главнейших условий экономического возрождения России он видел в широком свободном развитии профессиональных союзов. В ликвидации законодательных препон жизнедеятельности профсоюзов он усматривал способ решить рабочий вопрос, урегулировав взаимоотношения между трудом и капиталом «на основах права и справедливости». В обращенном к рабочей аудитории заявлении 6 марта 1917 г. Коновалов заверил, что «приложит все усилия к тому, чтобы обеспечить рабочему законодательству развитие, согласное с назревшими потребностями… на основе прогресса профессиональных союзов»[3]. 16 марта по предложению Коновалова и под его председательством при отделе

---

[1] Вестник Временного правительства. 1917. 22 июня.

[2] О перевороте и задачах момента. Заседание Центрального военно-промышленного комитета // Русские ведомости. 1917. 9 марта.

[3] Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

труда Министерства торговли и промышленности было образовано особое совещание для разработки рабочего законодательства. На первый план в работе совещания ставился вопрос о законодательном обеспечении свободы профессиональных союзов[1].

К творческой созидательной работе призвал русских граждан и их организации также министр финансов М.И. Терещенко[2]. Он просил профессиональные ассоциации учителей, врачей, деятелей городского самоуправления и пр. содействовать «Займу Свободы», учрежденному новой властью, от успеха которого, по его словам, напрямую зависело материальное положение учителей, врачей и иных профессионалов[3]. Призыв министра был поддержан лидерами Вольного экономического общества, обратившимися к гражданам России с предложением отдать свои сбережения в «Заем Свободы», средства от которого должны были пойти в счет уплаты долгов царского правительства[4].

Временному правительству удалось в короткий срок пересмотреть правовой режим функционирования общественных организаций и собраний. Как известно, подготовленные при участии Совета министров под руководством С.Ю. Витте Временные правила о союзах 4 марта 1906 г. провозгласили явочный порядок создания обществ, однако данный принцип оказался декларативным, поскольку по отношению к обществам с правами юридического лица действовал регистрационный режим[5]. Общества и союзы подавали заявления в губернские по делам обществах и союзах присутствия и регистрировались ими. Присутствия могли и отказать в регистрации. Согласно Временным правилам о собраниях от 4 марта 1906 г., публичные собрания проводились с разрешения полиции или губернатора при обязательном присутствии полицейского чиновника, правомочного закрыть собрание.

В Декларации 3 марта и обращении «К гражданам России» 6 марта 1917 г., определивших основные направления законотворческой деятельности Временного правительства, была провозглашена свобода союзов и собраний для всех граждан, независимо от

---

[1] Вестник Временного правительства. 1917. 17, 19 марта.
[2] О перевороте и задачах момента. Заседание Центрального военно-промышленного комитета // Русские ведомости. 1917. 9 марта.
[3] Всероссийский учительский съезд // Русские ведомости. 1917. 9 апреля.
[4] Вестник Временного правительства. 1917. 9 апреля.
[5] См. подробнее: Туманова А.С. Указ. соч.

сословной и национальной принадлежности. Осуществление гражданских и политических свобод объявлялось первоочередной задачей Временного правительства, считавшего своим священным долгом «осуществить чаяния народные и вывести страну на светлый путь гражданского устроения». Обязательство «обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство», соседствовало в обращении 6 марта с обличениями антинародных действий царского правительства, отнимавшего у народа в течение долгих девяти лет, пядь за пядью, все завоеванные им актом 17-го октября 1905 г. права и ввергшего страну «в пучину произвола и самовластия»[1]. В заявлении от 5 мая 1917 г. Временное правительство вновь заверяло население в том, что «оно будет с полной решительностью проводить в жизнь идеи свободы, равенства и братства, под знаменем которых создалась великая Российская революция»[2].

Характеризуя деятельность Временного правительства в первые два месяца его существования, министр иностранных дел П.Н. Милюков указывал на решимость правительства «дать стране первые основы демократического строя», спешно «приготовить и опубликовать основные акты нового порядка». «В этом отношении, – добавлял Милюков, – его работа облегчена богатым материалом законопроектов, давно уже разработанных законоведами партии Народной свободы и залежавшихся в Государственных думах всех созывов»[3].

Постановление Временного правительства о собраниях и союзах было составлено в короткий срок. За основу брались соответствующие законопроекты, внесенные кадетами в I и IV Думы. Они провозглашали право российских граждан «составлять союзы в целях, непротивных законам или добрым нравам, не испрашивая на то разрешения правительственной власти»[4].

---

[1] Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 123; Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 56.
[2] Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая.
[3] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 286.
[4] Проект закона о союзах и обществах, внесенный в Государственную думу кадетской фракцией 1 июня 1906 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1906. Д. 135. Л.18 об. Ст. 2.

12 апреля 1917 г. «Вестник Временного правительства» сообщал, что Министерство юстиции завершило работу над законопроектом о свободе союзов и собраний и планирует внести его на утверждение в ближайшее заседание Временного правительства[1]. Однако никакой работы, по существу, не велось, поскольку текст постановления о собраниях и союзах, утвержденный на заседании Временного правительства 12 апреля и опубликованный в «Вестнике» 20 апреля 1917 г., представлял собой повторение кадетского законопроекта, отредактированного комиссией IV Думы в 1916 г.[2]

Постановление Временного правительства о собраниях и союзах включало в себя 8 пунктов, 5 из которых были посвящены общественным организациям. В нем провозглашалось право российских граждан «без особого… разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам». Общества и союзы получали право объединяться между собой, а также вступать в соглашения с образованными за границей союзами или обществами. Права юридического лица общественные организации приобретали в результате регистрации в судебных органах, порядок которой определялся особым постановлением. Принудительное закрытие организаций могло последовать только по решению суда, в том случае, если их деятельность противоречила уголовному законодательству. Постановление не распространялось на коммерческие общества и союзы, имевшие целью получение прибыли[3].

До выхода в свет Постановления 12 апреля в России де-факто общественные организации создавались явочным порядком. Комиссар Временного правительства по г. Москве Н.М. Кишкин, отвечая на запросы учреждений и частных лиц, разъяснял, что вновь возникающие общества и союзы политического, просветительного, благотворительного характера и т.п., не имеющие задачей получение прибыли от ведения какого-либо предприятия, образуются явочным порядком. Учредители таких обществ и союзов подают заявления комиссару Временного правительства по г. Москве (если их деятельность планировалось распространить на территорию г. Москвы), либо комиссару по Московской губернии (если деятельность плани-

[1] Вестник Временного правительства. 1917. 12 апреля.
[2] Там же. 20 апреля.
[3] Собрание узаконений (СУ). 1917. № 98. 20 апр. Ст. 540 «О собраниях и союзах».

ровалось распространить на территорию губернии). К заявлениям должен быть приложен проект устава в двух экземплярах[1].

В историографии внутренней политики Временного правительства утвердился взгляд на постановление 12 апреля о собраниях и союзах как на правовой акт, не имевший в конкретных общественно-политических условиях апреля 1917 г., «при полнейшей политической свободе», существенного значения, и лишь узаконивший право союзов и собраний, фактически завоеванное народом в Февральские дни и вошедшее в практику повседневной политической жизни[2]. Между тем, с точки зрения изучения законотворческой практики самодержавия, работавшего над составлением постоянного закона об общественных организациях на протяжении десятка лет и так и не сумевшего принять его, законодательная инициатива Временного правительства в данном вопросе имела огромное значение.

Период нахождения у власти Временного правительства стал временем расцвета общественной самодеятельности, возникновения большого числа новых общественных организаций, что ставило в практическую плоскость вопрос о порядке их регистрации. Разработка постановления о регистрации обществ и союзов осуществлялась Министерством юстиции при активном участии Министерства внутренних дел, в особенности Департамента общих дел и Главного управления по делам местного хозяйства, а также Министерства финансов. Свидетельством понимания новой властью злободневности этого вопроса были ходатайства, направляемые в Канцелярию Временного правительства руководителями различных министерств и ведомств, с просьбой разъяснить и максимально упростить порядок утверждения уставов обществ и союзов.

Проект правил о регистрации обществ и союзов был представлен Министерством юстиции на обсуждение и утверждение Временного правительства в начале мая 1917 г.[3] Соответствующее постановление было принято Временным правительством спустя месяц – 21 июня 1917 г. Постановление 21 июня определяло порядок регистрации обществ и союзов в местных окружных судах, при которых создавались специальные регистрационные отделения в со-

---

[1] Явочный порядок образования новых обществ и союзов // Русские ведомости. 1917. 11 апреля.

[2] Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 237 и др.

[3] Вестник Временного правительства. 1917. 6 (19) мая.

ставе члена суда, избираемого общим собранием, и секретаря. Определения о внесении общества (союза) в реестр или об отказе ему в регистрации выносились окружными судами в месячный срок с момента подачи документов. Отказ в регистрации мог последовать лишь в случае, если устав не соответствовал требованиям действующих законов. В определении об отказе в регистрации следовало указывать статьи закона, которым не соответствовал устав, и в чем именно заключалось это несоответствие. Жалобы на определения окружного суда могли подаваться учредителями в судебную палату, на судебную палату – в Сенат. Ведение регистрации общественных организаций возлагалось на учреждаемые при окружных судах регистрационные отделения. Регистрация осуществлялась посредством внесения общества (союза) в реестр обществ и союзов, не имеющих целью получение прибыли[1].

12 сентября 1917 г. в разъяснение закона Временного правительства от 21 июня о регистрации союзов в окружных судах Министерством труда был издан циркуляр. Отвечая на поступавшие в Министерство запросы об обязательности регистрации общественных организаций, циркуляр гласил, что общества и профессиональные союзы могут образовываться без какого-либо разрешения, регистрации или заявки, регистрация необходима им лишь при желании приобрести права юридического лица[2].

Постановления Временного правительства – от 12 апреля 1917 г., предоставившее российским гражданам право явочным порядком, без особого разрешения, организовывать общества и союзы, и 21 июня 1917 г. об обязательной регистрации обществ, желавших обладать правами юридического лица, судебными органами – явились логическим завершением законотворческой работы в области обеспечения свободы союзов, начатой в 1905 г. Указанные правовые акты установили в стране явочный порядок открытия общественных организаций, ввели законодательные и судебные гарантии защиты права граждан на объединение и осуществление организованной самодеятельности.

Законодательство Временного правительства о союзах получило высокую оценку современников. Либеральный правовед и исто-

---

[1] СУ. 1917. №165. 19 июля. Ст. 907. «О регистрации товариществ, обществ и союзов».
[2] ГА РФ. Ф. 5452. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

рик А.К. Дживелегов, подводя итог мерам Временного правительства в области обеспечения за населением прав личной и общественной свободы, в т.ч. права на объединение, справедливо утверждал, что свобода граждан защищена в России не хуже, чем в любом другом демократическом государстве[1].

Однако период реализации либеральной концепции гражданского общества, построенной на модели сотрудничества власти и организованной общественности, оказался недолгим. Историческое время для достижения общественного согласия и стабильности было упущено. Главная проблема Временного правительства состояла в том, что в условиях кризиса власти быстрый переход от жесткой административной системы самодержавия к политической системе, допускавшей представительные институты и политические свободы, оказался деструктивным фактором для модернизирующегося государственного строя. Вместе с тем, общественники использовали появившиеся тогда благоприятные возможности. 1917 г. явился для общественников периодом свободной самоорганизации. Созывались общественные съезды, функционировали публичные и частные собрания, активно работали добровольные общества и создавались новые организации, обсуждалась идея объединения общественных организаций и создания крупного союзного объединения общественников по примеру Союза союзов 1905 г.

Д.В. Аронов[2]

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В 1917 г.

Спецификой человеческого восприятия, как принадлежащих к научному сообществу, т.к. и большинства любителей истории, выступает приверженность стремлению уделить особое внимание событиям, каковым в традиционном летоисчислении присуща круглая

---

[1] Дживелегов А.К. Права и обязанности граждан в монархии и республике. М., 1917. С. 9.

[2] *Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История правовых учений» Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».*

(она же юбилейная) дата. Для России, для отечественной исторической науки – это 2017 г., год, когда отмечается столетний юбилей целого ряда рубежных событий, которые в основном предопределили последующие базовые направления развития российской, а, по большому счету, и мировой цивилизации. Полагаем, что подобное внимание можно и должно использовать в качестве повода для привлечения возможно более широкого внимания к тем событиям столетней давности, которые, несмотря на более чем старую историографическую традицию, вплоть до настоящего времени содержат более чем богатый потенциал для пытливого исследователя. Данное обстоятельство далеко не всегда связано с изменением идеологической парадигмы после распада СССР и ухода со сцены прежних методологических основ исторических исследований. Конечно, несмотря на то, что новому направлению в отечественной исторической науке уже более четверти века, определенное увлечение старыми рецептами объяснения событий 1917 г. сохраняется[1]. Однако, есть и ряд новых тенденций, смысл которых состоит в том, чтобы рассмотреть события вековой давности, как с помощью новых подходов, так и введения в научный оборот новых источников. Последнее во многом относится к трудам тех современников событий, кто, по различным причинам, в советское время мог служить лишь объектом критики, при этом многие из них просто были забыты в вихре последовавших событий российской истории.

Нельзя не отметить усиление внимания к фактологической стороне российской революции (революций?) 1905 г. – февраля / октября 1917 г. В свет выходит ряд фундаментальных[2], в т.ч. и энциклопедических изданий[3], не говоря уже о целом корпусе научных статей по самой разнообразной тематике. Рискнем предположить, что и юбилейная кампания не сможет закрыть все белые пятна и дать ответы на многочисленные спорные вопросы истории данного периода. Причем это произойдет не столько в фактологической ба-

---

[1] См., например: Великий Октябрь: взгляд спустя столетие. Материалы МНПК (г. Орел, 23.04.2017). Орел, 2017.

[2] Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб., 2017.

[3] См. например: Реформы России с древнейших времен до конца XX в. в 4-х тт. М., 2016. Т. 1. IX-XVII вв.; Т. 2. XVIII-XIX вв.; Т. 3. Вторая половина XIX - начало XX в. Т. 4. 1917-1991 гг.; Россия в 1905-1907 гг.: Энциклопедия / [отв. ред. В.В. Журавлев]. М., 2016. и др.

зе событийного ряда 1917 г., сколько в процессе формировании сущностной оценки событий и явлений. Помимо персональной исследовательской позиции, на основе которой формулируются конкретные исследовательские гипотезы авторов, нельзя не отметить и весьма разную критериальную оценку тех системных изменений, которые происходили в государственном и политическом строе, политической системе России в феврале – октябре 1917 г.

В числе этих вопросов все годы дискуссий о сущностных изменениях в государственном строе России были вопросы о природе Основных законов 23 апреля 1906 г., о природе российской государственности в думский период ее политической истории, о сущности и движущих силах событий февраля – марта 1917 г., о типологии политического режима России февраля – октября 1917 г., о месте и роли Учредительного собрания в трансформации государственного строя и политической системы страны. Также, как нам представляется, нельзя обходить вниманием пусть не столь масштабные, но не становящиеся от этого менее важными и интересными в исследовательском отношении вопросы о том, кто был последним российским императором, не 5-го ли января 1918 г. де-юре завершился переворот, начавшийся событиями 25 октября 1917 г., можно ли на основании несоответствия отречения Николая II имперскому законодательству говорить о сохранении в России монархического типа правления и ряд других.

В настоящей статье основное внимание уделяется вопросу о типологии того строя, который де-юре и де-факто возник и начал складываться в России после событий конца февраля 1917 г. Тем более, что за длительное время в исторической и историко-правовой литературе сложилась весьма устойчивая традиция считать, что в этой сфере первым официальным документом Временного правительства была декларация 1 сентября 1917 г., где Россия впервые была названа республикой. Откуда такое дружное следование крайне упрощенной методологии легизма (юридического позитивизма) понять достаточно трудно, поэтому постараемся не только представить альтернативные точки зрения по данной проблематике, но и показать, что еще в 1917 г. существовали вполне фундаментальные попытки ответить на этот вопрос. А ведь вопрос о власти в государстве, вспоминая широко известную в свое время

цитату, есть коренной вопрос всякой революции[1]. В данном случае, с автором цитаты вполне можно согласиться, ибо в России общая тенденция была обратна западной политической традиции, где власть шла за экономическим могуществом, показывая обратный процесс, когда именно политическая власть формировала экономическое благосостояние ее обладателей[2].

Однако, возвращаясь к характеристике того строя, который сложился в России после событий 27 февраля – 3 марта 1917 г., полагаем необходимым заметить, что на каких бы идеологических позициях ни стояли сторонники различных мнений в оценке значимости для России событий, произошедших в указанный период, практически все признают, что в России произошло прекращение монархической формы правления. Ее природа по Основным законам 23 апреля 1906 г. – абсолютная или ограниченная (конституционная?) – тема отдельной дискуссии, и в рамках настоящей статьи она не рассматривается. Соответственно, следуя даже законам формальной логики, можно вполне обоснованно предположить, что если Россия не монархия, то она вряд ли может быть чем-то иным, кроме как республикой. В этом месте в ходе ряда дискуссий на представительских мероприятиях, связанных со столетием событий 1917 г., нам довелось столкнуться с аргументами как стихийных, так и сознательных сторонников крайних форм легизма, как левого, так и правого. Они заключались в следующем. Первые отрицают республиканскую природу государственного строя России периода «третьемартовского» политического режима[3], основываясь на отсутствии нормативно-правовых актов, содержащих нормы, устанавливающие порядок формирования и функционирования соответствующих органов государственной власти. Вторые полагают, также как и мы, обращаясь к Аристотелю, точнее, к его типологии форм реализации государственной власти, что этот период может быть охарактеризован как период анархии.

---

[1] Ленин В.И. О двоевластии // ПСС. Т. 34. С. 200.

[2] Нуреев Р.М. Послесловие к «Политической экономии сталинизма» Пола Грегори // Грегори П. Политической экономия сталинизма. М., 2006. С. 349.

[3] Термин и концепция предложены А.Б. Николаевым - д.и.н., профессор, зав кафедрой русской истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; «Государственная дума и Февральская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 г.» материалы дискуссии «Таврические чтения – 2016».

Полагаем, что обе позиции имеют весьма существенные недостатки. Первая, полагающая легитимацию исключительно как законотворческий акт государства, не учитывает, что мы имеем дело с возникновением нового типа государства революционным путем, когда нормотворческая составляющая легитимации нового политического режима и государственного строя ipso facto отстает от реального развития событий. Новые органы власти опираются не на переставшие действовать в силу изменившейся социальной реальности нормативные акты, определяющие государственное устройство, а на иные источники таковой (в этом качестве может выступать и народный суверенитет, и массовое насилие, суть в данном случае не в их конкретной форме, а в общности (на определенном этапе) присущей им несвязности формальными нормами позитивного права. Впоследствии, если данный разрыв политической реальности доказывает свою жизнеспособность, он начинает, образно говоря, обрастать нормативной мускулатурой как в сфере внутреннего (национального) права, так и в сфере международного публичного права. В первом случае создается в большей или меньшей степени отличное от прежнего, позитивное право, основанное как на ранее существовавшем правовом фундаменте, так и совершенно новое, имеющее в основе один из указанных выше источников. Во втором случае вступает в действие такой институт международного публичного права как признание (de jure, de facto) и/или правопреемство.

Что же касается характеристики государственного строя постимперской России марта 1917 г. как анархического, то изучение конкретно-исторической ситуации с формированием новых органов власти, действий, предпринимавшихся Временным комитетом членов Государственной Думы с конца февраля 1917 г. по овладению механизмом государственного управления, показывает, что нет никаких оснований для подобной характеристики. В равной мере это же относится и к деятельности сформированного 2 марта Временного правительства. Строго говоря, как отмечает А.Б. Николаев, были и сформированные до Временного правительства 27-28 февраля новые чрезвычайные органы государственного управления. Таким образом, полагаем крайне слабо аргументированной точку зрения на государственное правление в России после пресечения династической формы правления как на отсутствие такового, т.е. де-факто анархическое.

Соответственно, не сможем мы оставить без внимания и вопрос о судьбе императорского престола в России. Тем более это важно в свете известных событий, связанных с расследованием трагической судьбы царской семьи и непрекращающимися попыткам создания системы доказательств едва ли не идеального образа правления, сформировавшегося при Николае II, павшего в результате предательства и преступного поведения практически всех иных участников политического процесса. Соответственно, главными актами, определившими ситуацию в части природы государственного строя, были акт от 2 марта «Об отречении Государя императора Николая II от престола Государства Российского и о сложении с себя верховной власти», акт от 3 марта «Об отказе Великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти впредь до установления в Учредительном Собрании образа правления и новых основных законов Государства Российского». Уже в 1917 г. отечественные исследователи отмечали, что может показаться, что, судя по названиям, между ними существует принципиальная разница[1]. Эта кажущаяся разница заключалась уже в названиях, если Николай II по его логике отрекся от престола от себя и за сына навсегда (степень легитимности отречения Николая II за сына является отдельной дискуссионной темой, не входящей в предмет рассмотрения настоящей статьи). Что же касается Михаила Александровича, то может сложиться, особенно у некритических адептов монархического прошлого (а у многих и будущего) России, ощущение, что он отказался от престола только на время, а именно до созыва Учредительного собрания, которое, как один из вариантов, могло поддержать его кандидатуру на российский престол. Соответственно, в период с марта и до созыва Учредительного собрания российский престол остается незамещенным.

Однако данная точка зрения входит в противоречие с вариантами правовой природы занятия Михаилом российского трона в случае поддержки его кандидатуры Учредительным собранием. Таких вариантов в принципе было два. Первый – это по праву наследования, второй – по праву избрания. Для того, чтобы было реализовано право наследования, как минимум, было необходимо сохранение российского трона. Соответствующее положение содержа-

[1] Боголепов А. Современный государственный строй России // Право. 1917. № 27-28. С. 1066-1076.

лось в акте от 2 марта, который сохранял в России конституционно-монархическую форму правления, а народному представительству (Учредительному собранию) делегировалась обязанность определиться с принципами взаимодействия монарха с новыми органами государственной власти. Однако, акт 3 марта целиком лишает представителей династии власти, полностью передавая ее народу, воля которого будет реализована посредством Учредительного собрания, функции которого, собственно, и должны были состоять в том, чтобы «установить образ правления и новые основные законы Государства Российского»[1].

Соответственно, Учредительное собрание могло признать Россию, как республикой, так и конституционной монархией, призвав на престол, как династию Романовых, так и иную династию. В этом случае при сохранении Романовых на престоле народные представители могли остановить свой выбор как на кандидатуре Михаила Александровича, так и на другом представителе династии. В принципе, как отмечали современники, природа Учредительного собрания позволяла ему установить даже дуумвират, по типу римских консулов или спартанских царей. Последнее, конечно, лежит вне рамок, как реальной политики, так и исторической и ментальной традиции, однако нисколько не противоречит природе народного представительства в период конституирования новой политической системы и типа государственности.

Соответственно, можно говорить о переходе высшей власти к Временному правительству, что, в частности, указано в его акте от 8 марта 1917 г. В этой системе монархическая власть полностью отсутствовала. Не было предусмотрено ни участие династии Романовых ни в работе Учредительного собрания, ни каких-либо особых прав после его завершения. Следовательно, представляется вполне возможным сделать вывод о том, что после отречения Михаила в системе государственного управления Россией монархических элементов не осталось.

Теоретически возможное возвращение представителя династии на трон могло состояться уже не по праву наследования, а по праву

---

[1] Акт отречения от престола императора Николая II / Сто главных документов российской истории [Электронный ресурс] // URL: http://док.история.рф Дата обращения: 22.04.2017 г. Акт отречения от престола Михаила Александровича [Электронный ресурс] // URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/mih2.gif (Дата обращения: 22.04.2017).

избрания. Дополнительным, хотя и весьма формальным, подтверждением прекращения монархической формы правления выступает отсутствие регентства, как необходимого условия сохранения преемственности династии по праву наследования.

Следовательно, с установлением 3 марта в России полного народоправства изменилась и форма правления. Власть перешла к коллегиальному органу – Временному правительству, которое по смыслу не обладает такими признаками монархической власти, как наследственность и пожизненность. Оно было сформировано в ходе серии компромиссных соглашений Временного комитета членов Государственной Думы и Совета рабочих и солдатских депутатов. Природа этих органов также неоднородна и неоднозначна, однако полагаем, что, несмотря на роспуск IV Думы царским указом на каникулы, куриальную систему формирования депутатского корпуса, отсутствие в Петрограде в период 27 февраля – 3 марта 1917 г. какого-либо типа большинства ее депутатов, вполне можно говорить о том, что Временный комитет членов Государственной Думы объективно был (хотя и весьма ограниченно) носителем народного суверенитета. Соответственно, именно этот орган чрезвычайного управления периода февральской трансформации социального строя, которую можно определить как политическую (но не социальную) революцию, сыграл роль связующего элемента в передаче высшей государственной власти. Несмотря на то, что, как справедливо отмечают исследователи событий февраля – марта 1917 г.[1], Временное правительство в качестве одного из своих первых мероприятий решало вопрос о лишении ВКЧГД каких бы то ни было полномочий в новой системе государственной власти, он сыграл свою роль в качестве как органа, обеспечившего преемственность высшей государственной власти, так и органа оперативного управления, сумевшего заполнить вакуум власти в критические дни системного социально-политического кризиса февраля – марта 1917 г.

[1] Николаев А.Б. «Государственная дума и Февральская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 г.» материалы дискуссии «Таврические чтения – 2016».

Калугин П.А.[1], Золотухина Е.К.[2], Павлова О.И.[3]

ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. К ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (февраль – октябрь 1917 г.)

Несмотря на то, что 1917 г. был во всех отношениях критически сложным для любой политической силы, находившейся у власти в России, каждая из них была вынуждена действовать в рамках определенного правового поля, которое, во многом, сама и создавала. Применительно к исторической власти, персонифицировавшейся в императорской фамилии и совокупности соответствующих органов власти, мы говорим, по преимуществу, о принципиально значимых для России актах, связанных с отказом и передачей российского престола. Говоря о политических силах, пришедших к власти в октябре 1917 г., мы имеем дело, с одной стороны, с формально сохраняющимся институтом Учредительного собрания, созыв и, частично, выборы в которое прошли уже после октябрьских событий, а, с другой, с кардинальным обнулением правового поля страны, формированием новой регулятивной системы, основанной на совершенно иных, чем ранее, правовых идеях и принципах.

Если же говорить о деятельности в этом направлении Временного правительства и тех политических сил, представители которых, по преимуществу, рекрутировались в его состав, составляли экспертную среду и т.п., то они во многом были связаны базовыми постулатами либерализма как типа мировоззрения, ставящего во главу угла именно нормативно-правовые регуляторы. Вместе с тем, весьма заметное влияние на практику перевода общелиберальных идей, ранее структурированных в партийной программатике, оказывал, так сказать, «текущий политический момент». Соответственно партийные формулы оптимального государственного устройства страны,

---

[1] *Калугин Павел Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Среднерусского института управления филиала РАНХиГС.*

[2] *Золотухина Екатерина Керимовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории правовых учений Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

[3] *Павлова Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории правовых учений Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

ее политической системы, испытали весьма серьезные коррективы, в т.ч. и под влиянием определенных личных амбиций. В качестве примера можно вспомнить те же президентские амбиции М.В. Родзянко в постфевральский период. Можно говорить и о зеркальном изменении политической позиции со стороны самых разных политиков. В этом отношении весьма ярким примером была переориентация крайне правых, выступавших, порою, с заявлениями о приветствии и поддержке демократической республики в России.

Соответственно, Временное Правительство в сложившейся обстановке считало необходимым проводить последовательную политику в области подготовки конституционного строительства. В конце сентября – начале октября 1917 г. получила организационное оформление разработка проекта нового варианта Основных законов. Для реализации данной цели была создана специальная, как тогда говорили, Особая комиссия при Юридическом совещании. В ее состав были включены известные общественные деятели и авторитетные специалисты в области юриспруденции: А.А. Боголепов, В.М. Гессен, В.Ф. Дерюжинский, А.И. Ивановский, Н.И. Лазаревский, А.Э. Нольде, Б.Э. Нольде, Э.Э. Понтович и ряд других, представлявших, по преимуществу, партию кадетов.

За сравнительно короткий период своей деятельности комиссия подготовила ряд материалов, среди которых такие проекты, как: «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании», «Тезисы по вопросу о верхней палате», «Статьи Основных законов по вопросу об автономии»[1].

Среди них принципиально важным для характеристики видения либеральными политическими силами будущего государственно-политического устройства страны в условиях революционного кризиса выступает проект «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании».

В соответствии с текстом первой статьи проекта, «осуществление исполнительной власти должно быть возложено на временного Президента Российской республики». При этом дальнейшую судьбу этого нового для России института должно было решить Учредительное Собрание, которое могло принять решение о переизбрании президента на срок до 1 года (ст. 4).

---

[1] Боброва Г.С. Становление российского конституционализма. Дисс. … к.ю.н. М., 2017. С. 52.

Данные нормы позволяли создать правовой механизм передачи власти от Временного Правительства Учредительному Собранию, а также быть переизбранным действующему министру-председателю Временного Правительства в новой структуре государственной власти, заняв вводимый пост Президента Российской республики.

Подобная схема, с позиции кадетского большинства комиссии, обеспечивала преемственность в управлении страной, обеспечивала России достаточно устойчивую и сильную власть, гарантировала продолжение начатых системных конституционных преобразований.

Проект достаточно подробно прописывал круг полномочий и условий деятельности Президента. Последний осуществлял свои полномочия в качестве Временного Президента «под надзором Учредительного Собрания и при содействии Совета Министров, пользующихся доверием Собрания». Данное положение предусматривалось ст. 2 данного проекта. Весьма информативен для оценки позиции либерального законотворца той эпохи перечень правомочий Временного Президента Российской республики. Проект наделял Временного Президента «правом законодательной инициативы» (ст. 5). При этом от его имени «законопроекты вносятся на рассмотрение Учредительного Собрания Советом Министров» (ст. 5). Помимо этого, он наблюдал «за исполнением законов и делал распоряжения для сего необходимые» (ст. 8), наделялся правом издавать указы «об устройстве, составе и порядке действий представительных учреждений, за исключением судебного ведомства, испрашивая необходимые кредиты у Учредительного Собрания» (ст. 9), он также разрешал «все дела управления» (ст. 10), руководил внешнеполитическими отношениями, ему также принадлежало «верховное начальствование над всеми вооруженными силами» (ст. 11-12).

Анализ данного проекта позволяет говорить о том, что при разработке полномочий Временного Президента за основу были взяты Основные государственные законы Российской Империи образца 1906 г. (раздел, определявший полномочия монарха). Аналогичная тенденция прослеживается и в статьях, наделявших Временного Президента правом назначения и отстранения от должности лиц, замещавших важнейшие должности в структуре государственного управления. Речь, в первую очередь, шла о должностях «председа-

теля Совета Министров и министров». Также этот перечень включал «тех должностных лиц гражданского и военного ведомств, кои на основании действующих узаконений назначаются и увольняются верховной властью» (ст. 13). Временному Президенту также было передано право председательствования в Совете Министров, а при его отсутствии эту функцию выполнял Председатель Совета Министров (ст. 17.). Подобно фигуре монарха в либеральных проектах Основного закона России[1], Президент Российской республики был защищен от внешнего влияния рядом специальных инструментов. Так, к нему не могли быть обращены обязательные запросы от членов действующего Учредительного Собрания. В свою очередь, статьи, которые предусматривали ответственность Временного Президента перед Учредительным Собранием, носили весьма общий и неконкретный характер, имели весьма неточные формулировки. По сути, речь шла о возможности получения Упредительным собранием устных или письменных объяснений от Временного Президента (ст. 6). Реальную ответственность за управленческие действия и их последствия проект возлагал на Председателя Совета министров и соответствующих министров (ст. 19). Они же отвечали перед Учредительным Собранием «за скрепленные Президентом указы и распоряжения»[2]. Данный институт, по сути, представляет собой адаптацию института контрассигнатуры, весьма подробно прописанного в 1904-1906 гг. в либеральных проектах Основного закона России[3].

Анализ данного законопроекта позволяет говорить о том, что Временный Президент Российской республики получал де-факто статус диктатора, в руках которого сосредотачивалось верховное управление государством при фактическом отсутствии реальной ответственности. Правовой статус главы государства как центра системы государственной власти потенциально мог привести к режиму военной диктатуры. Вряд ли могут рассматриваться предполагаемые отдельными исследователями варианты реставрации

---

[1] Аронов Д.В. Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. Муромцевские чтения. Сб. науч. ст. Орел, 2014. С. 122-130.

[2] Левчук С.В. Конституционные проекты Временного правительства России в межреволюционный период 1917 года // Право и жизнь. 1996. № 10. С. 155–156.

[3] Аронов Д.В. Статус монарха в либеральных проектах Основного закона России начала XX века // История государства и права. 2013. № 3. С. 14-17.

монархии. Аналогично можно говорить и о мнении, что этот сценарий вписывался в видение государства кадетами[1]. После краха монархической формы правления кадеты вынесли этот вопрос на обсуждение партийного съезда. Один из идеологов партии, видный либеральный юрист Ф.Ф. Кокошкин активно защищал тезис о включении в программу партии положения о демократической республике как форме правления. «Республика в наших глазах не может не быть самой совершенной формой правления, ибо, – отмечал он в своем выступлении на партийном форуме, – это такая форма правления, при которой наш демократический принцип: господство воли народа – осуществляется в самом полном и чистом виде»[2]. Для последующего проведения принципа действительного господства демократических принципов, считал Кокошкин, «в республике должно быть проведено разделение власти», при этом законодательная власть должна была «целиком принадлежать представительному собранию»[3]. Аргументация Кокошкина, влияние общей политической ситуации в стране обеспечили единогласное голосование 323 делегатов по вопросу об изменении п. 13 (о государственном устройстве России) партийной программы конституционно-демократической партии. Новая редакция была изложена в следующей формулировке: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой»[4]. Соответственно, подозрение кадетов в стремлении реставрации монархии вряд ли можно обосновать соответствующими источниками. Тем более, что после отречения Николая II и Михаила Александровича теоретическая возможность, конечно, сохранялась, однако этот вариант, также рассмотренный представителями либеральной юриспруденции, всецело находился в компетенции Учредительного собрания[5]. Восстановление монархии могло в теории осуществиться как в варианте приглашения династии Романовых, так и иной династии. Собственно восстановление династии было невозможно по целому ряду юридических оснований, в частности, отсутствию института регентства и т.д.

---

[1] Боброва Г.С. Указ. соч. С. 54.
[2] Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 373.
[3] Там же. С. 377.
[4] Там же. С. 400.
[5] См.: Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале – октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 13-17.

Следует отметить, что эти проекты оказали влияние на какое бы то ни было официальное законотворчество еще меньшее, чем проекты либеральных конституций 1904-1906 гг. на российское законодательство периода революции 1905-1907 гг., хотя и там влияние было, по большому счету, исчезающе малым[1]. Однако они выступают исключительно важным источником для характеристики либерального законотворчества в эпоху системного социально-политического кризиса. С позиций данного подхода, мы можем говорить о том, что проект о введении в России поста Президента (Временного Президента) Российской республики, подтверждает вывод о том, что либеральные, основанные на верховенстве права рецепты преодоления социально-политических кризисов не работают. В подобные эпохи преимущество получают иные рецепты преодоления социальных кризисов, предлагающие простые, понятные широким массам способы реформирования социальной действительности.

Перспективным направлением исследований в данном ракурсе могут стать работы компаративистского характера, позволяющие проследить степень взаимосвязи между законотворчеством Временного правительства и либеральными проектами периода революции 1905-1907 гг., а также тем теоретическим наследием второй половины XIX – начала XX в., которое оставила нам либеральная юриспруденция.

В.В. Соколов[2]

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В КОНСТИТУЦИОННОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЛИБЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ НАЧАЛА XX в.

Специфика ситуации, сложившейся в России после событий февраля – марта 1917 г. в области обеспечения избирательных прав граждан отчасти состояла в том, что отечественной юридической науке пришлось одновременно решать, причем не только тео-

---

[1] Аронов Д.В. От Лазавки до Таврического дворца. Сергей Андреевич Муромцев – политик, ученый, педагог. Орел, 2010. С. 158-161.

[2] *Соколов Вадим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент*.

ретически, но и практически две важные задачи. Во-первых, в связи с тем, что в своей декларации от 2 марта 1917 г. Временное правительство провозгласило созыв Учредительного собрания, необходимо было в кратчайшие сроки подготовить нормативные акты, определявшие порядок выборов в этот орган, призванный установить основы социально-политической системы и государственности постфевральской России. А, во-вторых, в связи с тем, что Россия объективно стала республикой[1], требовалась разработка нового Основного закона – Конституции страны, с необходимым присутствием раздела, содержащего нормы, регулирующие избирательные права граждан. Несомненно, что данную работу осложняла общая ситуация в стране, которая переживала разрыв постепенности не просто в условиях революции, но и глобальной войны, системного социально-экономического кризиса. Проблемы российской государственности того периода более чем подробно изложены в отечественной и зарубежной историографии различных школ и направлений, что избавляет нас, как мы полагаем, от необходимости сколь-нибудь подробного изложения данной проблематики.

Соответственно, решение этих задач, особенно в условиях крайнего дефицита времени, особенно для решения первой из них, не могло не использовать существовавшие ранее законотворческие наработки. И здесь мы не можем не отметить ту прозорливость, которая была свойственна представителям либеральной части политического поля России, которые еще до революционных событий, причем не 1917, а 1905-1907 гг., задались целью обеспечения изменений социально-политической ситуации в стране адекватным нормативно-правовым материалом, отвечающим задачам предполагаемого направления дальнейшего развития общества. В отечественной историографии данная точка зрения содержится в комплексе работ В.В. Шелохаева[2], обосновавшего наличие у российских либералов теоретической модели реформирования страны, а также в трудах представителей его научной школы, развивающих идею о том, что данная модель содержится, в частности, в совокупности за-

[1] См.: Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале – октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 13-17.
[2] См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель реформирования России. М., 1996 и др.

конотворческого материала наработанного либеральными, прежде всего, кадетскими, юристами в предреволюционный период[1].

В качестве примера можно говорить о результатах работ весны и лета 1917 г., когда кадетские юристы подготовили комплекс проектов в сфере реформы местного самоуправления и управления. Целый ряд из них получил статус закона («О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» 15 апреля 1917 г.[2]; «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» 25 мая 1917 г.[3]; «Об изменении действующих положений о губернских земских учреждениях» 9 июня 1917 г.)[4] и др.[5] Общая направленность либерального законотворчества данного периода состоит в попытке одновременного решения ряда задач. Это и ликвидация пережитков феодализма в системе управления, и попытка демократизации в либеральном духе местного самоуправления. При этом необходимо было искать баланс между общелиберальным пониманием принципов правового регулирования конкретных видов общественных отношений и ожиданиями широких слоев населения, уставшего от тягот военного времени и находящегося под влиянием крушения исторической монархической власти. Пример следования общелиберальной парадигме мы видим, в частности, в реализации в законотворчестве института всеобщего избирательного права. Это обеспечивало децентрализацию управления и способствовало качественному расширению компетенции органов местного самоуправления. Соответственно, на уровне поселка и волости выборы, по общему правилу, должны были производиться по

---

[1] См.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе. 1906-1907 гг. М., 2005 и др.

[2] «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» от 15 апреля 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 1 мая 1917. № 95. Ст. 529. С. 805-832.

[3] «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» от 21 мая 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 14 июня 1917. № 137. Ст. 730. С. 1167-1177.

[4] Об изменении действующего Положения о губернских и уездных земских учреждениях впредь до издания нового о них Положения» от 9 июня 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 8 июля 1917. № 157. Ст. 870. С. 1455-1470.

[5] См. например: Постановление Временного правительства 15 апреля 1917 г. о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях. Наказ министра внутренних дел городским общественным управлениям о применении Временных правил о производстве выборов гласных городских дум. Пг., 1917 и др.

мажоритарной системе. Вместе с тем, в компетенции уездной управы было использование пропорциональной системы выборов. В свою очередь, выборы в уездное и губернское земство проходили только по пропорциональной системе, позволяющей учесть как интересы меньшинства, так и местные особенности.

Подобная, весьма высокая, эффективность опиралась, прежде всего, на опыт законотворческих наработок, как теоретиков и идеологов, так и практиков отечественного либерализма, В данном случае мы видим достаточно оперативный ответ Временного правительства на общественный запрос на социальное реформирование необходимых для функционирования государства нового типа базовых, первичных структур гражданского общества, призванных формировать институты правового государства.

Следует отметить, что темпы и качество законотворчества в этой сфере имели под собой весьма солидную основу периода думского законотворчества российских либералов. В период думской деятельности в сфере преобразования местного управления у кадетов было подготовлено 6 проектов, in corpora характеризующих подходы либеральных кругов к реформированию правового регулирования общественных отношений в данной сфере. К их числу можно отнести «Общий план реформы местного управления»; 3 проекта в области земского самоуправления – «Проект изменений и дополнений земского положения – с целью обеспечить самостоятельность земских учреждений», «Проект закона о выборах уездных земских гласных»; 2 проекта, посвященных организации городского самоуправления: «Проект городового положения» и «Проект закона о выборах в гласные городских дум»[1].

Интересна и техника подготовки проектов. Подобно тому, как конституционному проекту С.А. Муромцева умышленно была придана форма, делавшая возможным его органическое включение в ткань уже действовавших законов, так и законопроект «Об изменении порядка избрания губернских гласных» был специально подготовлен с расчетом на применение его норм к действовавшей системе земского управления[2].

---

[1] Законодательные проекты и предложения партии народной свободы. 1905-1907 гг. СПб., 1907. С. 133.
[2] Там же. С. 176.

Обращает на себя внимание высокая степень технической готовности проекта. Он представляет собой целостный нормативный акт, имеющий все признаки высокой законотворческой техники его создателей. В отличие от многих иных либеральных законодательных инициатив, проект имеет раздел «Общие положения», куда его авторы включили понятия и принципы выделения избирательной территории, определения лиц, пользующихся избирательным правом. Последующие разделы последовательно излагали систему учреждений обеспечивающих проведение выборов и гарантии их независимости от постороннего влияния, порядок учета избирателей и составления избирательных списков, порядок организации выборов с особой регламентацией процедуры голосования и определения их результатов, а также, сохраняя классическую структуру законопроекта, его завершал раздел, содержавший нормы о порядке обжалования результатов выборов.

Анализ общих положений законопроекта позволяет говорить об основных идеях, которые закладывали в него его создатели. Прежде всего, речь идет о четком разграничении территорий избирательных округов применительно к городским и сельским поселениям. Это должно было обеспечить пропорциональное представительство городского населения в уездных земских собраниях, т.к. ранее города (кроме городского головы уездного города) не имели там отдельного представительства. Содержался и перечень городов, которые составляют исключения, т.к. они представляются отдельными делегациями. К числу отдельных самоуправляющихся единиц высшего порядка следовало, по мысли авторов, отнести значительное количество крупных городов страны, но стремление вписать закон в действующую систему законодательства привело к тому, что подобная реформа в нем не предусматривалась. Предполагалось установление точного количества гласных по каждому уезду в зависимости от населения. Верхняя и нижняя граница количества гласных в уезде определялась от 40 до 80 и выводилась на основе анализа результативности деятельности существовавших земских органов[1]. Утверждение количества избирательных округов, распределение количества гласных, избираемых по округам в границах уезда, делегировалось уездной земской управе, городской

[1] Законодательные проекты и предложения партии народной свободы. 1905-1907 гг. С. 178, 188.

управе или городскому старосте в зависимости от принадлежности избирательного округа к территории с определенным статусом (ст. 6). Решения исполнительных органов выносились на утверждение соответствующих представительных структур (ст. 7).

Принципиально важной была ст. 13, где определялись требования к лицам, имеющим право голоса. В основу было положено предоставление этого права «всем российским гражданам без различия пола, вероисповедания и национальности … достигшим 21 года»[1]. По вопросу о возрасте существовали определенные разногласия. Авторы законопроекта, вводя сравнительно низкий возрастной ценз, ориентировались на возраст гражданской правоспособности, хотя ранее в конституционных проектах возрастной ценз составлял 25 лет. Помимо возрастного ценза, статья содержала имущественный и налоговый ценз, которые могли заменять ценз оседлости, равный 6 месяцам, что отличало кадетов от других либералов, которые считали необходимым увеличить ценз проживания до 2 лет. Природа всех этих цензов состоит в стремлении обеспечить реализацию принципа связи человека с определенной местностью[2].

Таким образом, можно с высокой степенью уверенности говорить о том, что нормативно-правовое обеспечение выборов в органы земского самоуправления и управления в практике Временного правительства было основано на фундаментальном теоретическом, партийно-политическом и законотворческом заделе, созданном представителями либеральной юриспруденции в думский период политической истории российского либерализма.

Однако в силу смены типологии государственной власти в России[3], необходимо было решать и вопрос о новом Основном законе страны, т.к. их редакция от 23 апреля 1906 г. (с последующими изменениями) мягко говоря, не соответствовала действительности. Соответственно, начиная с февраля и до октября 1917 г., в России конституции (Основного закона) не было. С точки зрения «чистой» либеральной теории, выработка конституции являлась функцией Учредительного собрания.

---

[1] Там же. С. 190.
[2] Там же. С. 180-181, 190.
[3] См.: Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале – октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 13-17.

Временное правительство вело в этом отношении определенную деятельность, делая это весьма основательно, с детальной проработкой соответствующих вопросов. Так называемое Особое совещание для подготовки проекта положения о выборах было создано 25 марта 1917 г. В его состав вошли специалисты в области государственного права, статистики, общественные и политические деятели, представляющие основные политические течения России.

Об этом же процессе свидетельствует и ряд других документов. 20 июля 1917 г. увидело свет Постановление об утверждении раздела I Положения о выборах в Учредительное собрание. В законопроекте (глава II «Об избирательном праве»), с необходимой степенью подробности, рассматривались субъекты избирательного права. Там же содержались нормы, согласно которым возрастной ценз понижался на 5 лет, правом участия в выборах наделялись граждане обоего пола, которым на момент выборов исполнилось 20 лет. Глава III «Об учреждениях, заведывающих производством выборов в Учредительное собрание» возлагала проведение выборов на: 1) Всероссийскую, окружные, столичные, уездные и городские по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии и участковые избирательные комиссии, а также на 2) городские и поселковые управы и волостные земские управы. Глава IV «Об избирательных списках» возлагала составление избирательных списков на городские и поселковые управы, а также на волостные земские управы. В избирательный список вносились лица, имеющие право участвовать в выборах и проживающие на территории избирательного участка ко дню начала составления избирательных списков, даже в случае их фактического отсутствия. Прибывшие позднее могли быть внесены в списки лишь по их собственному заявлению. Глава V «О кандидатских списках» давала возможность заявить список группе граждан в количестве не менее чем 100 человек, с ограничением для граждан быть более чем в 5 списках по разным округам, но не по одному участку, смену кандидатов, их отзыва и т.п. Таким образом, можно говорить о вполне либеральном и демократическом контексте нормативного акта[1].

---

[1] Постановление Временного правительства от 20 июля 1917 г. «Об утверждении раздела I положения о выборах в Учредительное собрание» / Собрание узаконений Временного правительства. 1917. Ст. 916. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5411/ (Дата обращения: 05.09.2017).

На практике, выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 12 ноября 1917 г., были проведены на основе наиболее демократичной и репрезентативной для той эпохи пропорциональной (смешанной) системы, сочетавшей в себе институт выдвижения кандидатов от территориальных округов (7 фронтовых и 68 тыловых) с голосованием по партийным спискам. В избирательный процесс было вовлечено почти 50 млн. человек (впервые избирательные права не только в России, но и в мире получили женщины). Были реализованы демократические принципы всеобщих, прямых, равных выборов при реализации процедуры тайного голосования.

В рамках процесса по подготовке к выборам в Учредительное собрание начались работы и над проектом нового Основного закона страны. Особая комиссия по составлению проекта Основных законов (председатель – Н.И. Лазаревский, одновременно возглавлял и Юридическое совещание при Временном правительстве) начала свою работу 11 октября 1917 г.. В состав комиссии, постоянно пополняемый посредством кооптации «представителей науки государственного права и общественных деятелей», вошло около 30 человек, в большинстве представителей либеральной школы права (А.А. Боголепов, В.Д. Набоков, В.М. Гессен, М.М. Винавер, С.А. Котляревский, В.Ф. Дерюжинский, Б.Э. Нольде и др.).

Комиссия начала работу над проектом конституции, положив в ее основу общелиберальные принципы 1) народного верховенства, с определением формы правления (монархия или республика); 2) широкое развитие местного самоуправления; 3) признание и обеспечение индивидуальных свобод граждан.

Согласно проекту, Россия становилась буржуазной республикой, во главе которой стоял Президент, избираемый Учредительным собранием сроком на 1 год. Также создавался двухпалатный парламент, количество палат в котором вызвало весьма активную дискуссию, корни которой просматриваются еще в 1904-1905 гг. Политическую составляющую деятельности Особой комиссии В.М. Гессен сравнил с задачами, стоящими перед Учредительным собранием. По его словам, оно «исторически призвано к ликвидации великой революции, переживаемой Россией»[1].

[1] Временное Правительство и Учредительное собрание // Красный архив. 1928. № 3. С. 108.

Комиссия планировала разработать конституцию как «объемистый законопроект, приблизительно в 200 статей», что предполагало, как мы отмечали выше, возможность детальной проработки соответствующих норм. Проект основывался на принципах гарантии общегражданских прав и свобод; федерализма, автономии, самоопределения и государственного единства; народного представительства; двухпалатности парламента, независимости и несменяемости судов, ответственности министров. Он включал в себя разделы о президентской власти, организации судов, организации администрации, о Сенате, Совете министров, бюджете, займах, налогах, печати, гербе и знамени[1]. Позднее было принято решение включить в будущую конституцию и главу о церкви.

Если сравнивать данный проект с либеральным наследием 1904-1906 гг., то можно говорить о большей степени детализации структуры данного проекта. Целый ряд разделов в его предшественниках отсутствует, ввиду их, в большей мере, формальной сущности, однако в целом, не считая раздела посвященного президентской власти, проекты совпадают структурно и, что важно, сущностно. Будучи основаны на общелиберальных принципах, эти проекты генетически связаны между собой в силу идеологической, партийно-политической, научной и методологической общности.

А.В. Калякина[2]

«ОПОЗДАВШИЕ ЛИБЕРАЛЫ». ПОЗИЦИЯ КАДЕТОВ В БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ЕЕ ОЦЕНКА РУССКИМ ОБЩЕСТВОМ

С момента возникновения русской многопартийности, разнообразие толкования либерализма русской политической элитой не может не удивлять. Партии демократических реформ, прогрессистов, русских промышленников и предпринимателей, все они по-

[1] Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Вып. 1. 27 февраля - 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 192-197.

[2] *Калякина Александра Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.*

своему толковали европейские либеральные концепции. Бесспорными лидерами русского либерализма выступали кадеты. Профессорская партия, вобравшая в себя представителей интеллектуальной элиты России, возглавившая реформаторскую работу Государственной думы, реально влиявшая на государственную политику после Февраля 1917 г. Своими программными установками она концентрировала все либеральные представления о путях достижения Россией счастья и процветания.

Вместе с тем, программа и партийная структура кадетов имели аморфный характер. Наиболее четко разработаны были положения об универсальных либерально-демократических правах и свободах: идея разделения властей, развитие парламентаризма и местного самоуправления, введение всеобщего избирательного права, всестороннее соблюдение прав личности. Среди «проклятых» русских вопросов кадеты особое внимание уделяли аграрной сфере, выступая за создание мелких крестьянских хозяйств и за сохранение помещичьего землевладения. Рабочий вопрос предполагалось решить усилением посреднической роли профсоюзов и совершенствованием режима рабочего дня. Расширение частной инициативы распространялось на сферы образования, культуры, предпринимательства. Свежей для России были идеи расширения доступности образования и снятия ограничений по национальному, половому, религиозному принципу. Либерализация экономической и финансовой сферы должны были способствовать стабилизации и процветанию страны. Западничество внешнеполитического курса не отрицало защиты национальных интересов.

Очевидно, что главные программные постулаты отвечали скорее стратегическим целям. Тактические шаги, соответствующие моменту, особенно с того времени, когда в период буржуазно-демократической революции 1917 г. кадеты смогли реально влиять на ситуацию в стране, были менее продуктивны. Бесспорно, внешние факторы – революционная и военная стихия, влияли на выполнение стратегических и тактических задач, но объяснить населению, почему партия кадетов не может управлять ситуацией, было невозможно, авторитет партии падал. Уже после Октябрьского восстания энес В. Станкевич упрекал русских либералов и, прежде всего, кадетов: «Вчерашний день не следует забывать тем партиям, которые были у власти до тех пор, пока их не смело народное

восстание. Ведь народное восстание сбросило прежнюю власть не по капризу. Ведь нарастание народного недовольства и успех большевической агитации шли вместе с все увеличивающейся беспомощностью и растерянностью правящих партий. В их руках армия оказалась неспособной к борьбе и противник каждый день, почти без потерь для себя наносил чувствительнейшие стратегические удары. Иностранная политика уподоблялась кораблю, который несся без руля и без ветрил и без направляющего компаса по бурному морю международных отношений. Внутренний развал – расстройство транспорта, продовольственного дела, промышленности – увеличивались в угрожающем размере. Сепаратистские национальные стремления делались все требовательнее... И что же дали политические партии для борьбы с этими трудностями?»[1] Перед нами квинтэссенция претензий и упреков, предъявляемых российской общественностью кадетам.

«Проклятый февраль», который хотелось позабыть одним, и радостное «несудимое» время революции, приветствуемое другими слоями русского общества, вознесли растерянную стремительностью событий кадетскую партию к вершинам государственной власти. П.Н. Милюков признавался в том, что кадеты не хотели этой революции и даже не предвидели ее: «Она произошла без нас, по ошибке, по преступной вине императорского режима»[2]. Принимая, как сказали бы мы сейчас, вызов истории, кадетская партия активно участвовала в формировании Временного правительства и пыталась реализовывать наиболее подходящие к запросам момента положения партийной программы. Необходимого для этого опыта государственной работы не было, одно дело выступать с обличающими династию филиппиками в Думе или заявлять, что «с этим правительством мы не можем вести войну», а другое – разрешать острейший социально-политический кризис. Примерный план действий был намечен уже в марте 1917 г.: арест царских министров и чиновников, отмена смертной казни и объявление всеобщей амнистии, уничтожение всех императорских эмблем, созыв Учредительного

---

[1] Станкевич В.Б. «Два пути стоят перед ними...» (Письмо бывшего Верховного комиссара Временного правительства В.Б. Станкевича из Крестов). 1918 г. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 75-81.

[2] Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 750.

собрания и проведение всеобщих выборов, продолжение войны и подтверждение союзнических обязательств[1].

Как реагировала общественность на действия либералов? Общество проявляло активный интерес к политической жизни: «Вся Россия говорила: город говорил, деревня говорила, вокзалы говорили, в вагонах заснуть нельзя было! И что за нечесаные речи! Обо всем»[2]. О содержании этих речей и мнений судить трудно по причине их не зафиксированности, а вот записки и дневники бывших придворных, научной и творческой интеллигенции, сохранившие настроения революционного времени могут быть очень полезны в нашем исследовании. Отношение к либеральным идеям, даже в среде оппозиционной интеллигенции было скорее негативным, считалось, что они не имеют почвы в России, часто говорили о политической слепоте кадетов, об абсурдности стремления Милюкова «действовать» в европейских манжетах[3]. Думается, что основанием для такого мнения была нетвердость позиции кадетов в вопросах демократии, от которой они отказывались в угоду борьбы за власть. Кроме того, нельзя не согласиться с мнением современников, что в России отсутствовала «устойчивая и зрелая либеральная буржуазия»[4].

Для многих кадеты ассоциировались с деятельностью прогрессивного блока в Думе, жаждущего «ужасных и неизбежных событий», в результате которых вся полнота власти перешла бы в руки кадетов «и тогда на Руси все образуется»[5]. Получив эту власть после Февраля, кадеты оказались в сложном положении, революционные события заставляли их действовать по законам революции, что противоречило их взглядам. Наиболее внимательная часть общества указывала на этот диссонанс, партия, заявлявшая о своем неприятии революций, оказалась в революционном правительстве. Несоответствие позиции кадетов и того, что им следовало делать, современники называли «приспособлением» к революции, некоторым хотелось увидеть, как будет вертеться в несвойственной ему среде Милюков, когда споткнется левый кадет Н.В. Некрасов. Недолюбливавшие кадетов монархисты называли их «разбойника-

---

[1] Там же. С. 750-751.
[2] Волконский С. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 255.
[3] Гиппиус З. Дневники. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2004. С. 59.
[4] Чернов В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2004. С. 334.
[5] Спиридович А.И. Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2004. С. 467-468.

ми из Временного правительства», обвиняли в предательстве династии, что не вполне верно. Исповедуя принцип легитимности власти, кадеты до последнего надеялись получить власть из рук законного монарха, оставляли открытым вопрос о форме политической власти в стране, по мнению многих, отличались неистребимым монархизмом. Наиболее ярко консерватизм позиции кадетов проявился во время Корниловского мятежа. Участие партии в организации заговора, заинтересованность в победе Корнилова были очевидны, кадеты настаивали на «неуглубленных исканиях корней заговора» и не привлечении к ответственности непрямых участников заговора, выдвигая это требование в качестве условия своего вступления в коалиционное правительство[1]. Сотрудничество с контрреволюционными силами значительно сократило число сторонников партии.

Тактика кадетов во Временном правительстве вызывала много вопросов. Очевидное нежелание идти на компромисс с левыми силами, боязнь «рабочих», воспринимались как проявление раскола в рядах русской революции. Постоянная «грызня» кадетов, меньшевиков, эсеров «поедом евших друг друга, боровшихся за власть»[2] снижала авторитет правящей коалиции. День ото дня усиливался скепсис в отношении Временного правительства и министров-кадетов. Стремясь оправдать непопулярную позицию, неумелое управление кадеты сообщали о провокационных действиях левых: нет хлеба, его спрятали провокаторы, желающие организовать голодные бунты и навязать правительству сепаратный мир. Подобные заявления лишь усиливали недоверие общественности к партии и раздражение ее лидерами. Отсюда упреки – в отсутствии реального дела в действиях министров.

Особой критике подвергались действия кадетов в области военного вопроса, бывшего на тот момент одним из острейших. Позицию в этом вопросе неоднократно высказывал, а затем и реализовывал в качестве министра иностранных дел Милюков: «Мы должны вести Россию к полной победе и она победит»[3]. Идея «победного конца» и борьбы за проливы находила поддержку лишь у французских союзников. Ситуация осложнялась борьбой партий внутри правитель-

---

[1] Мельгунова-Степенова П.Е. Дневник: 1914-1920. М., 2014. С. 76, 77.
[2] Брусилов А.А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Мн., 2003. С. 283.
[3] Гиппиус З. Указ. соч. С. 84.

ства, долгое время не способных выработать единой позиции и оформить это в конкретном правительственном документе. Общие слова мартовского Манифеста возмутили союзников своей напыщенностью и многословием, а опубликованная в апреле Нота о войне разочаровала общество и была охарактеризована как запоздалая, хлипкая, слабая, безвластная, неясная. Общество требовало ясности в отношениях с Германией, с союзниками, но, в первую очередь, с определением целей войны и условий ее завершения.

Свое отношение к кадетам изменил не только тыл, но и фронт. Поначалу их поддерживало большинство офицеров, но это длилось недолго: «старый голос», которым кадеты говорили о войне, неумение дать армии простые и понятные лозунги, изменили позицию многих. Уже к лету, по мнению боевых генералов, армия воевать не могла. «Русский солдат оставался неизменным! Сколько же трудов должны были приложить "военный министр" и его присные, чтобы превратить его в большевика»[1]. После отставки Милюкова и выхода кадетов из Временного правительства общество лишь констатировало – «их дни сочтены, время их кончилось».

Не менее острой была критика в адрес кадетов по аграрному вопросу. В деревне царило «опасное возбуждение», крестьяне примерялись к помещичьей собственности, поглядывая на угодья, говорили – «это все будет наше», надежда объяснялась обещаниями, которые давали сначала министры-либералы, затем и умеренные социалисты: «Подождите, мы дадим, будет ваше»[2]. В деревню, на фронт направлялись представители правительства с целью успокоить крестьянство. Эту тактику лидер эсеров В.М. Чернов, ставший министром земледелия в коалиционном правительстве, называл обманом, упоминал о двойственной позиции несоциалистических министров, которые «в принципе как будто согласны на многое, а когда доходит до дела, то вырастают затруднения, то формальные, то технические»[3]. Объяснением такой политики было нежелание кардинально решать земельный вопрос, стремление отложить его на послевоенное время, а также неумение делать дело, отсутствие государственных качеств.

---

[1] Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 250.
[2] Волконский С. Указ. соч. С. 251.
[3] Чернов В.М. Указ. соч. С. 327.

Зачастую, анализируя деятельность кадетов, современники оценивали не столько деятельность партии[1], сколько конкретные дела ее лидеров. Говорили об уме, честности, патриотизме, настаивая на том, что нет причин сомневаться в личной порядочности этих людей, полностью отдававшихся государственной деятельности. Противоположные оценки давались Милюкову. Французский посол Морис Палеолог, встретившись с Милюковым в марте 1917 г., заметил, как сильно изменился Павел Николаевич: постарел, утомился, «дни и ночи, проведенные им в жаркой борьбе, без минуты отдыха, истощили его»[2]. Француз характеризовал кадета как добрейшего человека, свято верящего в доброту всего человечества. Между тем бывший флигель-адъютант Николая II А.А. Мордвинов уверял, что профессор Милюков поразил его не только любезной хитростью, но и самодовольством человека «себе на уме», знающего себе цену. У него кадет доверия не вызывал: «Я лично не выбрал бы его даже членом уездной земской управы: он был бы и на этом месте лишь узким политиком, но не человеком дела»[3]. Отставка Милюкова с поста министра, как показалось современникам, ничему его не научила, он так и не понял, что, обладая обширными знаниями, многое мог дать России. Несоответствие масштаба личностей «импровизированных хозяев России» с задачами, стоявшими перед страной, неумение делать дело, неумение отдать стране, то, что имеют – вот общественное мнение о министерской деятельности кадетов.

Мнения современников зачастую отличаются предвзятостью, чрезмерной эмоциональностью, личностным подходом в оценке исторических событий и персонажей. Вместе с тем, построенные на личных впечатлениях и переживаниях мнения могут добавить нечто очень ценное для характеристики важных этапов отечественной истории.

Что дает для понимания оценка русским обществом позиции и действий русских либералов и, в первую очередь, кадетов в буржуазно-демократической революции 1917 г.?

---

[1] Этому дали повод сами кадеты, после июльского кризиса они отказались войти в коалиционное правительство «партийно», они допускали лишь личное вхождение, «на свою совесть». См.: Гиппиус З. Указ. соч. С. 154.

[2] Палеолог М. Указ. соч. С. 750.

[3] Мордвинов А.А. Из пережитого: воспоминания флигель-адъютанта Николая II: в 2 т. Т. 2. М., 2014. С. 240.

Либерализм к этому времени не имел широкого распространения в русском обществе, его привлекательность оценили пока лишь представители промышленной и интеллектуальной элиты. В сознании русского общества партия не имела не только четко выработанной программы действий, но и некоего общепартийного облика, она состояла из отдельных более или менее ярких личностей. Но даже эти личности, были не в состоянии справиться с теми задачами, которые поставила перед ними революция.

Современников не обманывало краснобайство кадетов, за которым стояло стремление монополизировать власть, их авторитету мешало неумение соответствовать требованиям революции, мелкость личностей, рекрутированных во власть, увлечение фразой, неумение и нежелание найти союзников для решения острейших вопросов революции. Отсутствие политической гибкости, сохранение в военном, крестьянском вопросах тактики царского правительства лишило кадетов популярности. Получив доступ к практической государственной деятельности, Партия народной свободы так и осталась на позициях теоретизирования, продемонстрировала практическую беспомощность и неумение «делать дело».

Она не имела достаточной социальной базы, необходимой для продуктивной государственной деятельности. Современники, ценившие человеческие качества кадетов, отказывали в поддержке кадетам-политикам. В результате, превратившись из самой левой легальной партии царской России в самую правую легальную партию России революционной, кадеты потеряли расположение современников и на долгое время закрыли интерес к либеральным идеям.

К.А. Соловьев[1]

КАДЕТЫ: КОНЦЕПЦИЯ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ РЕВОЛЮЦИИ

Кому-то до сих пор кажется, что либерализм не допускает революцию. Практика, как обычно, опровергает теорию. Кадеты, по крайней мере, в 1905-1907 гг. не боялись революции, считали возможным ей воспользоваться, но при этом понимали ее принципи-

---

[1] *Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.*

ально иначе, чем их коллеги слева, которых обычно причисляют к революционерам. Кадеты полагали, что на них работает сама история. Рано или поздно (причем, скорее рано) их идеи должны были восторжествовать вне зависимости от позиции представителей «старого режима». «Поток жизни» возносил их с неминуемостью на вершины власти. Как писала газета «Право» 9 января 1906 г., вспоминая годовщину «Кровавого воскресенья»: «Насущная задача заключается вовсе не в том, чтобы бороться с крайними партиями, которые сами захвачены стихией, а бороться с этой последней; борьба же со стихией возможна не противопоставлением ей плотин, которые, как показали многочисленные опыты, раньше или позже непременно будут смыты, – а, напротив, устранением тех препятствий, которые превращают величавое течение в бешеный поток, смывающий на своем пути без разбору все, что не встретится»[1]. Эта же мысль получила развитие в выступлениях П.Н. Милюкова: «Тот, кто хочет управлять жизнью, прежде всего, не должен ее бояться и во всяком случае не должен ей ставить преграды, иначе он будет сметен с дороги. Надо верить в то, что жизнь сама сумеет отстоять себя и найдет для своих страстей, для сталкивающихся интересов, для неразрешенных противоречий самый разумный исход, если ей дадут возможность самой искать, размышлять и сравнивать. Вместо этого, всему этому житейскому морю хотят противопоставить преграду, и удивляются, что волны разбивают камни и что каждый день приходится сызнова, без всякой пользы и без надежды на успех, вновь начинать Сизифову работу»[2].

Образ неукротимой морской стихии, с которой просто бессмысленно бороться, полюбился кадетам. Им казалось, что важнейшая задача политика – понять, куда течет поток жизни. Или же можно сказать, «согласовывать пути к осуществлению … идеалов с реальными жизненными данными»[3]. Так формулировал задачу кадетов А.А. Кизеветтер. В этом как раз и сказывался «реализм» Партии народной свободы, который всегда подчеркивали ее члены[4]. Это им

---

[1] Из итогов // Право. 1906. № 1. С. 6.

[2] Милюков П.Н. Итоги избирательной кампании // Вестник народной свободы. 1907. № 8. Стб. 517.

[3] Кизеветтер А.А. Партия народной свободы и ее идеология. М.,1917. С. 21.

[4] Корнилов А.А. Партия народной свободы. Пг.,1917. С. 9; Милюков П.Н. Год борьбы. СПб.,1907. С. 351; Могилянский М. Первая Государственная Дума. СПб., 1907. С. 164; Петрункевич И.И. Политическая роль первой Государственной Думы // Пер-

давало право претендовать на лидерство в «освободительном движении», чьи принципы они отстаивали[1].

Кадеты не были склонны опасаться социалистов, видя в них утопистов, далеких от понимания реального политического расклада сил[2]. Как писал Л. Шиф в «Вестнике народной свободы»: «Только кадеты и большевики из существующих прогрессивно-демократических партий последовательны в своей тактике – первые в своем реализме, вторые – утопизме; у прочих утопические и реалистические элементы переплетаются между собою, фатально парализуя друг друга…»[3]

Говоря о неизбежности победы конституционализма, Милюков в своей работе «Россия и ее кризисы» приводил следующий аргумент: хотя у истории есть свои причуды, но у нее есть и свои законы, существование которых не может вызывать сомнений у историка. «Отрицать это значит впадать в отчаяние (despair) относительно будущего России»[4]. В данном случае была сформулирована точка зрения о неизбежности прогресса, который оказывается союзником тех, кого Милюков в той же работе причислил к левому крылу либерализма[5]. В итоге в партии кадетов, состоявшей как раз из либералов левого толка, сложилось особое ощущение своей исторической правоты. И в этом отношении замечательна речь Ф.И. Родичева, произнесенная им на II съезде партии 6 января 1906 г. Он еще не знал и не мог знать итогов предстоявших выборов в Думу. Он даже был готов предположить, что партия кадетов окажется в меньшинстве. Но «если бы даже мы составляли в Думе меньшинство, то помните, господа, что руководительство в народном представительстве принадлежит не большему числу представителей, а тем группам, которые являются выразителями большого числа населения. Сила мнения и воли страны очень часто выражается меньшин-

---

вая Государственная Дума: В 3 вып. Вып. 1. СПб.,1907. С. 95; Шиф Л. Партия и класс // Вестник народной свободы. 1907. № 41-42. Стб. 1792.

[1] Новгородцев П.И. Законодательная деятельность Государственной Думы // Первая Государственная Дума: В 3 вып. Вып. 2. СПб.,1907. С. 2.

[2] Гессен В.М. Тактика партий в первой Государственной думы // Первая Государственная дума: В 3 вып. Вып.1. СПб.,1907. С. 123; Милюков П.Н. Указ. соч. С. 112; Петрункевич И.И. Указ. соч. С. 95.

[3] Шиф Л. Народно-социалистическая партия // Вестник народной свободы. 1907. № 9. Стб. 590.

[4] Miliukov P.N. Russia and it’s crisis. Chicago, 1905. P. 564.

[5] Ibid. P. 519.

ством; тогда это меньшинство руководит и судьбами страны и волей остальных представителей народа. И эта роль – эта prioritas dignitas – несомненно, принадлежит конституционно-демократической партии… Быть может, конституционно-демократическая партия должна готовиться не к тому, чтобы принять мученический венец, а к тому, чтобы взять общественную власть»[1]. Остается лишь решить, как эту власть взять – а это уже вопрос тактики.

«Сущность всякого правительства заключается не в физической силе, не в пушках и пулеметах, а в том моральном и социальном авторитете, которым оно пользуется в населении; с потерей этого авторитета и начинается процесс разрушения самого правительства», – отмечал Н.А. Гредескул 23 июня 1906 г. в клубе Партии народной свободы[2]. При такой постановке вопроса средством борьбы с правящим режимом должно было стать не создание регулярной армии повстанцев, т.к. не в ее силах будет справиться со всей мощью государственной машины, а как раз обесточивание этой машины. Это можно было совершить только путем формирования и организации общественного мнения, которое в случае противодействия ему смогло бы вылиться в общественное действие. Сила последнего – не физическая сила, а победа его – не торжество насилия над насилием. Могущество общественного действия заключается в том, что оно дает власти ясно понять, что та не может управлять обществом, которое ему не подчиняется[3].

Ставка в этом случае, естественно, делается не на революционера, способного лишь на бессмысленное и даже вредное насилие, а на рядового представителя общества, которому и принадлежит, по сути дела, последнее слово в споре различных политических сил за власть[4]. Именно «обыватели», не склонные поддерживать революционное движение, составляют большинство населения (как писал Милюков, 80%), и эти 80% и предрешат исход борьбы, а не отдельные революционные выступления, которые легко будут подав-

---

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т-х. Т. 1. М., 1997. С. 102.
[2] Речь. 1906. 25 июня.
[3] Галич Л. О способах борьбы с властью // Свобода и культура. 1906. № 5. С. 356; Изгоев А.С. Из заметок о тактике // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25-26. Стб.1400.
[4] Милюков П.Н. Год борьбы. С. 157.

лены властями[1]. Задача же кадетов – вовлечь в «политический оборот» эту пассивную, а часто политически индифферентную народную массу[2]. Для этого было необходимо как раз сформировать и организовать общественное мнение, используя реальные настроения, существующие в стране. Как писал А.С. Изгоев, партия «должна была выразить общую мысль государства, найти для нее правильную форму и верный лозунг. Из массы раздававшихся требований предстояло выделить то практически осуществимое, на чем сходятся интересы всех, что могло быть принято как национальная задача. Затем этот экстракт народных требований надо было пропагандировать и развивать...»[3] Иными словами, общественное мнение не существует как данность: его надо еще сформировать[4]. Настроения среди населения – лишь сырье, подлежащее серьезной переработке. Функцию такой переработки должны взять на себя некоторые институты. В этом случае общественное мнение становится не только способом выражения существующих настроений, но и инструментом влияния на общество, организуя его вокруг авторитетных в стране учреждений.

Одним из них могла бы стать Государственная дума. 27 апреля 1906 г. в газете «Дума», в день открытия первого русского парламента, вышла статья С.Л. Франка под названием «Пред историческим днем». Там как раз была сформулирована задача народного представительства: учитывать стихию общественных чувств и настроений, но не подчиняться ей, а управлять ею[5]. Милюков формулировал ту же мысль так: «Главный смысл нашей тактики заключается в том, чтобы направить само революционное движение в русло парламентской борьбы»[6]. «Нужно внести народное движение в берега, дать ему правильное течение, внести сознательность, планомерность» – утверждал депутат из фракции кадетов П.А. Са-

---

[1] Он же. Еще о тактике Думы // Речь. 1906. 3 июня.

[2] Речь. 1906. 25 июня; См. также: Долгоруков П.Д. О расширении деятельности партии // Вестник партии народной свободы. 1906. № 16. Стб. 1029; Miliukov P.N. Russia and it's crisis. P. 518.

[3] Изгоев А.С. Из заметок о тактике // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25-26. Стб.1399.

[4] См. также: Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т-х. Т.1. М.,1997. С. 226.

[5] Франк С.Л. Пред историческим днем // Дума. 1906. 27 апреля.

[6] Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 354-355; Он же. Первая Государственная Дума. Париж, 1939. С. 12; Милюков П.Н. Год борьбы. С. 497.

фонов[1]. Приемлемым способом усмирения грозной морской стихии стало бы задание ей определенных границ. Если же сделать перевод с языка образов и метафор на язык политической практики, то получится примерно следующее. Дума должна управлять народным сознанием и направлять его. Любое решение парламента в таком случае будет не только фактом из биографии народного представительства, но также фактом народного сознания. И, следовательно, организация общественного мнения вокруг Думы, как об этом писал Изгоев, превратится в организацию народной воли, которая сможет воплощать свои идеи в «регулярные законные формы»[2]. Правительству же ничего не останется, как постоянно подчиняться решениям депутатов, ибо лишь эти решения, находя поддержку среди населения, будут в полной мере легитимными. В противном же случае, власть как раз столкнется с ситуацией, когда страна укажет бюрократии ее истинное место. Такова была логика кадетов, им оставалось лишь понять, насколько запущен механизм общественного мнения.

В действительности ответ на этот вопрос для кадетов был очевиден. 19 апреля 1906 г., за неделю до созыва Первой Думы, И.В. Гессен в «Вестнике партии народной свободы» утверждал следующее: «В своих тактических соображениях партия исходила из того принципа, что власть, имеющая против себя сознательное общественное мнение, неминуемо должна рушиться. Организация общественного мнения теперь достигнута: оно найдет себе отчетливое и могущественное выражение в Думе, и если правительство окажется противником, то оно тщетно будет стараться опереться на штыки и пулеметы. Они годятся для вооруженного восстания, но силу общественного мнения расстрелять нельзя»[3]. В том же номере партийного еженедельника вышла статья А. Грессера, в которой опять же утверждалось, что «стихийное негодование сплотило общественные силы вокруг партии народной свободы, блестяще оправдало тот тактический прием, который был принят на втором съезде партии: "дезорганизация власти путем организации обще-

---

[1] Государственная Дума первого созыва: Стенографический отчет: В 2 т-х. Т. 1. СПб.,1906. С. 95; См. также: Езерский Н. Государственная Дума первого созыва. Пенза, 1907. С.144.

[2] Изгоев А.С. Указ. соч. Стб. 1400.

[3] Гессен И.В. К предстоящему съезду // Вестник партии народной свободы. 1906. № 7. Стб. 483.

ственных сил"»[1]. Ведь грандиозный успех кадетов на выборах в Государственную думу лишний раз убедил партию в правильности выбранной тактической линии.

Но тактика все-таки была бы не адекватна времени, если бы не отвечала на принципиальный вопрос эпохи: отношение к революции. И в данном случае исследователь сталкивается с определенными проблемами: кадеты употребляют одно слово «революция», имея ввиду два принципиально отличных друг от друга понятия. Сами кадеты оговаривали эту терминологическую путаницу и одну революцию отличали от другой. Так, П.Б. Струве предлагал отделять «революци**ю»** от «революц**ий»**[2].

«Революц**ии**» это как раз то, что Гредескул назвал «технической бунтарской революцией»[3], Милюков – «бланкизмом»[4], а Струве – «полицейской идеей с противоположным знаком»[5]. Такие «революции» строятся на вере в физическую силу и победу организованного насилия. Но, как пишет Гредескул, «такую революцию можно подавить такими же техническими и организационными мерами, только направленными в обратную сторону»[6]. А сила, как было сказано выше, всегда будет на стороне государства[7]. Поэтому, по мнению кадетов, такая революция вредна и бессмысленна.

Революц**ия** – это определенный этап истории государства, характерной чертой которого является ломка и трансформация существующего режима как результат победы широкого народного движения[8]. «Нельзя же забывать, что мы переживаем не просто разброд и анархию, а действительно великую революцию – великую по неимоверной силе взрыва страстей, великую по глубине своих мотивов и неизмеримости своих последствий – революцию, которая может найти себе аналогию только в грандиозных народных движениях середины XVII века в Англии и конца XVIII века во Франции, и

---

[1] Грессер А. После выборов // Там же. Стб. 494.
[2] Кауфман А. Еще о самопознании // Полярная звезда. 1906. № 6. Стб. 398.
[3] Гредескул Н.А. Тактика Думы // Речь. 1906. 2 июня.
[4] Милюков П.Н. Еще о тактике Думы // Речь. 1906. 3 июня.
[5] Струве П.Б. Идейные основы партии народной свободы // Вестник партии народной свободы. 1906. № 36. Стб. 1878. См. также: Он же. Из размышлений о русской революции // Patriotica. М.,1997. С. 32.
[6] Гредескул Н.А. Указ. соч. С. 1.
[7] Там же. С. 1; Галич Л. Отрывки // Дума. 1906. 9 июня; Речь. 1906. 27 июня; Шиф Л. Оппортунизм и непримиримость // Вестник партии народной свободы. 1906. № 43. Стб. 2313.
[8] Вестник партии народной свободы. 1906. № 13. Стб. 869.

по сравнению с которой революция 1830 и 1848 годов были ребяческой забавой», – писал Франк[1]. А далее он призывал кадетов не порицать представителей крайних партий за излишний радикализм, а «открыто встать на почву всенародной революции и рассуждать, стоя на этой почве, а не замыкаться от революционной борьбы в спокойном созерцании общих принципов»[2]. Иными словами, призыв таков: если ты решил стать политиком в период революции, то должен подчиняться ее законам.

Первый и основной ее закон можно сформулировать словами Г. Штильмана из его статьи «Революция и вооруженное восстание» в журнале «Полярная звезда»: «Революция не делается…, а происходит». Революция есть, прежде всего, общественное движение, которым нельзя в полном смысле этого слова руководить. Ее нельзя искусственно вызвать, равно, как и нельзя объявить о ее прекращении[3]. «Ее можно только ускорить и облегчить. Агитация до тех пор бесплодна, пока жизнь, историческое развитие, социальная и экономическая действительность не подготовили для нее почвы»[4]. Успех же любому методу борьбы обеспечен только в том случае, когда за ним будет стоять общественное мнение. Формирование и организация общественного мнения становятся основными задачами партии.

Кадеты воспринимали революцию как определенный период истории. Свою тактику они стремились согласовывать с законами времени, а, следовательно, она была на тот момент «революционной» «в широком смысле этого слова», как бы сказал Гредескул[5]. «Тактика конституционно-демократической партии, – утверждал на II съезде кадетов В.М. Гессен, – соответствует ходу русской революции. Все время русская революция добивалась двойной задачи: она шла путем дезорганизации власти, с одной стороны, и организации оппозиционной мысли – с другой»[6].

---

[1] Франк С.Л. Одностороннее самопознание // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 130.
[2] Там же. С. 131-132.
[3] Штильман Г. Революция и вооруженное восстание // Полярная звезда. 1906. № 5. С. 349. См. также: Речь. 1906. 21 мая.
[4] Галич Л. О способах борьбы с властью // Свобода и культура. 1906. № 5. С. 355.
[5] Вестник партии народной свободы. 1906. № 12. С. 799.
[6] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т-х. Т. 1. М.,1997. С. 171.

Таким образом, концепция «кадетской революции» имела свои характерные черты.

1) «**Революция в силу положения вещей**». Революция – не торжество силы, а следствие расклада сил в стране. Если даже быть более точным в формулировках, побеждают не революционеры, а терпит поражение режим, потерявший всякий нравственный авторитет в глазах населения. Как писал Изгоев, история «показывает, что победа революции всегда обуславливалась слабостью защиты, а не силой нападения»[1]. Конечно же, власть оказывается бессильной перед организованным общественным мнением, а не перед смутными народными настроениями. Когда общественное мнение противостоит режиму, последний не может преобразовывать свою силу в право. Процесс ломки отжившей правовой системы и формирование новой – вот что представляет собой революция[2]. Но этот процесс есть, прежде всего, факт народного сознания, и лишь затем его юридического оформления.

2) «**Революция без революционеров**». Главный герой революции, по мнению кадетов, – не профессиональный революционер с многолетним стажем, а обыватель, в чьей голове и происходят те химические реакции, в результате которых трансформируются политические системы. Свои победы революция одерживает в сознании, и их материализация в определенных акциях населения не требует особой организации. Ведь цель таких акций – не показать физическую силу народного движения, а продемонстрировать бессилие правительства.

3) «**Революция как метаморфоза**». Процесс разложения старого режима уже идет полным ходом, поэтому неизбежной становится замена старых правовых норм новыми, соответствующими духу времени. Этому делу служит как раз Государственная дума. Она совершает тем самым настоящую революцию, и это в ее силах по следующей причине. Дума – элемент конституционной системы, находящийся во враждебном окружении. Она является частью властных структур, но при этом враждебна самой действующей ныне власти, живущей по законам автократического государства.

---

[1] Изгоев А.С. Большевистские «дурачки» и умники // Русская мысль. 1908. Т. 29. С.197.

[2] Гессен В.М. Государственная Дума // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25-26. Стб. 460; Муханов А. Минувшие дни // Вестник партии народной свободы. 1906. № 23-24. Стб. 1830; Речь. 1906. 13 сентября.

Такое положение долго продолжаться не может: либо конституционный, либо автократический принцип должен одержать верх[1]. И все говорит в пользу конституционализма. Сама природа народного представительства такова, что любой парламент является формой «организации народной воли»[2]. Представляя себе, каков потенциал той силы, которая стоит за депутатами, правительство, как бы оно того не хотело, вынуждено играть по правилам, устанавливаемым парламентом. Причем, эти правила могут даже и не выходить за рамки конституций, «дарованных» властями. Дело в том, что законодательный орган власти всегда имеет инструменты давления на правительство, например, так часто упоминаемое кадетами бюджетное право[3]. Игнорировать волю депутатов власть по выше указанным причинам не может. Более того, если народное представительство является выразителем общественного мнения и пользуется поддержкою народа, то у верховной власти не остается иного выбора, кроме как сформировать ответственное перед парламентом правительство[4]. Ф.Ф. Кокошкин говорил по этому поводу: «Как известно, парламентарная система управления устанавливается повсюду не законом, а обычаем, и едва ли она может быть установлена иным путем в России»[5]. И возникновение ответственного правительства есть победа революции, ибо оно обозначает торжество общественного мнения, воплощением которого должна была стать Государственная дума.

---

[1] Петрункевич И.И. Указ. соч. С. 104.

[2] Изгоев А.С. Из заметок о тактике // Вестник партии народной свободы. 1906. № 25-26. Стб. 1400; Речь. 1906. 5 июля.

[3] Государственная Дума первого созыва: Стенографический отчет: В 2 т-х. Т. 2. СПб.,1906. С. 653.

[4] Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Конституционное государство. СПб., 1905. С. 200; Милюков П.Н. Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982. С. 15; Москва. 24 мая // Русские ведомости. 1906. 24 мая.

[5] Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т-х. Т. 1. М.,1997. С. 76.

Ф.А. Гайда[1]

РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ В 1917 г.

Дореволюционные теоретические представления партии можно охарактеризовать как социально-либеральные. Основными ценностями для кадетов выступали индивидуализм и демократизм, они отстаивали права и свободы человека и гражданина, принципы народного (не классового) суверенитета, верховенства закона, конституционализма. Основным гарантом прав, по мысли кадетов, должно было выступать государство. Вследствие этого, кадеты выступали за государственное единство России: как территориальное (идеал либеральной империи, но предполагающей наличие культурной автономии национальных меньшинств), так и властное (при разделении властей должен был господствовать парламентарный строй). При этом применение государственного насилия как целенаправленной политики в отношении граждан кадетами отрицалось. Для кадетов был характерен телеологический взгляд на исторический процесс: он воспринимался как бесконечный прогресс, в ходе которого должно было постепенно утверждаться совершенное общество; нередко его именовали «социалистическим». Программа партии включала социальные требования и не провозглашала неприкосновенности частной собственности. Несмотря на то, что кадеты расценивались более левыми силами как партия «буржуазная», в целом, между кадетами и российской буржуазией сложились противоречивые отношения[2].

Кадеты сыграли одну из важнейших ролей в победе Февральской революции. В программу первого Временного правительства вошли кадетские программные положения: полная политическая и религиозная амнистия, гражданские свободы (с распространением их на военнослужащих), отмена всех сословных, национальных и религиозных ограничений. Вполне соответствовали

---

[1] *Гайда Федор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.*

[2] См.: Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.). Нижний Новгород, 2006.

кадетским чаяниям идеи создания народной милиции (в ведении полностью демократизированных органов самоуправления) и немедленного созыва Учредительного собрания.

Однако с победой Февральской революции кадетскому руководству стала ясна необходимость существенного изменения официальной партийной программы. Например, на пленарном заседании ЦК, фракции, членов Государственного совета и прежних составов Государственной думы 10-13 марта 1917 г. никто «по существу» не высказывался за сохранение монархии[1]. Партийная газета «Речь» уже не сомневалась, что «выродившаяся духовно и физически» монархия «надо думать, навсегда покинула историческую сцену»[2]. VII съезд партии (25-28 марта) изменил программу партии в соответствии с произошедшей революцией и единогласно провозгласил основной задачей установление в России «демократической парламентской республики». «Республика фактически уже существует», – заявил докладчик Ф.Ф. Кокошкин[3]. «Вопрос окончательно и бесповоротно решен жизнью», – подтверждал новый член партии кн. Е.Н. Трубецкой[4]. Съезд также выступил за продолжение войны «союза демократии против союза реакционных монархий до победного конца и справедливого и прочного мира»[5].

Как кадеты представляли себе механизм управления в новой России? 3 марта ЦК обратился с воззванием к стране: «Старая власть исчезла. Государственная дума, забыв различия партийных взглядов, объединилась во имя спасения родины и взяла на себя создание новой власти. Граждане, доверьтесь этой власти, соедините ваши усилия, дайте созданному Государственной думой правительству довершить великое дело освобождения России от врага внешнего и водворения в стране мира внутреннего, основанного на началах права, равенства и свободы... Да будут забыты в стране все различия партий, классов, сословий и национальностей... Сейчас главный лозунг – «Организация и

---

[1] Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. М., 1998. С. 359-361.
[2] Речь. 1917. 14 марта.
[3] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 372.
[4] Там же. С. 379.
[5] Там же. С. 493.

единство»...»[1]. Его активно отстаивала партийная печать. «Единение, порядок, работа!» – гласила передовая «Русских ведомостей» за 3 марта. «Ликовать и торжествовать не время. Нужна напряженная и строго объединенная работа», которая, по словам газетной статьи (автором, видимо, был А.А. Кизеветтер), могла предостеречь от разрыва «между партиями и классами», анархии и неизбежной в таком случае диктатуры. «Отныне правительство – это народ, революция – это порядок, власть – это мы все», – писал в своей статье М.Л. Мандельштам[2]. Суть подобной политики была выражена словами министра путей сообщения Н.В. Некрасова, сказанными им 27 марта на VII съезде кадетской партии: «Основной вопрос заключается сейчас в том, чтобы идею революции, торжества демократии, идею народовластия провести возможно скорее во всех возможных ее формах»[3].

VIII съезд (9-12 мая) принял принцип полновластия органов местного самоуправления на местах[4]. Новое государственное устройство должно было соответствовать принципу общественной организации. Правительство принципиально отказывалось использовать административный аппарат для проведения какой бы то ни было правительственной политики. Контролируемое кадетами Юридическое совещание при Временном правительстве также заявило о необходимости реформы местного управления «на основе преобразования органов непосредственного государственного управления на местах в органы самоуправления и предоставлении последним всей полноты государственной власти»[5]. Центральное место в отношениях правительства с провинцией должен был занять институт губернских и уездных комиссаров. По сути, они были единственными представителями государства на местах. Министерство внутренних дел предложило своим губернским комиссарам формировать на местах губернские, уездные, волостные, городские и поселковые комитеты из состава общественных организаций[6]. 26 апреля было издано подготовленное кадетами постановление о губернских комиссарах.

---

[1] Февральская революция. 1917. Сб. док. и матер. М., 1996. С. 196-197.
[2] Русские ведомости. 1917. 7 марта.
[3] Съезды и конференции. С. 473.
[4] Там же. С. 661-668.
[5] ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 59. Л. 17об.
[6] Там же. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

Губернский комиссар назначался Временным правительством и являлся официальным и главным «носителем власти Временного правительства в губернии». Он объединял все гражданское управление, мог издавать постановления и надзирать за «законностью и целесообразностью» действий органов местного самоуправления через информирование правительства и опротестование их в местном суде (хотя в новых обстоятельствах сделать это было затруднительно). В ведении комиссара также было землеустройство, «общий надзор за милицией» (она была подчинена органам местного самоуправления) и право вызова войск. Кандидатура уездного комиссара рекомендовалась губернскому комиссару уездным исполкомом общественных организаций и утверждалась правительством. Уездные комиссары осуществляли не управление, а надзор и общую координацию, но не в отношении уездных органов (полностью самоуправляемых), а лишь волостных и поселковых правлений[1].

В мае партия поддержала идею коалиционного правительства. Только в августе в партийных кругах был поставлен вопрос о диктатуре, но лишь на короткий срок, с передачей власти Учредительному собранию. При этом никаких партийных решений на этот счет так и не состоялось. Вплоть до октября кадеты так и не смогли наладить прочных отношений с офицерством, духовенством, буржуазией. Наоборот, в мировоззренческом плане партия скорее эволюционировала в противоположном направлении. На VII съезде партии основной докладчик Ф.Ф. Кокошкин отмечал, что кадеты изначально отстаивали не только принципы «либеральный, освободительный» и «демократический», но стояли также «на почве социализма». «Осуществление начал социальной справедливости, широких реформ, направленных к удовлетворению справедливых требований трудящихся классов», всегда, по словам докладчика, было требованием кадетской партии. «Мы в этом пункте нашей программы стали на почву социалистического мировоззрения, не того, конечно <...> которое считает возможным изменить экономический строй путем насильственным, путем захвата политической диктатуры, а на почву того мировоззрения,

[1]Временное правительство. Министерство внутренних дел. Циркуляры министерства внутренних дел. Пг., 1917. С. 7-8; ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 3. Д. 33. Л. 14-21; Оп. 6. Д. 5. Л. 50-57; Оп. 2. Д. 6. Л. 12-15.

которое полагает, что человечество постепенно врастает в новый социальный строй и что задача демократических партий заключается в том, чтобы всеми способами государственного воздействия способствовать возможно более успешному, быстрому и безболезненному ходу этого процесса», – говорил Кокошкин[1]. Ф.И. Родичев напомнил «предсказание» А.И. Герцена, что «русский народ есть тот народ, который вместе с идеалами свободы осуществит идеалы социальной справедливости». Известный философ Н.О. Лосский предложил внести в программу партии развернутое положение о приверженности идее «эволюционного социализма». Кн. Д.И. Шаховской настаивал на необходимости «блокироваться по возможности с партиями налево» и «по соглашению с ними способствовать планомерному использованию в интересах революции аморфных народных масс». По его мнению, кадеты должны были «смело идти в эти массы для того, чтобы приобретать там сторонников, чтобы наладить их жизнь, а иногда для того, чтобы кое-чему у этих масс поучиться»[2]. Предложение Лосского не нашло продолжения, однако было реализовано в деятельности правительства.

Наиболее значимым мероприятием первого состава Временного правительства в экономической сфере стало введение хлебной монополии, осуществленное 25 марта по представлению министра земледелия кадета А.И. Шингарева[3]. Частная собственность на хлеб, в том числе и еще не убранный, уничтожалась. Владельцы зерна – и помещики, и крестьяне – оставляли себе законодательно закрепленный прожиточный минимум, а прочее обязаны были продать государству по установленным им твердым и низким ценам. Был создан Общегосударственный продовольственный комитет и продкомы на всех уровнях от губернии до волости, формировавшиеся из различных общественных сил. Комитетам передавалась вся земля сельскохозяйственного назначения, они получили право изъятия необработанных земель. На всероссийском уровне были введены

---

[1] Съезды и конференции. С. 369. См. также: Кизеветтер А.А. Партия Народной Свободы и ее идеология. М., 1917; Изгоев А.С. О буржуазности // Вестник Партии народной Свободы. 1917. № 1. С. 8-9.

[2] Съезды и конференции. С. 384, 432, 460.

[3] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: В 4-х т. Т. 1. Март-май 1917 г. С. 169.

хлебные карточки[1]. VIII кадетский съезд принял принцип трудового землепользования (при принудительном государственном выкупе предполагалось оценивать землю по ее нормальной доходности)[2]. Все эти меры и принципы носили ярко выраженный социалистический характер. Эта политика была подвергнута резкой критике со стороны I Всероссийского съезда представителей промышленности и торговли (19-22 марта)[3].

Кадетской программе соответствовала политика министра торговли и промышленности А.И. Коновалова (в 1917 г. он вступил в кадетскую партию). 9 марта по постановлению правительства министром был создан Отдел труда МТП, который принялся за разработку рабочего законодательства и должен был надзирать за его выполнением; министр согласился с введением 10 марта восьмичасового рабочего дня на частных фабриках Петрограда и принял решение о его установлении на казенных (в т.ч. военных) заводах столицы[4]. Позднее он стихийно распространился на всю страну. Один из крупнейших торгово-промышленников С.И. Четвериков открыто предупреждал правительство, что данная мера сразу приведет к сокращению производства на 20%[5]. Однако предупреждения не подействовали.

Сменивший Коновалова управляющий МТП кадет В.А. Степанов 8 июня представил Временному правительству докладную записку, в которой отстаивал «невозможность изменения существующего хозяйственного строя на социалистический», но при этом отрицал и возможность возврата к «свободной экономике». Степанов выступал за самое широкое государственное регулирование в экономической сфере. Проект включал нормировку оплаты труда рабочих, ограничение прибылей промышленников, принудительное синдицирование и

---

[1] Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975.
[2] Съезды и конференции. С. 654-657.
[3] Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. 19-22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918. С. 167-168, 230-231.
[4] Авдеев Н.Н. Революция 1917 года: Хроника событий (январь-апрель 1917 г.). М.-Пг., 1923. С. 87; Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 432-434; Вестник Временного правительства. 1917. 11 марта.
[5] Утро России. 1917. 19 марта.

трестирование (введение государственных торговых монополий)[1]. Часть предложений Степанова были реализованы Временным правительством. 1 июля Временное правительство распространило на всю территорию России казенную монополию на продажу кожи[2]. 1 августа была установлена монополия на донецкий уголь[3]. В октябре Временное правительство планировало внести в Предпарламент разработанные под руководством товарища министра финансов кадета М.И. Фридмана законопроекты о поимущественном налоге, налоге на наследство, на сделки по ценным бумагам, а также о введении государственной монополии на продажу чая, махорки и спичек. Подобные проекты прямо расходились с интересами торгово-промышленников[4].

Став в майской коалиции министром финансов, Шингарев добился проведения масштабной налоговой реформы 12 июня 1917 г., увеличивающей прямые налоги с крупных капиталов[5]. «Русские ведомости» отмечали, что осуществление задуманных налоговых преобразований «несомненно, явится одним из крупнейших завоеваний революций»[6]. Шингарев не привлек к подготовке реформы представителей предпринимательских организаций[7]. Закон «О повышении окладов государственного подоходного налога» значительно увеличивал ставки подоходного обложения, введенные в 1916 г. От уплаты освобождались малообеспеченные граждане, зато ставки для имущих слоев резко возрастали: от 12 до 30% (по дореволюционному закону максимальная ставка составляла 12,5%)[8]. Но наиболее решительно Шингарев был настроен в вопросе об обложении сверхприбыли, о

---

[1] Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 1. М.-Л., 1957. С. 221-226.

[2] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. IX: Журналы заседаний Временного правительства: В 4-х т. Т. 3. Июль-август 1917 года. М., 2004. С. 42.

[3] Там же. Т. VIII. Журналы заседаний Временного правительства: В 4-х т. Т. 2. Май-июнь 1917 г. С. 361.

[4] Промышленность и торговля. 1917. № 38-39. С. 214.

[5] Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VIII. Журналы заседаний Временного правительства: В 4-х т. Т. 2. Май-июнь 1917 г. С. 239-245.

[6] Русские ведомости. 1917. 24 мая.

[7] Экономическое положение России накануне Великой октябрьской революции. Ч. 2. М.-Л., 1957. С. 574.

[8] Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 322.

чем официально заявил в «Вестнике Временного правительства»[1]. Налог доходил до 90% (по положению 1916 г. – до 50%). Сверхприбылью считалась разница между прибылью в 6-8% на основной капитал компании в сравнении с предвоенным периодом. При этом обложению подлежала прибыль как за 1917, так и за 1916 г. По этому поводу буржуазная пресса возмущенно писала, что промышленник вынужден будет либо не выплатить налог, либо в 2-3 месяца прекратить платить рабочим и объявить себя банкротом[2]. С резким протестом против налоговой реформы выступили Совет съездов представителей промышленности и торговли, другие организации и отдельные представители буржуазии[3].

Неудивительно, что на IX съезде партии (23-28 июля) вопрос о социализме был поднят вновь. Выступивший с докладом об экономическом положении в стране А.А. Мануйлов заявил: «Мы должны открыто и громко сказать, что <…> в области промышленности, как в аграрной программе, мы не являемся сторонниками социализации, не отрицаем личную собственность». Однако его содокладчик Шингарев, наоборот, видел единственный выход «из создавшегося трагического положения <…> в возможно широком применении принципа государственной монополизации всех отраслей хозяйства». Обстоятельства, по мнению экс-министра, должны были толкать на этот путь «всякую власть, социалистическую или несоциалистическую». (Позднее, на X съезде [14-16 октября], настаивая на усиленном государственном развитии промышленности, Шингарев отмечал, что «партия была и будет чиста от безумного осуществления социализма в стране бедной, промышленно неразвитой и темной»[4]) Среди других делегатов единства также не было, но большинство склонялось к тому, что «партия народной свободы должна твердо стоять на своей собственной идеологии, которая и не буржуазная, и не социалистическая, а чисто демократическая»[5]. Но, по сути, спор

---

[1] Вестник Временного правительства. 1917. 11 июня. Цит. по: Волобуев П.В. Указ. соч. С. 319.

[2] Промышленность и торговля. 1917. № 20-21. С. 372.

[3] Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 г. К истории буржуазной контрреволюции // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М.-Л., 1957. С. 288-291; Экономическое положение России. Ч. 1. С. 228-229; Ч. 2. С. 408, 574.

[4] Съезды и конференции. С. 745.

[5] Там же. С. 684, 708, 712-713, 717.

шел уже о словах: считать жесткое государственное регулирование производства и распределения социализмом или нет?

На IX съезде было подтверждено традиционное отношение партии к национальному вопросу: провозглашая принцип культурной автономии, кадеты отрицали идею территориальной автономии. При этом партия вынуждена была признать неизбежность установления украинской областной автономии. Тем самым, создавался прецедент, который в будущем мог привести партийную программу к значительный корректировке и, скорее всего, к признанию принципа федерализма. Единственным ощутимым признаком «поправения» кадетской партийной программы в это время стал вопрос церковный – для самой партии весьма второстепенный, но значимый в предвыборном плане (до выборов в Учредительное собрание оставалось менее 1 месяца). На октябрьском съезде партия признала за Православной церковью, как религией «значительного большинства населения», право на «покровительство в законе и материальную поддержку»[1].

Таким образом, к выборам в Учредительное собрание конституционно-демократическая партия подошла со значительно эволюционировавшей программой, основанной на радикально-демократических принципах и представлении об укреплении «государственного социализма» в экономике.

Н.Б. Хайлова[2]

РОССИЙСКАЯ РАДИКАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЦЕНТРИЗМЕ В 1917 г.

Политический центризм многолик. Одним из его проявлений в России 1917 г. стала Российская радикально-демократическая партия (РРДП)[3], которую можно считать «конечным пунктом» в эволю-

---

[1] Там же. С. 722-725.

[2] *Хайлова Нина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник ИРИ РАН.*

[3] Рожденная Февральской революцией 1917 г., РРДП имела предысторию: начиная с 1915 г., будущие лидеры радикал-демократов, а также их соратники на разных «площадках» в Петрограде вели дело к созданию новой партии (Соловьев К.А. Рос-

ции центристского течения в русском либерализме начала XX в. Первые наиболее заметные опыты партийной организации либералов-центристов – это Партии демократических реформ и мирного обновления. Заявившие о себе в период революции 1905 – 1907 гг., они, по сути, заняли «срединную» позицию между кадетами и октябристами. В 1912 г. в русле данного идейно-политического направления была создана Партия прогрессистов. Однако еще раньше, с конца 1907 г., в 3-й Государственной думе начала «набирать обороты» одноименная фракция во главе с И.Н. Ефремовым, заметной фигурой в лагере «мирнообновленцев». К февралю 1917 г., прежде всего, именно члены этой фракции (ужé в 4-й Думе) являлись представителями либерального центризма. В марте 1917 г. бывшие депутаты-прогрессисты (А.А. Барышников, А.А. Бубликов, И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов, И.В. Титов и др.) практически всей фракцией вступили в РРДП спустя несколько дней после ее учредительного собрания. В конечном итоге, именно они во многом и определили ее «лицо». Разработка идейных основ партии и популяризация ее взглядов связаны также с именами целого ряда ученых, юристов, литераторов, общественных деятелей, занимавших позиции, близкие думским прогрессистам. Это – Д.П. Рузский (председатель РРДП), М.А. Славинский, Б.Г. Лопатин-Барт, С.В. Познер, известные экономисты М.В. Бернацкий, Б.Д. Бруцкус, и др. Лидеры радикал-демократов не только предложили обществу свое вúдение будущего и путей к нему, но и приняли активное участие в заложении основ «новой России». Их партия вошла в 1917 г. в «пятерку» наиболее заметных политических сил (наряду с эсерами, социал-демократами, народными социалистами

сийская радикально-демократическая партия // Российский либерализм середины XVIII-начала XX в.: энциклопедия. М., 2010. С. 803). Характерно, что партия с похожим названием («Радикальная») и столь же заметными социалистическими тенденциями в своей программе была создана в Петербурге членами Союза адвокатов, врачей, железнодорожников еще в период революции 1905-1907 гг. (Хайлова Н.Б. Радикальная партия // Там же. С. 788-789). Ее деятели и тогда, и впоследствии имели близкое общение с соратниками из других либеральных объединений. На учредительном собрании Республиканско-демократической партии (Петроград, 8 апреля 1917 г.) Маргулиес, а также Л.А. Базунов (еще один бывший «радикал») были избраны в ЦК этой партии, организованной по инициативе В.П. Глебова, И.И. Дмитрюкова, Э.А. Эрштрема, прежде занимавших видные позиции в «Союзе 17 октября». Тогда же, весной 1917 г., Базунов вступил в Радикально-демократическую партию, которая в начале октября «слилась» с Республиканско-демократической, сохранив свое название.

и кадетами). Деятели РРДП были представлены во Временном правительстве, являлись членами целого ряда правительственных структур[1].

---

[1] И.Н. Ефремов – министр юстиции (10-24 июля; с марта – член Комиссии для восстановления основных положений Судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве), министр государственного призрения (25 июля-26 августа; тов. министра – К.Г. Голубков, управляющий делами министерства – А.А. Барышников,); А.И. Коновалов – министр торговли и промышленности (2 марта-27 мая, 25 сентября-25 октября); министры финансов: Н.В. Некрасов (бывший кадет, перешел в РРДП в июле 1917 г.) – с 25 июля по 31 августа (со 2 марта до 4 июля – министр путей сообщения), М.В. Бернацкий – со 2 сентября по 25 октября (с 26 июля – тов. министра финансов, с исполнением обязанностей министра финансов; с 9 марта по май – управляющий Отдела труда при Министерстве торговли и промышленности); Э.Г. Гинзберг – член Юридического совещания при Временном правительстве; М.И. Гродзицкий, Я.Ю. Гольдман – члены Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание (с 25 мая); К.И. Билинский – управляющий государственными сберегательными кассами (с 28 июня); А.Н. Фролов – зам. председателя Особого временного Комитета по делам частных железных дорог (с 5 мая); кн. З.Д. Авалов – пом. юрисконсульта Министерства финансов; Н.В. Каптерев – член комиссии, созданной при Министерстве внутренних дел для пересмотра действующих законоположений по делам римско-католической церкви в России (с апреля) и др.

Анализируя влияние в 1917 г. идей, в русле которых «самоопределялась» РРДП, следует, на наш взгляд, учитывать также взгляды и деятельность довольно многочисленной когорты лиц, представленных тогда во власти: формально не связанные партийными «узами» с радикал-демократами, они были близки к ним по своим убеждениям. Это, прежде всего, экономист А.С. Посников – с 22 марта руководил реорганизацией Дворянского и Крестьянского банков для объединения их в Государственный земельный банк, управляющий Дворянским и Крестьянским банками (28 марта-26 мая), председатель Главного земельного комитета, образованного при Временном правительстве (с 23 апреля); сенатор 2-го департамента Правительствующего Сената; кн. С.Д. Урусов – тов. министра внутренних дел – сверх штата, без содержания (с 9 марта по 2 августа), автор «Временного положения о полиции» (апрель). 1 мая получил назначение на должность сенатора 1-го департамента Правительствующего Сената известный юрист и публицист В.Д. Кузьмин-Караваев, который с 8 сентября вошел в состав Временного высшего дисциплинарного суда. Все трое, они в 1906 г. были «лицом» Партии демократических реформ, а Посников и Кузьмин-Караваев стали известны впоследствии и как члены руководства Партии прогрессистов. Членом ЦК этой партии в 1912 г. был избран и С.Н. Третьяков, в 1917 г. участвовавший в деятельности кабинета министров в качестве председателя Экономического совета (с 24 сентября) и Главного экономического комитета (с 13 октября). Близким к Партии прогрессистов был М.И. Терещенко – министр иностранных дел (5 мая-25 октября). Сотрудниками газеты «Отечество», органа РРДП, являлись А.В. Карташов (с 25 марта – тов. обер-прокурор, с 24 июля – обер-прокурора Св. Синода, с 5 августа – министр вероисповеданий), экономист А.Н. Челинцев (с мая по октябрь – управляющий отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия, с 12 октября – один из четырех тов. министра земледелия). Этот «список» можно дополнить еще множеством фамилий...

Образование РРДП свидетельствовало о том, что и после февраля 1917 г. в общественно-политической жизни по-прежнему оставался актуальным запрос на «здравый смысл» в том его понимании, которое предлагали обществу и власти либералы-центристы с самого начала XX столетия. Их отличало сочетание усиленного стремления к политической свободе, обеспечению правового порядка с не менее глубокой и настойчивой проповедью коренных социальных реформ «в интересах широких слоев городской и сельской демократии». Защита интересов личности была для них неотделима от заботы об «общем благе», а особый акцент на развитии местного самоуправления – от идеи укрепления государственности. Для всех «поколений» данной когорты деятелей был характерен настрой на постепенные преобразования – мирным, ненасильственным путем[1]. И хотя к 1917 г. тактические взгляды прогрессистов претерпели известную радикализацию, однако по-прежнему в сознании их идеологов превалировали ценности «срединного» пути, общественной солидарности, горячее сочувствие идее коалиции, уверенность в необходимости создания политического «центра» как наиболее эффективного механизма межпартийного сотрудничества, а также инструмента взаимодействия власти и общества. В послефевральской России, как и прежде, одной из «родовых» черт «наследников» либерального центризма являлась «политическая честность», убежденность в необходимости соблюдения норм морали в политике. «Демократизм есть не только политическая и экономическая, но и этическая проблема»[2], – заявляла редакция «Отечества», главного печатного органа РРДП. Отказ от демагогических приемов провозглашался «первым основным условием оздоровления российской демократии»[3].

---

[1] В этой связи показательно, в частности, осуждение радикал-демократами участников Корниловского мятежа («декабристов наизнанку»). По «горячим следам» событий члены РРДП выступили с предостережением-пророчеством: «Если не будут сделаны соответствующие выводы, и партийное ослепление и самообольщение возьмут верх, то можно смело предсказать, что корниловщина является только первой, но далеко не последней попыткой переворота, причем число возможных участников и сочувствующих будет неизменно расти» (Уроки корниловщины [редакц. статья] // Отечество. № 40. 31 августа).

[2] Социализм и демократизм [редакц. статья] // Отечество. 1917. № 46. 8 сентября.

[3] «Политическая честность должна стать лозунгом, на котором должны объединиться все сознательные элементы демократии без различия теоретических оттенков для борьбы с беззастенчивой демагогией», – заявляла редакция «Отечества» (В защиту политической честности [редакц. статья] // Отечество. 1917. № 46. 8 сент.).

Для деятелей либерального центризма (прогрессизма), включавших в свою «родословную» в т.ч. декабристов, А.И. Герцена, не существовало непроходимой грани между либерализмом, социализмом, демократией. «Русскому либеральному движению не свойственно отворачиваться от социализма»[1], – под этими словами М.М. Ковалевского, лидера Партии демократических реформ, могли бы «подписаться» и создатели РРДП. Вряд ли могло вызвать у них возражение и утверждение прогрессистов «первого призыва» о том, что «в России лишь либерально-демократическая политика может быть плодотворной и практической»[2]. Более «революционное» (в соответствии с «духом времени») самоназвание (*радикал*-демократы), по сути, ничего не меняло, поскольку, в представлении деятелей начала XX в. радикализм не противоречил либерализму[3].

Провозглашая «главной движущей силой новой России» и условием «мирного культурного существования» страны демократию, лидеры РРДП, как и их предшественники, обращали внимание на руководящие принципы народовластия – начала равенства, солидарной деятельности, социальной справедливости. Отсюда делался закономерный вывод о том, что «социализм, – не в форме догматических, отчасти уже опрокинутых жизнью положений, – а как учение о справедливой и целесообразной организации производства и распределения, присущ самой природе демократии»[4], а потому «ни один истинный демократ не станет отвергать идеалов со-

---

[1] Ковалевский М. С кем возможны предвыборные соглашения? // Страна. 1906. № 249. 28 декабря.

[2] Страна. 1906. № 28. 23 марта.

[3] Так, кн. В.М. Голицын, бывший московской городской голова (в 1897-1905 гг.), а впоследствии один из авторитетных деятелей либерального центризма (в 1906 – 1908 гг. – президент Клуба независимых в Москве, близкого к «мирнообновленцам», в 1912 г. – член ЦК Партии прогрессистов), причисляя себя к радикалам, вместе с тем считал ошибочным смешение «радикализма с анархизмом, радикала – с революционером». В его представлении, радикал – это тот, «кто вооружается и беспощадно борется против всяких злоупотреблений, произвола, пошлости, против всего отжившего, одним словом тот, кто является носителем и поклонником прогресса в самом широком и всеобъемлющем смысле этого слова». При этом князь подчеркивал вред для развития («или воспитания») подобного рода радикализма «того озлобления, даже ожесточения», которое, по его наблюдению, в значительной степени росло и усиливалось накануне Первой мировой войны «особенно в средних классах общества и в среде умеренных даже людей по отношению к царствующему режиму и представителям его» // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 75. Д. 30. Л. 384 – 384 об.

[4] Познер С. Новая Россия // Отечество. 1917. № 1. 16 июля.

циализма»[1]. При этом своеобразием России основатели партии считали «гипертрофию социализма в русской интеллигенции», т.е. «крайний утопизм» последней. Это явление, по их убеждению, сыграло роковую роль в 1917 г., обусловив тогда многие проблемы государственно-общественного устроения.

«Главной, первородной ошибкой» российской демократии они называли «легкое, книжное отношение к проблеме власти»[2]. На страницах газеты «Отечество» подчеркивалось, что положение усугублялось, с одной стороны, невозможностью передать «бразды правления» полностью социалистам, а, с другой, – «отсутствием подлинного демократизма и революционности у единственной старой буржуазной партии – кадетов». «Ненормальность» данной ситуации «сигнализировала» об очевидном «пробеле» в российской многопартийности: «Вряд ли кто станет утверждать, что наши народные массы чуть не сплошь социалистичны, что солдаты, записывающиеся в партию с.р. целыми батальонами – подлинные социалисты. Социализм подменяется в сознании масс чем-то иным, бесконечно от него далеким»[3]. Отсюда следовал вывод о том, что сама жизнь властно требовала создания в России сильной демократической *несоциалистической* партии («левее кадет»), которая, не будучи враждебной социализму и последовательно поддерживая необходимые на пути к нему реформы, твердо стояла бы на реальной почве, не увлекаясь доктринальными построениями и слишком несбыточными обещаниями. Таким образом, деятели РРДП считали вполне объяснимым возникновение на российских просторах многочисленных («независимо одна от другой») радикально-демократических групп. Кроме того, по их мнению, острая потребность в подобного рода партии ощущалась во время июльского кризиса. Впоследствии РРДП не раз подчеркивала решающую роль своих представителей в преодолении кризиса и создании очередного коалиционного правительства: «Выступление Радикально-демократической партии спасло коалицию и заставило самих кадетов отказаться от их утопической, основанной на полном непонима-

[1] Социализм и радикализм [редакц. статья] // Отечество. 1917. № 8. 25 июля.
[2] Бланк Р. Проблема власти // Отечество. 1917. № 36. 26 августа.
[3] Социализм и радикализм…

нии масс, обструкционной тактики, которая могла бы привести только к полному развалу»[1].

Обосновывая закономерность своего выхода на политическую арену, РРДП провозглашала: «Россия должна вступить не на путь социализма, а на путь радикал-демократизма… Россия созрела для демократии, она требует радикальных реформ, но для социализма еще не готова». Путь к нему будет «долгим и тернистым», утверждали создатели новой партии: «Его не прошли еще другие, значительно опередившие нас в экономическом и культурном развитии народы Европы и Америки, и было бы непозволительным самомнением полагать, что хозяйственное развитие России идет какими-то особыми, лишь ей присущими путями, что к ней не приложимы общие законы экономического развития»[2]. Отстаивая «линию реалистического демократического радикализма», идеологи РРДП убеждали: «Нужно твердо помнить, что тот, кто спешит с осуществлением идеалов социализма, кто бросает соответствующие лозунги неподготовленным массам, похож на ребенка, который, в избытке желания видеть распустившимся цветок, разворачивает пальцами неразвившийся бутон, – цветок или погибнет или будет уродом»[3].

Деятели РРДП признавали, что близкие к ним позиции («сочетание радикализма с демократизмом») занимали тогда только две партии. Это – социал-демократическая группа «Единство» во главе с Г.В. Плехановым, объединявшая, главным образом, меньшевиков-оборонцев, а также Трудовая народно-социалистическая партия (В.А. Мякотин – предс., А.В. Пешехонов и др.). В то же время радикал-демократы обращали внимание на груз «наследий», сковывавших соратников: группа «Единство», приверженная марксистской догме, оставалась классовой партией пролетариата, а энесов заставляли оглядываться на эсеров народнические традиции[4].

Что касается РРДП, то она, не замыкаясь в «скорлупе» доктрин, провозглашала основной задачей строительства новой жизни привлечение к делу «спасения Родины» «всех живых сил страны», т.е. считала необходимой «организацию распыленных, но очень многочисленных в стране радикально-демократических элемен-

---

[1] Коробка Н. Кадеты и несоциалистические партии // Отечество. 1917. № 37. 27 августа.
[2] Познер С. Новая Россия…
[3] Социализм и радикализм…
[4] К выборам в городскую думу [редакц. статья] // Отечество. 1917. № 30. 19 августа.

тов», которые, по убеждению партии, были призваны играть «весьма крупную, если не руководящую роль»[1]. Отводя важное место среди своих потенциальных сторонников фабрично-заводскому пролетариату, РРДП не склонна была преувеличивать его значение (поскольку «в слабо развитой экономически России рабочий класс далеко не исчерпывает собою трудовой демократии страны»). В число «прочных устоев» социального порядка партия включала также «многомиллионное крестьянство, ремесленников, мелких и средних торговцев, служащих различных учреждений и трудовую интеллигенцию»[2]. Последней она отводила решающую роль в новом земстве[3].

РРДП горячо поддерживала (не только на словах, но и на деле) профессионально-политические объединительные тенденции в среде демократии. Так, одним из центральных событий съезда Всероссийского крестьянского союза (Москва, 31 июля – 6 августа 1917 г.) стал доклад члена партии А.А. Евдокимова по организационному вопросу, а сам оратор предложил съезду «набросок общих контуров Устава Союза», дополнив его в ходе обсуждения на съезде «дельными поправками крестьян»[4]. На Государственном совещании (Москва, 12–15 августа 1917 г.) была оглашена резолюция объединенных советов трудовой интеллигенции, принятая по инициативе радикал-демократа А.Е. Маковецкого[5].

По мнению идеологов РРДП, мощным консолидирующим потенциалом обладали и культурно-просветительные организации, которые раскидывались «широкой сетью по всей стране». «Не вокруг великого шума – вокруг великих ценностей вращается мир» (Ф. Ницше) – этот эпиграф предварял статью члена РРДП Веры Славенсон, посвященную формированию («усиленными темпами») т.н. «народной интеллигенции» и ее роли в столь же бурном процессе самоорганизации народных масс, «которые пребывали до сих пор в сумерках культуры, но, раскрепостившись, заявили свою

---

[1] Социализм и радикализм…
[2] Познер С. Новая Россия…
[3] Веселовский Б. Новое земство // Отечество. 1917. № 50. 13 сентября.
[4] Евдокимов А. Заметки кооператора // Отечество. 1917. № 29. 18 августа.
[5] [Резолюция советов трудовой интеллигенции на Государственном совещании] // Отечество. 1917. № 37. 27 августа.

волю к общекультурному бытию»[1]. Среди разнообразных откликов представителей РРДП на этот «запрос» – издательская деятельность партии на базе основанного ее членами акционерного общества «Свободная страна» и собственного издательско-типографского комплекса. Была выпущена серия дешевых общественно-политических брошюр («народные издания»), авторами которых зачастую являлись сами деятели РРДП. «Для интеллигентных читателей» предназначалась переводная литература той же направленности (Ш. Сеньобос, Э. Бутру и др.).

Выделяя среди своих союзников мелкобуржуазные слои («низы буржуазии, непосредственно соприкасающиеся с пролетариатом»)[2], РРДП не спешила выносить «за рамки» демократии крупную буржуазию. С одной стороны, радикал-демократы предъявляли серьезный счет «катонам из торгово-промышленного мира» за то, что они, по словам С.В. Познера, после февраля 1917 г. «устранились от всего»: «не попытались даже сорганизоваться, хотя бы в оппозиционную партию, чтобы своей деловой критикой вносить необходимый корректив в работу демократии, … не сделали даже попытки найти общий язык со сбитой с толку рабочей массой, … не откликнулись в должной мере на призыв прийти на помощь денежными средствами. Велико ли число крупных подписчиков из их среды на «Заем Свободы»? А ведь они одни могли бы покрыть его целиком»[3]. Как «большевизм навыворот» (требование передать власть буржуазии, поскольку революция «буржуазная») РРДП определяла речь П.П. Рябушинского на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде[4], впрочем, выражая надежду на то, что все сказанное отразило, скорее, личный взгляд выступавшего, чем настроение торгово-промышленных кругов[5]. В связи с этим, характеризуя состав 2-го коалиционного правительства, сформированно-

---

[1] Славенсон В. Народная интеллигенция // Отечество. 1917. № 37. 27 августа. «Без заранее обдуманной системы, без всякого плана вырастают у нас со всех сторон новые культурно-просветительные организации: курсы агитаторов, кооперативные курсы, народные гимназии и университеты, рабочие клубы и т.п. Достаточно сказать, что в Петрограде, например, одних клубов, которые ведут интенсивную просветительную деятельность среди рабочих, насчитывается до 70 с 50 тысячами членов» // Там же.

[2] [Совещание членов Государственной думы… Поправка Барышникова] // Отечество. 1917. № 4. 20 июля.

[3] Познер С. Речь П.П. Рябушинского // Отечество. 1917. № 18. 5 августа.

[4] [Обзор печати] // Отечество. 1917. № 8. 25 июля.

[5] Познер С. Речь П.П. Рябушинского…

го 24 июля, как «продукт наметившегося общего стремления найти среднюю линию, пойти, наконец, по ней к разумной, положительной общенациональной цели», Познер выражал позицию своей партии: «Классовому раздражению и классовой политике, – слева и справа, – теперь не может быть места. Только совместные усилия всех классов в состоянии спасти Россию»[1]. По мнению лидеров РРДП, в условиях продолжавшейся войны объединяющей национальной идеей могло стать обеспечение экономической независимости страны[2]. В этом смысле обнадеживающие приметы спасения «общественного хозяйства» в настоящем и залог последовательного развития производительных сил страны в будущем радикал-демократы видели в зарождении зачатков «промышленной демократии», т.е. «профессионально-сорганизовавшихся промышленного и рабочего классов, нашедших общий язык и согласовавшихся на деловой почве»[3]. РРДП указывала на предпосылки активизации участия торгово-промышленных кругов в «укреплении начал действительно демократического политического строя». Свои надежды партия связывала, в частности, с учреждением в начале октября 1917 г. новой формы организации предпринимательской среды – торгово-промышленных палат. Она не сомневалась в том, что в этих объединениях преобладание получат демократические элементы – «широкие круги мелких торговцев и промышленников, ведущих полутрудовое существование»[4].

Деятели РРДП постоянно напоминали о том, что «ближайшее будущее принадлежит не социализму, а капитализму»[5], а потому слишком резкие «движения» в экономической политике гибельны для страны. Будучи солидарна с другими участниками демократического лагеря в подходе к политическим преобразованиям («от деспотизма – к народоправству»), РРДП заняла особую позицию в расколовших демократию бурных социально-экономических дебатах. Радикал-демократы однозначно негативно отвечали на вопрос, ставший «водоразделом» в спорах о путях развития сельского хо-

---

[1] Там же.
[2] Фабрикант А. Социальные порывы и действительность // Отечество. 1917. № 1. 16 июля.
[3] Промышленная демократия [редакц. статья] // Отечество. № 30. 19 августа.
[4] Новая организация торгово-промышленного класса [редакц. статья] // Отечество. № 73. 11 октября.
[5] Доклад М.В. Бернацкого в Экономическом совете // Отечество. 1917. № 8. 25 июля.

зяйства в России: возможно ли уничтожение частной собственности на землю и осуществление полного равенства в сфере землепользования? Предупреждая об опасности «затемнения» земельного вопроса партийной идеологией (особенно в бытность министром земледелия лидера Партии социалистов-революционеров В.М. Чернова), деятели РРДП считали «крайне важным» признание следующих принципов: «земельная собственность в пределах трудового пользования неприкосновенна; земля, выделенная из общины и устроенная, не может быть против воли владельца вновь возвращена в общину; земля [для образования особого государственного земельного фонда с целью обеспечения интересов малоземельного земледельческого населения. – *Н. Хайлова*], как правило, отчуждается возмездно»[1].

Что касается промышленности, то внимание идеологов РРДП было обращено, прежде всего, на вопрос о роли государства и частного предпринимательства. С одной стороны, они считали закономерными и оправданными изменения, имевшие место под влиянием Первой мировой войны – «прогрессирующее внедрение социалистических элементов в капиталистический строй» (вмешательство государства в сферу производства и распределения, привлечение профессиональных организаций трудящихся к выработке и проведению экономических мероприятий, более справедливое распределение налогового бремени)[2]. С другой стороны, радикал-демократы указывали на немалые риски для государственной власти в деле «непосредственного хозяйственного творчества», подчеркивали, что даже «самая крайняя демократизация власти не может из нее сделать опытного предпринимателя и организатора»[3]. Общий вывод сводился к следующему: государство должно оставить за собой лишь роль регулятора и контролера и выпустить из-под пресса огульного недоверия частнохозяйственную инициативу, которая должна стать исходной точкой для демократизации социально-экономических отношений[4].

---

[1] Обобществление земли и аграрная реформа [редакц. статья] // Отечество. № 1. 16 июля.
[2] Познер С. Новая Россия…
[3] Фабрикант А. Социальные порывы и действительность…
[4] К открытию Экономического совещания [редакц. статья] // Отечество. 1917. № 8. 25 июля.

Обозначая круг важнейших задач государства в экономике, лидеры РРДП обращали внимание, прежде всего, на необходимость преодоления опасной тенденции «последнего времени» – переносе «центра тяжести» с организации производственного процесса на распределение[1]. Критикуя правительство, радикал-демократы подчеркивали также оторванность от жизни целого ряда его инициатив, в частности, в сфере рабочего законодательства. Характеризуя пакет соответствующих документов как результат «казенно-социалистического» творчества, редакция «Отечества» считала вполне закономерным, что этой «доктринерской социальной стряпней» не интересовались тогда ни рабочие (еще не освободившиеся от «боевых, максималистских» устремлений), ни промышленники («стоящие накануне краха своих предприятий»), ни широкие круги общественности[2].

«Особость» позиции РРДП проявилась не только в подходах к решению проблем экономической политики, но и в значительном акценте на национальном вопросе. По мнению идеологов партии, социалистическая мысль в увлечении «моментом классовой розни» неохотно занималась «элементами солидаризма», вследствие чего недооценила «инстинкт национальности», ярко проявившийся во время войны. Полагая, что «единственное моральное оправдание война нашла себе в осуществлении национального идеала», РРДП призывала «авангард» демократической мысли искренно признать творческую миссию национальной идеи. «Тогда только удастся урегулировать национальное движение, не доводя его до необходимости катастрофических переворотов»[3], – заявляли радикал-демократы. Выдвигая вопрос о федерации в число «боевых вопросов» государственного строительства, они не только подчеркивали слабую теоретическую проработку этой идеи («возникшей под разным углом зрения в тайных обществах 19-го века»[4]), но и стремились внести собственный вклад в это дело.

При решении национального вопроса РРДП исходила из того, что царская Россия «не была (и не хотела быть) отечеством для населяющих ее народов (в т.ч. великороссов)». Более того, – под-

---

[1] Титов И.В. Старые пути // Отечество. 1917. № 4. 20 июля.
[2] Безжизненное творчество [редакц. статья] // Отечество. 1917. № 29. 18 августа.
[3] Уроки истории [редакц. статья] // Отечество. 1917. № 3. 19 июля.
[4] Коробка Н. Пионеры идеи федерализма в России // Отечество. 1917. № 45. 7 сентября.

черкивал член ЦК партии М.А. Славинский, бросая «камешек в огород» кадетов, – даже после свержения самодержавия в некоторых политических кругах не решались признавать за национальностями России права участвовать в общегосударственном строительстве, «только потому, что это строительство не во всем совпадало с их партийным кодексом, созданным для всех народов России по тому образцу, по какому создавались законы в недоброе старое время». В послефевральской России он придавал особое значение инициативе органов русской и украинской демократии в деле возникновения «порыва к строительству новой России, общей и дорогой каждому и всем ее гражданам, классам, народам». Именно их воззвание к патриотизму своих народов (соответственно, – в Петрограде и Киеве), полагал М.А. Славинский, вызвало отклик у всех других национальностей, породив у последних «здоровое чувство ответственности» не только за собственное будущее, но и за судьбу России, «их общего Отечества»[1].

РРДП предусматривала распространение новых принципов национальной политики, основанной на начале равноправия народов, на все уровни административно-государственного управления. В этой связи предлагались, в частности, следующие меры: 1) создание при Временном правительстве Особого Совета по национальным делам; 2) привлечение общественных деятелей отдельных национальностей в комиссию по организации созыва Учредительного собрания. В программе партии содержалось положение о том, что «назначение комиссаров по губерниям и уездам должно быть сообразовано с национальностью губернского и уездного населения». Радикал-демократы считали обязанностью Временного правительства содействие местному населению в деле восста-

[1] Славинский М. Отечество // Отечество. 1917. № 1. 16 июля. Особое внимание деятелей РРДП к «украинскому вопросу» объяснялось не в последнюю очередь тем, что созданию партии содействовали члены Петроградской громады Товарищества украинских прогрессистов. Тесные связи существовали между РРДП и комитетами национально-демократических организаций – Украинской и Латышской (в частности, в августе 1917 г. на выборах в петроградскую городскую думу все три объединения выставили общий список кандидатов). «Необычайное упорство кадет в украинском вопросе, образ действия ”Речи”, статьи которой по этому вопросу нельзя было отличить от статей ”Нового времени”, постоянные обвинения в сепаратизме, при помощи подстановки понятия “отделение” вместо понятия “автономия”, – вот та тактика, которая вырыла глубокую пропасть между русскими умеренными элементами и национальностями, пропасть, изгладить которую может только длительная работа несоциалистической партии левее кадет», – обозначало руководство РРДП одну из своих важнейших задач (Н. Коробка. Кадеты и несоциалистические партии…).

новления национальных культурно-просветительных учреждений, закрытых и разрушенных при царском режиме.

Партия признавала неизбежность переустройства государства на федеративных основаниях. В программе РРДП были обозначены различные варианты возможной реализации национальностями своего права на самоопределение в составе единой России: автономия национальная, национально-территориальная, смешанного типа – «вовне на основе национально-территориального принципа, внутри области – на территориальном принципе (кантональная система)». В целях культурно-национального самоопределения народов, не имевших четко очерченного ареала компактного расселения, партия предлагала использовать принцип «междуобластного соединения по национальному признаку (автономии экстерриториальной)». По мнению идеологов РРДП, столь же разнообразным мог быть и объем прав каждой автономной области – «начиная от автономии провинциальной и кончая автономией политической». Верховной инстанцией по вопросам автономных принципов и федеративного строя партия признавала Всероссийское Учредительное собрание[1].

Вопрос о федерации широко обсуждался на страницах партийной прессы радикал-демократов. «Россия не сумела выработать единой нации и мыслима либо как деспотия, либо как союз национальных областей», – развивая эту мысль, член ЦК РРДП Н.И. Коробка обосновывал несостоятельность («чистое недоразумение») главного аргумента противников федеративного устройства – опасения отделения автономных областей от России. Во-первых, он обращал внимание на то, что стремление к автономии ни у одной из народностей («кроме некоторых, фактически потерянных для России, как поляки») не переходит в стремление к независимости. А, во-вторых, автор утверждал, что в ситуации, сложившейся после февраля 1917 г., создание автономных областей является «не распылением, а, напротив, собиранием распылившихся уже элементов в крупные единицы». По его мнению, в основу этого объединения следовало положить «органический признак», близкий и понятный народным массам, т.е. «признак национальный, затем признак общности культурно-бытовых и экономических условий области». «Только через привязанность к таким областям эти массы, которым

[1] Программа Российской радикально-демократической партии. Пг., 1917. С. 5.

чуждо еще чувство блага и ответственности быть гражданином великого государства, могут научиться ценить Россию», – следовал вывод. «Тот, кто борется против федерации областей, идет в сущности к федерации волостей»[1], – предупреждал автор. Мысль о том, что «федерализм не подорвет единство России» развивал на страницах «Отечества» и С.А. Котляревский[2].

Провозглашая, что «свободная Россия может быть только децентрализованной» (М.А. Славинский), РРДП в то же время осуждала «детскую болезнь национальных движений» (своего рода «большевизм», выражавшийся в «стремлении быть левее самого левого»), подчеркивала, что «интересы демократии не в узконациональной ориентации, а в согласии с широким государственным коллективом»[3].

Наряду с «украинским вопросом», особой заботой идеологов РРДП являлось обеспечение интересов Сибири («будущей Америки»). В отличие от распространенных тогда предложений по решению проблем региона (предоставить бóльшее число мест в Учредительном собрании, расширить полномочия местного земства), лидеры партии настаивали на единственном, по их мнению, пути – даровании Сибири автономии с делегированием сибирскому законодательному органу прав по решению множества вопросов, исключительно сложных для решения из центра в силу особенностей данной части государства. Это, прежде всего, такие вопросы, как: инородческий, аграрный, определение порядка землепользования, путей сообщения, местный тарифный, пользования и распоряжения лесами, водами, недрами, вопросы народного образования и здравоохранения, административного переустройства. Подобного рода «разгрузка» центрального законодательного аппарата, убеждали идеологи РРДП, послужит не только «во благо» Сибири, но и сделает сам этот аппарат более «правотворческим и подвижным», позволит ему в бóльшей мере сосредоточиться на общеполитических вопросах[4]. С глубоким сочувствием редакция «Отечества»

---

[1] Коробка Н. Федерация областей или федерация волостей // Отечество. 1917. № 1. 16 июля.

[2] Котляревский С. По пути к федерализму // Отечество. 1917. № 78. 17 октября.

[3] Полищук М. Детская болезнь национальных движений // Отечество.1917. № 58. 22 сентября. Радикал-демократы критиковали не только «ультралевые» выступления представителей Украинской рады и украинских социалистических партий. Черты «нездорового национализма» они отмечали и в проекте белорусской автономии (Полищук М. Проект белорусской автономии // Отечество. 1917. № 64. 30 сентября).

[4] Лебедев Г. Автономия Сибири // Отечество. 1917. № 1. 16 июля.

отозвалась на кончину «одного из лучших сибирских областников-автономистов» И.П. Лаптева[1].

Самое пристальное внимание РРДП уделяла политической программе казачества, с удовлетворением отмечая, что идея демократической республики на самых широких федеративных началах находит сочувствие, кроме Дона и Кубани, и в других казачьих областях («и таким образом намечается федерация казачьего юго-востока России»)[2]. Осознавая потенциально весомую роль казачества в судьбе России, лидеры РРДП (прежде всего, «коренной донской казак» И.Н. Ефремов) стремились установить доверительные личные связи и взаимодействие с наиболее значимыми казачьими организациями (Совет Союза всех казачьих войск и др.).

Непосредственно участвуя в строительстве «свободной России», радикал-демократы лучше многих осознавали целый комплекс причин, затруднявших работу Временного правительства (вплоть до фактического паралича усилий его деятелей). Это касалось, в частности, крайней сложности вопроса об упорядочении народного хозяйства. «Нужны какие-то неимоверные усилия коллективной общественной мысли, какое-то исключительное напряжение народной энергии, чтобы вырваться из того тупика, в который страна зашла»[3], – признавала редакция «Отечества». Она также обращала внимание на вынужденную обстоятельствами необходимость решать всеобъемлющий комплекс многочисленных задач внутренней и внешней политики одновременно с процессом организационного оформления демократии как в центре, так и на местах, к тому же в ситуации «партийной предвзятости и классовой узости», а также фактически поголовного бескультурья, отсутствия гражданского и политического воспитания в народных массах. «Такого испытания не выдержала бы и самая сильная власть с самой совершенной организацией»[4], – не сомневался Р. Бланк.

Главную проблему в деле расширения влияния РРДП и ее ближайших соратников (фактически занявших в 1917 г. «срединную» позицию между кадетами и социалистическими партиями) идеологи радикал-демократов видели в том, что «политически не-

---

[1] Лебедев Г. Сибиряк-областник // Отечество. 1917. № 63. 28 сентября.
[2] [Казак]. Тихий Дон // Отечество. 1917. № 65. 1 октября.
[3] К открытию Экономического совещания…
[4] Бланк Р. Проблема власти…

опытный избиратель все еще идет за теми, кто сулит ему золотые горы»[1]. В конце сентября 1917 г. редакция «Отечества» констатировала: «В общем создается картина очень грозная: при растущей апатии значительных слоев населения, активные элементы группируются на противоположных политических полюсах, между которыми все меньше и меньше взаимного понимания и возможности столковаться, причем рост анархических элементов идет несравненно интенсивнее роста противоположных сил»[2].

Тем не менее, создатели РРДП не теряли оптимизма, просто потому, что, работая «на перспективу», они не видели для России другого выхода, кроме постепенного превращения ее в демократическое правовое государство с республиканской формой правления и «автономно-федеративным строем». Они надеялись на то, что «равнодействующая» различных направлений в общественной мысли и практике, в конце концов, будет найдена, и, как могли, пытались реализовывать свою «линию» в практически безнадежной ситуации господства «лихого максимализма». Их путеводной звездой, наряду со «здравым смыслом», являлись опыт и идеи зарубежных деятелей, «родственных» им по взглядам. Это, прежде всего, англичане – члены фабианских обществ (сторонники «социализма без доктрины») и участники кооперативного движения, шведский социолог и экономист Густав Стеффен, лидеры французской Радикально-социалистической партии, «независимые итальянские социалисты, германские демократические партии»[3].

---

[1] К выборам в городскую думу…

[2] Показательные итоги [редакц. статья] // Отечество. 1917. № 64. 30 сентября.

[3] См.: Фабрикант А. Социализм без доктрины // Отечество. 1917. № 10. 27 июля; Его же. Урок английских кооператоров // Там же. № 71. 8 октября; Съезд французских радикалов [редакц. статья] // Там же. 1917. № 77. 15 октября.

Л.П. Муромцева[1]

С.А. МУРОМЦЕВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В 2017 г. исполнилось 167 лет со дня рождения С.А. Муромцева – известного юриста, председателя I Государственной думы. Деятельность Муромцева, масштаб его личности и огромный нравственный авторитет дают нам полное основание говорить о нем как об одном из самых ярких представителей русской либеральной общественной мысли начала XX в.

И весьма символично, что с 2009 г. Орловский государственный университет совместно с Финансовым университетом при Правительстве РФ проводят Муромцевские чтения. Почему же местом проведения первых Муромцевских чтений стал Орел, каким образом имя Муромцева связано с этим регионом? Дело в том, что орловская земля занимает в жизни Сергея Андреевича особое место. Родился он в казармах Московского полка в Санкт-Петербурге. Спустя 8 лет семья Муромцевых переезжает в имение Лазавка, расположенное в настоящее время в Новодеревеньковском районе Орловской области. Именно Орловщина стала местом, где прошли детские годы Муромцева, где он сформировался, прежде всего, как личность. Бурные исторические события, прокатившиеся по Центральной России в XX в., уничтожили немало исторических мест. Но истории было угодно распорядиться так, чтобы фамилия Муромцевых сохранилась в прямой связи с орловской землей. Вплоть до настоящего времени на топографических картах один из небольших населенных пунктов Новодеревеньковского района Орловской области называется Муромцево. Сохранилось и прежнее название имения Муромцевых – Лазовка.

В начале XX в. имя Муромцева – крупнейшего ученого-юриста, блестящего адвоката, либерального общественного деятеля знала вся просвещенная Россия. Происходил он из старинного дворянского рода, корни которого сам Сергей Андреевич проследил до XVI в.[2] Все Муромцевы по мужской линии были военными, прини-

---

[1] *Муромцева Людмила Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова*.

[2] Муромцева М.А. Муромцевы и Дерюжинские. Моя семья. М., 2016.

мали участие во взятии Казани, в разгроме польской интервенции, в войне 1812 г. Вопреки семейной традиции, Сергея Андреевича совсем не привлекала перспектива военной службы. Он избрал для себя научное, а затем политическое поприще. К этой деятельности он готовился с юных лет.

Благодаря матери Анне Николаевне, происходившей из дворянского рода Костомаровых, Муромцев получил хорошее домашнее образование. К сентябрю 1860 г. семья Муромцевых переселилась в Москву. Здесь Сергей поступил в гимназию и в 1867 г. окончил ее с золотой медалью.

Становление Муромцева происходило в годы общественного подъема, вызванного буржуазными реформами 1860-х – начала 1870-х гг. В Москве в свободные от занятий часы гимназиста можно было увидеть на заседаниях окружного суда, интересовала молодого Муромцева и деятельность Московского губернского земского собрания. Так, задолго до окончания гимназии он вполне осознанно и твердо сделал свой жизненный выбор, считая юриспруденцию и самым подходящим для себя, и весьма нужным людям занятием.

Рано проявившийся интерес к государственному праву привел Сергея Муромцева в 1867 г. на юридический факультет Московского университета. Сохранившиеся воспоминания университетских товарищей позволяют создать более полное представление о Муромцеве-студенте, сравнительно быстро завоевавшем заслуженный авторитет у однокурсников. Активно участвуя в деятельности легальных студенческих организаций, часто выполняя функции председателя, Сергей Муромцев, тем не менее, готовил себя к научной карьере. Еще в 1869 г. в записной книжке он пророчески наметил ее основные вехи: защита магистерской диссертации через 6 лет, чтение лекций, а затем спустя некоторое время «отставка за распространение либерализма»[1].

И действительно, в 1875 г. Сергей Андреевич, защитив диссертацию, получил степень магистра гражданского права, в 1877 г. последовала успешная защита докторской диссертации. Следующие вехи в его послужном списке – в 1878 г. 27-летний профессор возглавил кафедру римского права, а в 1880 г. стал проректором Московского университета. Кроме того, из-под его пера выходят десятки

[1] Милюков П.Н. Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 19.

монографий, статей, рецензий. Всего список печатных работ Муромцева насчитывал свыше 180 наименований. Наряду с напряженными научными исследованиями он постоянно читал лекции в университете и, по отзывам слушателей, был прекрасным оратором.

Бывшие ученики с особой теплотой вспоминали о Муромцеве-педагоге, о его поразительном умении соединить результаты своих научных исследований с материалами университетских лекций. «Труды, выросшие из лекций, – писал В.М. Нечаев, – отличаются… необыкновенной строгостью стиля, последовательной логичной стройностью и выдержанностью, – ведь их положения рассчитаны на то, чтобы научно дисциплинировать мысль слушателя – воздействовать не на его чувства, а лишь на его самостоятельное мышление, на его разум. В этом весь Муромцев как профессор»[1]. Нечаев уловил в преподавательской манере профессора-юриста Муромцева черту, которая была свойственна Сергею Андреевичу во всем, чтобы он ни делал – это отсутствие в его лекциях, выступлениях, печатных трудах стремления к дешевым, рассчитанным на исключительно внешний эффект приемам. Это же в Муромцеве отмечал и Г.Ф. Шершеневич, подчеркивавший, что на замечания о том, что преподаватель в своих лекциях должен снизойти до уровня понимания своих слушателей, Сергей Андреевич неизменно отвечал, что предпочитает поднимать слушателей до своего уровня понимания.

Прирожденный либерал, сторонник создания в России правового государства, Муромцев придавал большое значение публицистике в воспитании правосознания общества. «Будущее не должно застать нас врасплох», – часто говорил он[2]. В 1878–1892 гг. Сергей Андреевич возглавлял журнал «Юридический вестник», а с 1880 г. был избран председателем Московского Юридического общества. Он также активно выступал как общественный деятель, участвуя в качестве гласного в работе Московской городской думы, Московского губернского и уездного земств.

Политический климат в России между тем постепенно менялся. Как известно, реакция победила. С принятием реакционного университетского устава 1884 г. участь либерально настроенных профессоров была решена. Муромцев вместе с другими профессорами был уволен из университета «за распространение либерализма» и «по-

[1] Нечаев В.М. Муромцев как ученый и профессор. СПб., 1910. С. 8.
[2] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 30.

литическую неблагонадежность». Таким образом, еще раз подтвердилась истина: либерализм в России безнаказанным не остается.

Оторванный от университетской среды, Муромцев сосредоточил свою деятельность в области практической юриспруденции. Огромная эрудиция, честность и принципиальность создали ему блестящую репутацию адвоката. Он откликался на многие события общественной и литературной жизни, участвовал в работе таких организаций, как Московский комитет грамотности, Комиссия по народному образованию. В 1903 г. ему пришлось выполнять весьма своеобразное поручение городской думы: стать арбитром в споре двух партий в совете Третьяковской галереи, возглавив оргкомиссию по проверке действий совета[1].

Современникам запомнилась его страстная речь во время похорон И.С. Тургенева в Петербурге в 1883 г. А произнесенное им 26 мая 1899 г. приветствие от имени Московского Юридического общества Обществу любителей российской словесности по случаю 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина стало поводом для правительственных репрессий. Властей особенно возмутили заключительные слова его выступления: «Празднуя ныне память поэта, мы торжествуем вместе с тем победу, одержанную русскою личностью над рутиною жизни и властной опеки!»[2] В результате Юридическое общество в Москве, возглавлявшееся на протяжении почти двух десятилетий Муромцевым, было закрыто.

Пик его плодотворнейшей деятельности пришелся на конец 1904–1906 гг.: начиная с ноября 1904 г., он – активный участник всех земских съездов, соавтор важнейших программных документов либералов.

Вскоре наступило Кровавое воскресенье. В стране грянула революция. В это время Сергей Андреевич Муромцев словно переживал вторую молодость, не жалея сил, захватывая нередко ночные часы, он подолгу сидел над текстами, столь нужных стране проектов законов, оттачивая до блеска их формулировки. И по праву проект конституции, представленный на рассмотрение земского съезда в июле 1905 г., именуется «муромцевским». Этот документ стал теоретической основой последующего конституционного движения в России.

---

[1] Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 182.
[2] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. М., 1910. С. 28.

Высшими ценностями для Муромцева и других русских конституционалистов являлись права личности и законность. Все преобразования в России должны были (и в этом состояла их твердая убежденность) осуществляться исключительно правовым путем.

С 12 по 18 октября 1905 г. в Москве в разгар Всероссийской политической стачки проходили заседания первого Учредительного съезда партии конституционных демократов. Муромцева, принявшего деятельное участие в его подготовке, избрали в состав Центрального Комитета, а в апреле 1906 г. он прошел в I Государственную думу от кадетов по Москве. Как отмечал П.Н. Милюков, в переломные для страны моменты «Муромцев был с передовой Россией»[1].

Избранный 27 апреля 1906 г. на высокий и ответственный пост председателя I Государственной думы, к которому он готовился всю предшествующую жизнь, Сергей Андреевич возложил на себя огромное бремя ответственности и перед депутатами, и перед всей Россией. По словам А.А. Кизеветтера, видного историка и члена ЦК кадетской партии, «свое дело Муромцев выполнял так превосходно, что все члены Думы без различия партий восхищались его председательствованием и признавали его своим общим вождем… Они все чувствовали, что Муромцеву Дума была дорога, потому что ему дорога была Родина, для блага которой он пошел в Думу»[2].

Трудно представить кого-либо другого на посту председателя Думы, кто смог бы поддерживать порядок в собрании из почти 500 человек. Обладая глубокими познаниями, Сергей Андреевич приложил колоссальные усилия к выработке и внедрению в думскую практику регламента и процедурных норм, что оградило Думу от превращения в митинговое собрание.

Государственная Дума, созданная на 5 лет, просуществовала всего 72 дня. В знак протеста против роспуска царем Думы около 200 депутатов во главе с Муромцевым собрались в Выборге, где подготовили и подписали воззвание «Народу от народных представителей». В нем депутаты призывали население к гражданскому неповиновению. В результате, бывших депутатов-участников протеста власти привлекли к судебной ответственности. Их лишили избирательных прав и права быть избранными в Государственную

---

[1] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 41.

[2] Кизеветтер А.А. Сергей Андреевич Муромцев – Председатель Первой Государственной думы. М., 1918. С. 12-13.

думу. Но Муромцев, духовно не сломившийся, продолжал жить с верой в лучшее для страны будущее, занимаясь подготовкой Наказа для будущей Думы. Достойнейшим было его поведение и во время суда над депутатами I Государственной думы 12–18 декабря 1907 г. в Петербурге и в период трехмесячного пребывания в Таганской тюрьме в Москве. Правда, здоровье Муромцева после всех сложных перипетий научно-педагогической и общественно-политической деятельности оказалось резко подорванным. Но он продолжал напряженно работать в нескольких областях: и в роли адвоката, и в качестве профессора по кафедре гражданского права Московского университета, и как преподаватель на Высших женских юридических курсах, в Коммерческом институте и Народном университете им. А.Л. Шанявского, в организации которого он принял активное участие, деятельно помогая вдове мецената Л.А. Шанявской преодолевать чиновничьи препоны, разрабатывать учредительные документы, утвердить Положение об университете в Государственной думе. Он же составил и устав Общества для усиления средств Городского Университета. Участвовал он и в работе Академического Совета по созданию учебных планов этого университета. Муромцев стал первым ректором (председателем) Университета им. А.Л. Шанявского (1908–1910), членом попечительского совета и одним из ведущих лекторов. В 1908/1909 учебном году Муромцев читал там курс «Энциклопедия права», в 1909–1910 гг. – «Гражданское право» в объеме 4 часов в неделю. По свидетельству современников, время для лекций в скромной аудитории Народного университета он находил с трудом, но, будучи увлечен идеей народных университетов, неоднократно повторял: «Все же я от обязанностей преподавать в вашем университете себя никогда не освобожу»[1]. В первый год работы университета Муромцев, наряду с Кизеветтером и П.И. Павловым, входил в тройку наиболее популярных у слушателей университета лекторов[2]. Выступая на торжественном университетском собрании 20 сентября 1909 г., он заявил: «Наша деятельность, как гласит наш устав, всецело посвящается распространению высшего научного образования и привле-

[1] Шаховской Д. Из последних лет жизни // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 377.
[2] Речь. 1908. 6 декабря.

чению симпатий народа к науке и знанию»[1]. В первые годы университет, состоявший из академического и научно-популярного отделений, а также курсов элементарных знаний для слабо подготовленных слушателей, располагался в доме Шанявских на Арбате. Там за доступную плату могли учиться без предъявления аттестата зрелости и получить высшее образование все желающие без различия пола и национальности, представители всех конфессий. Студенты сами решали, какие лекции они хотели бы прослушать. Университет находился в ведении Московской городской думы, а не Министерства народного просвещения. При открытии в 1912 г., уже после смерти Муромцева, нового здания Университета им. А.Л. Шанявского на Миусской площади, одной из учебных аудиторий было присвоено его имя.

В 1908 г. вышла книга Муромцева «Основы гражданского права. Человек и общество», а через 2 года – «Статьи и речи» в 5 выпусках (последние 2 выпуска уже после кончины автора, успевшего подготовить их к печати). Первый выпуск объединял приветствия, воспоминания, некрологи, написанные автором за все время активной общественно-политической деятельности[2]. Второй выпуск вобрал в себя материалы, относящиеся к организации и проведению съездов русских юристов и деятельности Московского юридического общества[3]. Третий выпуск состоял из публицистики Муромцева периода 1880-1886 гг., включая, в частности, цикл заметок «Письма из Москвы»[4]. Под обложкой четвертого выпуска было собрано практически все, сказанное или написанное им в период его пребывания гласным Московской городской думы и Московского земского губернского собрания[5]. В пятом выпуске помещены его работы в области политики и публицистики[6]. Этот выпуск представляет

---

[1] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. С. 59.

[2] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. Некрологи, приветствия, воспоминания. 1878 - 1910. М., 1910.

[3] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 2. На первом съезде русских юристов и в московском юридическом обществе. 1875 – 1906. М., 1910.

[4] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 3. Из общественной хроники. 1880-1886. М., 1910.

[5] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 4. В Московской городской думе. 1897-1906. М., 1910.

[6] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 5. В области политики и публицистики. М., 1910.

наибольший интерес для характеристики общественно-политических взглядов Муромцева.

Выражением жизненного кредо Муромцева стала его проникновенная речь, произнесенная 26 апреля 1909 г. на торжественном собрании в Московском университете, посвященном 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя: «Чествование Гоголя есть чествование духовной народной мощи – той жизнедеятельной силы народного духа, которую сам Гоголь постоянно сознавал в основе своего художественного творчества. Чествование Гоголя есть обращение к чувству общественности, призыв к нелицемерному и горячему служению народу, к самоусовершенствованию личности как составной единицы человеческого общежития»[1]. В том же году чествовали и самого оратора по случаю 25-летия его адвокатской деятельности.

Муромцев был одним из организаторов московского Общества мира, председателем суда чести при Обществе деятелей периодической печати и литературы, членом многих просветительских учреждений (Общества народных университетов, редакции Энциклопедического словаря братьев Гранат и др.). Он так определял цель своей работы: «Истинная задача того, кто выходит на поле общественной деятельности – вести людей силою их лучших чувств и высоких стремлений. Каждая, даже очень малая профессия из числа достойных есть хотя бы в микроскопической форме осуществление высших целей человечности и общественности; в свое частное дело каждый гражданин призван вводить какую бы то ни было долю общественного служения… Мы близимся к веку свободы и демократизма. В этом состоянии общественности… каждый сам призван стоять на страже и свободы, и равенства, ибо нет силы, которая могла бы создать их для человека, когда сознание их ему самому чуждо»[2]. Подчеркивая тесную связь теории с практикой, он предостерегал против теоретической рутины, неспособной к восприятию нового. Последним делом его интеллектуальных занятий стала разработка «Положения о народном образовании».

23 сентября 1910 г. Сергей Андреевич скромно отметил шестидесятилетие и, хотя летом в связи с ухудшением здоровья пришлось обращаться к врачам, он был переполнен жизненными планами: готовил проекты законов для будущей, либеральной по со-

[1] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. С. 37-41.
[2] Муромцев С.А. Статьи и речи. Вып. 1. С. 79-80.

ставу Думы; планировал новый курс лекций, новые научные работы. Скончался он от сердечного приступа в ночь с 3 на 4 октября 1910 г. в гостинице «Национальной», где допоздна готовился к сложному судебному процессу. Весть о смерти Муромцева разнеслась по всей России. Скорбные некрологи напечатали многие русские и зарубежные органы прессы. Похороны председателя I Государственной думы превратились в грандиозную демонстрацию. Траурная церемония продолжалась до позднего вечера. Передовая Россия отдавала дань глубокого уважения его памяти. Выступающие говорили об удивительной целостности личности Муромцева, о верности его идеалам свободы, о том, что имя Муромцева навсегда останется символом российского парламентаризма.

Несколько слов о судьбе семьи Сергея Андреевича. В годы революции его вдова М.Н. Клементова-Муромцева, известная оперная певица, вместе с дочерью оказались в эмиграции в Париже. Вторая дочь и сын остались в России. Сын – юрист по образованию, поначалу был сослан на Соловки, а затем, в 30-е гг. прошлого века, расстрелян. После ареста мужа Наталья Моисеевна Муромцева решается на самоотверженный шаг: она отправляет своих маленьких дочерей Ольгу и Татьяну (9 и 7 лет) в Париж, к бабушке – М.Н. Климентовой-Муромцевой. Покинув Россию, как казалось, на короткий срок, сестры остаются на французской земле навсегда. Волею обстоятельств Ольга и Татьяна попали на север Франции, где и жили долгие годы. Старшая, Ольга, стала монахиней ордена францисканцев; младшая, Татьяна, посвятила жизнь преподавательской деятельности. Год назад ушла из жизни Ольга Владимировна Муромцева. Сейчас Татьяна Владимировна осталась одна. Она проживает в Бельгии, написала автобиографический роман «В поисках России», который получил заслуженное признание во Франции и России.

Муромцевские чтения, проходящие в Орле, показали, что обращение к наследию С.А. Муромцева – замечательного ученого, педагога и политического деятеля, в условиях формирования гражданского общества и правового государства в современной России необходимо и плодотворно. Имя Сергея Андреевича Муромцева принадлежит не только истории, но и нашему времени.

А.А. Кара-Мурза[1]

ФИЛОСОФ И РЕВОЛЮЦИЯ (ФЕДОР СТЕПУН О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОСКВЕ)

Поздней осенью 1917 г. философ Федор Августович Степун переехал из революционного Петрограда в Москву. Возвращаясь в родной город, он рассчитывал полностью отстраниться от столичной политики: все-таки, в структурах бывшего Временного правительства он был фигурой заметной. Позднее, в мемуарах «Бывшее и несбывшееся», Степун вспоминал о своих настроениях первых послереволюционных месяцев и причинах своего неучастия в работе ушедших в подполье антибольшевистских организаций: «Зная понаслышке об этих политических объединениях, я и сознательно, и бессознательно держался в стороне от них. Не то, чтобы я отрицал возможность всякой борьбы, но я уже не верил ни в себя, как политического деятеля, ни в политические способности разогнанных большевиками сил. Мне казалось, что люди, не сумевшие удержать так легко доставшуюся им власть, вряд ли смогут вернуть себе ее при гораздо более сложных обстоятельствах. В те дни мною владела уверенность, что чашу большевистского яда России придется выпить до дна»[2].

В эмигрантских очерках «Мысли о России» Степун подробно написал о том, почему вооруженная борьба против большевиков казалась ему тогда «бессмысленной и бесцельной»: «Было ясно, что большевизм – одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь и ее преступление. Большевики же совсем другое: всего только расчетливые эксплуататоры и потакатели большевизма… Дело было все время не в них, но в той стихии русского безудержа, которую они оседлать – оседлали, которую шпорить – шпорили, но которой никогда не управляли… Историческая задача России в изжитые нами годы, в годы 1918 – 1921, заключалась не в борьбе с большевиками, но в борьбе с большевизмом: с *разнузданностью нашего безудержа* (курсив Степуна. – *А.К.*). Эту борьбу

---

[1] *Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом социальной и политической философии Института философии РАН, Президент национального фонда «Русское либеральное наследие».*

[2] Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 463.

нельзя было вести никакими пулеметами; ее можно было вести только внутренними силами духовной сосредоточенности и нравственной выдержки»[1].

Между тем, в Москве, примерно до середины 1918 г., сохранялась некоторая свобода печати. Сам Степун объяснял это тем, что «закрывая газеты, большевики не могли не чувствовать, что они возвращаются в ненавистный им старый мир, и это в глубине души было им, быть может, все же неприятно. Дух творческого радикализма и рассекающей жестокости был им исконно свойственен, скудный же дух реакции завладевал ими лишь постепенно». По мнению Степуна-социолога, «утверждение наших либералов и социалистов, что дух большевизма с самого начала был духом реакции, социологически, конечно, неверно. Несомненно, большевики войдут в историю наследниками Великой французской революции, а не наследниками романтически-националистической реакции против нее, как властители фашистской Италии и национал-социалистической Германии»[2].

Степун согласился тогда войти в редакцию формально независимой, а по сути правоэсеровской, газеты «Возрождение», которой финансово помогали через свои посольства союзники по Антанте, и во главе которой встал близкий друг еще по Гейдельбергу Илья Исидорович Бунаков-Фондаминский: «Ему, влюбленному во французскую культуру, французский язык и французскую журналистику, старому парижскому эмигранту, уже давно начавшему разочаровываться в политике как таковой, страстно мечталось создать в Москве большую газету нового типа, некий социалистический "Temps"»[3].

Конечно, Бунаков-Фондаминский обратился тогда к Степуну «не как к политическому деятелю», а «как к писателю-философу» и предложил ему возглавить культурно-философский отдел «Возрождения». Тот, почти не раздумывая, согласился: «Дело окультуривания русского демократического социализма было мне близко и дорого; к тому же предложение газеты и с внешней стороны устраивало мою жизнь. Идти на службу в какое-нибудь большевистское

---

[1] Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк первый // Современные записки. 1923. Кн. 14. С. 396-397.
[2] Он же. Бывшее и несбывшееся. С. 468-470.
[3] Там же. С. 470.

учреждение было для меня неприемлемо. Зарабатывание же пропитания случайной публицистической работой было крайне трудно. Вполне достаточное месячное вознаграждение за интересную работу сразу же разрешало все трудности практической жизни»[1].

Каждое утро, в течение нескольких месяцев, Степун ходил пешком в редакцию «Возрождения», находившуюся в новопостроенном «доме-утюге» на углу Спиридоновки и Гранатного переулка. Идти было недалеко: до угла Тверской, где еще стояла уже закрытая большевиками церковь Дмитрия Солунского (снесена в 1934 г.), мимо громады Страстного монастыря (через год он будет упразднен, а его кельи заняты Военным комиссариатом Троцкого) и далее вниз по Тверскому бульвару. И всякий раз охватывало Степуна странное ощущение новой Москвы – «будто бы еще своей», но «уже ускользающей от тебя»[2]. Единственное, что удерживало в его сознании прежний образ Москвы – это Пушкин, «светлое имя которого еще в раннем детстве таинственно прозвучало мне в соседнем с нашим Кондровым "Полотняном заводе" Гончаровых»[3]. Ибо оставались на своих местах и стоявший тогда спиной к Тверскому бульвару пушкинский памятник Опекушина, и Церковь Большого Вознесения у Никитских ворот, где поэт венчался.

Уже в эмиграции, в цикле очерков «Мысли о России» (бесспорно выдающихся по своей историософской глубине), Федор Степун попытался осмыслить и описать произошедший с Россией и искореживший его собственную жизнь экзистенциальный переворот, сломавший все привычные человеческие «идентичности»: «Каждый перестал быть тем, чем был, и каждый сразу мог стать всем… С невероятною быстротой исчезли все фиктивные перегородки жизни, и тысячи тысяч судеб сразу же вышли из предназначенных им рождением и воспитанием форм. Словно кто внезапно рванул все двери классовых, сословных и профессиональных убежищ, выгнав наши души в бескрайние просторы чего-то исконно и первично человеческого»[4].

---

[1] Там же. С. 470-471.
[2] Там же. С. 474.
[3] Там же. В усадьбе породнившихся с Пушкиным Гончаровых в Полотняном заводе А.С. Пушкин бывал дважды – в 1830 и 1834 гг.
[4] Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк шестой // Современные записки. 1925. Кн. 23. С. 352-353.

Впрочем, во время наступления на Москву генерала А.И. Деникина в июле-августе 1919 г. и вероятной перспективы краха большевиков, в среде новой советской номенклатуры начался процесс «нового оборотничества». Степун вспоминал потом один московский вечер в кругу сотрудничающих с большевиками, а теперь серьезно призадумавшихся высокопоставленных «военспецов»: «По обывательской Москве ходили слухи, что уже заняты Рязань и Кашира… Вывернутая наружу красная генеральская подкладка была у всех присутствующих явно подбита траурным крепом… По глазам и за глазами у всех бегали какие-то странные, огненно-лихорадочные вопросы, в которых перекликалось и перемигивалось все: лютая ненависть к большевикам с острою завистью к успехам наступающих добровольцев…, боязнь развязки, с твердою верою – ничего не будет, что ни говори, наступают свои… Атмосфера была жуткая и призрачная, провоцирующая, провокаторская»[1].

Согласно Степуну, большевистский переворот в России произвел буквально тектонический сдвиг человеческого бытия, не только выбив миллионы людей из привычных контекстов существования, но и до предела оголил все его первичные смыслы: «В страшные первые годы большевистского царствия мы не только поняли, что есть хлеб, кров, одежда, но также и то, что есть любовь, дружба и верность; родина, государство, семья. Поняли, кто поэт, кто ученый, кто герой, кто трус, кто настоящий русский человек, а кто на Руси прохожий. Все встало и определилось в своем подлинном удельном весе»[2]. Эту же мысль, впервые высказанную в очерке 1925 г., Степун затем несколько иначе изложил в более поздних мемуарах: «По всей линии разрушающейся цивилизации новый советский быт почти вплотную придвигался к бытию… Сквозь внешнюю оболочку вещей всюду видимо проступали заложенные в них первоидеи… В свете "красной звезды" всем нам становилось по-новому ясно, что есть любовь, дружба, чем поэт отличается от версификатора, подлинный философ от профессора философии, герой от позера и коренной русский человек от случайного по Руси прохожего. Распознавание сущности становилось жизненною необходимостью для каждого из нас, потому что на каждом перекрестке стояла судьба,

[1] Он же. Мысли о России. Очерк четвертый // Современные записки. 1924. Кн. 19. С. 329-330.
[2] Там же. С. 352.

потому что каждый поворот означал выбор между верностью себе и предательством себя»[1].

Изменилась, согласно Степуну, и сама «метафизика» Москвы, быстро утрачивающей свою привычно-передовую цивилизующую роль: «Отсталая деревня внезапно оказалась во главе жизни. Город и фабрика начали жаться к ней и просить у нее милостыни: насущного хлеба и насущных устоев; как это ни странно, но деревня не только хозяйственно, но и культурно оказалась сильнее города, сохранив и под диктатурой пролетариата те старые формы бытового своего обихода, которые так легко уступили большевикам цивилизованные столицы. Однако не только вхождение в жизнь деревни и оскудение города меняло привычную перспективу времени, пробуждая в душе новое чувство бренности и вечности жизни, – менял ее и сам вид большевицкого города»[2].

В 1920-е гг., в Берлине, Париже, Дрездене Федор Степун много писал о новой большевистской Москве, изменившей, по его мнению, не только облик, но и свое существо: «Москва 1919 года напоминала, особенно под вечер и ночью, древнюю Москву Аполлинария Васнецова. Темные окна. Занесенные тротуары. Нанесены сугробы. Ныряют по ним изредка одинокие извощичьи санки. Скрипит в тишине на морозе снег. Идешь – озираешься, нет ли где за углом чекиста-опричника, и невольно вздрагиваешь, заслышав чьи-то смелые, громкие голоса. Но не то, конечно, в первую очередь важно, что чекист, смешивая исторические перспективы, обращал наши взоры к древнему облику Москвы, а то, что, стирая грани жизни и смерти, обращал наши души к Вечности»[3]. Позднее, в своих мемуарах, Федор Степун дополнил и развил эту картину: «По-новому ощущались и пространства Москвы. По всему городу… просторными пустырями переливались через растасканные заборы, еще Герценом прославленные, московские дворы. По этим просторам в разные стороны разбегались утоптанные тропки, по которым с утра до ночи с оглядкой спешил нагруженный кладью люд. На привокзальных площадях "древними кочевьями" темнели толпы народа, сутками ожидавшие отхода поезда… По ночам от всеобще-

[1] Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 459-460.
[2] Он же. Мысли о России. Очерк шестой. С. 353-354.
[3] Там же. С. 355.

го беспорядка часто горели деревянные окраины города. Тогда казалось, что Москва бежит от француза и, спасаясь, сжигает себя»[1].

Москва, внешне отброшенная в архаику, в своих обнажившихся метафизических глубинах оказалась перед лицом Вечности – в этом проявилась новая, возможно, самая фундаментальная ее идентичность: «На каждом перекрестке стояла судьба, каждый поворот жизни был выбором между верностью и предательством, между честью и подлостью. Во внешне до убожества упрощенной жизни на каждом шагу свершались нравственно бесконечно сложные процессы. Обессмыслились все впрок заготовленные точки зрения, жизнь требовала живых пытливых глаз»[2].

Трудно было ожидать от большинства городских обывателей способности выдержать подобное испытание – эту мысль, неоднократно посещавшую его в обольшевиченной Москве, Степун впоследствии разовьет в соответствующих главах эмигрантских мемуаров: «Тысячи и тысячи людей, насильнически выгнанных революционным законодательством и произволом масс из своих… городских особняков и даже скромных интеллигентских квартир, бросали вместе с накопленным добром и весь свой миросозерцательный багаж, дабы хоть кое-как устроиться под спасительной крышей марксистской идеологии. Толпы этих обнищалых, внутренне неприкаянных переселенцев заполняли собою… всевозможные советские учреждения, придавая жизни неуловимо-призрачный, двоящийся характер. Охваченные со всех сторон партийным шпионажем, эти новоявленные "товарищи" легко запутывались в нем и, спасая себя, выдавали других»[3].

Однако, одновременно с массовой антропологической деградацией, свершался в Москве и противоположный процесс – процесс удивительного *«восхождения душ»* и *«жизни на вершинах»*: «О, конечно, не всех, но тех, в которых спасалась душа России… Глубже всего свершалось в Москве, которая отнюдь не была только грязным и разваливающимся, но и совершенно фантастическим городом, в котором призрачно переплетались все времена и пространства русской истории»[4]. И тому были не менее глубокие экзистен-

---

[1] Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 460-461.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 458.
[4] Там же. С. 461.

циальные причины, чем инстинкт физического самосохранения: «Чтобы устоять, чтобы оградить себя от самого страшного, от гибели души и совести, надо было иметь живые, неподкупные глаза и владеть даром интуитивного распознавания "духов". Жизнь на "вершинах" становилась биологическою необходимостью; абсолютное "бытие" переставало быть возвышенным предметом философского созерцания и поэтического вдохновения, с каждым днем оно все больше становилось единственно возможною опорою нашей каждодневной жизни»[1].

В своих мемуарах Федор Степун приводит несколько примеров этой «вершинной жизни», разумеется, разорванной и фрагментарной, но единственно для автора *своей*. Одним из таких «островков» прежней Москвы была для Степуна квартира его друга А.С. Шора на углу Большой Никитской улицы и Большого Кисловского переулка. Александр Соломонович Шор, бывший владелец фабрики роялей и находящегося в нижнем этаже его дома музыкального магазина, оказавшийся при Советской власти простым настройщиком роялей с сильно поредевшей клиентурой, проживал в квартире на Большой Никитской с женой Раисой Моисеевной (всю жизнь проработавшей в благотворительности), сыном-музыкантом Юрием и дочерью Ольгой – историком и искусствоведом, впоследствии активно печатавшейся в эмиграции под псевдонимом «Ольга Дешарт». Часто в квартиру к Шору приходил его младший брат, пианист-виртуоз и музыкальный педагог Давид Соломонович Шор (организатор, вместе со скрипачом Крейном и виолончелистом Эрлихом, европейски знаменитого «Московского трио»), а также другие члены многочисленного семейства, в основном из врачебного сословия, жившие и практиковавшие на той же Большой Никитской ближе к бульварам. В гостеприимный и хлебосольный дом («у Шоров дольше, чем у других, держались кое-какие последние запасы, которые они, не заглядывая в будущее, радушно и беззаботно скармливали всем, кто попадал к ним») часто приходили подискутировать об искусстве, философии и политике Вячеслав Иванов и Густав Шпет.

Степуну особенно запомнились последние перед его высылкой из России вечера в квартире Шоров в июле-августе 1922 г.: «Как памятны мне поздние летние вечера на небольшом балконе у Шоров. Летняя Москва была по-старому полна своею милою провин-

[1] Там же.

циальною грустью. Пахло пылью, нагретым за день железом крыш и увядающим жасмином… В гостиной о чем-то несбыточном раздумчиво пела виолончель Юрия Шора и было до полной утраты ощущения своего собственного "я" непонятно, почему засевшие в недалеком Кремле большевики творят в этом тихом, печально-прекрасном мире свое злое, громкое, бесскорбно-мажорное дело и почему, творя его, они приглашают в Кремль трио "Шор, Крейн и Эрлих" и слушают музыку чуть ли не со слезами на глазах»[1].

Действительно, выступая на приемах в Кремле, Давид Шор не раз пользовался сентиментальностью некоторых его обитателей, чтобы выхлопотать чье-то помилование. Когда в том же, печальном для интеллигенции, 1922-м г. в Советской России начались массовые аресты сионистов, Д. Шор, через своего приятеля Льва Каменева-Розенфельда (председательствовавшего тогда, в связи с болезнью Ленина, на Политбюро), добился для них замены тюрьмы и ссылки высылкой за границу «без права возвращения». В общей сложности такая мера была применена до начала 1930-х гг. примерно к двум тысячам советских евреев (позднее, выходцы из России, которым инициатива Шора спасла жизнь, посадили в его честь рощу в поселении Бен-Шемен). В 1927 г. Давид Шор навсегда уехал в Палестину. Он скончался в Тель-Авиве в 1942 г.

Другим «духовным прибежищем» стала для Степуна квартира философа и публициста Николая Александровича Бердяева в Большом Власьевском переулке, где проходили первые заседания «Вольной Академии духовной культуры»[2]. Степун искренне считал Бердяева (с которым часто расходился во взглядах) «одною из наиболее центральных фигур философской, да и вообще духовной жизни советской Москвы»: «Большевистский вихрь не только взволновал его, как всех нас, но и оплодотворил, как немногих. В его голове и сердце неустанно клокотали тысячи мыслей и страстей. Ни раньше, ни позже не чувствовал я вулканической природы бердяевского духа так сильно, как в последние годы нашей жизни в Москве»[3].

---

[1] Там же. С. 512.

[2] Подробнее об этом, последнем московском адресе Н.А. Бердяева см.: Кара-Мурза А.А. Бердяевская Москва. Опыт философского краеведения // Философские науки. 2014. № 4. С. 71-77.

[3] Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. С. 508.

Степуну принадлежит и, возможно лучшее в отечественной литературе, описание духовно насыщенной атмосферы последнего в Москве бердяевского дома: «Небольшая писательская квартира, чадит железная печка, холодно. Кто в драповом пальто, кто в фуфайке, многие в валенках. На чайном столе ржаной символ прежних пирогов и печений и изобретение революции, керосиновая свеча. В комнате почти вся философствующая и пишущая Москва. Иногда до 30–40 человек. Жизнь у всех ужасная, а настроение бодрое и в корне, по крайней мере, – творческое, во многих отношениях, быть может, более существенное и подлинное, чем было раньше, в мирные, рыхлые, двоенные годы»[1]. Позднее, в мемуарах, Степун добавит к этому описанию фразу, важную для него лично: «Если бы в моей памяти не темнел небольшой кабинет Николая Александровича и не светилась бы красными бликами шелковая обивка его гостиной, мне было бы много грустнее вспоминать нашу подсоветскую жизнь»[2].

Из других степуновских зарисовок послереволюционной Москвы выделяется рассказ об одном из публичных заседаний Академии духовной культуры в нетопленной аудитории Высших женских курсов в Мерзляковском переулке: «Все сидели в пальто, шубах, валенках; как во внешней обстановке, так и в тревожном настроении собравшихся чувствовалось наступление вражьей власти и повелительная необходимость не говорить перед ее лицом никаких случайных, поверхностных и праздных слов»[3]. С выступавшим в качестве докладчика Бердяевым вступил в полемику другой мэтр московской философии Густав Густавович Шпет: «Отдельных возражений Шпета я не помню, помню только, что он запальчиво нападал на христианство и с непонятною страстностью защищал в большевистской Москве… Элладу. В этом выверте была, конечно, своя, шпетовская логика. Думаю, что преувеличенно ощущая внутреннюю близость христианского и коммунистического утопизмов, Шпет только потому и говорил о светлой, трезвой, здешней Греции, что его раздражал традиционный в Религиозно-философской академии взгляд на Москву, как на третий Рим. Какой – к черту – третий Рим, когда в Кремле засели большевики! Не

[1] Он же. Мысли о России. Очерк первый. С. 399.
[2] Он же. Бывшее и несбывшееся. С. 510.
[3] Там же. С. 149.

расстрелять ли вместе с большевиками и христиан, чтобы наконец-то вытрезвилась матушка-Русь»[1].

Несмотря на дружеские отношения с Бердяевым и обоюдно прохладные со Шпетом, Степун, похоже, не был равнодушен к логике последнего. Ему, прошедшему школу строгого философствования в Гейдельберге и Марбурге, была чужда спекулятивная «панидеологизация» (термин Степуна) жизненных явлений. В 1933 г., отвечая на анкету эмигрантского «Пореволюционного клуба» (потом этот ответ был напечатан в журнале «Новый град»), Степун с горечью написал о идеологических мифах, долгие годы насиловавших русскую жизнь и, в итоге, приведших ее к катастрофе. И первым в ряду этих убийственных мифов он назвал как раз идею «Москвы – третьего Рима»: «Думаю, что нам... необходимо стать гораздо более трезвыми, чем были наши предшественники-славянофилы. Москва – третий Рим…, Россия – третья сила, которой суждено примирить безбожного человека Запада и бесчеловечного Бога Востока, Россия – единственный оплот против западноевропейской революции – вот несколько примеров того, чего больше не надо, что потерпело страшное крушение, отчего становится как-то стыдно при взгляде на Советскую Россию и на нашу общественную вину и немощь»[2].

Вообще, одна из фундаментальных философских идей Степуна, окончательно продуманная им уже в эмиграции, – необходимость строгого различения *идей* и *идеологий*. «Идея», согласно Степуну, – это «структура бессознательного переживания», в отличие от «идеологии», которая есть «построение теоретического сознания»[3]. Поэтому сам он никогда не пытался сформулировать, например, некую особую «русскую» или «московскую идею», – но всегда стремился уловить и по возможности адекватно передать смыслы, прорастающие снизу: «Не надо формулировать идеи. Идея… – это зерно, это "путь зерна", это органический рост и цве-

---

[1] Там же.

[2] Степун Ф. Идея России и формы ее раскрытия. Ответ на анкету Пореволюционного Клуба // Новый град. 1933. № 8. С. 19-20. В своей относительно поздней статье «Москва – третий Рим» Степун писал, что от идеи старца Филофея идет прямая линия к новейшей большевистской идеократии с ее идей «Москвы – столицы Третьего Интернационала». (Степун Ф.А. Москва – третий Рим // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 596-611).

[3] Степун Ф.А. Религиозный смысл революции // Современные записки. 1929. № 40. С. 441.

тение, нечто изнутри каждому причастному идее ведомое, но одновременно тайное, сокровенное, а потому и неизреченное»[1]. Поэтому «формула России», предложенная Степуном звучит так: «Идея России заключается в защите Божьих замыслов (идей) от человеческих выдумок (идеологий) и в блюдении себя, как главной твердыни на фронте идей… Я уверен, что без внутреннего сопротивления отвлеченному раскрытию русской идеи обязательно переусердствуешь в ее формулировке; а это весьма опасно не только для теории, но и для политической практики… Русскость есть качество духовности, а не историософский, политический и идеологический монтаж»[2].

А перед самым отъездом в вынужденную эмиграцию Степун вдруг снова, во всей полноте, в последний раз ощутил *свою Москву*: «Паспорта лежали в кармане. До отъезда оставалась неделя. Каждый день мы с женой ходили к кому-нибудь прощаться. Ходили по всей Москве: со Смоленского рынка на Солянку, с Мясницкой к Савеловскому вокзалу, и странное, трудно передаваемое чувство с каждым днем все больше и больше укреплялось у нас в душе: *чувства возвращения нам нашей Москвы* (курсив мой. – *А. К.*), Москвы, которую мы уже долго не видали, как будто совсем потеряли и вдруг снова нашли. В этом новом чувстве нашей Москвы снова торжествовала свою победу вечная диалектика человеческого сердца, которое окончательно овладевает предметом своей любви всегда только тогда, когда его теряет»[3].

---

[1] Он же. Идея России и формы ее раскрытия. С. 16.

[2] Там же. С. 18, 20. Подробнее о философском различении Степуном «идей» и «идеологий» См.: Кара-Мурза А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2. С. 34-40.

[3] Степун Ф.А. Мысли о России. Очерк первый. С. 398-399.

В.К. Кантор[1]

ПРЕОДОЛЕВАЯ БЕЗУМИЕ ЭПОХИ

«Земную жизнь пройдя до середины…»

Лес и вправду оказался сумрачным. Изгнанные из Советской России в Западную Европу, русские мыслители по старой памяти ожидали увидеть в ней разумное начало, противостоящее «скифскому пожару», как Ф.А. Степун называл революцию большевиков. Степун писал: «Вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: – изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, "русские европейцы", очевидно, любили ее только как прекрасный пейзаж в своем "Петровом окне"; ушел родной подоконник из-под локтей – ушло очарование пейзажа»[2].

Эмиграция разделила жизнь и творчество Степуна практически на две равные половины (с 1884 по 1922 и с 1922 по 1965). На жизнь российского мыслителя, который мог выезжать за рубеж, путешествовать по миру, но чувствовать, что у него есть свой дом. И на жизнь российского мыслителя, изгнанного из дома, уже чувствовавшего не любовь и тепло родного очага, а, говоря словами Данте, то,

«как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням».

(«Рай», XVII, 58-60)

Причем вторая половина его жизни была по сути дела посвящена осмысливанию того, что произошло в России и что он сам и его современники говорили и думали, в первую – доэмигрантскую – эпоху его жизни. Но также пережитой опыт помог им разглядеть беду, надвигавшуюся на Запад. В любимой русскими европейцами Европе наступал на демократию фашизм. В передовой статье первого номера «Нового Града» (1931) Федотов писал: «Уже репетируются грандиозные спектакли уничтожения городов газовыми и воздушными атаками. Народы вооружаются под убаюкивающие речи о мире

---

[1] *Кантор Владимир Карлович – доктор философских наук, ординарный профессор, заведующий Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», член Союза российских писателей.*

[2] Степун Ф. Мысли о России. Очерк III // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 219.

дипломатов и филантропов. Все знают, что в будущей войне будут истребляться не армии, а народы. Женщины и дети теряют свою привилегию на жизнь. Разрушение материальных очагов и памятников культуры будет первою целью войны... Путешествие по мирной Европе стало труднее, чем в средние века. “Европейский концерт”, “республика ученых” и “corpus christianum” кажутся разрушенными до основания... В Европе насилие, – в России кровавый террор. В Европе покушения на свободу, – в России каторжная тюрьма для всех... Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и ее свободы – прежде всего свободы духа»[1].

Русские европейцы, видевшие крах родившегося пять столетий назад в Возрождении христианского гуманизма, чувствовавшие надвигающееся новое Средневековье. Они попали в ситуацию, как называл ее Степун, «никем почти не осознаваемой *метафизической инфляции*» (курсив Ф. А. Степуна. — *В.К.*)[2]**.** В 1934 г., уже после прихода нацистов к власти, в год своего пятидесятилетия он издал в Швейцарии книгу «Лик России и лицо революции», в которой снова пытается осознать причины исторического падения России в «преисподнюю небытия», в которую следом за ней рухнули и европейские страны. Потом был перерыв почти в пятнадцать лет, когда снова стали выходить его книги. Так что этот небольшой трактат можно считать в какой-то мере подведением итогов.

В книге он словно продолжает беседу со своим ближайшим другом дрезденских лет, великим теологом Паулем Тиллихом, который в своей работе 1926 г. «Демоническое» писал о специфике демонических стихий, которые могут вести к творчеству (как в эпоху Возрождения), а могут и к тотальному разрушению (в своем сатанинском обличье). Будучи убежденным рационалистом, тем не менее как философ Тиллих понимал, что если существует «рациональное», то по закону диалектики существует и его антиномия – «иррациональное», с которым он боролся. И, как он писал, в эпохи повышенного социально-религиозного брожения: «демоническое так сближается с сатанинским, что вся его творческая потенция исчезает»[3]. Книга Степуна о России, но тема та же – почему там по-

---

[1] Федотов Г.П. Новый Град // Федотов Г.П. Россия, Европа и мы. Paris. 1973. С. 136, 137, 139.

[2] Степун Ф. Путь творческой революции // Степун Ф.А. Сочинения. С. 430.

[3] Tillich Paul. Das Dämonische. Ein Beitrag zur Sinndeutung der Geschichte (1926) // Tillich Paul. Ausgewählte Texte. B., N. Y. : Walter de Gruyter, 2008. S. 142.

бедило демонически-сатанинское начало. Он пишет: «Привычная религиозная позиция была еще во всем ощутима, но все же сильнее было отрицание традиционного содержания. Время было религиозное и антихристианское одновременно, оно было в полном смысле слова демоническим»[1]. Из самого себя русское крестьянство эту демонию родить не могло. Но с Достоевского ясно, что замешанные в русскую революцию демоны не чужие и не анонимные силы»[2]. Тиллих назвал одним из самых опасных демонов XX века – демона национализма. Демоны и впрямь были свои!

Почти сразу возникли русские издательства. В русском берлинском издательстве «Обелиск» в 1923 г. вышли две книги Степуна «Жизнь и творчество» и «Основные проблемы театра». Но и немцы начали активно переводить и публиковать тексты русских изгнанников. Степун при этом мог писать по-немецки сам. Г.П. Федотов на первую историософскую книгу своего сотоварища по изданию «Нового Града», вышедшую на немецком языке, откликнулся следующими словами: «Тем из наших читателей, кто знает лишь русского Степуна, скажем, что, по-видимому, немецкий язык дает полную меру всех возможностей его стиля. Этот пьянящий кубок, где философские абстракции играют и искрятся с легкостью, не отнимающей ничего у глубокой, порой трагической серьезности, только и возможен для языка Гете и Ницше. Степун владеет им, как артист и как мыслитель»[3]. И вскоре одна за другой появляются его немецкие книги. В Европу приехали русские европейцы, и это очень чувствовалось. Находясь на Западе, они чувствовали себя внутри родственного им культурного пространства. По словам его ученика, для Степуна Россия была Восточной Европой, а не Западной Азией, или тем менее Евразией. Степун всегда отвергал представление Шпенглера о том, что русский дух в своих корнях абсолютно противоположен европейскому. Не принял он и идеологии евразийцев, несмотря на то, что некоторые их идеи произвели на него сильное впечатление. «По всему своему существу он был от головы до ног

---

[1] В примечаниях к этой фразе есть прямое указание на статью Тиллиха о демоническом. См.: Stepun Fedor. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Bern/Leipzig: Gotthelf-Verlag, 1934. S. 20. С. 99.

[2] Ibid. S. 20.

[3] Федотов Г.П. (рец.). Fedor Stepun. Das Anlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Berlin/Leipzig. Gotthelf-Verlag, 1934 // Новый град. Париж. 1934. № 9. С. 95. (Подпись - Г.Ф.).

олицетворением того не очень распространенного человеческого типа, который называется *русским европейцем* – определение, в котором прилагательное столь же важно, как и существительное»[1].

Если в России Степун выступал активным пропагандистом западноевропейской культуры, прежде всего немецкой философии. «Мы должны признать, – писал он в 1910 г., – что как бы значительны и интересны не были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимущественно немецкая»[2]. В России его называли «неозападником». Еще перед Первой мировой войной он начал издавать «Логос» – знаменитый «международный ежегодник по философии культуры», где вместе с русскими авторами печатались и крупнейшие мыслители Германии: Гуссерль, Риккерт, Зиммель. Важно понимать, что проповедь Степуном европейской мысли диктовалась его любовью к России, желанием дать ей все лучшее в мировой культуре, *петровская жажда научить*, чтобы потом русские могли творить сами.

И закономерно, что изгнанный в Германию мыслитель в годы, когда на России и русской культуре ставили крест, начинает проповедь русской культуры, ее высших достижений, объясняя Западу специфику и особенности России. Он понимал, что как России нельзя без Запада, так и Западу нельзя без России, что только вместе они составляют то сложное и противоречивое целое, которое называется Европой. Степун и его друзья по эмиграции все свои силы направляли на то, чтобы фашизирующаяся Европа вернулась к своим базовым христианским ценностям, иными словами, говоря, быть может, немножко торжественно, но точно, *спасти Европу*. Не случайно одна из эмигрантских писательниц, знавшая Степуна, именно в этом регистре его и воспринимала: «Что заставляло меня верить, что Европа, вопреки всему, что случилось, зиждется на камне?» И ответ поразителен: «Там был Ф.А. Степун. Монолит, магнит, маяк. Атлас, державший на своих плечах две культуры – русскую и западноевропейскую, посредником между которыми он всю свою жизнь и был. Пока есть такой Атлас, Европа не

---

[1] Штаммлер Андрей В. Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сб. ст. под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 329.
[2] Степун Ф.А. Сочинения. С. 798.

сгинет, устоит»[1]. Особенно сложно стало положение Степуна, когда к власти пришли зеркальные двойники большевиков – нацисты, во главе с антиевропеистом Гитлером. Степун был по крови немец, а потому под нюренбергские расовые законы не подпадал. Более того, он был профессором (в Дрездене), а к профессорам немцы – в отличие от российского рабоче-крестьянского люда – традиционно относятся с пиететом.

В Дрездене существовало в 1930-е гг. Общество Владимира Соловьева, которое возглавлял князь Алексей Дмитриевич Оболенский (редактор первой российской конституции – Манифеста 1905 г., обер-прокурор Синода, инициатор прихода во власть П.А. Столыпина, друг Степуна и его земляк по Калужской губернии). Стоит привести отрывок из его уже мюнхенского письма к дочери князя А.А. Оболенской, в котором он рассказывает о своем общении с Алексеем Дмитриевичем: «Мы с Наташей часто вспоминаем Вашего незабвенного отца. Он частенько заезжал к нам на велосипеде, уютно, со вкусом ужинал и постоянно горел духовными вопросами. От него осталось впечатление чего-то очень своего. В его образе и во всем его душевно-духовном складе к нам в Дрезден заходила та Россия, с которой с годами все крепче чувствуешь себя связанным»[2]. Детали быта, которые не придумаешь. При этом добавим, что общество проводило свои заседания в подвале Дрезденского православного храма Святого Симеона Дивногорца, где Оболенский был старостой церковной общины.

До сих пор существуют споры, когда это Общество Владимира Соловьева было основано, не являлось ли оно продолжением похожих дореволюционных российских структур. Мне посчастливилось в Дрезденской церкви с помощью настоятеля, отца Георгия Давыдова, прочитать «Постановления приходского собрания Дрезденской церкви за 1930 г.», где в записи от 2 февраля было принято решение (в присутствии членов общины С.В. Рахманинова, Ф.А. Степуна и др.) о слиянии «студенческого» кружка и «кружка изучения Слова Божия» в «кружок Русской культуры». В постановлении написано: «Судьба этого кружка обеспечена участием в нем

---

[1] Жиглевич Евгения. На путях эмигрантских. Безмолвные встречи со Степуном // Степун Федор. Встречи и размышления. Overseas Publications Interchange Ltd. London, 1992. С. 30-31.

[2] Берлинский архив А.Н. фон Герсдорфф, переписка А.А. Оболенской фон Герсдорфф и Ф.А. Степуна.

таких деятелей, как князь А.Д. Оболенский (создатель его), профессор Ф.А. Степун, супругов Г.Г. и М.М. Кульман, Н.Д. Скалон»[1]. Позднее этот кружок (не без влияния Степуна) стал именоваться Обществом Владимира Соловьева. После смерти князя Оболенского в 1933 г. председателем Общества стал Степун. Тема русского европейца Владимира Соловьева, его образ с первой книги о его историософии сопровождал Степуна всю жизнь. Донос на мыслителя 1937 г. указывал на его постоянную критику национал-социализма и особо, что «его близость к русскости (Russentum) выясняется из того, что он русифицировал свое исходно немецкое имя Фридрих Степпун, получил русское гражданство и в исполнение соответствующих гражданских обязанностей сражался в русском войске против Германии, а также женился на русской. Будучи немецким чиновником (профессором. – *В. К.*) он и далее подчеркивал свою связь с русскостью и в дрезденской русской эмигрантской колонии играл выдающуюся роль главным образом как председатель Общества Владимира Соловьева»[2]. Степун дружил с семьей Оболенских, а с Дмитрием Алексеевичем был еще и коллегой (сохранилась их переписка). В начале 1940-х гг. князь Оболенский был арестован гестапо и скончался в концлагере. Сохранилась небольшая переписка Степуна с Оболенским, а с его сестрой, замечательной художницей Анной Алексеевной Оболенской фон Герсдорфф, в конце его жизни в Мюнхене, был длительный эпистолярный роман. Исследовательница ее творчества называет их отношения «нежной дружбой». Думаю, что опубликованный посмертно (1965) лирический рассказ Степуна «Ревность» навеян этими отношениями. Но вернемся в Дрезден.

Степун был уволен с мизерным выходным пособием и крошечным пенсионом. С 1937 г. он вел сравнительно свободную жизнь, пытаясь, правда, постоянно подрабатывать лекциями. Но это, в силу его опального положения, удавалось ему не часто. На постоянный приработок рассчитывать не приходилось. Получалось, что самое время – подвести итоги прожитой жизни, уйдя из повседневной суеты. Когда-то отставленный от политики Никколо Макиавелли написал в уединении два своих великих политико-философских

---

[1] Постановления приходского собрания Дрезденской церкви с 1930 по 1939 гг. Архив Дрезденской православной церкви Св. Симеона Дивногорца.
[2] Treiber Hubert. Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955). S. 99.

трактата, а переставший быть лорд-канцлером Френсис Бэкон за последние годы жизни создал свою философскую систему, положившую начало новой европейской философии. Можно привести и другие примеры. Чего стоит изгнание Пушкина в деревню, где он, несмотря на страхи друзей, что поэт «запьет горькую» (Вяземский), возмужал и окреп духовно и поэтически! А для писания мемуаров важно не только время, но и пространство, которое часто в судьбе человека играет роль времени. Отрезанный от России Герцен, будучи, в общем-то, еще совсем не старым человеком, начал писать свои удивительные воспоминания. У Степуна сошлось все: время, пространство, жизненная ситуация. В мае 1938 г. Степун писал своим друзьям в Швейцарию из Дрездена: «Мы живем хорошею и внутренне сосредоточенною жизнью. Приезжавший к нам отец Иоанн Шаховской упорно подсказывал мне мысль, что это Бог послал мне времена тишины и молчания, дабы обременить меня долгом высказать то, что мне высказать надлежит и не разбрасываться по всем направлениям в лекциях и статьях. Часто мне хочется думать, что он прав и что мне действительно надо сейчас как можно больше работать в ожидании нового периода жизни. Я затеял большую и очень сложную работу литературного порядка и очень счастлив, что живу сейчас в своем прошлом и скорее в искусстве, чем в науке»[1]. Книга получалась и впрямь необычной, возможно, он рассказал, о чем он пишет, о. Иоанну, который вполне мог оценить замысел.

Надо сказать, что о. Иоанн Шаховской (в будущем архиепископ Иоанн Сан-Францисский) был в этот момент настоятелем берлинского православного Свято-Владимирского храма, а также благочинным всех приходов в Германии. К этому стоит добавить, что один из последних учеников Лицея, он был сам поэт, издававший в начале 1920-х гг. художественно-философский журнал «Благонамеренный» (с ориентацией на романтическую иронию), весьма глубокий богослов, незаурядный публицист и настоящий пастырь. Он сделал то, что только и мог сделать: поддержал духовную работу творческого человека.

И уже в октябре 1938 г. Степун в письме тем же друзьям уже четко очерчивает свой замысел и невольно проводит явственную

[1] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.

параллель с другими великими русскими мемуарами XIX в.: «У нас стоит осень, – не такая прекрасная и прозрачная, как тогда в Селиньи, но все же “живописно краснеет, желтеет и облетает листва кленов, осин и каштанов”. Для меня осень всегда наиболее творческая пора. Эту же осень я как-то особенно радостно ежедневно сижу за письменным столом своей комнаты. Работаю над первою частью моей книги, которая представляет собою попытку в форме своеобразной автобиографии нарисовать образ нашей с Вами, Мария Михайловна, России. За первой частью воспоминаний должна последовать вторая часть раздумий и третья – чаяний. Думаю, лет на 5–6 мне работы хватит»[1]. Как видим, в этих словах очевидная параллель, по замыслу, с гигантской мемуарной эпопеей Герцена «Былое и думы». У Степуна – *воспоминания, раздумья, чаяния*. Не говорю уж о явном намеке на пушкинскую осень: «Для меня осень всегда наиболее творческая пора».

Степун не писал об эмигрантской жизни. Считают (Кристиан Хуфен), что Степуна останавливал страх за родственников, остававшихся в Советской России. Но, видимо, дело было в другом. Он так много и резко писал о большевиках и советской власти, что рассказ об эмиграции ничего не прибавил бы к его репутации в глазах ЧК. Но мне кажется, что он писал о первой трети XX в., поскольку (это одна из основных его проблем) пытался понять *причины*, перевернувшие XX в., когда, как он утверждал, произошла победа «идеократии» над «интересократией», а демократические лидеры и теоретики спасовали перед демоническими и магическими обращениями к толпе тоталитарных идеологов.

Он действительно выжил чудом. Имел все предпосылки погибнуть от нацистов, но не погиб. В день, когда англичане свирепо разбомбили Дрезден, не щадя мирных жителей, дом Степуна был полностью уничтожен, там погибли его архивы и годами собиравшаяся им библиотека. Но он и его жена в эти дни были за городом – и уцелели. Катастрофа была серьезная, но «любимец Фортуны», как иногда называли Степуна, в эти годы писал свои шедевр – свои мемуары, рукопись была с ним, и тоже уцелела. Но одновременно с этой страшной бомбардировкой стало понятно, что война подходит к концу, а вместе с этим приходит конец нацизму.

---

[1] Там же.

Конец 40-х гг. – жизнь Степуна и его жены по-прежнему не устоявшаяся. Но у кого она тогда была устоявшейся? Степун много ездит по городам с лекциями и докладами о России, которая стала очень интересовать немцев. При этом он читает лекции и пишет статьи по-немецки и по-русски. Он был абсолютным билингвой. И его немецкий язык был столь же легок и непринужден как и русский.

Его позиция была оценена в новой Германии. Он переезжает в Мюнхен, получив приглашение занять кафедру по истории русской духовности, специально для него созданную. Там он и живет до конца своих дней. По возрасту, согласно немецким законам, он не имеет права занимать кафедру. Но университетское руководство обходит это препятствие, дав Степуну должность «гонорарпрофессора» – Honorarprofessor (Hon. Prof.) – почетный профессор университета[1].

В течение трех лет выходят три тома его мемуаров на немецком языке «Прошедшее и непреходящее», авторизованный перевод с русского (Vergangenes und Unvergängliches. (Bd. 1-3). Verlag Josef Kösel, Munchen. 1947-1950). Книга была издана в карманном формате на довольно скверной бумаге, мелким шрифтом, с маленькими пробелами между строками. Как было сказано на обороте титула: книга издается под информационным контролем военного правительства (имелось в виду американское военное присутствие, жестко контролировавшее в те годы всю печатную продукцию). Но уже первое издание имело тираж 5 000 экз. Для послевоенного времени это много. И сразу же пошли дополнительные тиражи. Россия весьма интересовала в те годы немцев. А это были, пожалуй, лучшие мемуары о России – мыслителя и писателя. Но он очень хотел увидеть свою книгу на русском языке, писалась-то она для России и русских. Оказалось к тому много препятствий. Ревнивые «друзья» не пускали его в европейские издательства, мотивируя тем, что книга уже опубликована на немецком языке. Удалось опубликовать ее с большим трудом в США в сокращенном варианте – в двух томах (Бывшее и несбывшееся. Изд-во им. Чехова. New-York. 1956)[2]. Сокращение вызвало и изменение названия, на чем

---

[1] Im Oktober 1946 wurde er an der Ludwig-Maximilians Universität München Honorarprofessor für russische Geistesgeschichte.

[2] О перипетиях и сложностях этого пробивания мемуаров в печать см. мою статью: Кантор Владимир. Как издают шедевры. О публикации русского варианта мемуаров Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся». Письма Федора Степуна в издательство им.

настаивали и американские издатели. На мой взгляд, первый вариант точнее. Полный трехтомный вариант хранится в библиотеке Байнеке Йельского университета (США) и ждет еще своего исследователя и денег, чтобы можно было бы, наконец, издать этот шедевр русской философско-художественной мемуаристики.

Казалось бы, Фортуна снова улыбнулась ему. Однако до начала 50-х его не покидает страх. Причем страх, который он обсуждает в письмах со многими корреспондентами. Это страх, что советские войска займут и Западную Германию. В этом случае он был бы безусловно обречен, в этом Степун не сомневается. Возникают идеи эмиграции в США. Однако оккупационные власти не помогают ему, поскольку он не может предъявить доноса на него, что подтвердило бы его преследование со стороны нацистского правительства. Он полон страха и отчаяния. Стоит привести его письмо 1948 г., адресованное архимандриту Иоанну (Шаховскому), уже натурализовавшемуся в США: «В Вашем последнем письме Вы писали мне, что если бы я мог найти какие-нибудь тропочки, чтобы перебраться из Германии в Америку, то было бы правильно перебираться. По причине моего довольства здешней моей жизнью, по какой-то усталости и жажде окончательной формы жизни, я до сих пор как-то отстранял от себя мысль о переезде за океан. Но тучи уж очень грозно собираются на горизонте. В душу невольно закрадывается тревога, и с каждым днем все определеннее чувствую себя сидящим на стуле с подпиленной ножкой. Так созрело во мне решение попытаться при случае перебраться в новый мир. <…> Простите, что обременяю Вас заботами о себе. Делаю это только потому, что уж очень не хочу попасться в лапы соотечественников. Если бы я был уверен, что они не захватят Германии, я бы не бежал из нее. Не смерть страшна, а советское издевательство и полная беззащитность перед охамившимся современным чертом. Слухи, идущие из Сов. Зоны, совершенно ужасны, и люди бегут оттуда, бросая все и рискуя жизнью. Самое страшное, что там есть, это полная беззащитность человека от абсолютного произвола. Завтрашний день не таит в себе никакой уверенности, что он будет повторением вчерашнего»[1].

Чехова. Вступительная статья, публикация и комментарии В. Кантора // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 278-319.

[1] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Fedotov. Stepun, Fedor Avgustovich. To Vladyka Ioann. Письмо машинописное с рукописными вставками.

Но уже из его писем начала 50-х гг. видно, что он вновь обрел уверенность и жизненную устойчивость. Об этом он писал 1952 г. Борису Вышеславцеву, по совету которого он когда-то поехал в Гейдельберг: «Что сказать о себе? Как и все мы все потеряли в Дрездене. Если что и жалко, то только русскую библиотеку, которая мне сейчас была бы особенно нужна, так как я получил в Мюнхене профессуру по истории русской культуры (Russische Geistesgeschichte)»[1]. О том, что он снова востребован (а это важно для любого человека), он сообщает Анне Алексеевне Оболенской (письмо от 22 августа 1952 г.), с которой был предельно откровенен: «По окончанию войны, мне была предложена ординарная профессура по социологии в новом университете, основанном французами в Майнце. Мне не захотелось туда ехать, да и не очень влекла социология, я сразу же решил сосредоточиться на России, чтобы объединить все свои интересы и сконцентрировать свою работу. План мой удался, и я получил профессуру по лично для меня созданной кафедре, "Историю Русской культуры". Дело оказалось рискованным, но оно удалось. У меня очень много слушателей – человек 200, а то и 250 и есть интересные докторанты: два Иезуита, из которых один пишет работу о философии свободы Бердяева, а другой о пяти новых, найденных в Москве письмах Чаадаева. Несколько времени тому назад у меня хорошо кончила студентка из советской России, написавши работу о "Мещанстве, как категории русской социологии" (Герцен, Константин Леонтьев, Достоевский). Недурную работу написал галицийский украинец на тему "Гоголь и Юнг-Шиллинг". Последний докторант подал работу о философии Льва 6-го[2]. Как никак через меня проходят каждый год от восьмисот до тысячи студентов, в сознании которых все западает чувство важности русской темы. Кроме как в университете я читаю довольно много публичных лекций в разных культурных обществах и народных школах. Довольно много также и пишу по разным журналам»[3]. Из этого письма уже видно, что Германия, наконец, оценила своего великого сына, дарившего Германии Россию. Ибо он был в такой же степени и немецким философом, как и русским. По воспо-

[1] Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Vysheslavtsev. Box 1. Stepun, Fedor Avgustovich. To Boris Petrovich Vysheslavtsev.
[2] Секретарша Степуна так поняла имя философа Льва Шестова.
[3] Берлинский архив А.Н. фон Герсдорфф, переписка А.А. Оболенской фон Герсдорфф и Ф.А. Степуна.

минаниям его учеников, популярность Степуна и впрямь была невероятной, порой после лекции его несли до дома на руках. Кабинет его квартиры был местом, где он проводил семинарские занятия, сидя под портретом Владимира Соловьева, который ему удалось сохранить с дрезденских времен.

Если говорить о наиболее, быть может, популярной среди немцев книге Степуна («Большевизм и христианская экзистенция»), которая вышла на немецком в конце пятидесятых, но как бы суммировала его прежние идеи, то она им, похоже, задумывалась как утверждение своих мыслей о России в Германии[1]. И его ожидания оправдались. Немецкие критики вычленили сразу важнейшую тему мыслителя: «Принадлежит Россия к Европе или к Азии? Вопрос, которому Степун придает такое большое значение, считая, что защита Европы от советского коммунизма возможна только при условии, что на Россию будут смотреть не как на азиатский аванпост в Европе, а как на европейский в Азии»[2]. Автор рецензии на книгу покорен и самой личностью Степуна, он «связывает представление о яркой индивидуальности с именем семидесятипятилетнего автора, возглавляющего кафедру истории русской духовности в мюнхенском университете»[3].

Стоит привести об этой книге слова русского религиозного деятеля и близкого знакомого Степуна – Л.А. Зандера: «Христианин, ученый, художник, политический деятель, борец за правду – все эти стихии Ф.А. Степуна слиты воедино в его книге о большевизме и христианской жизни. К сожалению, книга эта вышла только по-немецки, и только несколько ее глав были напечатаны в русских повременных изданиях. <...> На первый взгляд, кажется, что его книга состоит из независимых один от другого этюдов. Более вдумчивое отношение к ней показывает однако единство замысла и внутреннюю связь затронутых автором вопросов. Это единство в значительной мере определяется самочувствием и самосознанием автора: 1) как русского европейца, 2) как христианина, 3) как ответ-

---

[1] Первое издание книги на немецком языке вышло в 1959 г.: Der Bolschewismus und die christliche Existenz. Kosel Verlag. München. 1959. Успех книги способствовал выходу второго издания в 1962 г.

[2] Rainer Carl. Rußland - asiatischer Vorposten in Europa? // «Der Tagesspiegel», Berlin. 13.5.1959.

[3] Ibidem.

ственного за свои слова и выводы ученого»[1]. Книга представила читателям – усталого, умудренного, но верного своим выстраданным идеям мыслителя.

Эта книга своими идеями еще раз подтвердила его право на пребывание среди избранных умов Европы. Такое избранничество решается не прижизненной сумасшедшей славой (политической или шоу-мейкерской), а сложным переплетением культурных и исторических потребностей, которые сохраняют подлинные, экзистенциально пережитые идеи. И мыслителю, быть может, достаточно, что он произнес свое Слово.

Его восьмидесятилетний юбилей был фантастическим. Сотни писем, поздравлений, чествования в разных учреждениях Мюнхена, статьи в газетах. В юбилейной речи другой знаменитый русский мыслитель-изгнанник, Д.И. Чижевский сказал: «К концу войны враждебный Степуну огненный элемент превратил в развалины его город – Дрезден. Степун спасся почти случайно – во время одной поездки ему после небольшого "несчастного случая", оказавшегося счастливым, не удалось вернуться домой в Дрезден. Потом возвращаться оказалось некуда! И поток жизни вынес его в любящий искусство город на берег Изара, где мы празднуем его 80-летний юбилей»[2].

Незадолго до смерти вышла по-немецки его книга, над которой он работал практически всю свою жизнь, книга о выдающихся русских мыслителях – поэтах Серебряного века: Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyi, Block. Carl Hanser Verlag, München, 1964. S. 442. В этой его книге сохранился смысл и пафос российского Серебряного века, о котором он рассказал миру.

Через год, в 1965 г., он скончался, скончался легко. Говорят, что легкая смерть дается хорошему человеку, человеку, прожившему трудную жизнь. В траурном извещении, разосланном его сестрой друзьям и коллегам покойного, говорилось: «23 февраля 1965 нас навсегда неожиданно оставил **Проф. Др. Федор Степун**, родившийся 19 февраля 1884 в Москве. От лица его родственников и друзей – МАРГА СТЕПУН. Погребение: пятница 26 февраля 1965 в

[1] Зандер Л. О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. 1963. № 10. С. 334.
[2] Чижевский Д.И. Речь о Степуне // Степун Федор. Встречи. М., 1998. С. 250.

13.00 на Северном кладбище (Nordfriedhof). Мы просим венки посылать прямо на (Северное кладбище) Нордфридхоф»[1].

И снова некрологи, обширные статьи в газетах и журналах. Приведем отклик на его смерть соотечественника-эмигранта: «Те, что будут сейчас и потом писать о Федоре Августовиче, расскажут о многом в нем и историю всей его жизни; он нес, и в старости своей твердо и величаво, творческий блеск российского Серебряного Века. И выйдя из сего века, как Самсон, он ворочал его колонны и нес их чрез толщу германской современной интеллектуальной жизни, являя в Германии последние звуки этого века. Его эпоха – богатая и, может быть, слишком расточительная… Общественник, социолог, философ, неутомимый лектор высокого стиля, он был более социально-лирическим, чем политическим выражением "русского европейца", несшего в себе и Россию, и Европу, чтобы говорить России и Европе о "Новом Граде", о том обществе и устройстве социальном, в котором живет правда, и где курочка могла бы вариться в горшке всякого человека, и, сквозь всю культуру мира и всяческое человеческое общение, проступало, просвечивало настоящее добро, несущее Божий Свет и Вечность… Он был от плеяды тех верующих русских мыслителей первой половины этого века, которых зарядила на всю жизнь светлой верой в Бога и действием этой веры мысль Владимира Соловьева»[2].

А также одну из посмертных оценок его деятельности немецким коллегой: «Кто был знаком со Степуном, понимал уже при первом с ним столкновении, что он не мог предаваться ни бесплодной страдальческой тоске изгнанника, ни горечи политической тщеты, ни отчаянию из-за неконтактности иноземцев. Поскольку, хотя он и любил Россию, у нас он был у себя дома. Не только потому, что отец его был немцем по происхождению, не только потому, что годы учения он провел в Гейдельберге под руководством Виндельбанда, – это было очевидно. Волевым актом он из своей собственной ситуации как из некоей модели сделал историософские выводы и отправился на поиски Европы, в которой Восток и Запад находятся в

---

[1] Архив университетской библиотеки г. Айхштетт. NL. 46, I. Лист 147. К сожалению, сохранилось только место его могилы, на котором захоронен теперь совсем другой человек, поскольку по местным законам могила, не поддерживаемая финансово, передается или продается, другим владельцам.

[2] Архиепископ Иоанн С.Ф. (Сан-Францисский). Русский звездопад (Памяти Федора Степуна) // Русская мысль. 1965. 8 апреля. С. 4.

одном ранге и в сущности должны быть представлены как однородные части, – Европы, где Россия была форпостом против Азии, а не азиатским клином, вбитым в Европу»[1].

На стене дома, где он жил, по улице Ainmillerstrasse 30, установлена в 2004 г. мемориальная доска, на которой слова: «Федор Степун. 1884-1965. Социолог, писатель, много сделавший для проникновения русской культуры в Германию, – жил в этом доме с 1952 г.». Рядом, на доме № 34 есть мемориальная доска Р.М. Рильке. Надо сказать, что мемориальная доска в 2009 г. была установлена и в России (при активном участии А.А. Кара-Мурзы, В.К. Кантора и В.В. Корзун) – в Кондрово, городе его детства. На доске надпись: «В этом доме с 1887 по 1894 гг. жил Федор Августович Степун, выдающийся русский философ, писатель, профессор, большую часть жизни проведший в вынужденной эмиграции, идейный борец с тоталитаризмом». Степун остался в Германии, которую он так любил, за которую болел всем сердцем, но дух его, его тексты вернулись в не менее, если не более, им любимую Россию. Его называли «мостом между Россией и Германией». Поразительное явление: русский, ставший знаменитым немецким мыслителем, и немец, оставшийся великим русским философом. И все это один человек – Федор Степун.

О.А. Жукова[2]

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИОСОФИИ Е.Н. ТРУБЕЦКОГО

1. Философский анализ и историческое предвидение

Русская революция 1917 г. – важнейшее социально-политическое событие, изменившее ход российской и мировой истории. Духовно-культурные и социально-политические причины возникновения революционной ситуации в России заняли центральное место в дискуссиях и публичной полемике между выдаю-

[1] Polkuch Valentin. Die Finsternis will nicht weichen. Fedor Stepun zum Gedenken. // «Die Welt». Hamburg. 26. Februar. 1965. S. 3.

[2] *Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».*

щимися представителями русской общественной и религиозной мысли, став продолжением традиционного русского историософского спора о цивилизационной и политической идентичности России. Философская постановка вопроса об исторической судьбе России в ансамбле европейских государств и культур во многом была инспирирована Великой войной, которая русским обществом воспринималась как отечественная война с Германией. Геополитический конфликт мировых держав словно бы подтверждал культурологическую формулу Н.Я. Данилевского о цивилизационном отличии романо-германского и славянского мира, следствием которого мог стать как продуктивный диалог, так и открытое противостояние. Процесс политической модернизации в России был значительно осложнен событиями Первой мировой войны. Факт, что революция является продолжением войны, оказался для русских интеллектуалов узловым моментом в понимании трагической взаимосвязи между событиями Великой войны и большевистским переворотом в России. Об этом в разгар гражданского братоубийства, охватившего Россию, в публичной лекции, находясь на белом Юге, прямо скажет выдающийся русский философ и либеральный общественный деятель, князь Евгений Николаевич Трубецкой. Правовед и религиозный философ, активный участник политических событий, Трубецкой станет свидетелем октябрьского переворота, произошедшего на фоне Великой войны. С высоты философского осмысления современности, он попытается соотнести происходящее с логикой мировой истории, выявить диалектику закономерности и случайности свершающегося в ней.

Трубецкой проведет параллели между революцией в России и Германии – в странах, наиболее пострадавших от войны, столкновение которых на полях сражений было столь масштабным и ожесточенным. При явных отличиях, он увидит поразительное сходство в *существенном*. «Везде революция есть дитя войны. Отсюда – целый ряд явлений, повторяющихся всюду, – заметит Трубецкой. – Везде мы видим революцию по преимуществу военную, солдатскую; всюду сила вооруженного народа, раньше служившая целям защиты государства против внешнего врага, становится или грозит стать источником величайшей внутренней опасности. И, наконец, одно и то же парадоксальное превращение совершается в Герма-

нии и в России: из милитаризма *рождается большевизм*»[1]. Уже в эмиграции, в одних из самых ярких политических мемуаров «На путях к свободе» эту мысль со всей отчетливостью сформулирует журналистка, член ЦК партии кадетов, А.В. Тыркова-Вильямс: «Политическая свобода, первые зачатки которой были заложены с учреждением Государственной думы, придавала новую силу, открывала перед русским народом новые возможности. Порожденная войной 1914 – 1917 годов революция эту свободу разметала, творческий рост Российской державы остановила…»[2]

В октябре 1917 г. власть оказалась в руках политических и идейных радикалов – большевиков, что привело российское государство и общество к ситуации социального хаоса. Революция, по мнению русских религиозных философов, стала выражением национальной катастрофы. Анализируя драматические события, либерально настроенные мыслители публично заявляли о патриотической и антибольшевистской позиции на страницах журналов и газет, возвышая свой голос в защиту ценностей культуры и правового порядка. Боль от осознания происходящего, тяжелые предчувствия, граничащие с метафизическим ужасом, – определяющая тональность работ этого периода. Историософия русской революции Трубецкого резонирует с эмоционально окрашенными размышлениями авторов знакового для революционной эпохи сборника с символическим названием «Из глубины», среди которых общественные деятели и философские публицисты С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Вяч. Иванов, А.С. Изгоев, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, С.Л. Франк. Участвовавший только в «Проблемах идеализма» (1902), Евгений Трубецкой формально остается вне авторской группы сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), но вместе со Струве, Бердяевым и Франком находится в одном смысловом и этико-политическом поле русской либерально-христианской мысли начала XX в. Философы, осуществившие резкую критику революции и роли в ней русской интеллигенции, созвучны Трубецкому, давая характеристики большевизму. Как емко определит Трубецкой, «большевизм есть фактор общественного гниения»[3]. Опасность политического радикализма общество впервые ощутило в событиях

[1] Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 397.
[2] Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. М., 2007. С. 390.
[3] Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 407.

1905-1907 гг., но не осознало реальность угрозы. В «Предисловии» инициатор и издатель «Из глубины» Струве прямо говорит о пути к исторической катастрофе Октября, проделанном русским государством и обществом: «Сборник “Вехи”, вышедший в 1909 г., был призывом и предостережением. Это предостережение, несмотря на всю вызванную им, подчас весьма яростную реакцию и полемику, явилось на самом деле лишь робким диагнозом пороков России и слабым предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905–1907 гг. и разразилась в 1917»[1].

Трубецкой в полной мере разделяет точку зрения авторов сборника с пророческим названием «Из глубины». *De profundis* – это и метафизическое дно русской истории, мистическим образом связанное с названием станции «Дно», на которой 1 марта 1917 г. председатель Государственной думы М.В. Родзянко пытался удержать Государя телеграммой из Петрограда, чтобы решить вопрос о формировании «ответственного правительства». Последовавшее 2 марта отречение Николая II от престола стало прологом огромной исторической драмы, затронувшей судьбы десятков миллионов русских людей, для которых надежды, связанные с Февральской революцией, были рассеяны и разрушены Октябрем. *De profundis* – это и метафора судьбы русской интеллигенции, в скором времени выдворенной из России и уничтожавшейся в стране Советов. Не удивительно, что исторические и цивилизационные последствия русской революции представлялись Трубецкому и философам его круга катастрофическими для судеб России, Европы и мира. Они остро переживали несостоявшуюся модернизацию России, оценивали пагубность царской политики, ее моральное и политическое банкротство. В революции мыслители пытались определить и понять психологию русской смуты как явления, раскрывающего логику отечественной истории. Государство и общество, которые не нашли пути согласования интересов в этот судьбоносный для жизни страны период, выявили диалектику трагической для России взаимосвязи случайности и закономерности в историческом процессе. В очередной раз проявил себя своеобразный русский код духовной и социальной катастрофы в сочетании реакционности традициона-

[1] Струве П.Б. Предисловие издателя // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 19.

листского режима и радикальности устремлений гражданского общества, что было использовано большевиками в ситуации полного паралича власти и слома социального порядка.

И все же среди немалого количества работ ярких мыслителей и публицистов, высказывавшихся на животрепещущую тему политической и духовной жизни российского общества, при всей близости к взглядам авторов «Из глубины», оценка революции, данная князем Евгением Николаевичем Трубецким, занимает особое место. Значим и тот факт, что в отличие от большинства своих выдающихся сподвижников – религиозных философов и политиков либерального крыла, Трубецкой не получил от Провидения времени для обсуждения исторических результатов и последствий революции – он не участвовал в дискурсивной разработке сюжета, который стал центральным для историософской мысли эмиграции. Революция была *опытом его жизни*, *а не опытом памяти и рефлексии* ученого и мыслителя, вплетающего воспоминания о далеком моменте в большой философско-исторический нарратив. Трубецкой готовился разделить эмигрантскую судьбу многих русских интеллектуалов, но волею свыше избежал ее. Князь Евгений Николаевич Трубецкой скончался от тифа в Новороссийске, в январе 1920 г., незадолго до эвакуации Добровольческой Армии, с которой был связан. Философ завершил свой земной путь в России, словно небесными силами было услышано его желание умереть на родине.

2. Метафизика русской революции

Корпус историософских работ Трубецкого периода трех русских революций одинаково важен и как опыт исторического свидетельства, и как оригинальная разработка философско-исторической проблематики, когда рефлексивная мысль непосредственно включена в социальную ткань жизни – в то, как она воспринимается, чувствуется, в каких формах осмысляется, создает сценарий настоящего и провидит будущее, строит прогноз. Следует подчеркнуть, что тема философии истории и революционного катаклизма присутствует не только в журнальных и газетных статьях, лекциях, выступлениях, опубликованных в период трех русских революций, она фундирует основные исследования Трубецкого. Во всех его текстах просматривается подход профессионального мыслителя, который создает историко-философскую и политико-философскую рамку для понимания наблюдаемой им реальности.

Обдумывая текущие события, глубоко и болезненно переживая разрывы исторического и социального поля русской жизни, Трубецкой создает прецедент *актуальной философии истории*: социальное знание о движущих силах истории и предельных основаниях человеческого познания, *проблематизированное темой смысла жизни.* Его философская дистанция по отношению к текущим событиям имеет, скорее, не экзистенциальную и политическую, а интеллектуальную и религиозную природу. В ней соединяется знание и нравственное чувство верующего человека, схватывающего философской интуицией два плана бытия – временного, исторически приходящего, и вечного, связанного с «прекрасным видением того безусловного смысла, который составляет разрешение мировой трагедии»[1]. Поэтому реальность для философского мирочувствования Трубецкого – это часто «только внешний повод»[2]. Главное в его философствовании – отыскание *внутреннего смысла событий*, имеющих двойную оптику видения. Трубецкой рассматривает историческое событие во взаимосвязи, как с прошлым, так и с будущим, при этом его мысль обогащается образным содержанием. Она адресуется к памяти культуры, вызывая живые художественные ассоциации. Философизация революции в горизонте культурно-исторического, религиозного и художественного сознания позволяет Трубецкому выявить ее духовную природу, установить социальную причинность явления и его психологические закономерности, действующие в конкретный момент истории.

Об этом свидетельствует книга князя Евгения Трубецкого «Два зверя (Старое и новое)», вышедшая в середине 1918 г. в типографии товарищества Сытина, когда Россия в смятении моральных и политических чувств необратимо продолжала путь к исторической катастрофе. По замыслу философа, в сборник были включены ранее опубликованные в 1906, 1907, 1908 и 1909 гг. статьи в «Московском еженедельнике», редактором-издателем которого был Трубецкой. В обращении к читателям автор раскрывал программный замысел републикации своих известных философско-публицистических статей. В свое время они стали откликом на события Первой русской революции и воспринимались теперь мыслителем и политическим деятелем как сбывшееся предчувствие всемирной беды, постигшей

[1] Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 4.
[2] Там же.

Россию. Тем самым, недавнее прошлое освещало настоящее и служило его толкованием, а современные события виделись, по словам Трубецкого, как «продолжение и развитие *единого исторического процесса, объединяющего обе революции*»[1].

Приводя в начале книги цитату из Откровения Иоанна Богослова, в которой апостол пророчествует о наступлении сил зла – зверя из бездны, Евгений Трубецкой недвусмысленно делал отсылку к апокалипсическому сценарию сбывающихся в истории страшных свидетельств тайновидца. В образе зверя, властвующего силою поверженного, но возродившегося ныне зверя, Трубецкой, переживший революционную смуту 1905 г. и крах Февральской революции, угадывал мистический ужас близкой духовной и социальной катастрофы не только для России, но и для судеб мира. Задавая своим рассуждениям апокалипсическую перспективу, он делился с читателями не только личностными ощущениями текущего момента истории, но и указывал на психологический характер переживаний большого круга русских интеллектуалов, для которых современность стала воплощением Апокалипсиса, его образов и пророчеств.

На этот мотив *апокалипсической катастрофы* как своеобразной доминанты русского сознания укажет Бердяев в своей книге 1923 г. «Миросозерцание Достоевского». Достоевский, по мнению Бердяева, религиозно переродил русскую душу, открыл ей ощущение бездны, и поэтому русские философы после Достоевского ментально и культурно принадлежали уже другой эпохе. «Наше мироощущение сделалось катастрофическим. Это Достоевский нам его привил, – писал Бердяев. – Киреевские, Хомяковы, Аксаковы, с которыми были у Достоевского, есть и у нас некоторые общие верования и идеи, не знали еще того катастрофического мироощущения, которое захватило потом даже таких сравнительно спокойных и устойчивых людей, как, напр., кн. Е.Н. Трубецкой»[2]. Действительно, правоведу и одному из лидеров партии мирного обновления, провозгласившей программу совместной культурной работы власти и общества, их нравственного обновления, был свойственен трезвый, деятельный и спокойный взгляд на жизнь. Но в Трубецком, как наследнике и восприемнике религиозно-философских идей Влади-

---

[1] Трубецкой Е.Н. Два зверя: (Старое и новое). М., 1918. С. 3.

[2] Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 140.

мира Соловьева, жило уже чувство «последнего и предельного», «конца всех вещей», по выражению Бердяева[1]. Он человек иной эпохи – эпохи после Достоевского, когда русская мысль, уязвленная последними метафизическими вопросами героев его философских романов, обратилась к поиску своих исторических и онтологических оснований, решая проблему веры и разума вслед за отцами церкви, средневековыми теологами и философами Нового времени.

Из биографии Евгения Трубецкого хорошо известен факт борьбы между верой и безверием, пережитой им в юности. Вместе со своим старшим братом, будущим выдающимся философом Сергеем Трубецким, он прошел все этапы религиозного нигилизма и его преодоления: юношеское отвержение веры, период мучительных сомнений в истинности христианства и последующее обретение веры отцов и радости Воскресения. Достоевскому принадлежит большая роль в новом обращении к вере братьев Трубецких, в принятии ими Христа и Его Церкви. Как верно заметит Бердяев, «после Достоевского у тех, которые приобщились к его духу, меняется ткань души. Души, пережившие Достоевского, обращаются к неведомому и жуткому грядущему, души эти пронизываются апокалипсическими токами, в них совершается переход от середины к окраинам души, к полюсам»[2]. Как можно понять Бердяева, в атмосфере апокалипсиса, присутствующей в разной степени выраженности во всех произведениях великого писателя, русская мысль после Достоевского пыталась выразить какую-то основополагающую черту национального самосознания и культурной истории, ее духовную сущность. Можно согласиться с оценкой Бердяева – своим обостренным религиозным чувством Достоевский поменял перспективу русской мысли и *перенастроил философскую оптику русского миросозерцания* в религиозно-этическом, экзистенциально-персоналистическом и мистико-апокалипсическом ключе. Близок интерпретации Бердяева и Н.О. Лосский, возводящий религиозно-философскую мысль Серебряного века к линии Достоевского, где среди первых его продолжателей – Владимир Соловьев и братья Трубецкие: «Чтобы оценить значительность этого движения, – пишет Лосский, – достаточно указать на следующие имена: Вл. Соловьев, кн. С.Н. Трубецкой, кн. Е.Н. Трубецкой, о. П. Флоренский, о. С. Булгаков, Н. Бердяев, Ме-

[1] Там же. С. 141.
[2] Там же. С. 141.

режковский, Франк, Карсавин, Вышеславцев, Арсеньев, о. В. Зеньковский, Кобылинский-Эллис»[1].

Справедливо говорить, что философия истории Трубецкого с привитым русскому миросозерцанию апокалипсическим чувствованием – это оригинальная версия социальной метафизики со смещением в область *религиозной философии истории и теологии культуры*. Особо выделим: опыт осмысления революции для Трубецкого глубоко связан с ключевой религиозно-философской проблемой *свободы и бессмертия.* Она была сформулирована философом в мемориальной речи на годовщину памяти старшего брата, Сергея Трубецкого, первого избранного ректора Московского университета. Оратор призвал присутствующих увидеть в Сергее Трубецком не только политическое знамя русского либерализма, но религиозного философа, для которого вопрос о свободе решался онтологически, как вопрос о бессмертии, и вся устремленность к социальным и политическим свободам исходила из христианского понимания свободной и разумной души, обретающей духовное бессмертие во Христе: «Смысл свободы для него был в том же, в чем он видел смысл жизни. И как ни парадоксальным вам может это показаться, *он был борцом за свободу, потому что был учителем бессмертия*»[2]. На эту онтологическую связку свободы и бессмертия Евгений Трубецкой еще раз твердо укажет в книге «Смысл жизни»: учение о Христе – это «ключ к разрешению вопроса о человеческой свободе»[3].

Проблема духовного смысла, проецируемая на жизнь человека и на исторический процесс, может быть прослежена и в других, близких по времени работах Трубецкого. У истоков этой проблемы – религиозно-философская мысль В.С. Соловьева. Метафизическая рамка истории, в которую вовлечена жаждущая свободы и бессмертия личность, возникает в рассуждениях Трубецкого на важнейшую для Соловьева тему о судьбе России как носительницы православного сознания и ее роли в установлении всемирной теократии. Здесь Трубецкой вступает в спор с Соловьевым, который завершается уже заочно, в фундаментальном двухтомном иссле-

---

[1] Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 211-212.
[2] Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. С. 293.
[3] Там же. С. 155.

довании «Миросозерцание В.С. Соловьева» (1913), посвященном творческому наследию философа.

Трубецкой анализирует теократический проект гениального мыслителя и провидца в рамках глобальной религиозно-философской темы исторической судьбы христианства. Он ищет аргумент для критики историософских идей Соловьева и находит подтверждение своей правоты в христианском Риме, где интенсивно работает над книгой о своем великом учителе и старшем друге зимой 1911 г. «У меня тут сильные переживания – как-то вдруг и Рим и работа о Соловьеве сошлись в одно, и не случайно. Пишу я как раз про соединение церквей и папизм Соловьева и все вспоминанию, что он не был в Риме. А между тем, какое откровение Рим о католицизме, как тут каждый камень вопиет о его духе», – сообщает философ в письме от 12 января к М.К. Морозовой. Он видит пустые храмы и «торжественный парад духовенства – без верующих» и заключает: «Вот что сделала “Теократия” и та внешняя власть, которую Соловьев считал условием *действующего христианства»*[1]. По словам Трубецкого, если бы Соловьев побывал в Риме, то он смог бы глубже оценить православие, «которое сделало одно великое дело: положило *грань* между мистическим и здешним, не дало ему слиться с мирским, презрело храмы-дворцы и ушло на Афон – созерцать свет горы Фавора, тот самый, что ни в дворцах, ни в хижинах Петровых не умещается»[2]. Православие спасло мистический корень, и тем спасло веру, настаивает Трубецкой. Именно в Риме, в точке притяжения исторических и духовных сил христианства, Трубецкой напишет главу под названием «Вселенское и русское в теократической идее Соловьева», о чем с воодушевлением сообщит в письме к Морозовой от 2 февраля 1911 г.[3] Буквально физически ощущая историю, которая излучает прикровенный свет христианских святынь, Трубецкой поднимается до высоких религиозно-философских обобщений и продолжает удерживать этот опыт духовного прозрения в смысл истории на протяжении всего последующего творческого пути.

---

[1] Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 314.
[2] Там же. С. 314.
[3] Там же. С. 329.

С наибольшей полнотой проблема смысла истории, в которую включена жизнь человека с ее неизбежной трагедией смерти и воскресения, звучит в *теме всемирной катастрофы войны и революции*. Она понята Трубецким в духе христианского учения о свободе и бессмертии души и раскрыта им в книге «Смысл жизни» (1918). По мнению историка русской философии В.В. Зеньковского, философский концепт смысла жизни – определяющий мотив творчества Трубецкого, его дискурсивно разрабатываемая главная религиозно-философская интуиция: «Я думаю, что и самая тема о смысле жизни была для Е. Трубецкого основной и центральной, – что его философские анализы развились в диалектической зависимости от их значения для раскрытия смысла жизни»[1]. Труд «Смысл жизни» стал ответом на «мучительные переживания мировой бессмыслицы»[2]. Трубецкой считал его самым важным для раскрытия своего миросозерцания, надеясь в дальнейшем развить сформулированные в работе положения религиозно-философской концепции познания, свободы, ценности культуры, смысла истории и человеческого существования. Начало книги было осложнено предчувствиями надвигающейся на Россию катастрофы, а завершение с ней совпало. «Слышались отдаленные раскаты грома приближающейся грозы; но оставалась надежда, что она минует, и все еще казалось целым. Потом труд был прерван в самом его начале революционной бурей. Он возобновился под гром пушек московского октябрьского расстрела 1917 г. Теперь, когда он кончен, Россия лежит в развалинах; она стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуре», – свидетельствовал в предисловии Трубецкой[3].

Книга «Смысл жизни» оказалась итоговой для философа. В ней он увидел революцию как продолжение мировой войны, ознаменовавшей собой кризис европейской культуры и ценностей политического проекта модерна. Анализ философского наследия Трубецкого убедительно показывает, что в «Смысле жизни» он продолжает разрабатывать отдельные тезисы и идеи, высказанные в статьях 1906-1919 гг., оценивая политический процесс в России как закономерность истории, имеющую не только социальное, но и духовно-

---

[1] Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т.II. Ч. 2. Л., 1991. С. 108.
[2] Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. С. 4.
[3] Там же.

нравственное измерение. Это позволяет Трубецкому как метафизически ориентированному философу истории увидеть социальность в ее статике, динамике, разломах и турбулентности в присутствии Абсолюта – в религиозной логике происходящих и грядущих событий. Именно в этом и заключается философский аргумент князя Евгения Трубецкого в пользу всемирного смысла, обнаруживаемого сквозь всю бессмыслицу мировой войны и революционного хаоса – аргумент непреходящего духовного значения и интеллектуальной силы, который воспринимается сегодня как свидетельство верующего разума, возвышающегося над исторической катастрофой и смертью.

О.А. Харусь[1]

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ: ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗЫ ЛИБЕРАЛА «ВНЕ ПОЛИТИКИ»[2]

В историографии получил развернутое обоснование тезис о признании новой генерацией российских либералов в начале XX в. возможности и даже необходимости политической революции[3]. Он подтверждается данными разнообразных источников, привлекавшихся специалистами для изучения политических практик неолибералов как в центре, так и в различных регионах страны, и, безусловно, отражает объективную реальность. Однако, поскольку единомыслие чуждо самой природе либерализма, естественно предположить, что представление о политической революции как способе решения назревших проблем разделяли не все представители этого направления. Попытка исторической реконструкции образа мысли и чувствований конкретной личности сама по себе

---

[1] *Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения ФГБОУ ВО «Томский государственный университет».*

[2] Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

[3] Шелохаев В.В. Российский либерализм в свете опыта новой энциклопедии // Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии. Орел, 2009. С. 10.

представляет научный интерес, поскольку открывает возможности для введения в исследовательское пространство антропологического измерения. Вместе с тем, не исключено, что изучение особенностей индивидуального мировоззрения и восприятия действительности либерально настроенных лиц позволит выйти и на некоторые обобщения с фиксацией социально типичного. В частности, на уровне гипотезы можно обозначить дифференциацию позиций неолибералов по отношению к революции в зависимости от степени их вовлеченности в реальную политику.

Поскольку либерализм – это, прежде всего, своеобразная субкультура, а политический либерализм является лишь одним из проявлений этого социокультурного феномена, выведение за рамки либерального дискурса личностей, не склонных принимать сколько-нибудь активное участие в общественно-политической жизни, но при этом являвшихся «по своей духовно-психологической породе» носителями либеральной субкультуры, было бы некорректным[1]. Между тем, можно предположить, что дистанцирование этих людей от политики, наряду с прочими обстоятельствами, было обусловлено и их восприятием революционных событий в России начала XX в. Основанием для такого рода гипотезы стало обращение к интеллектуальному наследию видного юриста конца XIX-начала XX вв., признанного специалиста в области философии права, профессора Томского университета Иосифа Викентьевича Михайловского.

Приверженность Михайловского основным идеям неолиберализма не вызывает сомнений: в своих лекциях и научных трудах он обосновывал и развивал неолиберальную трактовку прав человека как «прав-притязаний», разделял позиции либералов новой генерации по вопросу о взаимоотношениях государства и общества, государства и частных лиц. Участие же его в политической жизни страны, по-видимому, ограничилось вступлением в 1905 г. в кадетскую партию. Впрочем, и этот факт можно поставить под сомнение. По данным Департамента полиции, Михайловский числился членом томской кадетской организации[2]. Однако этот документ является единственным свидетельством причастности профессора к политической деятельности. И даже если его членство в кадетской партии

---

[1] Кара-Мурза А.А. Либерализм: «идея», «партия» или «субкультура»? // Российский либерализм... Орел, 2009. С. 22–29 .

[2] ГАРФ. Ф.102. Оп. 233 (1905 г., II отд.). Д. 999. Ч. 43. Т. 3. Л. 127-128.

в какой-то момент времени действительно имело место, оно было исключительно формальным. В апреле 1917 г. газета «Сибирская жизнь» опубликовала открытое письмо Михайловского в редакцию, в котором он заявлял: «Всем студентам-юристам, а в особенности моим коллегам по факультету хорошо известно, что я никогда не принимал и не принимаю никакого участия в каких бы то ни было политических партиях и вообще в активной политической жизни». Считая себя «профаном в области реальной политики», профессор подчеркивал: «Я чистый ученый, а не администратор и не практический политик»[1].

Посвятив себя научным изысканиям, свое жизненное кредо Михайловский сформулировал в Предисловии к изданному в 1914 г. курсу лекций по философии права: «наука и "политика" – два противоположных полюса»[2]. Такая позиция не означала стремления абстрагироваться от окружающей действительности, уйти от обсуждения насущных социальных проблем и ни в коей мере не являлась признаком индифферентности по отношению к судьбам Отечества. Приведенное выше заявление отражало глубокую внутреннюю потребность Иосифа Викентьевича в постижении сути явлений и процессов и столь же глубокую убежденность в том, что политические пристрастия и предпочтения создают непреодолимые барьеры на этом пути. В 1908 г., обращаясь к студентам юридического факультета во вступительной лекции, он четко определил свою позицию в этом отношении: «Кто желает изучать науку права, должен совершенно отрешиться от каких бы то ни было политических симпатий и антипатий. Политические страсти способны только извратить науку и создавать те пародии на нее, которые мы видим в огромной массе партийных статей и брошюр. …Перед… будущими служителями права должна быть только одна политика: стремление к правде-истине и правде-справедливости»[3].

Значимость подлинно научного, свободного от политических пристрастий знания в области «социальных исканий» ученый видел, прежде всего, в том, что оно позволяет отличить идеал от утопии и служит профилактикой «заражения крайним радикализмом,

---

[1] Сибирская жизнь. Томск. 1917. 23 апреля.
[2] Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. Предисловие.
[3] Он же. Культурная миссия юристов. Правовые прелюдии к грядущей культуре. Томск, 1910. С. 12.

легкомысленно отрицающим выработанные историей формы и воображающим, что человек может вопреки всем объективным факторам культуры перестроить весь мир при помощи найденной формулы»[1]. Неслучайно одним из ключевых положений либеральной теории, получившим в трудах Михайловского развернутое философское обоснование, являлся принцип эволюционного поступательного развития общества. Теоретическим фундаментом для него, как и для его учителя Б.Н. Чичерина, при этом послужила диалектика Гегеля с ее акцентом на возможность примирения идеалов и реалий, преодоления их противопоставления, а также признанием идеи развития в качестве основной идеи мирового процесса.

На основе сформулированных Гегелем общих законов развития Чичерин в свое время создал концепцию развития истории культуры, которую Михайловский оценивал как «одну из грандиознейших концепций человеческого ума». Разделяя основные ее положения, профессор Томского университета так излагал суть: «Общий ритм развития состоит в том, что из первоначального единства выделяются противоположности, каждая из них развивается самостоятельно, а затем все сводятся к высшему, гармоничному единству, в котором эти противоположности находят каждая свойственное ей место»[2]. Кредо либерализма в трактовке общественного развития, унаследованное от своего учителя, Михайловский предельно лаконично выразил в формуле: «Настоящее есть результат прошедшего и основа для будущего». Представление, согласно которому «грядущая культура не может быть чем-то принципиально новым, отделенным от современной непроходимой пропастью»[3], отражало восприятие общественного развития как движения поступательного и преемственного.

Убежденность в том, что общая направленность развития верно схвачена в гегелевской диалектике, питала социальный оптимизм Михайловского, его веру в возможность реализации либеральных ценностей, воспринимавшихся как аналог разумных начал. Он подчеркивал: «Зная закон развития и его ритм, зная, что принципом этого развития является стремление к осуществлению из-

---

[1] Он же. Университет и наука. Вступительная лекция в курсе философии права, читанная 18 сентября 1907 г. студентам I курса юридического факультета. Томск, 1908. С. 9.

[2] Он же. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство. Б.м., б.г. С. 29.

[3] Он же. Культурная миссия юристов... С. 25.

вестных разумных начал, мы совершенно иначе отнесемся к целому ряду печальных явлений жизни. Мы не подчинимся этим явлениям, будем бороться с ними, твердо веря, что светлые идеалы истины, свободы, справедливости, всеобщего братства и отсутствия насилия представляют собой реальность, гораздо более сильную, чем все зло жизни, реальность, в конце концов восторжествующую над этим злом»[1].

Под «печальными событиями» профессор подразумевал, прежде всего, волну революционных потрясений, которые переживала Россия в начале XX в. Современная российская действительность воспринималась им как поистине трагичная, характеризующаяся господством грубой силы и произвола. В происходящем профессор усматривал историческую закономерность, состоящую в непременном сопровождении распада государственной жизни во времена внутренних потрясений, революций, анархии упадком культуры и «устрашающим развитием зверя в человеке»[2]. Однако, при этом он был вынужден констатировать, что «современная Россия побила рекорд в смысле озверения». «Политический нейтралитет» Михайловского, его стремление к беспристрастной оценке окружающей действительности вылились в признание равной ответственности противоборствующих сторон за эксцессы революции. Правительственные репрессии, черносотенные погромы вызывали такое же осуждение с его стороны, как и проявления революционаризма. Однопорядковыми проявлениями «вакханалии зверя в человеке» считал Михайловский «с одной стороны – карательные отряды, сожжение деревень, бомбардировку городов, расстрелы, виселицы, административный произвол, достигший Геркулесовых столбов; далее – погромы, бесчинства различных «патриотических» организаций, а с другой стороны – бомбы, браунинги, массу политических убийств, грабежей и другие возмутительные проявления человеческой дикости, совершаемые ввиду отвратительного принципа: «Цель оправдывает средства»[3]. Категорическое неприятие насилия, конфронтационности, «невероятного взаимного озлобления фанатиков различных партий» свидетельствовало о наличии четкой гражданской позиции профессора, который не мог оставать-

[1] Он же. Воззрения Б.Н. Чичерина ... С. 29.
[2] Он же. Культурная миссия юристов ... С. 5, 6.
[3] Он же. Университет и наука ... С. 4.

ся равнодушным к разгулу политических страстей. В охватившей Россию «эпидемии кровопролития» Михайловский видел угрозу полной атрофии чувства законности в населении, отказа от высших духовных начал, вечных идей истины, добра, красоты, превращения этих идей в «средства для достижения преходящих мимолетных целей того или иного момента политической борьбы»[1].

События 1905–1907 гг. сделали очевидной для специалиста в области философии права производность характерного для россиян крайнего радикализма от их «правовой дряблости», яркими симптомами которой являлись отсутствие уважения к закону во всех слоях общества, самоуправство и произвол со стороны власти, порождавшие замену чувства законности верой во всемогущество барина-начальника, постоянные нарушения предписаний закона и т.п. Драматизм ситуации, по его мнению, усугублялся тем, что атрофия чувства законности имела глубокие корни в самих устоях общественной жизни, которые резко контрастировали с западноевропейской социокультурной действительностью. Неоднократные поездки с научной целью за границу позволили профессору составить вполне определенное представление об особенностях менталитета европейцев и, вероятно, стали одним из факторов формирования позиции по вопросу о принципах и логике общественного развития. Сопоставляя доминирующие общественные настроения в Европе и России, он писал: «Европейцы, даже из наиболее живых, впечатлительных и экспансивных наций, никогда по общему правилу не могут так подчиниться новым идеям, чтобы сразу отбросить как ненужный и вредный хлам несогласные с ними вековые учреждения и традиции. Они чувствуют, что в этом наследии веков всегда хранятся элементы истины. Между тем у нас каждая новая идея сразу овладевает умами и сердцами до такой степени, что все, несогласное с ней, отвергается, адепты новой идеи готовы сейчас же коренным образом перестроить весь мир по рецепту модной идеи. Об уважении к мнениям противников, об уважении к вековым традициям нет и речи! Все это едва ли свидетельствует о высокой культуре»[2].

Особенно удручающее впечатление произвела на Михайловского кульминация первой российской революции. В лекции, по-

[1] Он же. Университет и наука ... С. 4, 17.
[2] Он же. Культурная миссия юристов ... С. 9.

священной 150-летию со дня рождения Моцарта, он так выразил свое душевное состояние в связи с «ужасными» событиями декабря 1905 - января 1906 гг.: «Мы видим такую массу совершающегося зла, такое господство грубой силы, произвола, дикости и озверения, что невольно философия пессимизма кажется нам все более и более привлекательной»[1]. И все же будущее России представлялось Михайловскому в оптимистичных тонах. Его уверенность в конечном успехе формирования национального сознания на принципах законности, уважения к праву, к личности питалась знанием о традициях и богатых возможностях русского народа, отраженных в юридических памятниках («Русской правде», Псковской и Новгородской судных грамотах), «где выразилось такое здоровое, цельное правовое чувство»; в памятниках народного искусства, народной песне, во многих фактах и событиях русской жизни[2]. Кроме того, противоядием философии пессимизма в отношении исторических перспектив России Михайловский, будучи, по-видимому, человеком эмоциональным и эстетом[3], считал великие произведения человеческого духа в области философии, науки, искусства; музыку, отражающую полное гармонии, красоты, радости и света мировоззрение; нравственные подвиги отдельных личностей. Все это должно было, по его мнению, в противовес представлениям о превалировании темных сил в человеке укреплять убеждение в том, что «человек все-таки есть завершение того великого, дивного, гармонического и разумного порядка, который называется мирозданием»[4]. Михайловский писал: «...страна, давшая человечеству Глинку, Чайковского, Васнецова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Менделеева, Мечникова, Чичерина, ... имеет перед собой будущее, для такой страны стоит работать»[5].

И он работал… Работал добросовестно и напряженно, руководствуясь, по его словам, «только одним девизом: любовью к истине и стремлением искать ее, отрешившись от каких бы то ни было посто-

---

[1] Он же. Моцарт. По поводу 150-летия со дня его рождения (27 января 1756 – 27 января 1906). Томск, 1906. С. 2.
[2] Он же. Университет и наука ... С.16, 17.
[3] Одним из увлечений И.В. Михайловского была музыка. В Томском отделении Императорского Русского музыкального общества профессор читал лекции по истории и энциклопедии музыки.
[4] Он же. Моцарт... С. 1-2.
[5] Он же. Университет и наука ... С.16, 17.

ронних влияний»[1]. Будучи одним из лучших лекторов юридического факультета, результатами своих научных изысканий охотно делился со студентами, сознавая «великую ответственность пред своею совестью за каждое предлагаемое учащейся молодежи от имени науки слово»[2]. Этим жизненным принципам Михайловский не изменял ни при каких обстоятельствах. Его приверженность либеральным идеям и, в частности, убежденность в пагубности радикальных способов решения социальных проблем была плодом многолетних напряженных размышлений, а потому ее не смогла поколебать даже та волна революционной эйфории, которая после Февраля 1917 г. захлестнула не только многих либералов, но и консерваторов.

Известия о революции дошли до Томска 1 марта, а 2 марта в большой аудитории университета профессор Михайловский, «не обращая внимания на то, что скрепы уже ползут и все раздается вширь и вглубь и бурлят уже и гудят революцией коридоры, объявил лекцию: «О государственном строе»[3]. Тема лекции была воспринята собравшимися как сенсационная, но еще большую сенсацию произвело ее содержание и поведение самого лектора. Присутствовавший на этой лекции студент юридического факультета Л.В. Арнольдов впоследствии вспоминал: «Многие уже предвкушали, что и он (*Михайловский. – О.Х.*), как и все прочие, …. – станет петь новыя песни. Но Михайловский… появился спокойно в битком набитой аудитории, куда пришли все, … кто интересовался тем, что происходит вокруг нас, даже те студенты с красными повязками на рукавах, которые сразу в первый же день вестей попали в милицию и уже охраняли, арестованнаго в своем "дворце", губернатора…Он был спокоен, он был академичен, он ничем не выдал своего внутренняго большого волнения… И он сказал то, что он всегда думал, … что идеальным строем и в науке и в его личном мнении надо считать "конституционную монархию"…»[4] Как проявление личного мужества оценил автор воспоминаний эту «научную, строгую» лекцию, прочитанную в условиях, когда «80% студентов …были в Томске и по всей России республиканцами»[5].

---

[1] Он же. Очерки философии права… Предисловие.
[2] Там же.
[3] Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Шанхай, 1935. С. 84.
[4] Там же. С. 85 (орфография и пунктуация автора).
[5] Там же. С. 85-86.

Этот строгий академичный стиль Михайловский выдерживал в своей преподавательской деятельности и в последующие годы, насыщенные социальными и политическими трансформациями. По-видимому, именно подчеркнутая отстраненность от политических конфликтов и баталий позволила ему остаться верным своим идеям и ценностным ориентирам. Но, с другой стороны, возможно и иное «прочтение» судьбы Иосифа Викентьевича (оно, вероятно, будет более точным): верность идеям, которые были результатом интенсивной продолжительной работы мысли, и понимание невозможности их практического воплощения в современной ему России стали причиной дистанцирования от политических процессов, нежелания включаться в них[1]. В этом был определенный резон, поскольку опыт либералов-политиков убедительно продемонстрировал необходимость приспособления к существующим обстоятельствам ценой отступлений от изначально постулировавшихся идей. Выход из пространства «чистой» теории в пространство публичной политики ставил задачу определиться не относительно общих ценностных ориентиров, мировоззренческих основ и базовых конструктов будущего желательного устройства страны, а по принципу «здесь и сейчас», а потому одним из его логических следствий и стало признание политической революции в условиях острого системного кризиса как возможного и, более того, необходимого способа решения не терпящих отлагательства проблем.

Отдавая себе отчет в некорректности обобщений на основе анализа взглядов отдельного представителя либеральной традиции, можно, тем не менее, высказать некоторые предположения по поводу умонастроений либерально настроенных интеллектуалов, которые, подобно Михайловскому, сознательно дистанцировались от участия в политике. Российская версия революции в их сознании

---

[1] Трагизм ситуации заключался в том, что политика все же вторглась в жизнь и судьбу человека, сознательно стремившегося дистанцироваться от нее. На основании ордера Томской ГубЧК от 28 февраля 1920 г. ученый был арестован и осужден на 5 лет концлагерей. В течение 2 месяцев Михайловский находился под арестом, после чего его освободили по ходатайству ректора Томского университета А.П. Поспелова. Однако вернуться к преподавательской деятельности профессору уже не удалось: с 15 апреля 1920 г. совместным постановлением Сибирского отдела народного образования и Коллегии по управлению высшими учебными заведениями г. Томска он был освобожден от занимаемой должности. Год спустя, в марте 1921 г., Иосиф Викентьевич умер в госпитальных клиниках от кардиосклероза в возрасте 53 лет (26 дек.1867 – 5 марта 1921). ГАТО. Ф.102. Оп. 9. Д. 339. Л. 126, 129, 134.

ассоциировалась исключительно со смутой, разгулом низменных страстей и эмоций, приобретая однозначно отрицательную коннотацию. Эволюция же как единственно приемлемый для интеллектуалов вариант реализации либеральной модели общественного устройства в условиях России начала XX в. предполагала длительную упорную работу по формированию гражданского национального сознания как необходимой основы создания правового общественного и государственного строя, залог его прочности. И к такого рода просветительской деятельности они были готовы. Во всяком случае, именно в этом видел свою профессиональную миссию как юриста и, вместе с тем, свой гражданский долг, Михайловский, оставаясь верным ему на протяжении всей жизни.

Н.Г. Карнишина, В.Ю. Карнишин[1]

А.С. ИЗГОЕВ – ПУБЛИЦИСТ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Эпистолярное наследие эмигрантской поры одного из ярких публицистов Конституционно-демократической партии А.С. Изгоева (Ланде) пока не стало сегментом историографии российского либерализма[2] при том, что его дореволюционные работы анализировались в различных статьях[3]. Между тем, публицистическая деятель-

[1] *Карнишина Наталья Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.*
Карнишин Валерий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.

[2] Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; Аронов Д.В. Право и справедливость в творческом наследии Сергея Андреевича Муромцева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 9-13; Он же. Конституционное наследие российской либеральной правовой мысли – проблемы и перспективы использования на современном этапе становления российского конституционализма // Современное общество и право. 2013. № 1(10). С. 18-25; Вострикова В.В. Общество и личность в либеральной мысли России конца XIX-начала XX вв. // Булгаковские чтения. 2010. № 3. С. 247-254.

[3] Казакова Н., Нарский И. Изгоев А.С. // Политические партии России. Конец XIX-первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 224-225; Вострикова В.В. Изго-

ность Изгоева в данный период его жизни отличалась напряженной работой и насыщенностью[1].

Уместно напомнить о том, как складывались обстоятельства жизни Изгоева после прибытия в Штеттин на «философском пароходе». Он принимал участие в ряде частных совещаний кадетов, присоединившись к той части либералов, которые предлагали выступить с заявлением о прекращении деятельности партии (14 декабря 1922 г.)[2]. В январе 1925 г. Изгоев вошел в состав центральной группы кадетов в Праге[3]. Пражский период был связан с изучением русской кооперации, что нашло отражение в публикациях. В 1925 г. Изгоев перевел книгу первого премьер-министра Чехословакии К. Крамаржа «Русский кризис»[4]. В Архиве Национального музея в Праге сохранились письма Изгоева и его супруги к Карелу Крамаржу и его русской жене Надежде Николаевне (она происходила из старинного купеческого рода Хлудовых). Крамаржи пользовались уважением и почитанием русских эмигрантов-интеллигентов, оказавшихся в бедственном материальном положе-

---

ев А.С. // Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011. С. 221-224; Белых А. П.А. Столыпин и его первый биограф А.С.Изгоев // Экономическая политика. 2012. № 6. С. 113-136; Иванов А.Е. Был ли прав А.С. Изгоев? К вопросу о политическом и социокультурном облике российского дореволюционного студенчества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2010. № 2. С. 58-66; Соловьев К.А. Изгоев А. С. // Российский либерализм середины XVIII – начала XX вв.: Энциклопедия. М., 2010. С. 364-366; Грин Ц.И. Изгоев // Сотрудники российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 2. Л., 1990.

[1] Пять лет в Советской России: (Обрывки воспоминаний и заметки) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Кн. 10; Он же. Рожденное в революционной смуте (1917—1932). Париж, 1932; Он же. К вопросу о природе кооперации // Записки русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. 228; Он же. Савинковская загадка // Последние известия; Он же. На лекции А. А. Яблоновского // Последние известия. 1924. 29 мая; Он же. О взаимных обвинениях // Последние известия. 1924. № 209; Он же. Мечтатели и аферисты // Последние известия. 1924. № 228; Он же. Общинное право // Сборник статей, посвященный Петру Бернгардовичу Струве. Ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. Прага. 1925; Он же. С.Ю. Витте и П.А. Столыпин – политические соперники и личные враги // Сегодня. 1931. № 5. С. 2.

[2] Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 717.

[3] Там же. С. 722.

[4] Крамарж К.П. Русский кризис. Пер. с чешск. А.С. Изгоева. Прага-Париж, 1926.

нии и получавших неизменную поддержку со стороны семьи чехословацкого политика[1].

В Берлине и Праге Изгоев активно занимался публицистической деятельностью, сотрудничая с газетами «Возрождение» (Париж), «Руль» (Берлин), «Сегодня» (Рига). После переезда в эстонский город Хаапсалу он деятельно сотрудничал с газетой *«Таллиннский русский голос»*, в которой публиковались его обзорные статьи по различным аспектам общественно-политической жизни СССР. Через год после прихода к власти нацистов Изгоев в письме к одному из редакторов газеты «Сегодня» Б.О. Харитону признавался: «Я не люблю тех интеллигентных евреев, которые не осознают или – что еще хуже – не признают, чем мы обязаны русским, русской культуре и русской власти. Пора понять, что, несмотря на всю темень и бескультурность во многом старой России, нигде в мире не относились к евреям так хорошо, как там. Достаточно подумать о том, что выявилось в нынешней Германии. Все это жило там веками»[2].

За 2 года до кончины в Париже вышла небольшая по объему последняя книга Изгоева[3] (далее ссылки на нее будут даны построчно), в которой содержатся оценочные суждения об особенностях российской многопартийности до 1917 г., общественно-политического развития СССР и положении русской эмиграции.

Автор отмечает жизнеспособность партийных структур в той мере, насколько они могли расположить к себе интеллигенцию. При этом к слабым сторонам деятельности либералов он относил неэффективность организационного строительства и слабость вовлечения в свои ряды молодежи. «Цельные группы политически рабо-

---

[1] Фирсов Е.Н. Литераторы А.С. Изгоев и Г.Н. Изгоева в письмах меценатам русской эмиграции Карелу и Надежде Крамарж из Чехии и Эстонии // Меценат и мир. 2003. № 21-24. С. 455-462.

[2] Исаков Сергей. Евреи в русской общественной и культурной жизни Эстонии (до 1940 г.) // Русское еврейство в зарубежье. Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. V (X). Иерусалим, 2003. 107-118.

[3] Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917-1932) // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. М., 2009. Вып. 1. С. 344-368 (Книга переиздана в 2017 г. издательством Российской академии народного хозяйства и государственной службы: Изгоев А.С. Рожденное в революционной смуте (1917–1932). М., 2017); Он же. Общинное право // Сборник статей, посвященный Петру Бернгардовичу Струве. Ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. Прага. 1925; Он же. С.Ю. Витте и П.А. Столыпин – политические соперники и личные враги // Сегодня. 1931. № 5. С. 2.

тоспособной интеллигенции», которые зарекомендовали себя в Конституционно-демократической партии, смогли проявить себя, в отличие от «Союза 17 октября» – партии, которая не смогла удержаться на поверхности как весомая политическая сила накануне революции. Все же остальные либеральные партии в 1917 г.» растаяли бесследно» (С. 346).

Обращаясь к рассмотрению судеб правомонархических партий, Изгоев указывал на их неспособность получить поддержку широких кругов духовенства. Яркие личности представителей духовного сословия – Григорий Петров, Г.А. Гапон, иеромонах Илиодор и другие так и не стали «приводными ремнями Церкви к народным массам» (с. 346). Роковую роль сыграли и «многочисленные агенты тайной полиции, провокаторы и предатели» в структурах монархических партий, которые первыми отошли от монархии» (С. 347). Сопоставляя положение монархистов до революции и в период эмиграции Изгоев отмечал, что им не удалось ни выдвинуть ярких лидеров, ни наладить эффективную работу своих партийных печатных изданий. Рассматривая жизнеспособность лозунга монархистов «Православие, Самодержавие, Народность»), публицист весьма пессимистично подходил к оценке роли Православной церкви в Советском Союзе в контексте вовлечения ее в борьбу против политического режима. «Если Православной Церкви суждено родить мощное мученическое движение, то оно не пойдет ни под стягом возвращения земель и фабрик их владельцам, ни призыва дворян на губернаторские посты» (С. 348). В книге обращено внимание и на преемственность политической культуры дореволюционного и советского периодов. Крушение самодержавия «не означало, что оно исчезло»: «Оно не только не исчезло, но стократно уплотнилось в русской жизни» (С. 348). Изгоев уловил, что сакральность марксистско-ленинской идеологии в СССР влияет не только на утверждение единомыслия, но и на политический строй с элементами «татарско-византийского цезаропапизма».

По мнению автора, эволюция советской государственности прошла три этапа: 1917-1921 гг. (сочетание 2 тенденций – разрушение основ старого государственного и социально-экономического строя и «творческие попытки» установить новую социальную систему» (С. 355); 1921-1928 гг. (Новая экономическая политика и внутрипартийная борьба, завершившаяся поражением антисталин-

ских сил в правящей партии); 1928 - по сегодняшний день (т.е. 1933 г.). Немало места в работе уделено размышлениям о феномене советского строя и факторах, обусловивших его сохранение и развитие. Во-первых, речь шла о способности и умении привлечь на свою сторону рабочих и крестьянства. Во-вторых, о модели управления страной, основанной на концентрации власти в руках партийного аппарата. Автор отмечает особую роль РККА и ОГПУ (С. 359). В-третьих, автор подчеркивает значение жесткого контроля над населением: «Полное бесправие отдельного человека перед властью. Ни у кого нет никаких незыблемых прав. Права только у тех, кто наделен властью, и по отношению лишь к тем, кто стоит ниже на ступенях общественной лестницы» (С. 360). В-четвертых, огосударствление экономики путем индустриализации и коллективизации укрепило основы политического строя в СССР.

Откликаясь на возникновение евразийства, Изгоев усматривал позитивные аспекты воззрений его сторонников в том, что они исходили из признания «особого пути» развития страны и необходимость возрождения патриотизма» (С. 351). Речь шла о возрождении «русской консервативно-националистической мысли», которая впоследствии в определенной форме будет востребована в стране.

Рассматривал ли Изгоев благоприятные перспективы развития Родины со своей точки зрения? В общей форме он возлагал надежды на «возрождение религиозности», понимание того, что «пулей» и «стенкой» «нельзя построить всеобщего счастья» (С. 368). Однако автор предостерег предсказывать формы и способы борьбы против советского политического строя. Его позиция проявилась в выражении ожиданий перемен в связи с ростом влияния интеллигенции на возможности преобразования страны на основе достижения свободы. Симптоматично, что Изгоев констатировал абсурдность надежд на крушение коммунистического строя путем получения внешней поддержки со стороны Запада. Без иллюзий он делал вывод о длительном пути духовного возрождения страны. «Роль эмиграции, как большой и важной, но не решающей, а подсобной силы, стала очевидной для всякого мыслящего политика» (С. 355).

Изгоеву не удалось найти единомышленников в эмигрантской среде Праги. Разрыв сотрудничества с П.Б. Струве не мог не повлиять на решение переехать в тихий эстонский город Хаапсалу, в котором он продолжил свою публицистическую деятельность. Од-

нако усугубление болезней у него и супруги ускорило его кончину в июле 1935 г. Полагаем, изучение его журналистской деятельности в прибалтийской прессе откроет новые грани таланта публициста и мыслителя.

А.В. Попова[1]

П.Н. МИЛЮКОВ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ СОЦИУМА

Взгляды П.Н. Милюкова на государство и право неразрывно связаны с философией истории, основным вопросом которой является поиск закономерностей, т.е. закона развития человеческого общества в целом и каждой страны в отдельности, изучению которого Милюков посвятил ряд работ. Еще в 1897 г. им был прочитан цикл лекций в Софийском университете Болгарии о философско-исторических системах прошлого и настоящего, каждая из которых легла в основу определенного этапа развития государственности.

Это, прежде всего, *прагматическая система*, которая, по словам Милюкова, возникает тогда, когда «человек впервые задает себе вопрос о причине исторических событий, об их внутренней связи. Первое, что подсказывает ему простой здравый смысл – это то, что причина событий заключается в намерениях действующих лиц. Такая психологическая мотивировка событий является низшей формой причинного объяснения»[2]. Исторические события берут свое начало из борьбы человеческих страстей и интересов, на основе анализа намерений, сознательных рассуждений главного действующего лица на каждом историческом этапе такой системы. «Психология действующих лиц и действующих общественных групп – таков главный предмет, занимающий историка-прагмата». Такой

[1] *Попова Анна Владиславовна – доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».*

[2] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Лекция № 2, 3.

подход к истории ведет лишь к извлечению из истории политических уроков для государственных деятелей, он служит прагматическим целям, игнорирующим другие, в частности, моральные императивы. «В лучшие моменты, когда прагматическая история достигает своего совершенства, – подчеркивал Милюков, – все требования морали, нравственности отходят на второй план. Но прагматическая цель прагматической науки (истории) сохраняется». Такой подход был характерен для классической историографии, которая «не уходила дальше и не поднималась выше уровня простого исторического прагматизма». «С появлением христианства и германцев историография пошла совершенно по другому пути, чем шла древняя историография, – взгляд богословия, который и преобладал на протяжении всех средних веков», – отмечал в лекции лидер конституционно-демократической партии (партии кадетов), выделяя следующую систему[1].

В основе богословской системы лежала идея божественного промысла, Высшая Воля, которая, по словам Милюкова, «для своей цели и по-своему усмотрению вмешивается в человеческие происшествия. Мы теперь именно во вмешательстве Провидения видим нарушения закона, и которое называем чудом»[2]. Согласно этой системе, обычной ход исторической жизни представляет хаос, являющийся продуктом произвола человеческих личностей, а закон – результатом провидения божественной силы. Базисом для этой системы служило стремление «найти след закона в явлениях истории» на основе привнесении «идеи божественного плана, развивающейся при посредстве усилий человеческой личности», иными словами, признание идеи прогресса в обществе как результата сближения человеческой истории и божественной воли.

Для современного этапа государственного-правового развития известный представитель неолиберальной политико-правовой доктрины Милюков указывал на наличие и упрочение *научной системы*, в рамках которой противоречие между законом истории и фак-

---

[1] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 3405. Лекция № 4. Такого же мнения придерживался и Н.А. Бердяев, который заслугу создания самой возможности философии истории целиком приписывал христианству. Христианскую цепь истории, соединившую в себе вечное и временное, небесную историю с земной, «метафизическое» с «историческим», он пытается утвердить в качестве основы своей собственной религиозно-философской концепции истории (Бердяев Н.А. Смысл истории. М. 1990. С. 23).
[2] Там же. Лекция № 2.

том истории, сглаженное уже в метафизическом представлении, окончательно исчезло, а аксиомой становится мысль, что закон есть лишь обобщенное выражение явлений, и что ни явлений без законов, ни законов без явлений не бывает. «В сущности, – отмечал он, – идея закона не чужда и двум предшествующим системам: прагматической и богословской. Напротив, именно стремление найти след закона в явлениях истории и было главным побуждением, заставлявшим придавать богословию и философии исторический аспект». И хотя понятие закона было несовершенно в богословской философии истории, его творческое развитие не останавливалось и двигалось в ином направлении.

Таким образом, Божественный промысел, по мнению Милюкова, – это также своего рода закон истории. В процессе исторического развития это понятие закона крупным образом видоизменилось: человеческая история и божественная воля сблизились между собой, и, таким образом, закон обнаружился в истории. Закономерность на данном отрезке времени понималась как тот факт, что личность в самой себе брала необходимость закона своего развития, своего совершенствования, и сами усилия данной личности представляли собой закон.

Действия личности стали объясняться не проявлением случайного произвола, а обнаружением в самой личности божественного закона. Именно такое понимание закономерности положило основанием метафизической теории прогресса. Но и в нем, по мнению Милюкова, основная идея была привнесена – это идея божественного плана, развивающаяся при посредстве усилий человеческой личности. Уже на данном этапе научное представление о законах, как «о предметах», которые сами по себе не являются фактами, а должны быть выведены из изучения этих самых фактов, получило свое развитие. В научном же представлении данное противоречие между законом истории и фактом истории, сглаженное уже в метафизическом представлении, окончательно исчезло. Таким образом, подводит итог мыслитель, переход от богословской философии истории к метафизической и научной представляет собой результат постепенного развития одного и того же понятия о законности. Следовательно, по его мнению, целью изучения считается уяснение закономерности исторического процесса во всей полноте.

В заключении к своим лекциям Милюков подчеркивал, что идея, лежащая в основе понимания прагматического этапа развития истории, государства и права в нем – это идея прогресса; основная же идея, выдвинутая богословием, – это идея промысла. И, наконец, основная идея научно-социологического объяснения истории в целом, и государства и права, в частности, современных самому Павлу Николаевичу, – это идея закона или, другими словами, закономерности в современном ему понимании.

Социологическое или научное объяснение истории лидер кадетской партии связывал с необходимостью познания закономерностей общественного процесса. Данные биологии, а в большей мере психологии, должны, по его мнению, быть использованы наукой, т.к. в процесс возникновения и развития государства и права он включал личность и ее деятельность. Однако биологические и психологические факторы не должны быть определяющими и перекрывать значение «стихийных», «органических» линий развития.

В соответствии с научными представлениями Милюкова, цель научного подхода к пониманию государства и права заключалась в открытии общих законов исторической эволюции, скрепляющей «представление об однообразном ходе национальных историй, проведя аналогию между животным и социальными организмами»[1]. В его трактовке анализ таких явлений, как государство и право должен быть направлен на выявление закономерностей общественного развития, включая личность и ее деятельность, однако, оговаривая при этом, что их рассмотрение не должно перекрывать значение «стихийных», «органических» линий развития, какими являются географические, климатические и иные условия существования человеческого общества. Он писал, что «под влиянием данных географических, климатических, почвенных, биогеографических условий, а также данных по наследству особенностей данного человеческого общества, действительный ход исторического процесса может разнообразиться до бесконечности. Вплоть до полного паралича сходной внутренней тенденции»,[2] и, следовательно, может возникнуть бесчисленное множество форм государственности.

Отличительной чертой политико-правовых взглядов Милюкова является признание закономерности исторического процесса, су-

---

[1] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. I. Ч. I. С. 9.
[2] Там же. С. 16-17.

ществующей вне зависимости от познающего субъекта. «Мы понимаем закономерность исторических явлений, – писал он, – совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы», т.е. как объективно существующую реальность»[1]. Закономерность находит свое выражение во внутренней тенденции, присущей всякому обществу, и для всякого общества одинаковой, и определяет, по Милюкову, характер сходства в основном ходе развития. Важно отметить, что закономерность исторического процесса он понимал достаточно широко, подводя под это понятие не только единообразие в ходе развития, но и отступления от него. Он писал, что внутренняя тенденция социального процесса есть только отвлеченная возможность. Чтобы перейти ей из возможности в действительность, эта тенденция должна «преломиться в призме реальных условий исторической жизни»[2].

Придавая важное значение необходимости выявления внутренней закономерной тенденции исторического процесса, Милюков предостерегал от придания ей слишком исключительного значения при объяснении реальных исторических явлений. В закономерность исторического процесса им включалась деятельность человеческой личности. Он связывал закономерность с существованием «истинного монистического мировоззрения», смысл которого он усматривал в признании равнозначности факторов общественного развития.

Видный неолиберальный деятель выступал против одномерного, упрощенного толкования исторического процесса, которое, по его мнению, содержалось, например, в экономическом или историческом материализме, который он считал одним из самых худших видов монизма, сводящих весь ход исторического развития к экономическому фактору. Милюков был против того, чтобы закономерное объяснение социальных явлений сводилось к одному экономическому фактору. Он считал, что экономический материализм сыграл важную, но временную роль. «Для собственного, вполне научного социологического объяснения, основной принцип экономического материализма оказался слишком узок и догматичен… Исторический материализм не должен видеть внутри исторического процесса дуализма духа и материи, психического и физического, для него есть только единое целое, единое социальное, и это еди-

[1] Там же. Т. II. СПб., 1902. С. 2.
[2] Там же. С. 8, 10.

ное с философской точки зрения есть психическое. В общественной жизни “психическое” зависит от другого “психического” в виде экономики, социальной среды», – утверждал Милюков[1].

По нашему мнению, нельзя упускать из вида парадигму многофакторного понимания развития общества, в рамках которой Милюков принципиально возражал против классификации общественных факторов, деления их на важные и второстепенные. «Нет причин главных и необходимых, случайных и второстепенных. Есть только причины с более или менее широким кругом действия, причем ни об одной категории причин нельзя утверждать заранее, как широка или ограничена окажется среда их влияния»[1]. Включая географическую среду в «содержание закона общественного развития» и превращая ее в одну из исторических сил, создающих и направляющих человеческое общество, Милюков ставил в зависимость от географической среды развитие производительных сил. Он подчеркивал, что зависимость внутреннего процесса от среды «уменьшается по мере овладения человеческими силами природы, то есть по мере приближения от прошлого к настоящему»[2].

Видоизменяющее значение среды Милюков не ограничивал влиянием месторазвития в тесном смысле этого слова. Соседство с другими странами, передвижение, завоевания составляют «новую причину», влияющую на ход исторического развития. К этому добавлялись влияние всемирной торговли, урожайность и т.д. «Каждая страна окружена теми или другими определенными народами и государствами. Это соседство составляет новую причину, видоизменяющую ход государственного развития». Он считал, что под влиянием данных географических, климатических, почвенных и других условий, основное направление исторической жизни может разнообразиться до бесконечности, до полной невозможности распознать среди всевозможных вариаций одну и ту же подкладку[3].

Как писал А.А. Кизеветтер, «П.Н. Милюков последовательно рассматривает одну сторону жизни за другой, дает эволюцию каждой из сторон экономической жизни; эволюцию государственного устройства и права, эволюцию социальных отношений, духовной

---

[1] Там же. Т. II. С. 3.
[1] Там же. Т. 1. С. 14.
[2] Там же. С. 54.
[3] Там же. С. 55.

культуры, то было яркое выступление против тогдашних увлечений марксистской идеологией»[1].

В вопросах методологии исследования закономерностей развития общества, государства и права, по мысли Милюкова, для людей, стремящихся к достижению научной истины, противопоставление духовных и материальных факторов, их роли в процессе общественного развития является анахронизмом. «Вопрос о том, какие из сторон общественной жизни – экономика, политика или идеология – можно считать первичными, основными, а какие вторичными, производными, является бесплодным», – отмечал Милюков. Идеалистическое и материалистическое решение вопроса он провозглашал одинаково односторонним. Он выступал за то определение, в котором духовное различие рисуется независимо от материальной основы общества и прогрессирующим по своим собственным законам.

«Теория контраста» Милюкова была построена на основе признания экономического фактора определяющим и для русской, и для европейской истории государственности. В основу изучения западного и европейского исторических процессов им был положен единый критерий – степень развития «экономического фундамента»: для стран Запада высокий, для России – «элементарный». Таким образом, милюковские позиции в этом вопросе, т.е. в вопросе отношения к «экономическому материализму», были противоречивы. Он выступал против установления жесткой детерминированности в объяснении процесса возникновения государства экономическим фактором, и в то же время придавал экономическому фактору важное, и даже определяющее значение в истолковании социальной и политической истории любого государства. Следовательно, он по собственному утверждению, «нисколько» не отрицал зависимость политической надстройки от экономического фундамента. Более того, применительно к России эту зависимость он считал особенно «выразительной». Если на Западе, по его мнению, общественная организация обусловила государственный строй, то в России «элементарное состояние экономического фундамента вызвало гипертрофию государственной “надстройки” и определило сильное обратное воздействие этой “надстройки” на самый “фундамент”»[2].

---

[1] Кизеветтер А.А. О Милюкове – историке // Сб. материалов по поводу чествования его 70-летия. Париж, 1929. С. 49-50.
[2] Милюков П.Н. Указ. соч. Т. I. С. 133-134.

Как показывает содержание многих работ Милюкова, среди всех условий, создающих среду для реализации внутренней тенденции, ведущую и главную роль в образовании и развитии государства и права он отводил народонаселению, демографическим процессам. Одним из исходных теоретических положений явился тезис о том, что не существует никакого закона о развитии народонаселения, приложимого ко всем периодам государственной жизни. Он считал, что существует два типа стран, где обозначились определенные закономерности. В странах с низким благосостоянием и слабым развитием индивидуальности, с наличием неизрасходованных источников жизненных средств (незанятые земли) возрастание населения будет наиболее значительным. В странах с высокой степенью благосостояния населения, где личность имеет больший простор для развития, а производительность труда может быть увеличена искусственными средствами, прирост населения затормозится. Россия, по его мнению, соответствовала первому типу стран.

Демографические процессы, как в России, так и в Европе, он рассматривал в совокупности и обусловленности этнографического состава населения и колонизации, считал необходимым учитывать время заселения территорий, отмечая затянувшийся характер всех этих явлений в России в сравнении с западноевропейскими. Вслед за М.М. Ковалевским, он считал прирост численности населения существенным, если не решающим фактором общественной жизни. «От количества населения в стране зависит степень экономического развития данной страны. Чем гуще население известной местности, тем больше труда сможет проявить население, тем лучше оно сможет скопить сбережения, необходимые для того, чтобы создать или улучшить орудия и с их помощью извлечь наибольшую пользу», – утверждал он[1]. Далее он писал, что напряженность труда, прилагаемая к данной единице площади, необходимо будет возрастать по мере увеличения населения. Вместе с увеличением количества труда явилась даже необходимость изменить его форму[2]. Правда, следует заметить, что влияние прироста населения в обществе заключалось в рамки лишь сферы хозяйства, экономики. Следует отметить, что неолиберал не ограничивал, однако, содержание исторического процесса действием двух определяющих фак-

[1] Там же. С. 21.
[2] Там же. С. 22-23.

торов – внутренней закономерностью и связанной с ней средой, в которой развивается общественная и государственная жизнь. Третьим фактором, определяющим ход исторического процесса, развития государства выступала личность, и в этом состояла новизна его подхода к оценке роли личности в истории.

Итак, воззрения Милюкова на процесс развития государства в России зиждились на достаточно солидной базе. К числу констант его взглядов относятся: характеристика государственной жизни как процесса развертывания внутренней тенденции, а также исторической закономерности на основе взаимодействия различных природных, социальных и духовных факторов, включая деятельность личности. Особенно значительным представляется стремление Милюкова преодолеть однофакторное объяснение общественного и государственного развития и создать его многомерную картину, в которой экономика, народонаселение, географический фактор и человек занимает соответствующее его воззрениям место.

Н.И. Алымова[1]

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПРИ П.Н. МИЛЮКОВЕ (март - май 1917 г.) ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Г.Н. МИХАЙЛОВСКОГО

Георгий Николаевич Михайловский (1890-1946) – сын известного русского писателя Н.Г. Гарина-Михайловского. После окончания в 1911 г. юридического отделения Санкт-Петербургского университета занимался научной работой в области международного права. С 1914 по 1917 гг. служил в Министерстве иностранных дел первоначально в должности секретаря юрисконсульского отдела, затем начальника Международно-правового отдела, одновременно исполнял обязанности юрисконсульта министерства и члена Высшего призового суда.

В 1918-1919 гг. Михайловский работал во внешнеполитических

[1] *Алымова Нина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

структурах Белого движения: сначала у А.И. Деникина, затем у П.Н. Врангеля. С 1922 по 1928 гг. был профессором международного права на Русском юридическом факультете Пражского университета, с 1932 г. жил в Братиславе, занимался литературным трудом. По некоторым сведениям, в 1945 г. Михайловский был арестован военной контрразведкой «СМЕРШ», вывезен в СССР, осужден на 10 лет лагерей, умер в 1946 г. В Архиве внешней политики России с 1946 г. хранятся его воспоминания, которые в 2 томах были изданы в 1993 г. под названием «Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920».

Работа состоит из 3 частей. Первая посвящена работе Михайловского в министерстве с августа 1914 г. по февраль 1917, ее вторая часть: «Дипломатическая служба при Временном правительстве (март – октябрь 1917 г.)», третья: «Дипломатическое ведомство и белое движение (октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.)». Деятельность министерства иностранных дел при П.Н. Милюкове изучалась в ряде исследований[1], однако воспоминания Михайловского дополняют знакомый сюжет новыми красками.

«Записки» Михайловского, относящиеся марту – маю 1917 г., содержат богатый материал, поскольку в эти месяцы автору приходилось заниматься широким кругом вопросов международно-правового и внутригосударственного характера, принимать участие в работе большого количества межведомственных комиссий, контактировать с многими государственными и политическими деятелями. Не ставя задачу детального анализа второй части воспоминаний, обратим внимание на ряд выразительных моментов, характеризующих внешнеполитическое ведомство в тот период, когда его возглавлял Милюков.

Михайловский отметил, что в министерстве иностранных дел, за исключением двух-трех лиц, начало Февральской революции было встречено «со всеобщим удовлетворением». К началу 1917 г. в среде служащих так настоятельно ощущалась необходимость перемены царствовавшего императора, что весть о его отречении была

[1] Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015; Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Гусева А.Ю. Павел Николаевич Милюков – министр иностранных дел 2(15) марта – 2(15) мая 1917 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.pseudology.org/MID/Milukov_PN.htm (Дата обращения: 01.09.2017).

встречена «со вздохом самого искреннего облегчения»[1]. Правда, на сотрудников министерства некоторое впечатление произвело высказывание бывшего посланника в Персии и Китае, ранее секретаря С.Ю. Витте при заключении Портсмутского мира – И.Я. Коростовца, который заявил, что даже его внуки «не увидят конца русской только что начавшейся революции». Тем не менее, в ведомстве преобладало позитивное отношение к начавшимся переменам.

Большинству старших чиновников министерства иностранных дел Милюков был хорошо знаком. Как известно, А.П. Извольский и С.Д. Сазонов, министры иностранных дел, официально принимали Милюкова после его поездок на Балканы, «старались использовать его влияние в Государственной думе, чтобы добиться поддержки левыми кругами внешней политики правительства». Милюкова лично знали почти все директора департаментов.

Уже при первой встрече с сотрудниками министерства в неформальной обстановке в «чайной комнате» Милюков признал, что он и его соратники в Думе «жестоко ошибались», что это они, члены Думы, «делают революцию», что революция была уже «давно сделана» и все они оказались перед свершившимся фактом. Милюков оценивал сложившееся положение как крайне серьезное, отмечал большое давление «левых». В данных обстоятельствах единственно возможной тактикой, по мнению нового министра, было «говорить левые слова», чтобы удержаться у власти, а затем в благоприятной ситуации «овладеть движением». Также Милюков заявил, что главная задача настоящего момента в доведении войны до благополучного конца, а потому он считал обязательным сохранить в неприкосновенности внешнюю политику, личный состав министерства, действия дипломатического аппарата, чтобы «ни в чем не подорвать доверия союзников». По мнению Милюкова, «революция должна быть стиснута, пока ее нельзя прекратить»[2].

При этом Милюков предупредил своих новых коллег, чтобы они спокойно воспринимали его возможные публичные резкие выступления против министерства, которые, по его мнению, были необходимы «по тактическим соображениям». Действительно, в газете

---

[1] Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920 [Электронный ресурс] // URL: http://www.rulit.me/books (Дата обращения: 01.09.2017).
[2] Там же.

«Речь» Милюков поддержал развернутую в левых газетах кампанию против министерства, называл его сотрудников «чванной кастой» и другими тому подобными эпитетами, но никаких гонений в ведомстве после этой публикации не последовало. Сам Милюков, показывая сотрудникам статью, говорил, что это «единственный способ держаться у власти».

По вопросу о сохранении министерства и продолжении войны до конца выявилось «полное единомыслие» Милюкова и всех его ближайших сотрудников, которое сохранялось до самого его ухода. Лидер кадетов писал в своих мемуарах: «Я ценил заведенную машину с точки зрения техники и традиции»[1].

Приход Милюкова принес самые незначительные перемены в личном составе и структуре ведомства. Так, знаковым событием стала отправка в отставку А.А. Половцова, назначенного Штюрмером товарищем министра иностранных дел. Впоследствии в отставку были отправлены посол в Париже А.П. Извольский и посол в Лондоне С.Д. Сазонов, хотя Михайловский считал, что на это Милюков, возможно, пошел под давлением своих оппонентов.

Михайловский отмечал, что Милюков довольно последовательно осуществлял свое стремление «сохранить министерство» и его политику. Именно Министерство иностранных дел не только при Милюкове, но и затем при Терещенко сохранилось в наибольшей мере и, несмотря на новшества, внесенные Февральской революцией, сохранило «общие линии внешней политики».

Придя в министерство, Милюков не стал делать традиционный для вновь назначенных министров «обход» своего ведомства, как считал Михайловский, не желая подражать «царским министрам» и боясь упрека «левых кадетов», у которых министерство без должных оснований было на худом счету. Михайловский считал, что это в какой-то мере неблагоприятно отразилось на общем отношении всего министерства к Милюкову. Вместе с тем, благодаря качествам профессионального политика, спокойствию, выдержке отношения Милюкова с ближайшими сотрудниками были неплохими. С первого же дня он смог наладить деловое сотрудничество со своими главными сотрудниками и пользовался с их стороны искренней поддержкой.

Первым (политическим) товарищем министра Милюкова был

[1] Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 289.

А.А. Нератов, профессиональный чиновник, бывший товарищем министра при С.Д. Сазонове. Вторым своим заместителем Милюков назначил барона Б.Э. Нольде, участвовавшего в деятельности кадетской партии, служившего в МИДе с 1907 г.

В министерство Милюков привел только одного нового человека – своего секретаря А.Н. Соболева, который пользовался его неограниченным доверием. В министерстве Соболев числился «частным секретарем», хотя такой должности не предусматривалось. У Милюкова была специальная, вполне квалифицированная, канцелярия, выполнявшая и функции Политического отдела. Одновременно Милюковым был назначен и официальный секретарь В.К. Коростовец, служивший в канцелярии министра, племянник И.Я. Коростовца, с 1907 г. состоявший в кадетской партии.

Михайловский узнал впоследствии от самого Соболева, что под вымышленной фамилией он входил в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и несколько раз выступал в защиту Милюкова на пленумах Совета. Иногда его сопровождал В.К. Коростовец. После ухода Милюкова из министерства Соболев уже под собственной фамилией продолжал участвовать в Петроградском совете.

В министерстве Соболев делал для Милюкова подборку из донесений с фронта, выбирая все, что могло свидетельствовать о благоприятном военном состоянии российской армии. Этот обзор Милюков предоставлял иностранным послам, чтобы «не разочаровывать их в революции». Хотя у М. Палеолога[1] и Дж. Бьюкенена[2] были собственные источники информации, эта систематически проводимая Милюковым работа отчасти настраивала до некоторых пор оптимистически обе стороны. Также Милюков, часто встречаясь с американским послом Д.Френсисом в марте-апреле 1917 г., поддерживал мнение американского посла о «чудодейственном значении Февральской революции для хода войны». Известно, что в апреле 1917 г. Североамериканские Соединенные Штаты вступили в войну.

---

[1] В своих воспоминаниях М. Палеолог на основе собственных источников информации дает довольно объективную характеристику состояния российской армии в этот период. См.: Палеолог М. Царская России накануне революции. М., 1991. С. 318-319.

[2] Столь же реалистичен в оценке положения на Русском фронте и состояния российской армии был и Дж. Бьюкенен. См.: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 238, 242.

В самом начале Февральской революции все основные дипломатические представители в Петрограде – Палеолог, Бьюкенен, Карлотти верили что революция «даст новые силы русской армии для продолжения войны и доведения ее до победного конца». Со временем эта вера стала таять. Особенно в этом отношении был реалистичен Палеолог, который покинул Россию накануне отставки Милюкова.

В министерстве Милюкова началась и недолгая дипломатическая карьера П.Б. Струве, приглашенного Нольде на должность директора Экономического департамента, образованного им из отделов упраздненного II Департамента для обслуживания российских торговых и финансовых интересов за границей.

Струве довольно быстро расположил к себе сотрудников искренностью и простотой в личных отношениях, не характерной для дипломатического ведомства, и доверием к окружающим. Вместе с тем чиновников озадачивало то, что Струве, пришедший на свою должность вследствие революции, сразу же открыто «в крайне резкой форме» стал высказывать свои взгляды, удивлявшие всех своей «правизной». «Он открыто говорил о "еврейских зачинщиках" Февральской революции, о необходимости "ликвидировать бунтарство», как он называл революцию, и т.п.", хотя в этот период для министерства был характерен общий поворот влево[1].

По своим деловым качествам, как оказалось, Струве был не вполне готов к руководству структурой такого большого политического значения в условиях войны, как Экономический департамент МИДа. Струве сам в присутствии своих молодых подчиненных «с добродушным смехом» признавался, что «он, профессор с научным именем, чувствует себя часто совершенно растерянным в тех делах практического свойства, которые он изучал теоретически всю свою жизнь», и что ему приходится менять принятые им решения под влиянием какого-нибудь начальника отделения – молодого человека 25-26 лет». Фактически Струве был консультантом по экономическим вопросам при Нольде. В министерстве считали, что для Нольде Струве фактически был консультантом по экономическим вопросам, что Нольде мог бы прекрасно без него обойтись, но «страховался», опасаясь правых, и использовал его как некий противовес Милюкову, несмотря на то, что в данный момент серьезных

[1] Михайловский Г.Н. Указ. соч.

разногласий между ними не было.

Вскоре после своего назначения Струве привел в министерство своего ученика Н.Н. Нордмана, не блиставшего, по мнению Михайловского, «никакими выдающимися достоинствами», на пост вице-директора департамента, и проявлял доверчивое, порой «непростительно снисходительное отношение к своим «любимчикам», неблагоприятно влиявшее на ход дел.

Михайловский считал, что, несмотря на то, что после Февральской революции в министерстве почти все чиновники остались на своих местах и «внешне все текло по-старому», произошла общая перемена «всего строя и духа» внешнеполитического ведомства. На первом же «Чрезвычайном общем собрании служащих МИД», разрешенном Милюковым, на котором он с Нератовым и Нольде не присутствовал, было создано «Общество служащих МИД» и избран исполком. Его возглавил князь Л.В. Урусов, вице-директор Экономического департамента, секретарем был избран Михайловский[1]. В Исполкоме преобладали высшие чины министерства, но в него входили и младшие сотрудники, и представители всех отделов. Это своеобразное «министерство в министерстве» вело себя очень сдержанно, политических разделений в исполкоме не было, также было равноправие членов исполкома. Так прежняя иерархическая лестница в министерстве стала понемногу терять свое реальное значение.

По уставу Общества компетенции исполкома, его назначение и цели, по мнению Михайловского, были довольно неопределенными, но было очевидно, что к самоорганизации чиновников побудил инстинкт самосохранения. В исполкоме и на многочисленных собраниях ни одной оппозиционной речи в монархическом духе не было произнесено. В этот период исполком преимущественно занимался чисто организационной работой, вступил в связь с «Союзом союзов» всех ведомств, Вместе с тем, общество при Милюкове, по мнению Михайловского, сыграло в этот период роль естественного предохранительного клапана, в частности, пресекало некоторые «анархические течения левого толка», возникавшие, по наблюдениям Михайловского, в основном на личной почве. Исполком при Милюкове охранял «начальство, то есть Февральскую революцию, от "друзей" этой революции, от недовольных элементов

[1] Там же.

министерства», возможных в каждом учреждении. Общество явилось тем каналом, куда направлялись тревоги и волнения чиновников ведомства, связанные и с судьбой министерства и обстановкой в стране в целом.

Так, исполком резко отрицательно отнесся к предложениям отдельных служащих «о необходимости фактического захвата власти в министерстве», пресекал критику отдельных политических или служебных действий начальства, выступал против предложений радикальных реорганизаций в министерстве.

Исполком смог «не допустить превращения министерства в Совдеп», вместе с тем он принимал на себя удары, которые приходились бы на Милюкова. Таким образом, он сыграл в известной мере «громоотводную роль». И Милюков, и весь «генералитет» министерства сочувственно относились к исполкому. Эту же громоотводную роль Общество играло и при М.И. Терещенко, но при последнем исполком стал приобретать все больше политический характер и оказывать большее влияние на жизнь и даже политику министерства. Михайловский считал, что после октябрьского переворота только благодаря самоорганизации министерства, предшествующей деятельности Общества и его исполкома удалось лишить большевиков дипломатического аппарата как в Петрограде, так и за границей, приведя к известному «дипломатическому саботажу».

При этом деятельность отдельных членов исполкома была ими использована и для делания «революционной карьеры», для многих исполком стал трамплином для служебных перемещений. Как писал Михайловский, многие члены исполкома, даже имея определенные заслуги, «понимали революцию и как личную игру, где каждый имеет свой черед», равнодушно относясь к вынужденному уходу предшественников и «очень чувствительно» к собственному.

Во времена Милюкова в министерстве была сделана попытка привлечь в кадетскую партию его служащих. Инициатива исходила от некоего Фонвизина, одного из молодых дипломатов. Первоначально Фонвизин выяснил мнение Милюкова о своем желании войти в партию кадетов. Милюков заявил, что поскольку он сам состоит в партии, то и желающим этого он запрещать не будет, что вопрос о партийной принадлежности подчиненных его не интересует, что это решение – право каждого гражданина. Вместе с тем, Милюков ознакомился с объявлением Фонвизина о записи в партию и разре-

шил его вывесить[1].

Это объявление не вызвало положительного отклика, скорее оно было встречено враждебно, хотя в это время в министерстве было довольно сочувственное отношение к кадетской партии. Записалось у Фонвизина всего 4 человека. Отрицательное отношение вызвала грубая демагогия Фонвизина, кстати, накануне революции добивавшегося назначения камер-юнкером, кроме того, сам он не пользовался авторитетом. В среде чиновников вся эта ситуация была воспринята негативно. Возникли подозрения об опасности чисто партийного начала в политике министра, о том, что Фонвизин действует с согласия кадетского лидера. Объявление попало в печать, было интерпретировано как «заманивание» чиновников в кадетскую партию. Объявление было вскоре снято, но «легкомысленное» попустительство «вербованию в партию» сильно повредили Милюкову в глазах «всех серьезных работников министерства». Впрочем, это был один из немногих промахов Милюкова.

В период руководства министерством Милюковым решался ряд сложных вопросов внешнеполитического характера и внутригосударственных, имевших внешнеполитический аспект. Это – чешский вопрос, больной и сложный для России польский вопрос, проблема возвращения в страну политических эмигрантов, участие в обсуждении «аграрной конституции», поскольку дипломатическое ведомство должно было принять участие в решении вопроса о земельных имуществах иностранцев в России (союзников и нейтральных стран), и отдельно вопрос о немецком землевладении, вопрос об изменении дипломатического этикета в связи с «совершившейся переменой в образе правления», о правах и статусе славян-военнопленных и другие. Главными же были проблемы, связанные с отношениями с союзниками, с продолжением войны, вопросы о целях войны.

Оценивая в целом работу Милюкова в министерстве, Михайловский отмечал, что Милюков много и серьезно работал на своем посту, но «управлял министерством как старорежимный министр, и в этом была его сила». Действуя по форме «совсем как царский министр», он управлял всем дипломатическим аппаратом по собственному усмотрению и «сам нес ответственность за последствия своей политики»[2]. При этом Милюков не встречал сколько-нибудь

[1] Там же.
[2]Там же.

серьезного сопротивления своей деятельности, несмотря на известные разногласия в оценке момента или по тактическим вопросам. Его ближайшие ответственные служащие министерства и аппарат ему беспрекословно подчинялись.

Михайловский отмечал, что вся система работы в центральных структурах министерства была такова, что «даже на самых высших ступенях дипломатической службы людей самостоятельного склада не было». Например, Милюкову много раз высказывались мнения относительно явной всем в ведомстве неправильной линии в константинопольском вопросе, но в министерстве не нашлось ни одного человека, который осмелился бы изложить свое мнение в такой решительной форме, чтобы на Милюкова это могло произвести должное впечатление. В итоге, и при Милюкове, и впоследствии при Терещенко «министерство не выходило за пределы субординации и должной служебной дисциплины».

Михайловский отмечал, что Милюков чрезвычайно ответственно относился к своим обязанностям министра, что он проявил «незаурядное отношение» к нелегкому бремени руководителя внешней политики в таком объеме и в столь сложных условиях. При этом он оставался кадетским лидером, но несколько в меньшей степени, что позволило усилиться оппозиции внутри его собственной партии.

Как известно, в ответ на ноту Милюкова в Петрограде прошли демонстрации протеста, в которых участвовали Финляндский и Павловские полки, возглавляемые офицерами. В ответ кадетское руководство инициировало демонстрации и митинги своих сторонников. Так, кадетский клуб на Французской набережной снарядил и оплатил несколько автомобилей с плакатами, главным образом, против «Ленина и компании». Перед Мариинским дворцом состоялся многотысячный митинг с выражением поддержки Милюкову и Временному правительству. По наблюдениям Михайловского, толпа состояла в основном из штатских, военных было очень мало, в основном офицеры. «Среди штатских преобладала буржуазная интеллигенция, рабочих совсем не было». 20-21 апреля произошли столкновения между сторонниками и противниками Временного правительства, приведшие к жертвам.

Накануне отставки Милюкова, «Общество служащих министерства» сыграло не только предохранительную, но и руководящую роль. Стало известно, что одновременно уходят Нольде и Струве.

Демонстрации протеста, предстоящие отставки вызвали в министерстве панические настроения. Несмотря на разное отношение к Милюкову в чиновничьей среде, многие опасались, что с его уходом произойдет и перемена общей политики министерства и даже его разгром. В связи с этим на заседании комитета «Общества» встал вопрос о реакции на грядущие события.

Несмотря на предложение массового протеста против отставки Милюкова, на панические заявления о готовящемся сепаратном мире, комитет единодушно отверг идею массового ухода из министерства, чтобы не дезорганизовать всю дипломатическую работу и не поставить Временное правительство в чрезвычайное положение. Одновременно было принято решение войти в контакт с будущим министром М.И. Терещенко, взять с него обязательство не подписывать сепаратный мир с Германией и не нарушать «основных линий внешней политики России»[1]. Хотя последнее предложение было расценено как «кондиции» министру, оно было единодушно поддержано. Михайловский считал, что эта акция комитета «Общества» свидетельствовала не только о серьезности положения, но и была явным признаком «разложения министерского аппарата, недопустимого в условиях нормального государства».

Е.В. Жбанкова[2]

А БЫЛ ЛИ РУССКИМ ЛИБЕРАЛОМ ВНУК ДЕКАБРИСТА?

Князь Сергей Михайлович Волконский, о котором пойдет речь в данной статье, – крупный театральный деятель, искусствовед, литератор, критик и мемуарист, занимает особое место в русской культуре. Он родился в 1860-м, а умер в 1937 г. В 2017 г. исполнилось 80 лет со дня его смерти.

Волконский на протяжении всей своей долгой и насыщенной событиями жизни мало проявлял свои политические убеждения, а в каких-либо политических акциях участвовал крайне редко. Тому

---

[1] Там же.

[2] *Жбанкова Елена Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.*

главное свидетельство – его собственные мемуары, в которых он, описывая факты своей биографии, говорит в основном о своих творческих идеях, эволюции взглядов на театральное, изобразительное, музыкальное искусство и литературу.

Опираясь на классические и современные определения либерализма, представленные политологическими, философскими, культурологическими словарями и учебниками, мы можем сформулировать некое обобщенное понятие либерализма.

Либерализм провозглашает права и свободы каждого человека высшей ценностью и устанавливает их правовой основой общественного и экономического порядка. При этом возможности государства влиять на жизнь общества ограничиваются конституцией. Важнейшими свободами в современном либерализме признаются свобода публично высказываться, свобода выбора религии, свобода выбирать себе представителей на честных и свободных выборах[1].

Либерализм – способ духовной и практической ориентации в мире, образ мышления и деятельности, для которого характерны культ свободы личности, стремление к самоопределению в социуме, независимое отношение к традициям и привычкам. Политико-правовая ориентация, основанная на признании политических и экономических прав индивида, понимаемых как обобщение естественных потребностей цивилизованных людей. Идеология, исходящая из абсолютной ценности личности, признания ее неотъемлемых прав и свобод, выступающая за ограничение вмешательства государства в жизнь общества, свободу предпринимательской деятельности и развитие гражданского общества[2].

В русском либерализме выделяются несколько направлений: христианский, демократический, консервативный и социальный либерализм. Русский либерализм имеет следующие особенности: отсутствие прочной социальной поддержки в обществе, антидемократический характер, принцип монархизма, сильное и ярко выраженное консервативное начало и отсутствие в первоначальный период гражданских свобод в российском обществе[3].

Если взять за основу подобным образом сформулированное представления о либерализме, то Сергей Михайлович Волконский

---

[1] Некоторые проблемы современного либерализма. М., 1988. С. 23.
[2] Кальной И.И. Философия: Учебное пособие. Симферополь, 2002. С. 34.
[3] Типология современного либерализма. М., 1988. С. 27.

был либералом по существу. Не состоя ни в какой либеральной партии России, он, тем не менее, своими идеями и действиями всячески демонстрировал стремление к существенным изменениям и реформациям как в художественной культуре, так и в процессе воспитания подрастающего поколения.

Необходимо сказать несколько слов о биографии Сергея Михайловича, чтобы стали более понятны его основные убеждения, безусловно, связанные с историей его рода.

Его отец – Михаил Сергеевич Волконский, записанный при рождении в заводские крестьяне и ставший впоследствии товарищем министра народного просвещения – сын декабриста Сергея Григорьевича Волконского и его жены, Марии Николаевны, урожденной Раевской. По материнской линии Мария Николаевна была правнучкой Михаила Ломоносова. Мать Сергея Михайловича, Елизавета Григорьевна Волконская, урожденная княжна Волконская. Ее дед с отцовской стороны – Петр Михайлович Волконский, герой Отечественной войны 1812 г., начальник главного штаба при Александре I, а с материнской – Александр Христофорович Бенкендорф, начальник III отделения Его Императорского Величества канцелярии.

Детство и юность князя прошли в петербургском доме родителей, бывшем тогда одним из центров Петербургской культурной и придворной жизни. В доме Волконских бывали, помимо высших придворных чинов, А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев, Я.П. Полонский, А.Н. Майков, И.С. Тургенев, В.С. Соловьев и еще целый ряд людей, чьи имена занимают почетное место в культуре России[1].

В 1880 г. Волконский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где специализировался по романским языкам. По окончании университета Сергей Михайлович некоторое время служил в земских учреждениях Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, а в начале 1890-х гг. он уже числился при министерстве народного просвещения. От министерства был командирован в составе русской делегации на Всемирную выставку в Чикаго. Прочитанный в Америке курс лекций был опубликован отдельной книгой, получившей высокую оценку В.С. Соловьева, отметившего, что «Волконский с большим успехом исполнил в Америке интересную задачу: показать Россию лицом. Это человеческое ли-

[1] Волконский С.М. Воспоминания. М., 1994. С. 101.

цо американцам было малознакомо и тем более интересно»[1]. В это же время Волконский часто выступает на страницах журнала «Вестник Европы» со статьями по проблемам искусства и эстетики. В июле 1889 г. князь Волконский был назначен Директором Императорских театров. На этом посту он находился до 1901 г. и привлек к работе на сцене Императорских театров художников из объединения «Мир искусства»: К. Коровина, А. Бенуа, К. Сомова, В. Серова, А.М. Васнецова, Николая Рериха, Ф. Малявина, А.Я. Головина и др., поддержал новаторские искания молодого балетмейстера М. Фокина и пр.[2]

В десятые годы XX в. он становится самым известным популяризатором и пропагандистом метода Жак-Далькроза в России[3]. Идея метода возникла из живого интереса к способам формирования гармонически развитой личности при помощи ритмически организованного движения, способствующего формированию моральных и интеллектуальных качеств[4].

В начале XX в. в Европе модными теориями подобного рода были идея гимнастики «выразительных движений» Франсуа Дельсарта и гимнастическая система Жоржа Демени. Однако самой распространенной методикой стала ритмическая гимнастика Эмиля Жак-Далькроза, создавшего в 1911 г. в Германии недалеко от Дрездена целый институт для обучения детей при помощи пластики и для подготовки преподавателей[5].

Волконский, получив соответствующее образование в Хеллерау, становится основателем петербургской школы ритмики в Петербурге. Основателем московской школы ритмики стала Нина Александрова – другая русская ученица Далькроза[6]. Благодаря их деятельности, ритмическая гимнастика получила широкое распространение в дореволюционной России. Ее преподавали в школах, гимназиях, медицинских учреждениях, есть сведения, что она даже входила в учебный план Смольного института благородных девиц.

---

[1] Волконский – герой серебряного века // Наше наследие. 1991. № 4. С. 38.
[2] Волконский С. Отклики театра. Пг., 1914. С. 75-97.
[3] Дорн В. Метод Жак-Далькроза. М., 1912. С. 2.
[4] Волконский С.М. Человек и ритм. Система и школа Жака Далькроза // Аполлон. 1911. № 6. С. 2.
[5] Далькроз Ж. Ритм. Его воспитательное значение для жизни и для искусства. М., 1922. С. 7.
[6] Россихина В.П. Н.Г. Александрова и ритмика Далькроза в нашей стране // Из прошлого советской музыкальной культуры. Сборник. М., 1982. Вып. 3. С. 243.

После революции учение Далькроза неожиданно оказалось довольно востребованным в культурном строительстве молодой Советской республики. В условиях становления государства с новым политическим строем, формирования целой государственной системы с установкой на создание социально справедливого общества будущего, идеи воспитания «нового человека» оказались как никогда актуальными. Были даже созданы Институт ритма (на основе Петроградской школы С. Волконского), а позднее даже Ассоциация ритмистов при ГАХН[1]. К сожалению, Волконский в этих процессах участвовал мало, т.к. в 1922 г. он эмигрировал.

В 1922-1925 гг. Волконский находится в Германии и Италии, а с середины двадцатых годов живет в Париже. В различных учебных заведениях европейских столиц он преподает сценическую речь, читает лекции о русской литературе, культуре и истории, сотрудничает с крупнейшей эмигрантской газетой «Последние новости». В 1936-1937 гг., после смерти А.К. Глазунова, Волконский становится директором Русской консерватории в Париже.

Умер Волконский в декабре 1937 г. в Ричмонде (США), где и похоронен.

Основное внимание в данной статье должно быть уделено «борисоглебскому периоду» жизни Волконского, в течение которого он проявил себя как истинный «либерал». Волконский был крупным землевладельцем Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (ныне Воронежская область), владел 12 757 десятинами земли, имел собственный дом в Борисоглебске, в котором довольно часто жил[2]. Принимал активное участие в общественной жизни города, являлся председателем съезда мировых судей, почетным мировым судьей. В сентябре 1914 г. в его доме был устроен лазарет для раненых. Газета «Борисоглебский листок» отмечала заботливое отношение Волконского к раненым: для них князь выписывал столичные газеты, купил струнные музыкальные инструменты, шашки, лото[3].

Яркой страницей деятельности Волконского в Борисоглебске явилось открытие весной 1918 г. выставки, посвященной декабри-

---

[1] Там же. С. 265.
[2] Зайцева А.А., Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Борисоглебской земли. М., 1994. С. 93.
[3] Там же. С. 126.

стам, из материалов семейного архива. На ней были представлены картины, портреты, рисунки, документы, а также личные вещи: папки, часы, подсвечник, стол, кресло, ноты. Усилиями Волконского в одной из типографий города был отпечатан тираж каталога выставки, являющийся теперь библиографической редкостью. В 2014 г. тиражом в 200 экземпляров каталог был напечатан в Борисоглебске с полным сохранением стиля и оформления 1918 г.

В предисловии к каталогу первой в России «Выставки декабристов» говорится: «Да послужит она назиданием для тех, кому дороги прошлая и будущая судьбы нашей родины. Она ознакомит народ с одною из самых трогательных страниц русского революционного движения и послужит посильной данью уважения первым в России борцам за свободу»[1]. Кроме того, в нем подчеркивается, что выставка вызвана желанием использовать в общественных интересах тот богатый и разнообразный материал, который по счастливой случайности находился в Борисоглебском уезде.

Ныне эта выставка почти полностью представлена в постоянной экспозиции Борисоглебского историко-художественного музея. В 2014 г. новая экспозиция музея (автор А.В. Аксенов) под названием «Сибирский коридор» (название дано С.М. Волконским) стала победителем XI грантового конкурса музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире» благотворительного фонда В. Потанина в номинации «Технологии музейной экспозиции».

Работа по созданию современной экспозиции длилась 12 месяцев. В результате она была создана и заняла парадную лестницу, на которой находится большой портрет князя Волконского, и 3 зала музея. В первом представлена реконструкция выставки «Декабристы – первые борцы за свободу», во втором зале воссоздан кабинет князя Волконского, а в третьем – гостиная хозяина дома, гласного Борисоглебской городской думы, аптекаря Р.К. Вейса[2].

Изначально все документы и материалы будущей выставки находились в Павловке Тамбовской губернии, родовом имении Волконских. Там, в коридоре флигеля, были вывешены и выставлены портреты, виды, документы, вещи из Сибири. В 1918 г. Волконский, опасаясь погрома имения, перевез экспонаты в Борисоглебск.

---

[1] Выставка Декабристов – первых борцов за свободу. Каталог. Борисоглебск. Апрель 1918 г. С. 4.

[2] Кончин Е. Приключения «Музея декабристов» // Турист. 1990. 12 декабря.

Под названием «Декабристы – первые борцы за свободу» выставка была развернута в Народном доме[1].

В годы гражданской войны, по настоятельной просьбе Волконского, обратившегося с письмом к правительству, выставка была вывезена из Борисоглебска. Письмо гласило следующее: «Главному Комиссару по народному образованию. Господин Комиссар. Позвольте довести до Вашего сведения факт, который должен заинтересовать Вас, как насадителя и блюстителя культуры в нашем отечестве. В г. Борисоглебске Тамбовской губ. у меня есть, вернее был, дом, небольшой домик в семь комнат, куда свез я из имения кое-какие свои вещи. Этот дом, со всем, что в нем находится, объявлен народной собственностью и поступил в ведение Борисоглебской Чрезвычайной Комиссии. Не буду говорить о том, что у меня отнято все (я приехал в Москву с котомкой белья в одной руке и котомкой платья в другой), не буду говорить о том, что не только забраны мои книги, но забраны мои рукописи, заметки, выборки – работы, которых я уже не могу восстановить; не буду говорить и о способах действия. Во всем этом ни мой дом, ни мои вещи, ни мои родственники, ни я сам не отличались ничем от сотен и тысяч других русских людей в настоящее время. Но среди забранных вещей есть коллекция исключительной художественно-исторической ценности. Разумею собранный и устроенный мною "Музей декабристов". Тут есть портреты работы Бестужева, карандашные портреты Мазера, виды острогов, камеры, сцены острожной жизни, вещи, принадлежавшие моему деду-декабристу, вывезенные из Сибири... Я ни о чем не прошу. Принять одолжение из тех самых рук, которые все это совершили, я не могу, да и то, что я видел в провинции, слишком ужасно... Но припоминаю тот вопль негодования, который Вы издали после повреждений Кремля, и думаю, что, может быть, личная отзывчивость к вопросам культуры и административные возможности, сосредоточенные в Ваших руках, сумеют спасти эти ценности из всепоглощающей пасти варварских разрушений, среди которых мы живем. Прошу принять уверения в совершенном почтении С. Волконский»[2].

---

[1] Зайцева А.А., Кригер Л.В. Историко-культурное наследие Борисоглебской земли. М., 1994. С. 126.
[2] Кончин Е. Указ. соч.

13 декабря 1918 г. управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич направляет в Музейный отдел Наркомпроса документ, в котором предлагает срочные меры по жалобе Волконского на действия Борисоглебского ЧК. Он говорит о необходимости незамедлительно вывезти в Москву «Выставку декабристов» и архив Волконских. Эмиссары Наркомпроса часть вещей и художественных ценностей вывезли в Москву и представили в Коллегию охраны памятников Музейного отдела Наркомпроса. В течение долгого времени они находились в подвалах Румянцевского музея.

Ныне возрожденная «Выставка декабристов» стала своеобразным памятником сложного и противоречивого времени. К сожалению, город Борисоглебск не является центром туристического интереса, как, впрочем, и большинство небольших провинциальных городов России. Однако по количеству историко-культурных достопримечательностей и уникальных материалов, как например, «Выставка декабристов», Борисоглебск превосходит многие крупные города. На основании анализа этих материалов можно сделать весьма необычные выводы, такие как заключение о том, что Сергей Михайлович Волконский, внук одного из первых русских революционеров-декабристов, по своим убеждениям и действиям, а не по формальным признакам, все-таки был русским либералом.

Л.Г. Березовая[1]

ЛИГА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1917 г.: ИДЕЯ И СОЗДАНИЕ

Революционный год был чрезвычайно богат на разные объединения, целью которых было либо сохранение культурных ценностей, либо создание новой революционной культуры (Союз деятелей культуры, «Комиссия Горького» – самые известные из них). По существу, каждый местный совет, претендуя на власть, создавал собственную комиссию по культуре. А культурническое движение породило множество объединений «крестьянских», «солдатских» и «пролетарских» поэтов и художников. Однако для политиков и политических партий вопросы культуры, как правило, лежали на периферии целей, использовались только с точки зрения имиджа.

[1] *Березовая Лидия Григорьевна – доктор исторических наук, профессор.*

Единственной идеологией, которая ставила свободу личности и свободу творчества выше политических свобод, являлся либерализм в его веховской интерпретации. Вполне закономерно, что и единственная политическая организация, ориентированная исключительно на культурные проблемы, также была создана либералами. Организация, образованная либеральными деятелями весной 1917 г., называлась Лига русской культуры (ЛРК). О ней почти ничего не известно. Из достоверных официальных документов имеется лишь журнал заседаний Временного комитета Лиги в РГАЛИ и 12-страничная брошюрка, изданная в 1917 г., в которой содержится Устав Лиги, список ее учредителей и два первых воззвания: «К русским гражданам» и «К русской молодежи». Состоялось 25 выпусков журнала Лиги «Русская свобода». Все остальные сведения и упоминания о Лиге разбросаны незначительными фрагментами в воспоминаниях и биографических трудах (Франк, Струве, Николаевский, Шульгин, Пайпс, Ананьев). Весьма скудна и историография: несколько статей в нестоличных сборниках (Жердева, Панкова) и изредка упоминание в несколько строк в энциклопедиях.

Инициатором создания Лиги русской культуры в 1917 г. был П.Б. Струве. 27 апреля он написал статью под этим названием, в которой обосновал необходимость создания политической организации, которая бы поставила задачу культурного возрождения нации. Струве считал произошедшую стремительную и почти бескровную революцию чудом, которое «прожгло, очистило и просветило», а значит позволяло осуществить надежды на обновление национальной идеи. Площадкой для создания новой организации естественно стал возглавляемый с 1907 г. П.Б. Струве журнал «Русская мысль». К этому времени вокруг журнала сложилась группа идейно близких людей, «веховцы», создатели идеалистического направления русской философии: С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, С.Л. Франк. В журнале печатались также литераторы-символисты: В.Я. Брюсов, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский. Журнал «Русская мысль» выделялся тем, что демонстративно отказался от «направленства», позиционируя себя как орган свободной мысли, независимой от какой-либо идеологии. Струве с самого начала своего редакторства подчеркивал, что «Русская мысль» «не есть журнал какой-нибудь партии или даже направления. Наоборот, насколько это зависит от меня, я стрем-

люсь освободить журнал от всякого “направленства” и сделать его органом свободной мысли. Делаю это замечание ввиду того, что часто – на основании имен редакторов журнала – его называют “кадетским”»[1].

Тем не менее, быть «вне политики» в 1917 г. было невозможно. Внимание к политической жизни руководителей журнала и самого Струве сказалось уже в том, что главным содержанием журнала стала публицистика, а литературный раздел (беллетристика) сошел на нет. Политические события 1917 г. заставили редакцию журнала сделать шаг от публицистики к конкретному политическому поступку – созданию организации Лига русской культуры. Впервые в русской политической истории культура и политика шли рука об руку.

В помещении редакции журнала 29 мая 1917 г. состоялось «подготовительное собрание» новой организации под председательством М.В. Родзянко. С докладом на этом собрании выступил Струве, который заявил, что «политически внепартийное» новое сообщество создается для того, чтобы соединить идею русской культуры и идею русской нации[2]. В программной речи Струве указал на главную беду времени: «В широких народных массах оказался утраченным здоровый патриотический инстинкт», без которого невозможно ни нормальное международное бытие народа, ни здоровая внутренняя жизнь государства»[3]. Любимая Струве идея «здорового национализма» была высказана им еще до войны, а революция, как ему представлялось, давала шанс реально двигаться к позитивной «национальной идее» на основе культуры. Ближайшей революционной задачей всех граждан России он считал «построение русской культуры», поскольку она «народу дает бытие, а государству смысл и оправдание»[4]. Связь культуры и политики виделась ему в том, что русские люди всегда были «владыками вовне» и «рабами внутри», а обретенная в результате революции свобода давала шанс сформировать свободного гражданина и построить национальную культуру без «политического рабства». Поэтому Струве призывал всех сознательно любящих русскую национальную культуру людей объединиться для творческой работы в

[1] Письмо П.Б. Струве А.Ф. Кони от 24 августа 1908 года. Цит. по: Литературный архив. Т. 5. М.: Л; 1960. С. 258-259.
[2] Русская свобода. 1917. № 9.
[3] Струве П. Б. Лига русской культуры // Русская свобода. 1917. № 3. С. 3.
[4] Там же. С. 4.

«могущественную лигу русской национальной культуры»[1]. Эти же идеи он развивал в статье «России нужно организованное патриотическое движение»[2]. Стремление возродить национальную культуру для строительства новой свободной России с разных позиций поддержали ряд либерально настроенных политиков и мыслителей. «Веховцы» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, С.Л. Франк) поддержали культурную работу как средство выработки личностного и творческого начала. Сторонники славянофильства, национализма и «религиозного возрождения» (А.В. Карташев, В.В. Шульгин, кн. Е.Н. и Г.Н. Трубецкие, А.С. Лаппо-Данилевский) – как путь к «национальной идее», деятели культуры (Ф.К. Сологуб, А.Н. Бенуа, И.М. Гревс) – как инструмент для сохранения культуры в революционное время, политики (М.В. Родзянко, В.А. Маклаков, Н.Н. Львов) – во имя политической стабилизации страны. Заявленный аполитизм сглаживал возможные идейно-политические разногласия. Создавалось «особое внепартийное объединение, преследующее “национально-культурные цели”, призванное удержать общество от сползания в революционную анархию».

Для продвижения этой идеи, по предложению П.Б. Струве, начал выходить журнал «Русская свобода», который вместе с уже выпускаемым журналом «Русская мысль» составил печатный арсенал для продвижения культурно-политического проекта. Среди участников нового издания были заявлены: Бердяев, Булгаков, Изгоев, Карташев, С.С. Кондурушкин, С.А. Котляревский, Франк, Шульгин и др. В первом номере были напечатаны статьи: Струве «Наша задача», Бердяева «Психология переживаемого момента», Франка «Демократия на распутье», Изгоева «Революция и культура»[3]. В № 3 журнала и появилось сообщение о создании Лиги. К этому времени «лицо» новой организации проявилось столь отчетливо, что критик М. Левидов определенно назвал членов Лиги «борцами против социализма»[4].

Традиционный для либералов пиетет перед нормативными документами сказался в подробном протоколировании всех действий Лиги. Документальное и программное творчество новой организа-

---

[1] Там же.
[2] Русская свобода. 1917. № 9.
[3] Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. (1891–окт.1917). В 3 вып. Вып. 3. 1911 – окт. 1917. М., 2005. С. 555-556.
[4] Новая жизнь. 1917. 11 июня.

ции далеко превосходило ее конкретные действия. Ее организационная структура и членство были определены в принятом Уставе, а основные организационные вопросы решались на учредительном собрании 7 июня 1917 г., которое прошло в помещении редакции «Русской мысли». В числе 22 учредителей Лиги значились: Булгаков, Бердяев, гр. В.Н. Бобринская, А.Ф. Зайцев, Изгоев, Карташев, Е.П. Ковалевский, Котляревский, В.М. Латкин, Львов, В.Н. Муравьев, Маклаков, Б.Ф. Никольский, С.Ф. Ольденбург, С.Ф. Платонов, Родзянко, епископ Уфимский от. Андрей, Струве, Н.В. Савич, Франк, Ф.Д. Филоненко, Шульгин[1]. Почти все – петербуржцы, за исключением Булгакова, Бердяева и Бобринской. Членами Лиги стали известные политики, депутаты Государственной думы, деятели культуры, профессора и мыслители – фактически цвет столичного общества.

На учредительном собрании 7 июня был избран руководящий орган Лиги – Временный комитет. В него вошли: Карташев, Родзянко, Струве, Савич и Шульгин. Через неделю во Временный комитет были введены Муравьев и Никольский. Осенью во Временный комитет включили Зайцева и А.М. Сухотина. Основанием этих изменений протоколы Лиги называют только отсутствие в Петрограде тех или иных членов Временного комитета. Всего состоялось шесть заседаний Временного комитета ЛРК: первое – 16 июля, последнее – 29 сентября 1917 г.

Хотя идея создания организации и конкретные шаги по ее воплощению принадлежали Струве, почетным председателем Временного Комитета Лиги был определен Родзянко. Избрание Родзянко обнаруживало стремление организации стать заметной политической величиной. Председательство известного главы Государственной думы придавало Лиге авторитет и политический вес, а, кроме того, сглаживало внутренние трения из-за некоторой «нетерпимости» Струве. Однако фактически роль главы Лиги исполнял именно Струве, который был чрезвычайно увлечен своим проектом. Он неизменно присутствовал на всех заседаниях, входил во все проблемы и тонкости дел. Родзянко охотно перепоручал ему практически все дела Лиги, мотивируя это недостатком времени и своими частыми отъездами[2]. Главным «мотором» организации были

[1] Русская свобода. 1917. № 9. С. 23-24.
[2] РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

Струве и Франк, которых связывали не только схожесть идей, но и многолетняя дружба и сотрудничество в журнале «Русская мысль», в помещении редакции которого и базировалась Лига. Франк стал фактическим редактором журнала «Русская свобода». В этом журнале были опубликованы все его основные статьи 1917 г.: «Демократия на распутье», «О благородстве и низости в политике», «Мертвые молчат».

Либеральные «родители» Лиги даже в ситуации революционного хаоса стремились к максимально правовым отношениям в организации. Устав скрупулезно прописывал все организационные вопросы. Временный комитет, избранный на первом заседании, должен был передать полномочия Совету из 15 человек во главе с председателем, которые избирались бы на 2 года на общем съезде Лиги. Временный комитет Лиги имел четкое распределение обязанностей. Имелись казначей (Никольский), канцелярия, налаженное делопроизводство. Председатель, товарищи председателя, секретарь и казначей – все должности предполагались выборными. Съезды планировались как всероссийские (по очереди в разных городах), так и региональные. Оговаривалась ежегодная отчетность всех отделений Лиги, источники финансирования и т.п.[1] Основательность и детальная регламентированность всей работы Лиги намного превосходили действительные ее массовость, территориальный охват, срок существования и масштаб деятельности.

Членство в Лиге носило сугубо персональный характер и определялось либо личным заявлением претендента, либо предложением конкретному лицу, сделанным от имени Временного комитета. Первоначально Лига оказалась привлекательной для многих деятелей культуры, которые в целом приветствовали февральскую революцию, но избегали четкой партийной принадлежности. Франк вспоминал впоследствии, что «в приемной Петра Бернгардовича толпились десятки людей, желавших записаться в Лигу русской культуры, и получалось много письменных заявлений»[2]. Но Лига вовсе не собиралась становиться массовой организацией – важнее было привлечь самых известных и авторитетных в культуре и политике людей. Именно поэтому наиболее видные деятели культуры получали персональное приглашение о вступлении в Лигу. Ярко

[1] Устав Лиги русской культуры // Русская свобода. 1917. № 9. С. 21-22.
[2] Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 116.

выраженный «личностный» характер организации иногда мешал. Так А.А. Блок, активно принимавший участие в деятельности по сохранению культуры в 1917 г., отклонил предложение Струве о вступлении в Лигу. В письме матери 16 июля он сообщал о том, что «с удовольствием почитывает иногда “Русскую свободу”», но от событий «в глазах пестрит». Свой отказ Блок объяснял Струве той «странностью», что в Лиге русской культуры «есть Родзянко, но нет Горького», хотя имя Горького в истории русской культуры «знаменательнее, чем имя председателя IV Думы»[1]. Однако Блок поддерживал отношения с многими членами Лиги, со Струве, и в августе уже был согласен участвовать в работе Лиги[2].

Отличие Лиги от Комиссии по сохранению культурных ценностей, которая существовала при Временном правительстве и при столичных Советах и которой руководил Горький, состояла в очевидном налете политизации. Культурная политика, по мнению организаторов Лиги, была необходима не для просветительских, а для государственных и национальных задач. Из-за этой невольной тяги к политике некоторые современные исследователи (Жердева) склонны отнести Лигу к категории политической партии. Однако ЛРК последовательно избегала любой политической идентификации, каких-либо контактов с политическими партиями, и даже не позволяла использовать свои собрания для пропаганды партийных платформ, программ, лозунгов.

Лига виделась ее организаторам представителем всей нации, объединяющим лучшие культурные и общественные силы страны во имя возрождения нации и укрепления государственности. Устав ЛРК декларировал, что «“Лига русской культуры” ставит своей задачей объединение усилий, направленных на развитие национальной русской культуры, как на всем пространстве Российской державы, так и за ее пределами, а также поддержку духовную и материальную очагам русской культуры на чужбине»[3]. Однако усилия Лиги по организации своих местных отделений нельзя признать успешными. Активность проявляла преимущественно столичная интеллигенция. Судя по переписке Временного комитета, местные отделения Лиги были образованы лишь в Москве, Харькове, Н. Новгороде,

---

[1] Блок А.А. Собр. соч. в 8 т. М.; Л., 1960-1963. Т. 8. С. 509-510.
[2] Там же. Т. 7. С. 294.
[3] Лига русской культуры. Пг., 1917. С. 3.

на Кавказе[1]. Но сведений о конкретной деятельности, а иногда даже подтверждений о реальном наличии отделений на местах, помимо упоминаний в протоколах Временного комитета, нет. Даже в Москве филиал Лиги появился очень поздно: только на 5 заседании Временного комитета Струве представил доклад об открытии московского отдела. При открытии отделения Лиги в Москве присутствовало всего 20 человек, причем большинство – из Петроградского комитета Лиги (Бердяев, Булгаков, Бобринская, Карташев, Струве, С.Н. Трубецкой). Учредители Лиги рассчитывали на длительную скрупулезную работу, но стремительность и катастрофичность перемен 1917 г. такой возможности не давали, и уже в октябре-ноябре работу пришлось прекратить.

В чем же состояла главная идея этого объединения, можем ли мы отнести его к либеральным формам политики? Идея Лиги основывалась на том, что новое общество строится прежде всего «в головах», т.е. через комплекс новых идей, образов – здесь решающая роль принадлежит культуре. В уставе Лиги говорилось, что она «ставит своей задачей объединение усилий, направленных на развитие и укрепление национальной русской культуры»[2]. Целью культурного развития заявлялось восстановление утраченного «единства общества», возрождение «здорового патриотического инстинкта» нации. Этот процесс, по мысли основателей, должен был включать восстановление «религиозного чувства», упадок которого привел к разгулу «грубых и злобных инстинктов». Отказываясь от политических задач, устроители Лиги свои надежды возлагали на культурную созидательную работу – по их мнению, единственное, что могло противостоять одичанию и варваризации общества. Более того, именно культуре предстояло соединить разорванное противоположными интересами общество, стать фундаментом общенационального единства и возрождения России. Основатели новой организации принципиально дистанцировались от политических партий и от всякой классовости. А.А. Кизеветтер характеризовал их позицию как поддержку свободной России, «истинно демократической культуры и отрицание классовой борьбы»[3]. Отказавшись от каких-либо политических целей, Лига могла объединить представителей всех полити-

[1] РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 9, 11, 12.
[2] Лига русской культуры. М., 1917. С. 21.
[3] Кизеветтер А.А. «Русская свобода» // Русские ведомости. 1917. 14 мая.

ческих направлений, которых связывало бы лишь признание за культурой связующей роли для общества и государства.

В проекте основателей Лиги реализовались, прежде всего, идеи Струве о связи культуры и национализма, а также идеи Франка о консолидирующей функции культуры. Резкое обострение вопроса о государственности после падения монархии придало новую актуальность идеям Струве о «великой России», ее имперском предназначении. «Патриотическая тревога», возникшая еще в период русско-японской войны, в 1917 г. получила реальную причину. «Дух свободы», не подкрепленный культурным самосознанием нации, мог привести к анархии и распаду государства. Возглавив издание журнала «Русская мысль» в 1907 г., в первом же подписанном им к печати номере (1908, № 3) Струве опубликовал свою программную статью «Великая Россия». Он противопоставлял «национализм свободный, творческий», культурный национализму официальному, «скованному, пассивному»[1]. Национализм, вырастающий через культуру, шел снизу, от общества, цементируя его искренней и глубокой любовью к русской культуре. Вынужденное усиление государственности во время мировой войны, по мнению Струве, не изменило смысла и цели этого содружества. А после падения монархии в условиях революционной демократии оно обрело шанс стать реальностью. Политическое освобождение и культурное процветание для Струве были связаны неразрывно. В статье 1917 г. он сетовал на «более чем недостаточное одухотворение личности государственной необходимостью, слишком пассивное ее отношение к великим историческим задачам момента»[2]. В этом состояло принципиальное отличие Лиги от всех других культурнических организаций 1917 г., начиная с «комиссии Горького». Только Лига ставила перед культурой не просто задачу выживания или строительства «новой» культуры, но задачу политическую – сохранить нацию и Россию. Именно этим она привлекала к себе не только деятелей культуры, но и политиков, мыслителей, общественных деятелей. Сам Струве всегда был и оставался прежде всего государственником.

Следует отметить, что у учредителей Лиги при общности основных позиций мировоззренческие акценты были расставлены все-таки различно. Отрицание партийности новой организации ав-

---

[1] Струве П.Б. Два национализма // Струве П.Б. Patriotica. М., 1997. С.169.
[2] Он же. Национальный эрос и идея государства // Русская мысль. 1917. № 1.

томатически отвергало и господство какой-либо конкретной идеологии, поэтому убеждения основателей и участников Лиги содержали самые разные идеи, не сводясь ни к одной из них. Вместе они составляли довольно причудливый «букет». Для Струве культура виделась средством объединения нации, фундаментом здорового «национализма». Представляя только что созданную Лигу в журнале «Русская мысль», он утверждал, что издание «Русская свобода» и Лига будут отстаивать ту же идею свободы через духовную культуру, что в 1905-1906 гг. проводили еженедельники «Полярная звезда» и «Свобода и культура»[1]. Для Франка культура имела самодостаточную ценность как основание главного предназначения человека и общества – духовной жизни. Франк не отделял духовную жизнь, культуру от реалий жизни. Вытеснение из реальной жизни понятий «культура», «нравственность», «свобода», по его мнению, грозит гибелью революции. Как раз летом 1917 г. Франк опубликовал свою программную работу, ставшую его докторской диссертацией – «Душа человека», которую он начал писать еще в 1915 г. Ключевой идеей представленной философии жизни была заявлена духовная жизнь личности и общества, которая не определяется внешними обстоятельствами, но сама создает их. И.М. Гревс в статье «Лига русской культуры» заявлял, что члены Лиги приемлют «заветы лучших отцов» славянофильства (И.С. и К.С. Аксаковых, И.В. и П.В. Киреевских, А.С. Хомякова) и отвергают идеи «многих новых адептов» славянофильства (Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева), которые перемешали свои воззрения с официальным национализмом, заразившись соседством с ним[2]. «Веховцы» Бердяев, Булгаков полагали культуру важнейшим способом преодоления радикализма интеллигенции; «почвенники» приветствовали возвращение к традиционной русской культуре. Однако все разнообразие идей и убеждений участников Лиги включало признание исключительной ценности свободы, и все ставили культурное возрождение России первым условием ее благополучия. Общая идеологическая установка Лиги, так или иначе, укладывалась в границы либерализма. Позиции ее участников отмечены и значительным влиянием «веховства», которое отличалось от «классического» либерализма безусловным приоритетом личности

[1] Русская мысль. 1917. № 5–6. Форзац.
[2] Речь. 1917. 20 августа.

и творческого начала. Поскольку 1917 г. обозначил угрозу самому существованию России, появилась возможность объединения «либерального национализма» Струве и «культурного либерализма» веховства. Идея доминирования культуры в объединении общества привлекала и некоторых общественно активных деятелей культуры: А.А. Блока, Ф.К. Сологуба, Л.Н. Андреева.

Советская историография клеймила такой «культурный национализм» мелкобуржуазным, либеральным и интеллигентским. Все эти характеристики совершенно справедливы, если снять с них обвинительный мундир. В них отражена катастрофическая несвоевременность идей, декларируемых Лигой, в ситуации стремительно нараставшего радикализма и общественного раскола в 1917 г. Франк вспоминал, что ему с самого начала было понятно, что издаваемый Лигой журнал, да и сама Лига не сможет решить задачу объединения национальных сил, однако энтузиазм и бурная энергия Струве увлекали тогда многих[1].

Первоначальное поле деятельности Лиги виделось как культурническое, поэтому намечалось создание культурно-просветительских учреждений и проектов. Лига должна была иметь свою типографию и выпускать книги и периодические издания. Намечалась также организация международных культурных связей, серия лекций, экскурсии, поездки по России и другие мероприятия. Планы были обширные, но их осуществление оказалось минимальным. Лето прошло в организационных хлопотах и попытках создания региональных отделений Лиги. Судя по протоколам, реальные шаги по проведению каких-либо мероприятий предпринимались лишь в Петрограде и Москве и только осенью 1917 г., в последние недели существования Лиги. 29 сентября Временный комитет организовал расширенное заседание для создания лекционной комиссии. Среди планируемых лекторов были главным образом столичная профессура, историки и литературоведы (С.А. Аскольдов, Я.Л. Барсков, И.М. Гревс, С.А. Жебелев, В.Н. Княжнин, Н.А. Котляревский, И.И. Любименко, С.Ф. Платонов), политики и публицисты (А.С. Изгоев, С.Ф. Ольденбург), бывшая фрейлина императрицы, член Философского общества Ю.Н. Данзас, деятель школьного образования Е.П. Репина, писатель Ф.К. Сологуб[2]. Однако лекционной

[1] Франк С.Л. Указ. соч. С. 115.
[2] РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

работе помешала предельная политизация общества к осени 1917 г. Слушатели ждали ответов на животрепещущие политические вопросы: война, выборы в Учредительное собрание, корниловский мятеж, экономический крах и др. Востребованность в такого рода лекциях была велика, и Лига располагала для этого интеллектуальными силами. Но, следуя заявленному принципу внеполитичности и внеклассовости, запросы на лекции о текущей политике Лигой отклонялись. К примеру, было отказано в прочтении на одном из общих собраний доклада В.Е. Чешихина «О всероссийской русской национал-либеральной партии» на том основании, что этот доклад, «согласно уставу, не мог быть заслушан как носящий чисто политический характер»[1].

Стремление наладить связи, привлечь к работе широкую общественность было вполне в духе либералов по созданию «широкого фронта» общественно-культурного движения. По предложению члена Лиги еп. Уфимского Андрея было принято решение о проведении вечера-лекции с религиозной тематикой, программу которого поручили разработать Струве и Карташеву[2]. Было решено также просить участвовать в вечере Андреева, Блока, Сологуба. По ходатайству Карташева, предполагалось привлечь старообрядческие организации и пригласить их представителей на общее собрание Лиги 11 сентября[3]. Результаты сотрудничества со старообрядцами остались неизвестными, но члены Лиги участвовали в данном мероприятии.

Неудачными оказались и усилия Лиги по формированию международного «христианско-социалистического» движения, которое предлагали создать дипломат, работавший в министерстве иностранных дел В.Н. Муравьев и еп. Уфимский Андрей. Во главе этого движения, по проекту, должен был стоять Булгаков, но он ограничился только подготовкой брошюры «Христианство и социализм». На Всероссийском церковном соборе, проходившем в Москве в августе, были оглашены приветствия членов Лиги Родзянко (заочно) и Е. Трубецкого, а последний даже избран в руководящие органы Собора. Но приветствия эти были не от имени Лиги, а

[1] Там же. Л. 5.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. Л. 3.

Родзянко – от Государственной думы, а Трубецкого – от Московского университета[1].

Осенью деятельность Лиги осложнилась как внешними, так и внутренними обстоятельствами. После корниловского мятежа и неудачных попыток создать новое коалиционное правительство на фоне явного назревания вооруженного восстания культурническая работа не могла иметь успеха. В сентябре из Петрограда в Саратов, к месту своей новой работы уехал Франк – самый деятельный соратник Струве. Журнал «Русская свобода» стал выходить реже. Под влиянием Струве журнал принял крайне негативный тон в оценке революционных событий, что не могло способствовать его успеху у читателей. Франк пытался убедить Струве в нежелательности такой позиции с точки зрения «практической влиятельности наших идей», говорил ему, что «мы делаем безнадежную попытку листами “Русской свободы” заткнуть прорвавшуюся плотину огромного бушующего потока», но переубедить своего товарища не смог[2]. Бердяев в статье «Демократия и иерархия», напечатанной в последнем (сдвоенном) номере «Русской свободы», вышедшем 15 октября, писал о «нравственном и эстетическом безобразии» русской революции, которая ведет к «самоубийству нации».

Идейный кризис и внешние обстоятельства парализовали и организационную деятельность Лиги. Ее Временный комитет собирался осенью нерегулярно и в разном составе из-за отсутствия и отлучек его членов. Общего собрания Лига очень долго не проводила. Оно было запланировано лишь на 24 октября 1917 г. и должно было открыться речами Карташева и Бердяева[3]. Однако информации о том, состоялось ли оно и какие решения приняло, источники не содержат. После октябрьского переворота журнал «Русская свобода», как и другие «буржуазные» издания, был закрыт, некоторые члены Лиги (Карташев) арестованы, и работа Лиги остановлена. В конце 1917 г. руководители Лиги Струве и Родзянко уехали на юг, где формировалась Добровольческая армия, и Лига окончательно прекратила свое существование.

---

[1] Летопись литературных событий в России конца XIX–начала XX в. (1891 – окт.1917). В 3 вып. Вып. 3. 1911–окт. 1917. М., 2005. С. 577.
[2] Франк С.Л. Указ. соч. С. 115-116.
[3] РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

В целом практическая деятельность Лиги свелась к образованию 2 отделов в Петрограде и отдела в Москве, 3 зафиксированных в протоколах местных отделов (в Бузулуке, Харькове, Нижнем Новгороде) и отдела при 10-й Армии, а также изданию «Русской свободы» со статьями самых блестящих мыслителей и публицистов России. Несмотря на почти нулевые результаты конкретной работы «на местах», историческое значение Лиги русской культуры 1917 г. уникально. Это была первая и единственная организация, которая поставила целью соединить политическую свободу и культурное возрождение во имя будущей России. Впервые была поставлена задача «воспитания» народа, интеллигенции и власти в духе нравственности и патриотизма, глубокая перестройка психологии и сознания масс, форм общественной жизни и государственного строя, чтобы они в соответствии с «неподдельным национальным ликом родной культуры» пришли к новому величию России[1].

Несомненным можно считать принадлежность Лиги к консервативно- либеральному направлению русской общественной мысли. Этот тип либерализма был ориентирован, прежде всего, на государственные, национальные и культурные ценности. Доминирующими в его миросозерцании были начала свободы и культуры, в соединении которых с православием и государственностью виделись основы новой государственности России. Однако эта установка оказалась совершенно оторванной от реального развития событий 1917 г., лозунги и практическая деятельность Лиги не соответствовали ситуации стремительного падения культуры, «озверения» общества и радикализации политики. Фактически Лига продемонстрировала бессилие либеральной идеи во время революционного кризиса. Консервативный либерализм, любое «почвенничество» в ситуации радикализации социально-политических отношений оказывается на обочине событий.

Но значение Лиги нельзя оценивать только ее конкретными действиями в 1917 г. Она собрала вокруг себя самых блестящих философов, мыслителей, ученых России. В журнале Лиги «Русская свобода» Бердяев напечатал 13 статей, Изгоев – 7, дипломат и публицист Муравьев – 9, сам Струве – 6. Несколько десятков самых известных ученых, философов, общественных деятелей помещали в 1917 г. свои статьи в этом издании. Почти все они позже стали

[1] Струве П.Б. Лига русской культуры // Русская свобода. 1917. № 3. С. 21.

пассажирами «философского парохода». Их интеллектуальный труд не могли прервать ни организационные, ни политические неурядицы. Авторы, печатавшиеся в «Русской мысли», «Русской свободе» и других изданиях либерального направления, не изменили своему неприятию «классового социализма», продолжали последовательно отстаивать примат высших ценностей (религии, философии, нравственности, науки, культуры) для русской нации и государственности. Многие иллюзии позже были развеяны, осталось лишь главное: неразрывная связь культуры и свободы для национального развития, гибельность их разрушения. Уже после революции, в 1923 г., Франк написал одну из самых замечательных своих работ – «Крушение кумиров». Наряду с разрушением кумира и мифа о революции, о политике, была разрушена вера в культуру как путь европейской цивилизации. После мировой войны и серии европейских революций «что-то умерло в нашей душе… мы состарились и духовно охладели», увидев вместо культуры «духовное варварство… при господстве гуманитарных принципов» и «вера в культуру умерла в нашей душе»[1].

В.В. Вострикова[2]

«УЖАСНАЯ КАТАСТРОФА … НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ»: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ОЦЕНКЕ АВТОРОВ СБОРНИКА «ИЗ ГЛУБИНЫ»

Оценка исторического события его современниками, даже при стремлении их к беспристрастному анализу, неизбежно имеет налет субъективности, особенно если происходящее коренным образом изменяет исторический путь страны и судьбы людей. Данное утверждение справедливо и в отношении авторов сборника «Из глубины», «по горячим следам» – в 1918 г. – пытавшихся осмыслить революцию 1917 г. Тем не менее, и спустя столетие, сборник как средоточие мнений виднейших представителей русской науки,

---

[1] Франк С.Л. Соч. М., 2000. С. 180, 190, 191.

[2] *Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

философии, литературы и публицистики, русской общественности и политики, представляет значительный интерес для познания Великой русской революции. Как и предшествующие ему сборники («Проблемы идеализма», «Вехи»), сборник «Из глубины», как это заявлено в подзаголовке, посвящен проблемам русской революции и, сквозь ее призму, – всей русской истории на протяжении почти десяти столетий, но одновременно он является и опытом критического самопознания видных представителей русской интеллигенции. Такая многослойность сборника позволяет современным исследователям, несмотря на имеющиеся в историографии попытки осмысления его основных идей[1], находить новые ракурсы для анализа событий 1917 г.

В настоящей статье предпринимается попытка анализа трактовки авторами сборника «Из глубины» революции 1917 г. с позиции ее значения для судьбы российского государства, дальнейшего его функционирования как субъекта управления общественными процессами.

Следует отметить, что, говоря о русской революции, мыслители имели в виду события февраля-октября 1917 г., завершившиеся приходом к власти большевиков. При этом в ряде статей прослеживается выделение двух фаз в революции: политической (Февраль) и социальной (Октябрь). «…Политическая революция февраля совершилась во имя принципов свободы, равенства и братства», – писал, например, С.А. Аскольдов[2]. «Родина стала истинно свободной для воплощения заветных своих идеалов, лучшие русские люди стали у власти, еще лучшие, более энергичные и пылкие, подгоняли их в осуществлении желанных целей», – вторил ему С.Л. Франк[3]. «…Социальный октябрьский переворот, – указывал

---

[1] См., например: Казанин И.Е. Забытое будущее: советская власть и российская интеллигенция в первое послеоктябрьское десятилетие. Волгоград, 2001; Квакин А.В. Сборник «Из глубины» 1918 года и формирование пореволюционной идеологии интеллигенции России // URL: http://viperson.ru/wind.php?ID=637749 (дата обращения: 01.08.2017); Колеров М.А., Плотников Н.С. Интеллигенция и национальная судьба // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990; Они же. Примечания // Вехи; Из глубины. М., 1991; Колеров М.А. «Новые Вехи»: к истории «веховской» мифологии (1918-1944) // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 144-156; Полторацкий Н.П. Сборник «Из глубины» и его значение // Манифесты русского идеализма. Проблемы идеализма. Вехи. Из глубины / сост. и коммент. Сапова В.В. М., 2009.

[2] Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 239.

[3] Франк С.Л. De profundis // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 480.

Аскольдов, – произошел исключительно во имя материальных благ и интернационализма, вся суть которого в данный момент сводилась к освобождению от тяжестей войны»[1].

Революция 1917 г. получила в сборнике резко критическую оценку: «страшная катастрофа», «антинациональное» явление, превратившее страну в «бездыханный труп»[2], событие «бездарное», «уродливое», все в ней «ворованное, банальное, вульгарное»[3], «дни и месяцы, полные мучительной тревоги», «беспримерный государственный разгром»[4], «величайшее потрясение всех нравственных устоев русского народа»[5], «неслыханное расстройство жизни», которое «грозит самыми ужасными, самыми гибельными последствиями»[6], «национальное банкротство и мировой позор»[7], «ужасная катастрофа нашего национального бытия»[8].

Авторы сборника подчеркивали «небывалый радикализм» революции[9], которая «в своем разрушительном действии дошла до конца»[10], а именно: фактически уничтожено оказалось само государство, распавшееся «на "самоопределившиеся" территориальные куски»[11], «лишенное доступа к морю, … пшеничных житниц»[12]. Внешний – территориальный – распад государства сопровождался разложением его внутренней структуры: были утрачены все основополагающие элементы государственной организации: «оборона – армия и флот, … административный, производительный и транспортный аппарат и т. д., – словом, все, без чего … не может жить ни один народ»[13]. Метафорично описал ситуацию Франк: «Мы очнулись у разбитого корыта, хуже того, без всякого корыта и даже без старой, покосившейся, но все же родной избы»[14].

---

[1] Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 239.
[2] Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 250.
[3] Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro and contra. Современные диалоги // Там же. С. 333.
[4] Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Там же. С. 361, 362.
[5] Котляревский С.А. Оздоровление // Там же. С. 401.
[6] Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Там же. С. 433-434.
[7] Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Там же. С. 459.
[8] Франк С.Л. Указ. соч. С. 495.
[9] Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 250.
[10] Струве П.Б. Указ. соч. С. 476.
[11] Покровский И.А. Перуново заклятье // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 456.
[12] Изгоев А.С. Указ. соч. С. 361.
[13] Покровский И.А. Указ. соч. С. 456.
[14] Франк С.Л. Указ. соч. С. 480.

Особую тревогу у участников сборника вызывало уничтожение большевиками старой системы права, осуществленное под лозунгом «отрицания "буржуазного права"»[1]. Большевики, отмечал А.С. Изгоев, отказались от принципа всеобщего избирательного права, основанного «на признании политического равенства людей», а между тем, предостерегал он, «стоит по каким бы то ни было основаниям, классовым или национальным, пошатнуть начало этого равенства, и рушится все политическое здание», что и произошло в России[2]. «Отринув право в политике, большевики упразднили его и в повседневной жизни, разрушив суды, заменив положительный закон "революционным сознанием" и т.д.»[3]. Все это привело, по мнению Изгоева, к «разбою и господству грубой физической силы», к применению самых жестоких видов наказания, «расправ без суда и разбирательства». В свою очередь, это самым негативным образом сказалось на экономике: «В странах, где не обеспечен правопорядок, нет правосудия и отсутствует общественная безопасность, замирает предприимчивость»[4].

Итогом революции 1917 г., с точки зрения авторов сборника, стало разрушение важнейшей сферы общественной жизни – многовековой российской культуры, основу которой составляло православие. Осмеяние, уничижение религии, по их убеждению, привело к небывалому падению нравственности, насаждению «чудовищного культа своеволия и классовой ненависти»[5]. «Освобожденный от религии человек, – указывал Изгоев, – семимильными шагами пошел …к временам пещерного быта и звериных нравов»[6]. «Глубокий духовный кризис» – такова характеристика постреволюционной ситуации П.И. Новгородцевым[7].

Негативные тенденции мыслители отмечали и в социальной сфере: на «самоопределяющиеся» социальные классы» распалась нация[8]. «Революционный вихрь разметал и рассеял в стороны весь народ, рассек его на враждебные и обособленные части», – конста-

---

[1] Изгоев А.С. Указ. соч. С. 375.
[2] Там же. С. 374.
[3] Там же. С. 375.
[4] Там же.
[5] Котляревский С.А. Указ. соч. С. 401.
[6] Изгоев А.С. Указ. соч. С. 369.
[7] Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 435.
[8] Покровский И.А. Указ. соч. С. 456.

тировал Новгородцев, – Родина … изнемогает в междоусобных распрях»[1].

Поиск аналогий свершившегося в России в 1917 г. в мировой истории, привел авторов сборника к выводу о том, что по своему масштабу русская революция значительно превосходит потрясения, имевшие место в других странах, включая и Великую французскую революцию[2]. Франк «в качестве единственно подходящих» исторических примеров видел «грозные, полные библейского ужаса мировые события внезапного разрушения великих древних царств»[3].

Обращаясь к российской истории, авторы сборника отмечали, что «только самые черные дни» прошлого могут сравниться с происходящим[4]. В качестве таковых некоторые видели Смутное время начала XVII в.: например, Новгородцев называл события 1917 г. «великой смутой наших дней»[5]. По Франку, все обстояло еще критичнее: «Даже в Смутное время разложение страны не было, … столь всеобщим, потеря национально-государственной воли столь безнадежной»[6].

В сборнике «Из глубины» проводилась идея имманентной связи событий 1917 г. и 1905-1907 гг. Революция 1905 г. трактовалась как «первое предостережение», обозначившее контуры грядущей «моральной и политической катастрофы», разразившейся в 1917 г.[7] «Немногие поняли тогда грозный для государства смысл открывшихся предзнаменований, – с сожалением констатировал Изгоев. – Нынче нас постиг второй удар, неизмеримо более сильный сравнительно с первым»[8].

Для авторов сборника осознание гибельности результатов революции 1917 г. усугублялось тем, что все произошедшее было «не убийством», но «самоубийством для русской государственности», т.е. стало итогом внутреннего развития, а не какого-либо внешнего вмешательства[9]. Анализ причин этого «самоубийства» предлагали

---

[1] Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 433.
[2] Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 225.
[3] Франк С.Л. Указ. соч. С. 478.
[4] Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 434.
[5] Там же. С. 433.
[6] Франк С.Л. Указ. соч. С. 478.
[7] Изгоев А.С. Указ. соч. С. 361, Струве П.Б. Предисловие издателя // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 209.
[8] Изгоев А.С. Указ. соч. С. 361.
[9] Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 303; Франк С.Л. Указ. соч. С. 478.

практически все мыслители, так что данная проблематика может считаться лейтмотивом сборника «Из глубины».

Одной из точек соприкосновения позиций авторов сборника является признание Первой мировой войны в качестве важнейшего фактора, обусловившего революцию 1917 г. Война составляет «с русской революцией одно неразрывное целое», – утверждал Аскольдов. Она расшатала «все привычные навыки и формы русского сознания и русской государственности. …сняла народ с его насиженных мест и сделала его более доступным революционным влияниям, главным же образом изменила традиционный дух и настроение армии»[1]. Война усугубила «кризис русской жизни», – отмечал В.Н. Муравьев[2]. «Большевизм … есть прямое наследие и продолжение войны, ее гниение, перешедшее вовнутрь», – писал С.Н. Булгаков[3].

Однако мыслители понимали, что война выступила своеобразным катализатором революции, назревавшей достаточно длительное время. «Горючий материал может быть подготовлен и, так сказать, соблазнительно лежать, готовый загореться от первой искры, случайно заброшенной», – указывал Аскольдов[4]. К революциям ведет «долгий исторический путь…, в них открываются национальные особенности», – писал Н.А. Бердяев[5].

Анализируя особенности исторического развития России, П.Б. Струве указывал, что характерной чертой ее политической жизни было «близоруко-ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии» и отстранение от участия в политике дворянства, являвшегося творцом русской культуры и самой нации[6]. «Систематически отказывая сперва этому классу, а потом развившейся на его стволе интеллигенции во властном участии в деле устроения и управления государством, самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства», которое с середины XIX в. получило «идейное оформление благодаря восприятию русской интеллигенцией идей западноевропейского радикализма и социализ-

---

[1] Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 210, 230.
[2] Муравьев В.Н. Рев племени // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 414.
[3] Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 301.
[4] Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 236.
[5] Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 250.
[6] Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи. С. 462.

ма», – указывал мыслитель[1]. Эти идеи интеллигенция понесла в народ, гражданское бесправие которого стало благоприятной почвой для их распространения. Так «подготовлялась и творилась революция с двух концов, – заключал Струве, – исторической монархией с ее ревнивым недопущением культурных и образованных элементов к властному участию в устроении государства, и интеллигенцией страны с ее близорукой борьбой против государства»[2].

Тема исторической ответственности интеллигенции за русскую революцию звучала не только у Струве, но практически во всех статьях сборника «Из глубины», продолжая традицию сборника «Вехи». Это обусловливалось трактовкой мыслителями движущих сил политического процесса, согласно которой «инициатором и творцом политической жизни» является активное меньшинство[3]. По этой причине Франк, например, категорически отвергал попытки возложить всю ответственность за гибельный исход революции 1917 г. на народные массы. «Народ в смысле низших классов или вообще толщи населения никогда не может быть непосредственным виновником политических неудач и гибельного исхода политического движения по той простой причине, что ни при каком общественном порядке, ни при каких общественных условиях народ в этом смысле не является инициатором и творцом политической жизни, – писал Франк. – Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства»[4]. Однако, уточнял мыслитель, это не слепое орудие: «…от культурного, умственного и нравственного состояния широких народных масс зависит, какая политическая организация, какие политические идеи и способы действий окажутся наиболее влиятельными и могущественными»[5]. Таким образом, заключал Франк, «политический итог всегда, … определен *взаимодействием (курсив в тексте. – В.В.)* между содержанием и уровнем общественного сознания масс и направлением идей руководящего меньшинства»[6].

---

[1] Там же. С. 462, 464.
[2] Там же. С. 467.
[3] Франк С.Л. Указ. соч. С. 481.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

Применяя эту формулу к событиям в России 1917 г., философ указывал, что «в народных массах в силу исторических причин накопился, … значительный запас … противогосударственных и социально-разрушительных страстей …, но … в начале революции … в тех же массах были живы и … силы патриотического, консервативного, духовно-здорового, национально-объединяющего направления». Однако революционная интеллигенция, используя лозунги классовой ненависти и антипатриотического интернационализма, вела упорную работу по разнузданию анархических инстинктов, сделала все, чтобы народ «окончательно потерял совесть и здравый государственный смысл»[1]. Интеллигенция, по мнению Франка, повинна в том, что, не понимая реального нравственного и политического уровня народа, предлагала ему чуждую и имеющую прямо антинациональный и антигосударственный характер социалистическую идеологию[2].

Сходные интенции относительно степени виновности интеллигенции и народа в катастрофе 1917 г. звучат в других статьях сборника «Из глубины». Муравьев: интеллигенция своей проповедью социализма «дала освящение низменным влечениям народа», «революция произошла тогда, когда народ пошел за интеллигенцией»[3]. Струве: «Явление русской революции объясняется совпадением того извращенного идейного воспитания русской интеллигенции, которое она получала в течение почти всего XIX в., с воздействием великой мировой войны на народные массы: война поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей»[4]. Булгаков: «Интеллигенция отравила …народ своим нигилизмом и погубила Россию»[5].

Обвиняя интеллигенцию, авторы сборника имели в виду, прежде всего, приверженцев социалистических идей, начиная от народников и заканчивая марксистами, категорически возражая против попыток возложить ответственность за крушение российской государственности только на большевиков. «Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков, – писал Изгоев. – Нет, она отвечает за все их действия и мыс-

[1] Там же. С. 482-483.
[2] Там же. С. 484-485.
[3] Муравьев В.Н. Указ. соч. С. 414.
[4] Струве П.Б. Указ. соч. С. 461.
[5] Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 327. См. также: Покровский И.А. Указ. соч. С. 451.

ли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие»[1]. Франк, расширяя круг ответственных за катастрофу, произошедшую с Россией, включал в него и представителей либеральной интеллигенции, считая их «культурными и государственно-просвещенными социалистами», «полусоциалистами», усматривающими «идеал в *половине (курсив в тексте. – В.В.)* отрицательной программы социализма, но несогласными на полное его осуществление»[2].

При наличии нюансов в оценке соотношения созидательного и разрушительного потенциала социализма, авторы сборника единодушно подчеркивали, что «разрушительность» его обусловлена «материализмом – отрицанием …единственных подлинно зиждительных и объединяющих сил общественности – именно органических внутренне-духовных сил общественного бытия»[3]. Как указывал И.А. Покровский, «правовая и государственная организация создается, … коллективною, соборною в широком смысле слова, психическою деятельностью народа»[4].

Убеждение в основополагающей роли духовного фактора в жизни государства заставляло авторов сборника искать глубинные причины революционных потрясений в России 1917 г. именно в духовной сфере. Революция, отмечал Аскольдов, «непременно» имеет «под собою определенную идеологическую основу… Она обусловлена всегда известной культурной обработкой ума и воли и потому имеет характер специфически гуманитарный…»[5] «Каждый народ делает революцию с тем духовным багажом, который накопил в своем прошлом», – писал Бердяев[6].

По глубокому убеждению авторов сборника, ключевым индикатором состояния общества, а, значит, и государства, выступает отношение к религии. Для Новгородцева религия – «высшая основа и святыня жизни»[7]. «Религия всегда являлась силою, связующей государство со стороны его органического единства, в какой бы политической форме оно ни выражалось, – указывал Аскольдов. – И по-

---

[1] Изгоев А.С. Указ. соч. С. 362.
[2] Франк С.Л. Указ. соч. С. 488.
[3] Там же. С. 487.
[4] Покровский И.А. Указ. соч. С. 456.
[5] Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 229.
[6] Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 250.
[7] Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 428.

тому-то всякое революционное движение обыкновенно имеет перед собою в качестве подготовительной фазы тот или иной процесс увядания религии, иногда своего рода "век просвещения"», «революции подготовляются и наступают обыкновенно на почве ослабления религиозного сознания»[1]. Именно это и произошло в России под влиянием воспринятых из Западной Европы «позитивизма, материализма, социализма», а также анархизма, который «в значительной мере является прямым созданием русского духа»[2].

В интерпретации Аскольдова, проникновение в сознание народа этих идей привело к нарушению равновесия двух основных начал русской души «святого» и «звериного» в пользу последнего. Православная церковь не только не противостояла этой тенденции, но сама оказалась «тем средоточием …, откуда распространилось расслабление и упадок религиозного духа»[3]. Причиной этого стало «глубочайшее падение» православной церкви, утрата ей духовного авторитета ввиду исполнения роли политической прислужницы все больше терявшего популярность в массах самодержавия[4]. «Злой зверь, живший в народной душе», «восстал во весь рост» в октябрьской революции[5].

Новгородцев писал о «безрелигиозном отщепенстве» интеллигенции от государства, которое она внедряла в сознание масс[6]. Бердяев истоки революции видел в менталитете русского народа, в его глубокой «духовной болезни», формы проявления которой отражены в творчестве Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Именно в их произведениях, настаивал философ, нужно искать понимания «духов» («бесов»), владеющих революцией, а, значит, и «разгадки тех бедствий и несчастий», которые она принесла[7]. Франк, пришел к заключению, что первопричина революции – в общей слабости в России духовных начал, охраняющих и укрепляющих общественную культуру и государственное единство нации[8].

---

[1] Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 213.
[2] Франк С.Л. Указ. соч. С. 494.
[3] Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 230.
[4] Там же. С. 231-232.
[5] Там же. С. 239.
[6] Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 428.
[7] Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 252.
[8] Подробнее см.: Франк С.Л. Указ. соч. С. 488-492.

Крайне негативным элементом русского менталитета, чрезвычайно усилившим разрушительный потенциал революции 1917 г., авторы сборника считали правовой нигилизм. У представителей интеллигенции, отмечал Покровский, он проистекал из причин двоякого рода. У одних – отрицание не просто права, но «самой *идеи (так в тексте. – В.В.)* права)» было следствием поиска «абсолютной правды», с которой никоим образом право не коррелировалось как институт, связанный с властью и принуждением, для других, включая большевиков, право не имело самостоятельной ценности, являло собой только «идеологическую надстройку», а на первом месте стояли классовые интересы пролетариата и крестьянства, во имя которых допускалось попрание любых правовых норм[1].

Анализ агонии «некогда могучей русской государственности и культуры после бешеной пляски революционных привидений», выявление «подлинно-реальных духовных причин» произошедшего были для авторов сборника необходимым исходным условием для поиска путей возрождения России, в которое они свято верили, по словам Франка, «*обязаны* верить»[2]. Философ был убежден, что при всей глубине и тяжести переживаемой Россией национальной болезни, эта болезнь «есть все же лишь функциональное расстройство, а не органическое омертвение»[3]. «Кошмар пока растет и ширится, но неизбежно должен наступить поворот», – предрекал Покровский[4]. Однако процесс восстановления государственности, возрождения страны будет трудным и длительным. «Велик грех, велико должно быть и искупление, – писал Покровский. – За месяцами греха должны последовать долгие десятилетия покаяния и трудной работы для воссоздания рассыпавшегося отечества»[5].

Авторы сборника считали, что «программа духовного, культурного и политического возрождения России» должна опираться «на идейное воспитание и перевоспитание образованных людей и народных масс»[6]. И здесь интеллигенция должна показать пример:

---

[1] Подробнее см.: Покровский И.А. Указ. соч. С. 445-449.
[2] Франк С.Л. Указ. соч. С. 479.
[3] Там же. С. 496.
[4] Покровский И.А. Указ. соч. С. 457.
[5] Там же. С. 451.
[6] Струве П.Б. Указ. соч. С. 477.

«…честно и тщательно пересмотреть свой собственный идейный багаж», отринуть ложные идеалы и, прежде всего, идеал социализма[1].

Как указывал Покровский, для восстановления государственности основополагающее значение имеет изменение в сознании интеллигенции и масс отношения к *идее права,* а именно: осознание универсальности права как регулятора общественной жизни. «Ведь всякое общежитие есть непременно сотрудничество, а всякое сотрудничество предполагает известное упорядоченное приложение сил и организацию», – пояснял Покровский[2]. Кроме того, сущностной чертой мировоззрения населения должно стать уважение к праву, осознание обязательности соблюдения правовых норм. Как указывал Покровский, «недовольство существующим правопорядком нисколько не оправдывает небрежения к праву вообще: если нынешние оценки правого и неправого ошибочны, то тем необходимее разработка и выяснение новых, верных»[3]. И, наконец, нужно отрешиться от восприятия права как института, связанного с насилием, осознать, что тенденцией развития права является гуманизация правовых санкций, в соответствии с которой «право стремится стать таким порядком, которому будут следовать не в силу боязни наказания, а просто в силу сознания его необходимости и разумности»[4].

По убеждению авторов сборника, необходимо восстановить «святыни религиозные, государственные и национальные… в общем значении руководящих объективных начал, пред которыми преклоняется индивидуальное сознание, которые оно признает господствующими»[5]. «Возвести русскую государственную идею на ту высоту, которая представляет сочетание твердых национально-государственных и религиозных основ с идеями равенства и свободы»[6].

Думается, что предложенная авторами сборника формула «творческого воссоздания»[7] российского государства обозначает базовые ориентиры для современной России, находящейся в поиске своего исторического пути после смены парадигмы развития на рубеже XX-XXI вв. Не могут не заставлять задуматься сегодня сло-

---

[1] Покровский И.А. Указ. соч. С. 452, Струве П.Б. Указ. соч. С. 475.
[2] Покровский И.А. Указ. соч. С. 455.
[3] Там же. С. 453.
[4] Там же. С. 455.
[5] Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 437.
[6] Там же. С. 438.
[7] Котляревский С.А. Указ. соч. С. 401.

ва Новгородцева о необходимости отказа в государственном строительстве от «рационалистического утопизма» – «стремления устроить жизнь по разуму, оторвав ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка, от животворящих святынь народного бытия», иными словами, без учета исторических традиций страны и особенностей национального характера[1]. Несомненно актуально в ракурсе становления новой российской государственности звучит призыв мыслителей к тому, что правовые нормы должны стать основой общежития, заменив собой «перуново начало», столетиями преобладавшее в России, а также мысль о надысторической ценности культуры как основы общественного бытия. Справедливы и современны мысли авторов сборника «Из глубины» об органичной взаимосвязи всех сфер общественной жизни, о механизме функционирования государства.

В год столетнего юбилея русской революции 1917 г. сборник «Из глубины» помогает нам переосмыслить сам феномен революции как грозного симптома болезни государственного организма[2], требующего концентрации усилий власти и общества по ее преодолению.

В.А. Ливцов[3]

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИНТЕРКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Либеральные интерконфессиональные христианские организации стали создаваться еще в Российской империи, особенно активно после тех послаблений, которые возникли в духовной сфере в связи с общей демократизаций общественной жизни в ходе революции 1905 г.

---

[1] Новгородцев П.И. Указ. соч. С. 428.
[2] Аскольдов С.А. Указ. соч. С. 210-212, 223-224.

[3] *Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС по научной работе.*

Цель их была едина: объединение верующих, в первую очередь, молодежи, воспитание их в духе христианской морали, оказание им социальной поддержки.

Деятельность созданного в России подразделения либерального Всемирного христианского союза молодых людей YMCA – организации «Маяк»[1], предоставляла возможность молодым христианам разных конфессий развиваться физически и умственно, решала проблемы молодых людей. В состав организации входили православные, лютеране и католики с низким образовательным уровнем, стремившиеся его повысить за счет систематических знаний. В создании регионального представительства лидеры этого движения пошли проверенным путем, как они привыкли действовать во всем мире. Во вновь созданное подразделение этой всемирной организации были назначены секретари из Америки, вошедшие в правление организации, а затем к его работе были привлечены местные русские руководители, найдена денежная поддержка и Союз превратился в самостоятельное русское общество «Маяк» в Петрограде. Это название было выбрано русскими членами общества[2].

К 1917 г. деятельность «Маяка» в России сильно разрослась, и было даже создано отдельное помещение для мальчиков[3].

После Февральской революции в результате укрепления контактов Временного правительства с союзниками для завершения мировой войны, в Россию открылся и доступ миссионеров самой YMCA. Правительство А.Ф. Керенского обратилось к руководству YMCA с просьбой прислать 500 секретарей для работы в армии. Было направлено 125 секретарей и «значительное количество различного оборудования для ведения пропаганды»[4]. Вскоре YMCA открыл свои отделения в Москве и в Поволжье. На Дальнем Востоке американская миссия YMCA появилась весной 1917 г. Ее активному развитию способствовал известный миссионер Д. Мотт[5].

Октябрьская революция 1917 г. также первоначально вселила в интерконфессиональные организации большие надежды. Общество «Маяк» получило официальное наименование Христианского

---

[1] ГА РФ. Ф.6991. Оп. 1. Д. 142. Л. 38-39.
[2] Там же. Д. 445. Л. 142.
[3] Там же.
[4] Вестник христианского союза молодых людей (Владивосток). 1919. № 2. С. 9.
[5] Алексеева И.А. История Всемирного христианского молодежного движения в России. М., 2007. С. 114.

союза молодых людей. Организаторы общества надеялись, что невмешательство в политику гарантирует светлое будущее этой структуры. В последнем отчете за 1916-1917 гг. они писали: «Мы светло смотрим на его будущее и вполне уверены в непоколебимой прочности его дальнейшего существования... С обновлением строя государства для "Маяка" открываются новые и, несомненно, более широкие перспективы для развития своей деятельности».

Первоначальные отношения с Советом народных комиссаров действительно складывались неплохо. Так, 11 декабря 1917 г. Совнарком даже рассмотрел вопрос «О передаче здания Дворянского Собрания в пользование Всемирного Христианского союза молодых людей, для организации Центрального Клуба». В этих целях Подвойскому предписывалось подыскать помещения для квартировавшего в здании Дворянского Собрания 326 Белгородского полка, а Петроградскому гарнизонному собранию, которому передавалось в пользование освободившееся помещение, рекомендовалось «войти в соглашение» с отделением Всемирного христианского союза с целью организации там его клуба[1].

Последним делом «Маяка» стала организация образовательной сельскохозяйственной поездки по Волге в мае 1918 г. Эта акция получила одобрение патриарха Тихона, который «в сочувствии всему, что может послужить на духовную и материальную помощь нашему русскому народу» преподал молитвенное благословение «совершителям сего благого дела»»[2]. В распоряжении Союза был большой пассажирский теплоход «Керженец». План работы состоял из сельскохозяйственной части и просветительских мероприятий. Во время остановок у пристаней и селений читались лекции по агрокультуре и другим областям знаний и совершались краткие богослужения с проповедями православных священников. Много занятий проводилось со школьными учителями. Пароход отправился из Нижнего Новгорода, и планировался маршрут до Царицына и обратно. Однако революционные события помешали движению ниже Симбирска. Несмотря на это, выставка была показана в 44 местах, ее посетило более 30000 человек.

---

[1] РПЦ и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 21.
[2] Алексеева И.А. Указ. соч. С. 113-114.

В 1918 г. во Владивостоке было основано «Общество "Маяк" для содействия нравственному, умственному и физическому развитию молодых людей обоего пола». Оно издавало журнал «Вестник "Маяка"». Одним из начинаний Общества был Международный солдатский клуб во Владивостоке, который ежемесячно посещали более 60000 солдат разных национальностей: русских, американцев, итальянцев, чехов, словаков, сербов, поляков, румын, французов, англичан, японцев, китайцев. В августе 1922 г. была организована широко разрекламированная встреча по водному поло команд «Маяка» и американского крейсера «Нью – Орлеан», а в сентябре – состязание по легкой атлетике «по обширной программе» с участием американской и японской команд. Устраивались популярные соревнования на «Кубок имени ХСМЛ» с вручением золотых и серебряных медалей[1].

Когда в 1918 г. американские секретари были отозваны из России, «Маяк» остался всецело в руках русских руководителей, которые и продолжали дело до тех пор, пока он не был закрыт советской властью осенью того же года[2].

Но деятельность YMCA в 1918 г. продолжалась в районах белого движения и действий армий Антанты на Севере России, в Сибири и на Дону. На работу YMCA в России израсходовал около 12 млн. золотых рублей.

Но отношение к нему было разное. В армии А.И. Деникина с опаской относились к деятельности YMCA, стараясь ее ограничить. В конце 1919 г. князь Г.Н. Трубецкой в докладе Деникину, составленном по его поручению, собрал материал, «характеризующий деятельность» американского YMCA, основываясь на беседах с «лицами, имевших возможность близко наблюдать работу» союза. Он отмечал, что «в отношении общей оценки отзывы распадаются», но неблагоприятных больше, и утверждал, что «по данным Военного Управления», члены YMCA «(в большинстве – евреи) поддерживают тесные отношения с евреями – главарями высших советских учреждений в Москве» и «нередко с неприязненностью относятся к офицерству». По мнению Трубецкого, Союз распространял в Америке мысль, что «большевики – это подлинный русский народ в духе американской демократии – и советская система преобразится,

[1] Алексеева И.А. Указ. соч. С. 116.
[2] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 445. Л.142.

станет культурною… Вся политическая работа Союза велась в чисто большевистском духе». Он предлагал, чтобы разрешение на работу YMCA на Юге России было «обставлено условиями, которые или будут отвергнуты Союзом, как для него неприемлемые, и тогда он не в праве будет претендовать на нее, или будут приняты им, но создадут для нас достаточные гарантии против возможности вредных последствий его работы». Трубецкой подчеркивал, что «в условиях междоусобной войны всякая просветительная деятельность иностранной организации является несвоевременной»[1].

В Сибири, при поддержке войск Антанты, YMCA чувствовал себя свободнее. Здесь он имел 200 платных работников. Приход кассы Владивостокского союза за 1922 г. насчитывал 60 тыс. руб. золотом, из которых 30 тыс. составляли членские взносы, а остальную половину – субсидии американского YMCA. В 1919 г. YMCA имел свои отделения в Омске, Чите, Иркутске, Томске, Новониколаевске (Новосибирске), Красноярске, Челябинске, Хабаровске, Барнауле, Астрахани и Харбине. В Восточной Сибири – в Глазовском (близ Иркутска), Канске, Ачинске, селах Енисейской губернии, в Ужуре, Заледеево, Шалинском, Устьянском и др. Его бурному росту содействовали американские секретари YMCA, прибывшие по приглашению Временного правительства и вынужденные возвращаться через Сибирь. Известно имя одного из них – Луис Пеннингрот (Penningroth Louis). Он оказывал помощь русским солдатам-инвалидам и ветеранам мировой войны, способствовал освобождению русских и иностранных военнопленных. В октябре 1918 г. был выслан из России. В 1919 г. вернулся без визы. Вел переговоры с министерством иностранных дел об освобождении военнопленных. В результате было освобождено 12 человек. Будучи противником большевиков, после возвращения в США занимался организацией программ материальной помощи (в частности, в области сельского хозяйства) и духовного просвещения в России. За это подвергался преследованиям со стороны ФБР и ушел из YMCA. Более 100 американских секретарей и более 200 их российских и чехословацких помощников составили организационную силу YMCA в Сибири. Работа делилась на культурно-просветительскую и благотворительную. Организовывались образовательные классы, спортивные площадки, летние лагеря для мальчиков, показатель-

[1] Алексеева И.А. Указ. соч. С. 117-118.

ные хозяйства в деревне, бесплатные столовые. Оказывалась помощь возвращавшимся из Европы русским военнопленным[1].

YMCA в Сибири имел 4 отдела: городских союзов, сельских союзов, железнодорожный и военный. Они обеспечивались четырьмя хорошо организованными бюро: исполнительным, лекционным (с кинематографическим отделом), снабжения и финансовым. Издавался журнал «Вестник Христианского союза молодых людей», а благовещенским отделением, организованном в 1921 г. при общине баптистов, с филиалами – в семи деревнях Амурской губернии, «Голос христианской молодежи». Целью в Сибири YMCA считал совместную работу с государством, церковью и общественными организациями по духовному, умственному и телесному развитию молодых людей, сохранение и развитие независимого национального русского движения YMCA и помощь американским экспедиционным войскам в Сибири «с целью поддержания их нравственности в условиях оторванности от родины и домашнего очага»»[2].

Но вскоре и правительство адмирала А.В. Колчака заподозрило американский YMCA в сочувствии большевикам и даже ходатайствовало перед правительством США об отзыве секретарей YMCA из Сибири. Министр иностранных дел колчаковского правительства Сукин телеграфировал советнику министерства иностранных дел США на Дальнем Востоке В.О. Клемму, что «…нам пришлось, идя навстречу общественному мнению, совершенно запретить деятельность этого союза на фронте и постепенно ликвидировать его работу в остальной Сибири»[3].

Дольше всего деятельность YMCA продолжалась на Дальнем Востоке, где в 1920 г. была создана демократическая Дальневосточная республика. Во Владивостоке, например, отделение YMCA функционировало до 1923 г. Здесь же весной 1922 г. был зарегистрирован Христианский Союз Молодых Женщин (общество «Женский "Маяк"»). Но и деятельность YMCA на Дальнем Востоке была прекращена в 1923 г.[4]

В Советской России остатки американской YMCA еще некоторое время продолжали благотворительную «помощь студентам,

---

[1] Там же. С. 114-115.
[2] Вестник ХСМЛ (Владивосток). 1919. № 2. С. 9.
[3] Алексеева И.А. Указ. соч. С. 118.
[4] Там же. С. 116, 118.

профессорам и ученым выдачей медикаментов, продуктов питания, книг и т.д. Некоторое время представитель Союза содействовал проведению программы физического и спортивного воспитания среди московского студенчества». YMCA даже агитировал США за дипломатическое признание большевиков. Однако руководство Советской России все больше приходило к мнению, что YMCA «считал своей задачей искоренить зародыш революции в России», называя YMCA «реакционнейшей американской организацией, воспитывавшей своих членов в духе беспрекословного подчинения доллару и богу»[1]. Уже в 1919 г. представительство YMCA в Москве было закрыто. Окончательно деятельность YMCA на территории России была прекращена в 1926 г.[2]

Либеральное Христианское студенческое движение также проникло в Россию в начале XX в. под влиянием протестантских организаций. В крупных университетских городах (Петербург, Москва, Казань и др.) возникают и разрозненные студенческие кружки, изучавшие Евангелие. Спецификой Студенческого христианского союза было то, что он был ограничен по времени воздействия на молодых людей временем их учебы, поэтому студенческие христианские организации сосредоточили свое внимание на религиозном воспитании.

Вскоре после Февральской революции 1917 г. президент США В. Вильсон назначил лидера этого движения, всемирно известного пропагандиста христианства доктора Д. Мотта своим чрезвычайным представителем с миссией посетить Россию. Мотт принял это назначение с условием, что его миссия не будет включать в себя политических заданий и ограничится областью религиозных и культурных отношений[3].

В мае-июле 1917 г. Мотт посетил Россию в составе делегации представителей различных слоев американского общества во главе с бывшим госсекретарем США Элиху Рутом. Американцы хотели заверить Временное правительство в готовности «принять страну в круг демократических государств и обсудить вопросы практического сотрудничества». Религиозные и светские круги поддержали участие Мотта.

---

[1] На большевистском пути. Л., 1932. С. 303.
[2] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 445. Л. 143.
[3] Там же. Д. 142. Л. 40.

Приезд совпал с подготовкой поместного собора РПЦ. Мотт присутствовал на избрании архиепископа Тихона митрополитом Московским, был принят им и имел долгую сердечную беседу. На предсоборном совещании в Москве Мотт был представлен митрополитам и установил личный контакт с большинством видных иерархов РПЦ. Они предложили Мотту выступить с приветствием перед собранием епископата и духовенства. На встрече он говорил о необходимости возрождения христиан, призывал к миссионерскому, просветительскому и социальному служению. После доклада будущий патриарх Тихон благословил его, а присутствовавшие проводили многолетием[1].

С этого времени установилась дружба Мотта со святейшим Тихоном. В июле 1917 г. Мотт, митрополит Тихон (Белавин) и глава российских католиков архиепископ Ян Цепляк даже подписали Соглашение о братском сотрудничестве[2]. «Мы, представители трех великих христианских общин, заявляем, что у нас – один Христос и общие цели. Мы будем учиться понимать друг друга и работать вместе», – гласил текст Соглашения[3].

Мотта также принимал и обер-прокурор Синода князь В.Н. Львов, с которым тот имел несколько продолжительных бесед. Мотт был приглашен на заседание Синода и получил от обер-прокурора официальное письмо на свое имя от 6 июля 1917 г. с заверениями поддержки движения «Вера и церковное устройство» и будущего участия в ее конференции представителей РПЦ. Львов сопровождал гостя при объезде лавр и чтимых русских святынь[4].

Часть русского дореволюционного духовенства симпатизировала идеям Мотта. Протопресвитер Г. Шавельский отмечал, что «известный во всем мире доктор Мотт, преклоняясь перед возвышенностью» настроения и миросозерцания русской церкви открыто выражает «веру в ее вселенскую миссию обновить дряхлеющий христианский мир»[5].

Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал, что Мотт, генеральный секретарь общества YMCA, «человек глубокой веры и ре-

---

[1] Там же.
[2] Попов Владимир Апостол студентов. Миссионерская деятельность Джона Мотта не раз приводила его в Россию // НГ-Религии. 2005. 07.12.
[3] Алексеева И.А. Указ. соч. С. 107.
[4] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 142. Л. 40.
[5] Шавельский Г.И. Русская церковь перед революцией. М., 2005. С. 24.

лигиозных исканий», «пленился нашей русской молодежью» и основал в Петербурге религиозно-просветительскую организацию «Маяк». Митрополит отмечал, что Мотт действительно «был близок» патриарху Тихону[1].

После Октябрьской революции это молодежное христианское движение также первоначально было официально признано советской властью. Было получено разрешение на регистрацию его устава, городским кружкам разрешили иметь печатные издания и библиотеки. К этому времени значительные организации существовали в 5 крупнейших городах России, а кружки имелись еще в 28-и. В 1918 г. лидер движения П. Николаи в Петрограде посещал евангелические кружки, провел несколько собраний на тему применения Нагорной проповеди. Однако он был арестован, а после освобождения покинул Петроград и переехал в свою усадьбу Монрепо, на территории независимой Финляндии. За неделю до смерти он написал Мотту, что из-за анархии и кровопролития вынужден прекратить деятельность в России, считая, что «возможность продолжения деятельности хотя бы одним из центров их организации была более чем сомнительна»[2]. 6 октября 1919 г. он умер в возрасте 59 лет. На похоронах в Монрепо присутствовала толпа людей. Многие прибыли из Петрограда. М.Л. Бреше говорила, что Николаи создал «новую эпоху в религиозной жизни России. Через студенческий христианский союз Россия получила христианских педагогов…, образованных работников во всех отраслях науки и техники» [3].

После смерти Николаи в 1919 г. центр студенческого христианского движения постепенно перемещается из революционного Петрограда в Самару, где еще в 1918 г. Самарский педагогический институт был преобразован в университет, а его профессором стал известный протестантский проповедник и лидер движения В.Ф. Марцинковский. В Самаре проходили демонстрации с религиозными лозунгами: «Покайтесь и веруйте в Евангелие», «Убойтесь Бога и воздайте славу Ему», «Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха». Число сторонников росло. В городах с открытыми

---

[1] Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания. М., 1994. С. 489–490.

[2] Гундерсен П. Павел Николаи из Монрепо. Европеец не такой как все. М., 2003. С. 80.

[3] Грачев Ю.С. Студенческие годы. Повесть о студенческом христианском движении. СПб., 1997. С. 278.

лекциями выступали проповедники, в т.ч. Марцинковский. Наибольшую популярность приобрела его лекция «Смысл красоты (от созерцания к творчеству)», которая сопровождалась музыкой Шопена и Грига и чтением стихов Бальмонта и Лермонтова. В Самаре студенты открыли детский приют на сбор пожертвований от лекций. Повсюду распространялась и продавалась литература религиозного содержания. Кружковцы работали в больницах, тифозных бараках, тюрьмах[1].

В 1919 г. состоялся народный суд о пригодности Марцинковского к службе в армии. На слушание эксперт П.В. Павлов представил целую кипу афиш с объявлениями о библейских, научно-популярных, исторических лекциях, прочитанных за 10 лет Марцинковским. Эксперт подчеркнул, что содержание этих лекций направлено на расширение кругозора и содействие духовному просвещению различных слоев населения. Частный свидетель рассказывал о самоотверженной работе Марцинковского с детьми сиротами и беспризорниками и о кружках молодежи, где Марцинковский работал в качестве организатора-методиста[2].

Марцинковский вспоминал, что в начале 1920-х гг. проходили встречи членов различных религиозных организаций, на которых обсуждались проблемы религиозной жизни и возрождения веры. Высказывались мнения, что победит в России – либо православие, либо протестантизм. Обсуждался вопрос о необходимости крещения взрослых и по вере[3].

Хотя в начале 1920-х гг. деятельность студенческого христианского движения становилась все более затруднительной, в течение 1921-1922 г. студенты сумели организовать в России 118 открытых собраний. Особенно раздражали власти публичные лекции и диспуты с безбожниками, в университетах, о которых заранее сообщалось в расклеенных везде плакатах. Так, в начале 1920-х гг. в Политехническом музее в Москве состоялся знаменитый диспут между наркомом просвещения А.В. Луначарским и Марцинковским «Надо ли верить в бога?»[4], который собрал несколько тысяч слушателей. Отмечая накал страстей, вспыхнувших на диспуте, толстов-

---

[1] Алексеева И.А. Указ. соч. С. 120.
[2] Попов В. Забытый праведник // НГ-Религии. 2005. 19 октября.
[3] Марцинковский В.Ф. Записки верующего. Из истории религиозного движения в Советской России. СПб., 1995. С. 103, 224.
[4] Там же. С. 93-100.

цы писали: «Большую искреннюю речь произнес Марцинковский (евангелист), но, к сожалению, он открыл слабое место своих верований, а именно идею искупления, – и на него-то устремился Луначарский со свойственным ему остроумием»[1].

Л.И. Антонова, репрессированная в 1930-х гг. за религиозные убеждения, вспоминала о нем: «Бог употребил его, чтобы через него открылись мои духовные очи, и я могла родиться духовно»[2].

Марцинковского неоднократно забирали в ЧК. Наконец, в 1922 г., после очередного освобождения из тюрьмы, проводивший акцию в Одессе Марцинковский получил телеграмму, предписывавшую ему возвратиться в Москву. Через несколько дней он вновь был задержан, а в апреле 1923 г., после Пасхи, Марцинковский был выслан из Советской России и жил в Праге[3].

Другим лидером движения становится в 1920–е гг. В.А. Амбарцумов (1892–1937). В 1920 г. в Москве под его руководством в Кречетниковском переулке был восстановлен разрушенный дом-общежитие и там был открыт Студенческий дом. В конце 1922 г. на съезде студенческих христианских кружков в Москве, на котором присутствовали представители из Воронежа, Ростова-на-Дону, Иваново-Вознесенска, Саратова, Самары, Нижнего Новгорода, Ташкента и других городов, был избран Центральный комитет христианских студенческих кружков во главе с Амбарцумовым. После отъезда Марцинковского, в 1924 г., деятельность кружков была запрещена. Студенческий христианский союз был снят с регистрации, и многие руководители движения отошли от него. Амбарцумов перешел на нелегальное положение. В 1926 г. он принял православие и был рукоположен в сан. Осенью 1937 г. о. Владимир был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. 3 ноября 1937 г. Тройка НКВД приговорила его к расстрелу, и через 2 дня он был казнен на Бутовском полигоне НКВД в Подмосковье. 20 августа 2000 г. протоиерей Владимир Амбарцумов был причислен к лику святых[4].

Многие участники студенческого христианского движения примкнули к баптистам, к различным сектантским молодежным организациям. Кружки по изучению Евангелия продолжали существование

---

[1] Попов В. Забытый праведник // НГ-Религии. 2005. 19. октября.
[2] Антонова Л.И. 12 лет разлуки перед вступлением в брак. Автобиографический очерк. Кременчуг, 2002. С. 28.
[3] Гундерсен П. Указ. соч. С. 90-91.
[4] Алексеева И.А. Указ. соч. С. 121-123.

и в 1930-е гг., хотя утратили студенческий характер и растворились в различных конфессиях.

Накануне Первой мировой в России появляются и другие либеральные интерконфессиональные благотворительные организации. Так, например, в июле 1913 г. власти С.-Петербурга разрешили выпуск ежемесячного журнала Армии Спасения, к тому времени активно работавшей в Финляндии, – «Вестник спасения». Весной 1914 г. в столице прошло первое шествие и собрание членов этой организации, а в декабре этого же года посвящение в солдаты Армии первых 8 жителей Петербурга, создавших тем самым неофициальное отделение финского корпуса под девизом: «Русь для Христа».

В сентябре 1915 г. в столице был открыт приют Армии для беженцев, а вскоре и второй на 80 человек в Лесной, который, однако, в 1916 г. был эвакуирован на станцию Домнино под Орлом. К началу Февральской революции неофициальные отделения Армии Спасения существовали в Петербурге, Москве, Одессе, в Орловской и Вологодской губерниях. Однако официально эта организация не была признана правительством и накануне революции находилась под угрозой полной ликвидации[1].

В первое время после Февральской революции ряды Армии Спасения бурно росли. Она теперь, не испрашивая разрешения властей, была структурирована под руководством командующего для России комиссара Генри В. Маппа. В середине сентября 1917 г. Мапп отправился в поездку по России. Он посетил Москву, где выступил с докладом «Цель, задачи и Деятельность Армии Спасения», перед которой несколько приветственных слов сказал один из лидеров РСХД – Марцинковский. Затем Мапп выехал в Орел и на станцию Домнино в 12 км под Орлом, куда предполагалось перевести детский приют из Петрограда. В зале Орловской губернской управы Мапп выступил с докладом о деятельности Армии, встреченный «весьма сочувственно публикой». Но в конце 1917 г. Мапп был вызван в Лондон, и в Россию больше вернуться не смог[2].

Дальнейшая судьба этой интерконфессиональной организации тоже была трагична. В конце 1917 г. руководство Армией Спасения

---

[1] Одинцов М.И. Мы проповедуем: «Русь для Христа». История Армии Спасения в России, с приложением документов и материалов. СПб., 2008. С. 122-186, 198.
[2] Одинцов М.И. Указ. соч. С. 201-242.

в России перешло к К. Ларссону. В мае 1918 г. ему удалось открыть в Петрограде Военное училище Армии Спасения по подготовке офицеров, в котором учились 18 кадетов из Петрограда, Москвы, Луги, Одессы, Орловской и Вологодской губерний. Руководил училищем швед П. Острим. Но просуществовало оно всего 4 месяца. Тем не менее, в сентябре 1918 г. прошел первый съезд Армии в России. Однако вскоре начинается преследование Армии. В ноябре 1918 г. власти закрыли штаб-квартиру Армии в Петрограде, а затем и деятельность всей организации была прекращена. Начались аресты. В декабре 1918 г. руководители-иностранцы начинают уезжать из страны. В марте 1919 г. организация была впервые запрещена, но вскоре запрет был снят. Поскольку официальных разрешений на открытие детских учреждений не имелось, то Орловские и Вологодские приюты к 1920 г были закрыты, их имущество конфисковано, а дети переданы в государственные учреждения. Неожиданно в 1922 г. отделения Армии в Москве и Петрограде были зарегистрированы, но через 8 месяцев они потеряли регистрацию, а в 1923 г. последовало решение о полной ликвидации, выезд за рубеж последних иностранных офицеров Армии и прекращение ее деятельности. Члены отдельных нелегальных кружков были расстреляны в 1930-е гг.[1]

Таким образом, Февральская революция способствовала бурному развитию интерконфессиональных либеральных организаций в России. Октябрьская же революция первоначально также была встречена ими положительно, поскольку они считали, что в новой России у них будут лучшие конкурентные условия по сравнению с Русской православной церковью. Но с началом интервенции советская власть отказалась санкционировать их работу, не желая терять монополию в идеологической сфере, и впоследствии все они были уничтожены.

[1] Там же. С. 201-242.

И.В. Сабенникова[1]

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г.: ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭМИГРАЦИИ

Революция 1917 г. – самое значимое событие в русской истории XX в., оказавшее фундаментальное влияние как на формирование национального самосознания, так и политической и культурной идентичности народа. Сама революция, последовавшие за ней гражданская война, установление советского режима, привели к расколу не только русского общества, но и мира в целом на противостоящие социальные политические системы, борьба между которыми определяла всю логику исторического развития XX в., а, в определенном смысле, и современную политическую картину мира. Учитывая значимость революции 1917 г. для исторического процесса в целом, целесообразно рассмотреть историографию вопроса, каким образом шло изучение революции в течение прошедших 100 лет. Историография русской революции интернациональна по своему характеру, что характерно для любого события мирового масштаба. Предметом историографической разработки, как правило, становились отдельные проблемы Февральской и Октябрьской революции, изучаемые как в СССР, так и за рубежом[2]. Однако при наличии значительного числа конкретных работ в историографии фактически отсутствуют обобщающие исследования, поднимающие ее до уровня теоретического обобщения. Как исключение, можно назвать книгу А.Н. Медушевского «Политическая история Русской революции»[3], где целый раздел посвящен анализу историографии проблемы с точки зрения анализа мифологем, которыми руководствовались предшествующие исследователи революции. Понимая сложность и трудно выполнимость такой задачи, как анализ всей имеющейся на данный момент историографии проблемы, в данной

---

[1] *Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, заведующая сектором использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).*

[2] Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября 1917-середина 30-х годов. М., 1981; Шевырин В.М. Революции 1917 года: переосмысление в зарубежной историографии // Труды по россиеведению. М., 2009. Вып. 1. С. 309-337; Smith S. Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // The Russian Revolution. The Essential Readings. L., Toronto, 2001.

[3] Медушевский А.Н. Политическая история революции. СПб., 2017.

статье мы лишь обозначим те основные тенденции в изучении революции, которые были представлены в историографии русской постреволюционной эмиграцией и нашили свое дальнейшее развитие в последующие периоды изучения этого глобального исторического события. Причина нашего внимания к данному направлению в историографии объясняется тем, что после октябрьской революции в эмиграции оказались как известные историки, так и общественные деятели и публичные политики, в своих работах дававшие оценку революции, ее причин и следствий. В послевоенное время их труды оказали существенное влияние на формирование западной русистики и советологии, а также на развитие отечественной исторической науки после 1991 г.

Изучение, а, следовательно, и научная оценка крупных исторических явлений, как правило, идет в несколько этапов. Сначала – непосредственная реакция современников на событие, выражающаяся, прежде всего, в эмоциональной публицистической форме. Затем следует период ретроспективного осмысления данного события, его бывшими участниками и очевидцами. И, наконец, объективное научное изучение исторического события последующими поколениями исследователей. На каждом из этапов происходит качественная переоценка значимости исторического события и его места в системе социального, политического, культурного развития, связанная с ценностными оценками данного явления. На начальном этапе – эта оценка вытекает из доминирующих ценностей той эпохи, когда событие произошло. На втором этапе оценка события зависит в основном от стремления исследователей вписать его в контекст политической истории с определенным знаком. И, лишь после значительного промежутка времени, исследования приобретают в большей степени ценностно-нейтральные оценки данного события. Такая логика изучения и, соответственно развития историографии, хорошо прослеживается именно на примере крупных общественно значимых событий. Несомненно, что все выше сказанное относится к изучению русской революции 1917 г., которая, с одной стороны, является результатом социального кризиса начала XX в., выразившегося во внешней политике участием России в Первой мировой войне и обострении социальных противоречий, а также политической борьбы внутри страны, с другой – сама представляет собой крупное историческое явление. И, наконец, с треть-

ей, становится объектом изучения, радикально раскалывающим ценностные восприятия, прежде всего, ее современников, а также и последующее поколение исследователей, находящихся под влиянием определенных политических идеологем.

Многочисленная русская диаспора, сложившаяся в различных странах Европы в межвоенный период и, благодаря значительному процентному соотношению в ее составе интеллигенции, имеющая высокий научный потенциал, положила начало изучению русской революции 1917 г. На этапе 1917-1939 гг., когда постреволюционная эмиграция существовала как самостоятельный политический феномен, изучение революции, ее причин и следствий, гражданской войны и установление советской власти, уже имело хорошую фактическую основу. Об этом свидетельствуют такие историографические источники как лекционные курсы русских профессоров-эмигрантов, работавших в университетах от Харбина до Гарварда. В этих лекционных курсах даны оценки международной ситуации, экономического и политического положения в Советской России, революции и эмиграции. Так, только в Русском народном университете в Праге на специально созданном отделении «Советская Россия» читались новые курсы: «Правовой строй России» (проф. Н.С. Тимашев), «Экономика России» (проф. Н.О. Прокопович), «Финансы Советской России» (проф. А.А. Вилков), «Международное положение Советской России» (приват-доц. М.А. Циммерман), «Сельское хозяйство и земельная реформа в Советской России» (проф. К.Р. Кочаровский), «Гражданское право в Советской России» (проф. С.В. Завадский), «Школа в Советской России» (проф. С.И. Гессен), «Церковь в Советской России» (проф. С.Н. Булгаков). Анализ этих источников позволяет раскрыть истоки историографической традиции. Особое значение для историографического изучения эмиграцией революции имеет сопоставление этих исторических источников с документами личного происхождения, мемуарами, трудами ученых, а также публицистикой. Этот сравнительный анализ показывает, что материалы лекционных курсов не только были сделаны на высоком научном уровне, определявшемся научным уровнем высшей школы в дореволюционной России, но носили исследовательский характер, поскольку представляли собой попытку объяснить события русской революции для широкой обществен-

ности Западной Европы[1]. Можно констатировать, что многие важные идеи в области истории, социологии, философии XX в. вышли отсюда, как, например, концепция тоталитаризма, социология революции (П.А. Сорокин), структурная лингвистика (Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон).

Период 1917-1939 гг., с точки зрения исторического изучения революции, характеризуется следующими чертами: основной целью этих работ следует считать доказательство определенного политического тезиса, в чем эмигрантская историография революции повторяет споры эпохи самой революции, которые были перенесены в эмигрантскую среду. В этом контексте понятны споры республиканцев и монархистов, либералов и евразийцев, «возвращенцев» и их противников. Наиболее крупные системные работы о русской эмиграции принадлежат, несомненно, П.Н. Милюкову, который был первым и, можно сказать, самым крупным историографом русской революции в эмиграции. Он являлся основателем ее научного изучения. Его перу принадлежат чисто политические работы, связанные с борьбой разных политических течений в эмиграции и предложенной им «новой тактикой»[2]. Милюков впервые обобщил значительный эмпирический материал, доступный в то время. Труды Милюкова, в отличие от многих его оппонентов, сохраняют свое научное значение, оставаясь основой научного изучения русской революции и теперь.

Русская постреволюционная эмиграция внесла существенный вклад в изучение явления русской революции, которое шло через изучение истории России и места революции в ней. Здесь значительный вклад сделали такие известные русские историки-эмигранты как А.А. Кизеветтер, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, создатели направления в структурной лингвистике – Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, в области экономики – С.Н. Прокопович, в социологии – П.А. Сорокин, в философии – Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский. Политическая составляющая проблемы была представлена спорами о неизбежности русской революции, связанными с ними концепциями дальнейшего развития

[1] Сабенникова И.В. Право и традиция: либеральная профессура в организации юридического образования русской постреволюционной эмиграции // Гефтер. 2013. 15 ноября. URL: http://gefter.ru/archive/10525 (дата обращения: 05.05.2017).

[2] Miliukov P. Bolshevism: An International Danger. L., 1920. P. 17; Милюков П.Н. Россия сегодня и завтра. [Б. м.], 1929. 31 с.

России и идеологиями того времени (концепция тоталитаризма, евразийцы, сменовеховцы, «русские фашисты»). Основные идеологические дискуссии в эмиграции можно рассматривать как попытку осмысления двух больших проблем: отношение всего спектра политических течений к феномену революции (в рамках которого поразному интерпретируется отношение к советскому режиму); определение места России в целом и российской революции в рамках европейско-азиатской действительности (евразийство).

В большинстве своем русская интеллигенция, воспитанная на идеалах жертвенности, своего долга перед народом, приняла революцию. Однако, принятая по форме (в смысле социальных изменений), революция не была принята по своему содержанию. Значительная часть эмиграции была убеждена в том, что большевики «исказили революцию», наполнили ее иным содержанием и что «завоевания революции» в России происходят вопреки им. Такой точки зрения придерживались различные круги эмиграции: социалисты, либералы (во главе с Милюковым), сменовеховцы и евразийцы. Оппозицию им составляла та часть русской интеллигенции, которая считала революцию (в т.ч. и февральскую) катастрофой, приведшей к уничтожению государства и деградации населения[1]. Полемика в русской эмиграции о революции сводилась, таким образом, к вопросу о ее признании или непризнании. Милюков считал, что революцию нельзя не признать «как факт, как право народа», но в это признание революции Милюков не включал признание большевистского режима. По этому поводу в брошюре «Республика или монархия?» он писал: «Законна не советская власть, а создавшая ее революция»[2]. К противникам этой точки зрения относились, прежде всего, авторы «Вех», которые задолго до событий 1917 г., отвергли идею о самоценности революции и противопоставили ей эволюционный путь развития посредством реформ[3].

Осенью 1918 г. авторы «Вех» выступили вторично, сразу после Октябрьской революции, со сборником «Из глубины», где их объединила идея анализа уже свершившейся революции, желание разобраться в ее причинах, оценить результаты и последствия ее

---

[1] Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М., 2004. С. 283.
[2] Милюков П.Н. Республика или монархия? Париж, 1929. С. 11.
[3] Струве П.Б. Указ. соч. С. 32.

для России. Названием к сборнику послужили слова псалма «Из глубины воззвах к Тебе, Господи». Авторы предрекали крах большевизма, рассматривая революцию как глубочайшую духовную катастрофу. Они предполагали, что замена монархии, имеющей в глазах народа легитимное право на власть, демократией, лишенной всякой легитимности и опирающейся лишь на рациональные основы, чревато хаосом и гражданской войной. Один из авторов сборника – И.А. Покровский писал: «Собственными руками своими мы растерзали на клочья наше государство и наш народ растерзали не только на "самоопределяющиеся" территориальные куски, но и на "самоопределяющиеся" социальные классы»[1]. Его дополнял С.Л. Франк, считавший, что социализм не принес с собой демократии, поскольку ее реальное развитие возможно лишь в правовом государстве. Социализм, являясь одной из форм авторитаризма, по его мнению, всегда будет стремиться к преодолению демократии[2]. Бердяев, также автор сборника, в эмиграции отошел от «веховской» общественно-политической платформы, выступая в роли философа-пророка. В своих работах Бердяев анализирует социальные утопии XX в., к которым он относил коммунизм и фашизм, и их трансформацию в психологию масс. Тема революции также остается одной из центральных в его работах, но рассматривает он ее в соотношении к свободе личности. В 1924 г. Бердяев делает вывод, что социализм это не только экономическая, политическая и социальная система, он претендует на то, чтобы стать религией, обещая всеобщее преобразование мира, создает свои культы и стремится к уничтожению свободы личности во всех ее проявлениях. Возникнув, как освободительная идея, социализм смыкается с социальной реакцией, заимствуя у нее тоталитаризм[3]. Это в значительной степени, по мнению Бердяева, объясняется тем, что в период революции происходит распад и общества, и государства, и восстановление целого происходит не на основе органических законов, а спонтанно, путем насильственного объединения. Такое насильственное объединение и порождает новую форму деспотиз-

---

[1] Покровский И.А. Перуново заклятье // Цивилистическая практика. 2005. Вып. № 3(16). С. 92.

[2] Франк С.Л. De profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967.

[3] Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 420.

ма. Таким образом, общество, в результате социальной революции проходит 3 стадии: революция, анархия и деспотизм. Наиболее известными среди эмиграции оставались работы Бердяева «Философия неравенства» и «Новое средневековье», которые содержали критику западной демократии. Именно они имели наибольшее влияние на идейный поиск молодой части эмиграции, что дало повод П.Б. Струве считать Бердяева духовным отцом евразийцев, младороссов и других пореволюционных эмигрантских течений.

Пореволюционные идеологические течения оформились в эмиграции к 1921 г., когда большевики, пойдя на уступки в области экономики, объявили о новой экономической политике. Отказ от военного коммунизма дал новый импульс для теоретических размышлений в русской эмиграции и возникновению надпартийных общественно-политических объединений, стоящих вне тех политических партий, которые сформировались до или в ходе революции 1917 г. Эти идеологические направления сформулировали взгляды целого слоя, преимущественно молодой части русской эмиграции. Летом 1921 г. в Праге и Софии вышли программные сборники двух послереволюционных течений русской эмиграции: «Смена вех» и «Исход к востоку, предчувствия и свершения». Если между «Вехами» и сборником «Из глубины» прослеживается идейная преемственность, выразившаяся в сквозной теме этих сборников, – русская интеллигенция и революция и, в значительной степени, повторяется состав авторов, то «Смена Вех» – своего рода альтернативная концепция «Вехам». Сборники оказываются полярными не только из-за эволюции взглядов нового поколения (авторами «Смены вех» стали молодые русские интеллектуалы – Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Чахотин, Ю.Н. Потехин), но, в большей степени, благодаря качественным изменениям самого человека, приобретшего совершенно иной жизненный опыт, пройдя через революцию, гражданскую войну и эмиграцию.

Евразийцы заявляли, что революция, прежде всего, продемонстрировала разрыв России с Европой и духовный переворот, который она привнесла, имеет не политическую, а этническую основу. Но этой новой России нужна сильная власть, даже если она не имеет на это нравственного права, все равно, по их мнению, она в скором времени будет заменена новым типом власти – идеократией. Большевистская революция 1917 г., ставшая основной причи-

ной массовой русской эмиграции, объяснялась евразийцами как восстание Евразии против чуждого влияния Европы. По их мнению, она вновь доказала, что культура России имеет в своей основе антизападную направленность. Бердяев, характеризуя евразийство, писал: «Евразийство есть, прежде всего, направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу. Такого рода душевная формация может обернуться русским фашизмом»[1].

Значительная часть русских эмигрантов (и правых, и левых) не разделяли высказываемой сменовеховцами идеи о неизбежном революционном пути развития России. Разногласия касались непосредственной причины революции и последующей власти большевиков. По мнению Струве, одной из основных причин подобного хода революции явилось неучастие в политическом процессе двух основных слоев дореволюционного общества – образованной элиты и крестьянских масс, которые не были привлечены «к активному и ответственному участию в государственной жизни и государственной власти». Причины этого Струве видел, с одной стороны, в крепостном праве и крестьянской общине, лишившей крестьян чувства частной собственности, тем самым, сделав их анархически мыслящей частью общества, с другой – в специфике интеллигенции, которая в значительной степени была носительницей революционных идей, в корне отличаясь от интеллигенции европейской, представляла собой не социальное, а идейное объединение. В результате чего народ в целом, без деления его на классы и сословия, не был интегрирован в общегражданское общество. В отношении евразийства Струве был настроен критически, считая, что оно не демонстрирует никакого философского единства, и весь опыт евразийства есть попытка «сознательного и искусного духовного и душевного приспособления каких-то элементов зарубежной и внутри российской интеллигенции к поразившей русский народ "заразе" большевизма»[2]. По мнению Бердяева, оторванность интеллигенции от конкретного политического процесса способствовала развитию в ней увлеченности максималистскими идеями[3]. Этими чертами рус-

---

[1] Там же.
[2] Струве П.Б. Указ. соч. С. 283.
[3] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. 159 с.

ской интеллигенции были наделены и основные политические партии, принявшие участие в политическом процессе в России в начале XX в. Специфика русского исторического процесса стала причиной того, что не был сформирован достаточно широкий класс собственников, который мог бы выступить носителем либерального сознания. Этим же объясняется слабость русского либерализма, оказавшегося революционным течением на фоне общего консерватизма. Но даже консерваторы в России, как отмечал Г.П. Федотов, представляли собой после Петра I «особую форму западничества» и, стоя на позициях охранения, часто охраняли «не вековые традиции народной жизни, а известный этап их разрушения»[1]. По мнению большинства эмигрантов, петровские преобразования привели к отчуждению между двумя слоями общества – крестьянством и интеллигенцией, что создавало неустойчивость государственного строя. Революция только явилась логическим разрешением данного противоречия. Этим для большинства эмигрантов объяснялся закономерный характер революции в России. Часть эмиграции, прежде всего евразийцы, считали отрыв интеллигенции от народной культуры, начиная с петровских реформ, отклонением русской истории с «правильного» пути. Большая часть эмиграции и, прежде всего, Милюков в «Очерках по истории русской культуры», придерживалась мнения, что факт отрыва некультурной массы населения от культурного авангарда – интеллигенции, является универсальной переходной стадией развития любой цивилизации.

Концептуальные споры русской эмиграции на первом этапе развития историографии русской революции шли, в значительной степени, под влиянием политических тенденций эпохи – осмысления европейского фашизма, гражданской войны в Испании, государственных переворотов в ряде стран, где в центре внимания оставались проблемы России. Эмиграции принадлежала модель трансформации российской политической системы. Эта концепция, рассматривала эволюцию российской политической системы по аналогии с Французской революцией и видела в НЭПе своеобразный эквивалент термидора и перехода к бонапартизму. Помимо того, была дана ретроспективная оценка важнейших политических институтов периода революции, например, Учредительного собра-

[1] Федотов Г.П. Революция идет // Современные записки. 1929. Кн. XXXIX. С. 348.

ния (М. Вишняк)[1], хода революции и гражданской войны (А.И. Деникин[2], П.Н. Врангель[3]).

Концепции революции, выдвигавшиеся ее современниками, не выходили за рамки господствовавших в тот период социологических теорий, таких как бихевиористские концепции, выразителем которых выступал Сорокин, считавший, что спонтанный протест против длительно подавляемых социальных инстинктов ведет к крушению государственности; сравнение революции и Смуты, т.е. сведение причин революции к буквальному крушению государственности, что прослеживается особенно четко в трактовках лидеров Белого движения; теории внешнего или внутреннего «заговора», часто встречающейся в эмигрантской литературе; сочетание исторических обстоятельств и роли «великих людей» в истории, а также религиозно-философские рассуждения, связанные с моральной деградацией общества (например, Бердяев).

Таким образом, говоря о начальном этапе развития историографии можно сказать, что в сочинениях видных представителей русской эмиграции мы находим оценку революции, прежде всего, как политического феномена. В то же время, литература межвоенного периода, безусловно, внесла большой научный вклад в изучение рассматриваемого феномена по разным направлениям. Для данного этапа развития историографии можно констатировать частичное совпадение историографии и источников по проблеме. Произведения эмигрантских авторов, посвященные предыстории, ходу революции и гражданской войны, выступают не только как памятники исторической мысли, но и как источники, отразившие представления эмиграции того периода. Тем не менее, необходимо провести различие между источниками в узком смысле (например, мемуарами) и произведениями, отражающими попытку концепционного осмысления исторических фактов. Можно констатировать, что на начальном этапе изучения революции источниковая база была представлена преимущественно устными источниками и мемуарами. Сама по себе научная традиция еще не была отделена от исторических событий. Систематическое обращение к архивам для это-

[1] Вишняк М.В. Два пути (февраль, октябрь). Париж, 1933. С. 247.
[2] Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 т. Париж, 1921-1923. Переизд.: М., 2002.
[3] Врангель П.Н. Воспоминания. В 2 т. М., 1992.

го периода не характерно, поскольку архивы находились в процессе своего формирования.

Последующий период развития историографии революции определяется качественной спецификой целей, методов и источников. Целью исторических исследований русской эмиграции, характерной для второго периода, являлось переосмысление истории революции, после того как сама постреволюционная эмиграция прекратила свое существование как самостоятельный социокультурный феномен в результате событий Второй мировой войны и смены поколений. На втором этапе, окрашенном идеологическим противостоянием двух систем и начавшейся «холодной» войной, исследования по русской революции имели задачей показать значение данного феномена для противопоставления ценностей дореволюционного периода и эмиграции ценностям тоталитарного режима. Для этого периода характерно появление обобщающих трудов по русской истории, написанных молодым поколением эмигрантов. Обращает на себя внимание появление крупных исследовательских трудов по русской истории, написанных с целью выявления специфики русской истории в сравнении с историей других европейских стран и объяснения ее развития в XX в. В этой связи следует указать на работы Г.В. Вернадского, Н. Рязановского, М. Раева, М.М. Карповича, С.Г. Пушкарева, А. Ярмолинского, В.В. Леонтовича и др., которые в послевоенный период стали профессорами в крупных американских и европейских университетах, получили кафедры или возглавили научные центры по изучению российской истории[1].

Леонтович написал книгу по истории российского либерализма, которая представляла собой первую систематическую историю русского либерализма, написанную русским автором, где была рассмотрена альтернативная модель развития России[2]. Пушкарев дал характеристику основных политических течений в российском об-

---

[1] Вернадский Г.В. – профессор, почетный магистр гуманитарных наук Йельского университета. Преподавал в Гарварде, в Колумбийском, Чикагском, Балтиморском ун-тах; М.М. Карпович в 1949-1954 гг. был деканом Славянского факультета. С 1945 г. редактор «Нового Журнала», один из основателей журнала The Russian Review; Н. Рязановский в 1949-1957 гг. преподавал в Университете Айовы и Калифорнии в Беркли; М. Раев – ученик Карповича, профессор Колумбийского Университета. А. Ярмолинский – историк и переводчик русской литературы, возглавлял Славянское отделение Нью-йоркской Публичной библиотеки.

[2] Leontovich V.V. History of liberalism in Russia (1762–1914). Paris, 1980. 444 c.

ществе в период революций начала XX в.[1] Карпович[2] и Вернадский большое внимание уделяли вопросам выбора пути Россией между Востоком и Западом[3]. Ярмолинский и Рязановский рассматривали вопросы взаимоотношения государства и общества, а также причины роста радикализма в общественном сознании. Раев посвятил специальное исследование планам политических реформ в России[4]. Главным объектом их исследований становится вопрос о существовании исторической альтернативы в истории России XX в., отношение общества и государства, проблемы проведения реформ, становление русской интеллигенции. Работы эмигрантских историков продолжали либеральные традиции старой русской историографии и государственной школы, а основными опорными точками становятся работы С.М. Соловьева, Б.Н. Чичерина, К.Д. Кавелина, А.Д. Градовского. Эти ретроспективные исторические исследования, безусловно, сыграли важную роль в осмыслении феномена российской революции – истоков ее возникновения, развития, исторического значения. Проблемы революции рассматривались ими в контексте процессов модернизации и европеизации России.

Теория модернизации была предложена историками эмиграции в 1960-70-е гг. как антитеза марксистской теории революционного конфликта. Авторы, выступавшие с позиций теории модернизации, исходили из предположения, что все страны имеют сходную логику исторического развития, разница между ними состоит главным образом во времени прохождения того или иного этапа, т.е. одни проходят соответствующие стадии раньше и быстрее других. Такой подход давал возможность рассматривать перспективы всякой политической системы в критериях предшествующих, заранее определив перспективные тенденции намеченного линейного развития общества и даже реализовав при этом «преимущества отсталости» (А. Гершенкрон, Карпович, Рязановский, Раев и др.), т.е. возможность выбора из уже существующих моделей развития, представ-

---

[1] Pushkarev Sergei G. Review of Russian history. N.Y., 1953. 509 c.
[2] Karpovich M.M. Imperial Russia. N.Y., 1932.
[3] Vernadcky George. History of Russia. Vol. I-V. New Haven, 1943-1969.
[4] Raeff M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobilit. N.-Y. 1966; Raeff M. Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration: 1919-1939. Oxford, 1990; Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder-San Francisco; Oxford: Westview, 1994.

ленных опытом более развитых стран. Направления сравнительных исследований и шкала оценок поэтому целиком определялись конструкцией европейского общества нового и новейшего времени, связанных, прежде всего, с Французской и другим европейскими революциями XVIII-XIX вв., которые рассматривались как идеальный тип. Такая модель представляла русскую революцию как неудачную копию Французской, лишая ее исторической оригинальности и критикуя за всякого рода отклонения от схемы. Причины ухода русской революции в диктатуру усматривались, как правило, в национальной исторической традиции, а не в принятии ошибочных институциональных решений.

Если на начальном этапе в российской эмиграции были представлены разные течения, в т.ч. ультраконсервативные, то позже они вытесняются, преимущественно, либеральным направлением. Для послевоенного периода характерна некоторая институционализация процесса изучения российской революции. Появляются самостоятельные институты, школы и направления, связанные с изучением российского революционного движения, политических партий, интеллигенции, революции и советского режима. Для него же характерна достаточно острая борьба за архивы русской эмиграции, связанная с попыткой использовать социальную память, сохраненную в архивных документах постреволюционной эмиграцией, с целью интерпретации феномена русской революции. История основных эмигрантских архивов реконструируется по воспоминаниям представителей эмиграции. Они указывают на существование ряда архивов – Пражского архива (РЗИА), Архива Бахметева, Архива Б. Николаевского, архива Парижского Земгора, Дальневосточного архива, дают им сравнительную характеристику. Свидетельства эмигрантов позднего периода в этом отношении особенно ценны, поскольку позволяют раскрыть неформальную историю возникновения архивов и перемещения архивных документов из одних стран в другие. Главным в ходе этого обсуждения был вопрос о сохранении секретности архивов (обеспечение срока давности хранения), предотвращении неконтролируемых, не только в коммерческих, но и в политических целях, публикаций личных документов[1].

[1] Сабенникова И.В. Архивы российской эмиграции как источник национальной памяти // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения, 2014. СПб., 2014. С. 146-162.

Изучением революции занимались не только эмигрантские исследователи, но, главным образом, советские историки. В силу политических причин, в советской историографии на вопросы альтернативного развития исторического процесса давались, как правило, безапелляционные ответы – в пользу революционного выбора и его исторически реализовавшейся модели – Октябрьской революции 1917 г. Тем не менее, за весь период существования советского строя официальной историографией не было предложено ни одного действительно нового концептуального объяснения революции, выходящего за рамки теорий эпохи самой революции или западных концепций[1]. Исходя из этого, можно предположить, что советская историография революции 1917 г. возникла, существовала и рухнула вместе с советским режимом. Отказ от идеологических установок в советской науке в эпоху крушения и распада СССР привел к механическому воспроизводству теоретических представлений русской эмиграции и, как наиболее популярной, – евразийской школы, рассматривавших русскую революцию начала XX в. как новую «Смуту» – процесс распада государственности, аналогичный тому, который имел место в истории страны начала XVII в. Интерпретация революции 1917 г. как Смуты получила наиболее широкое распространение в исторической литературе периода крушения СССР в 1990-е гг., где революция рассматривалась как новая разновидность Смуты[2].

В современной российской историографии не предложено ни одной концепции революции, которая бы выходила за рамки ее объяснения современниками событий. Причина данной историографической ситуации объясняется господством устаревших методологических подходов. Теории «конца истории», «войн цивилизаций», «волн демократизации», связанные с ними идеи о существовании «исторической матрицы», «колеи», «русской системы», не выходят за рамки «социально-психологического детерминизма» и линейной версии исторического процесса. Укоренение версии об «особом пути», являясь реакцией на европоцентризм, вносит мало нового в понимание революционного процесса и сочетания в нем модернизации и ретрадиционализации, поскольку, рассмотрение,

[1] Общественная мысль русского зарубежья. М., 2009.
[2] Солженицын А. Размышления над Февральской революцией. М., 2007.

как правило, ограничено пределами западного мира, игнорируя все остальные варианты[1].

Последующий период развития историографии русской революции, начиная с середины 1980-х гг., который проходил уже без непосредственного участия историков эмиграции, но при определенном влиянии сформулированных ими ранее идей, определяется существенно новыми чертами. Его целью является объективно научное и политически беспристрастное изучение феномена российской революции, методы характеризуются расширением их состава (наряду с традиционными все более развиваются сравнительные методы), значительно расширяется источниковая база за счет открытия архивов, которые ранее по разным причинам были закрыты. На этом этапе важнейшим переломным событием стало открытие архивов в России (1990-е гг.) и на Западе – личные фонды, полицейские архивы, архивы русской эмиграции и др., позволяющих на ином эмпирическом уровне подойти к изучению русской революции 1917 г., и, уйдя от описательности революционных событий, предложить научному сообществу всесторонние аналитические выводы о глобальном историческом событии XX в. – русской революции.

Д.В. Тимофеев[2]

РОССИЙСКОЕ ЗЕРКАЛО ЕВРОПЕЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ: ПОНЯТИЕ «РЕВОЛЮЦИЯ» В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Одно из перспективных направлений исследования истории общественного сознания, которое открывает перед историком возможность реконструкции широкого спектра общественных настроений – изучение особенностей социально-политического языка изучаемого периода времени. Такой подход предполагает концентрацию внимания исследователя на значениях, контекстах и целях ис-

---

[1] Медушевский А.Н. Аналитическая история // Отечественная история. 2008. № 5. С. 3-18.

[2] *Тимофеев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УРО РАН).*

пользования ключевых социально-политических понятий в исторических источниках различной видовой принадлежности. Основная задача при проведении сравнительно-контекстуального анализа привлекаемых текстов – выявить представления современников о сущности, причинах, позитивных и негативных следствиях явления или процесса, которые формулировались современниками с помощью таких понятий как, например, «свобода», «собственность», «конституция» или «революция». Все это, с одной стороны, позволит избежать осовременивания значений ключевых социально-политических понятий, а, с другой, – уйти от формального, линейного рассмотрения истории формирования политических идеологий, которые, на начальном этапе, не имели концептуальной целостности и возникали как конгломерат экономических, социальных и политических представлений, ожиданий и критических размышлений.

На рубеже XVIII – начала XIX в. ключевым понятием социально-политического лексикона образованного российского подданного становится понятие *«революция»*. До середины XVII в. оно имело политически нейтральное значение и использовалось в англоязычной научной литературе для описания астрономического феномена кругового вращения светил вокруг Земли[1], а позднее отождествлялось с любыми масштабными изменениями в природе и обществе. Доминирование политического значения над «природным» произошло после революции во Франции 1789 г. С этого времени понятие «революция» как в оригинальных, так и в переводных изданиях зарубежных авторов уже безоговорочно отождествлялось с масштабными социальными и политическими изменениями, а в начале XIX в. впервые было зафиксировано в толковом словаре Н. Яновского: «Революция – внезапная перемена в правлении какого народа, произведенная сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей»[2].

Наполнение понятия «революция» новым содержанием прослеживается в трех сферах публичной коммуникации: 1) на страницах российских *газет и журналов* в форме новостных сообщений и

---

[1] Магун А. Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 59.

[2] Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 3: О–Ф. СПб., 1806. Стб. 516. Косвенным подтверждением окончательного закрепления политического значения было то, что в «Словаре Академии Российской» (первое издание: Ч. 1-6, 1789-1794, второе: Ч. 1-6, 1806-1822) понятие «революция» не упоминалось.

аналитических обзоров; 2) *проектах реформ*; 3) *научно-популярных произведениях* российских авторов.

На рубеже XVIII–XIX вв. в журнальных публикациях, посвященных революционным событиям во Франции, постепенно происходило смещение акцентов от простого описания событий к размышлениям о причинах и последствиях революции. Пытаясь объяснить природу революции, авторы, как правило, основными ее причинами называли злоупотребления местных властей, слабость Людовика XVI и падение нравов[1]. В качестве «нравственных причин революции» объявлялось увлечение «ложными» политическими идеалами, поиск «гражданами несбыточного счастья», необоснованная критика властей, а также социальная вражда, вызванная непониманием взаимосвязи и функционального назначения различных сословий[2]. Так, например, в одном из номеров журнала «Сын Отечества» российские читатели могли найти следующее суждение: «В начале революции народ Французский искал щастия, руководствуясь каким-то темным чувством: Правительство казалось ему тиранским, дворянство высокомерным и притеснительным, и хотя дворяне и купцы со своей стороны также роптали, но другия состояния признавали первых излишними в государстве, а вторых своекорыстными откупщиками…»[3]

Наряду с морально-этическими факторами, хотя и значительно реже, в ряду причин «революции» называлось противоречие между действовавшим в стране законодательством и реальностью. Так, например, в статье «Взор на нынешнее положение Европы» революция преподносилась не только как результат действия «гнусных злодеев», которые воспользовались «беспомощным положением» короля Франции, но, главным образом, как закономерный итог ошибочного представления о возможности в течение длительного времени сохранить в неизменном виде «коренные законы и учреждения». Следуя «…несчастной склонности человеческого духа всегда творить для вечности…», французы не смогли своевременно кор-

---

[1] Стенник Ю.В. Тема Великой французской революции в консервативной литературе и публицистике 1790-х годов // Великая Французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 74–75.

[2] Размышление русского патриота о быстрых успехах французской системы // Сын Отечества. 1813. Ч. 4. № X. С. 149.

[3] Исступление французской политики в 19 веке // Сын Отечества.1813. Ч. 8. № XXXIII. С. 34.

ректировать нормы закона. Именно поэтому, по словам автора, «…оныя узаконения пережили полезность свою многими столетиями, и сия твердая роспись времен старинных так увеличилась, что не осталось уже места для учреждений, коих требовало время настоящее» и «все почти постановление Французского Королевства состояло напоследок из таких законов, кои почитались священными и нерушимыми, но годясь только для давно прошедших веков, болезненно удручали племя живущее»[1]. В такой трактовке причины революции оказывались непосредственно связанными с неспособностью властных структур адекватно реагировать на происходившие в стране изменения.

Аналогичная взаимосвязь революции и непродуманной политики правительства прослеживается также в особом мнении Н.С. Мордвинова «О новых налогах», представленном в сентябре 1822 г. на совместном заседании департаментов Гражданских и Духовных дел и департамента Государственного хозяйства Государственного Совета. Известный своими либеральными взглядами адмирал подверг критике предложение министра финансов о введении налога на наследство и повышении ряда сборов. Аргументируя свою позицию, он напомнил собравшимся, что именно «расстройство финансов» вовлекло Францию «…во все лютости кровавой революции»[2]. Непродуманная налоговая и денежно-эмиссионная политика правительства представлялась достаточной причиной революции и в работе Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов». Провозглашая принцип соразмерности налогов доходам граждан, он писал: «От неравного разделения податей между гражданами рождается ненависть одного класса народа к другому, от чего происходит ненависть к самому правительству. Французская революция представляет ужасные примеры того и другого»[3]. Данное обстоятельство, по мнению автора, должно было быть для российского правительства весомым аргументом против любых предложений о повышении налогов или выпуске новых ассигнаций.

Важной составляющей образа французской «революции» в публичном пространстве России первой четверти XIX в. было

---

[1] Взор на нынешнее положение Европы // Политический, статистический и географический журнал, или современная история Света. 1807. Ч. II. Кн. 1. С. 5.

[2] См.: Мордвинов Н.С. Записка о новых налогах // Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 558.

[3] Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. СПб., 1818. С. 30.

утверждение, что она не только не достигла своих первоначальных целей, но и обманула надежды граждан: вместо «свободы», верховенства «закона» и неприкосновенности «собственности» «Франция… со временем постыдной своей революции соделалась позорищем ужасных неистовств и воспитала грабителей, нагло попирающих священные права, коими обеспечивается благо народов»[1]. Главными «средствами революционных героев» объявлялось «возмущение народа против законной власти, грабеж всякого имущества, нарушение всех прав народных и человеческих»[2]. Все подобные проявления «человеческой страсти» были полной противоположностью «истинного просвещения», а, следовательно, в морально-нравственном смысле «революция» не могла иметь положительных результатов.

Одновременно с этим утверждалось: неизбежность в ходе революции открытого противоборства предопределяла вероятность того, что любые ее «достижения» могут быть сведены к минимуму или даже уничтожены противниками в исторически обозримом будущем. Именно поэтому, наряду с понятием революция, в текстах российских авторов появился специальный термин – «контрреволюция», используемый для обозначения движения политического процесса в противоположном «революции» направлении[3]. Убедительным примером архаизации достигнутого ранее уровня развития были публикации, авторы которых утверждали, что «Европа после революции не только не приобрела никакого просвещения и успеха в нравственности, но едва не погрузилась в прежнее варварство…»[4], а поколение людей, «воспитанных во время и после революции… не имеет никаких понятий, кроме зверских правил, распространенных революциею»[5]. В данном контексте именно негативным влиянием «революции» на сознание человека многие российские авторы объясняли «варварские» действия французских солдат на оккупированных в 1812 г. российских территориях.

---

[1] О политических обманах Франции // Вестник Европы. 1812. Ч. LXV. № 17, сент. С. 69.

[2] Французская революция // Сын Отечества. 1813. Ч. 7. № XXVII. Смесь. С. 40.

[3] Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 3: О–Ф. СПб., 1806. Стб. 516.

[4] Письмо к друзьям о Бонапарте и нынешнем времени // Сын Отечества. 1813. Ч. 10. № LI. С. 226.

[5] Положения и надежды Европы // Сын Отечества. 1813. Ч. 8. № XXXVII. С. 191.

Однако, признавая общность причин и негативных последствий европейских революций, российские авторы подчеркивали неповторимость и уникальность исторического опыта каждой страны. Нетипичным примером «революций» считалась, например, история возникновения республики «Соединенных Американских областей». Война за независимость, формирование высших органов государственной власти на выборной основе, реализация принципа верховенства закона и разделения властей – все эти события отождествлялись с «революцией» и рассматривались как яркий пример ее позитивного влияния на социально-политическое развитие молодого государства. В этой стране, в отличие от европейских государств, «революция» не привела к возникновению острых социальных конфликтов и «падению нравов». Но все подобные высказывания сопровождались утверждением, что опыт «американской революции» следует рассматривать только лишь как исключение из общего правила. В одном из многочисленных свидетельств русских путешественников о пребывании в «республике Соединенных Американских Областей» сообщалось: «Революция Американская не может быть уподоблена ни какой другой, и конечно, надобны были необыкновенные причины, чтоб произвести то удивительное всеобщее согласие, коим Американцы превозмогли все непреодолимые препятствия!»[1] В качестве такого рода «необыкновенных» причин, чаще всего, называли географическое положение и осознанное стремление переселенцев из Европы создать максимально благоприятные условия для решения наиболее важных общественных вопросов и ведения хозяйства.

Таким образом, в сознании представителей образованной части российского общества сформировалось двойственное отношение к революции. На уровне журнальных публикаций «революция», с одной стороны, оценивалась как безусловное «зло» и ничем неоправданное «насилие», а, с другой, – как важный урок человечеству, позволивший понять «истинные ценности», и убедиться в важности соблюдения закона и необходимости поддержания единства власти и народа. В 1802 г. на страницах журнала «Вестник Европы» российский читатель мог найти следующие рассуждения: «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священен

[1] Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. Ч. 17. № XLV. С. 256–257.

даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти…; что одно время и благая воля законных Правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ»[1]. Следуя этой логике, неизвестный автор, обозначивший свое имя инициалами «Р.О.», делал вывод о том, что «…если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут называться благодетельными, то сим благодеянием мы конечно обязаны Революции»[2]. С этих позиций негативный пример французской революции должен был служить укреплению стремления и власти, и подданных к сохранению социального мира, уважению законов и соблюдению взаимных прав граждан.

В отличие от журнальных публикаций итоги революции в правительственных проектах проведения реформ преподносились с меньшей эмоциональностью. В такого рода текстах обращение к опыту зарубежных революций было нацелено на выявление общих тенденций развития, понимание причинно-следственных связей целого ряда социально-экономических изменений, необходимость которых признавалась актуальной и для России. В этой связи не случайным представляется, например, неоднократное обращение к европейской истории при разработке в «Комиссии составления законов» сценария освобождения крестьян в России. В составленной М.А. Балугьянским записке «О законах, относящихся до земледельцев в главнейших европейских государствах» (1818), например, одним из позитивных следствий «революций» была названа ликвидация личной зависимости крестьян в целом ряде стран Европы: «Революция уничтожила феодальные права сначала в Голландии, потом в Англии, и наконец во Франции. Все сии перевороты имели влияние на прочия государства. Правительства и помещики поспешали определить или смягчить законами и сельскими уставами то, что начинало вводиться уже обычаем, и Серфы учинились подданными»[3]. В совокупности с признанием того, что любая рево-

---

[1] Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. Ч. III. № 12, июнь. С. 314–315.
[2] Там же. С. 315.
[3] РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 325. Л. 154.

люция – это чрезвычайное состояние общества, вызванное, как правило, неспособностью государства эффективно решать наиболее актуальные социально-экономические проблемы, подобная позитивная оценка ее отдаленных следствий служила дополнительным аргументом необходимости достижения тех же целей, но принципиально иными методами.

На этом фоне лишь отдельные представители радикальных тайных обществ, проецируя результаты революций в разных странах мира на отечественную реальность, считали, что только посредством такой чрезвычайной процедуры возможно появление необходимых для дальнейшего развития России законов и институтов. Например, П.И. Пестель писал об итогах французской революции: «…большая часть коренных постановлений, введенных революциею, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны… От сего суждения родилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что может даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем еще суждением, что те государства, в коих не было Революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений»[1].

Характерной чертой мировоззрения участников радикальных тайных обществ было двойственное отношение к революции. Анализируя опыт зарубежных революций, они четко отделяли «преступления», совершенные наименее «просвещенными» гражданами, от ее «принципов и идеалов», основанных на либеральных принципах верховенства закона, личной свободы и неприкосновенности частной собственности[2]. Именно поэтому, говоря о возможной перспективе совершения в России «революции», они подчеркивали, что ее сценарий должен был существенно отличаться от европейских аналогов.

Принципиально важной отличительной чертой российской «революции» должно было быть отсутствие массового кровопролития. Для этого, с позиции сторонников революционного варианта модернизации страны, ее началу должен был предшествовать период формирования так называемого «общего мнения», предполагавший количественное увеличение членов «тайного союза» и, одновре-

---

[1] Цит. по: Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Великая Французская революция и революционная традиция в России // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 218.
[2] Чудинов В.А. Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 12.

менно, распространение в образованных кругах российского общества идеи о необходимости проведения значительных преобразований. В ходе следствия по делу декабристов Е.П. Оболенский свидетельствовал, что «…постепенным улучшением нравственности и распространением просвещения… общество надеялось достичь тихого и неприметного переворота в правлении государства»[1]. В перспективе все это привело бы к разделению в общественном сознании образа «кровавой французской революции» и разработанной в тайных обществах программы социально-политических преобразований. Следуя этой установке, Пестель считал возможным заменить понятие «революция» близкими по значению словами «превращение», «преобразование» или «переворот»[2]. Отчасти такая подмена понятия соответствовала распространенной в XVIII в. практике перевода révolution как «преобразования» или «перемены»[3].

Вторая отличительная особенность предполагаемой российской «революции» от европейских аналогов состояла бы в том, что в процессе проведения кардинальных преобразований все происходящее в стране должно было быть подконтрольно новому правительству, т.к. утрата управляемости грозила массовыми беспорядками и повторением «ужасов французской революции». Именно поэтому даже наиболее радикальные члены тайных обществ не планировали полного уничтожения прежней системы управления, а разумное сочетание ранее существовавших структур с новыми. Такое сочетание позволило бы избежать массовых народных волнений и в течение нескольких лет сформировать эффективную систему государственного управления. Реализация данного сценария предполагала привлечение к работе в новом правительстве известных своими либеральными взглядами представителей прежней администрации. В данном контексте вполне логичным представляется намерение декабристов пригласить во временное революционное правительство Н.С. Мордвинова и М.М. Сперанского[4].

---

[1] Восстание декабристов: Материалы. Документы. М.; Л., Т. 1. 1925. С. 230.

[2] Одесский М.П. Вольнодумный тезариус декабристов. Révolution–революция–переворот–превращение // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 496–499.

[3] Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 449.

[4] См.: Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

Для приверженцев революционных методов преобразования было очевидным, что для сближения идеала с реальностью необходимо государство, способное сохранить социальный мир, гарантировать гражданам личную свободу и безопасность, обеспечить неприкосновенность частной собственности и реализацию принципа верховенства закона. Не желая повторения «ужасов французской революции», они подчеркивали, что «революция» является не конечной целью, а всего лишь необходимым инструментом достижения «общего блага» и реализации «гражданских прав».

Таким образом, общими установками сторонников как реформистской, так и революционной модели модернизации страны было признание необходимости сохранения сильного государства и важности юридического закрепления прав граждан на свободу, собственность и личную безопасность.

О.Л. Протасова[1]

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ» КАК ИСХОДНЫЙ ПУНКТ НА ПУТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА (В ОЦЕНКЕ НЕОНАРОДНИКОВ И ЛИБЕРАЛОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.)[*]

Свобода личности, ее всестороннее развитие – факторы, необходимые для роста уровня народного правосознания, и, следовательно, для общественного прогресса. У отечественных либералов в данном вопросе было достаточно общих черт с представителями социалистической идеологии, – разумеется, не со всеми, а лишь с теми, кто, подобно им, считал проблему достижения свободы личности (необходимого условия построения общества будущего) пер-

[1] *Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Связи с общественностью» Тамбовского государственного технического университета.*

[*] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), Отделение по гуманитарным и общественным наукам (ранее – РГНФ), проект № 15-01-00157а.

востепенной – такой, которую нельзя оставлять без внимания в партийной стратегии и тактике.

Большевики, как известно, даже во внутрипартийных делах «задвигали» всякую свободу (личностную, идеологическую, экономическую и пр.) на задний план «в угоду» дисциплине, централизму и, в конечном счете, диктатуре. Разумеется, либералам с ними было не по пути. Иное дело – представители так называемого демократического социализма – неонародники, со временем организовавшиеся в партии социалистов-революционеров и народных социалистов, уделявшие, как и либералы, большое внимание проблеме личности, а также этики в политике. И в годы, предшествовавшие Первой русской революции, среди интеллигенции было немало старавшихся содействовать сближению народников с либералами, считавших, что между первыми и вторыми нет принципиальной противоположности, т.к. и те, и другие движутся в одном направлении «и только доходят до разных точек»[1].

Фактически общим политическим стартом российских либералов и социалистов демократического толка, стоявших на неонароднических позициях, до окончательного размежевания их по разным партиям, была «освобожденческая» деятельность: сотрудничество представителей демократических идеологий в журнале «Освобождение», а затем и в «Союзе освобождения», некоторое время было вполне эффективным. Платформа «Союза», выработанная в сентябре 1904 г., включала требования замены самодержавного строя свободным демократическим режимом на основе всеобщей подачи голосов, права национального самоопределения, свободы развития для всех народностей и т.д.[2] Начало деятельности этой организации совпало по времени с русско-японской войной.

Отношение к этой войне стало пробным камнем для российского общества и своего рода экзаменом на зрелость лидеров отечественного политического активизма, «лакмусовой бумагой» их истинных приоритетов. Под приливом патриотических чувств временно поутихли оппозиционные настроения либералов. Однако не все одобряли возобладавшие в организации шовинистические настроения. Так, правый народник А.В. Пешехонов, до того времени весь-

---

[1] Цит. по: Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М.,1979. С. 49.

[2] См.: Непролетарские партии России. М., 1984. С. 37-38.

ма активный «освобожденец», вышел из состава его Совета, т.к. считал войну несовместимой с государственными интересами России. «Я ищу идею, во имя которой мы должны "сокрушить Японию", чего бы нам это ни стоило... Теорию беспощадной войны ни одна из них выдержать не в состоянии»[1], – возражал Пешехонов Д.И. Менделееву, увидев в выступлении знаменитого ученого с поддержкой внешней политики российского правительства неприятную агрессивность и этнический шовинизм.

Помимо политических, войной вскрывались и «человеческие» чувства. Неудачи военной кампании, огромные людские жертвы, поглощаемые войной, гигантские материальные затраты, совершаемые во имя неизвестной цели, резко изменили отношение к внешнеполитическому курсу самодержавия в российском обществе, в т.ч. либеральном и правонародническом политическом «кластере». Однако крепкий этатизм этой группы политиков выдержал испытание неудачной войной, не привел к пораженчеству, а критика власти и ее мероприятий с их стороны была острой и подчас весьма жесткой, но, как правило, конструктивной.

Они не могли разделять позицию, например, меньшевика Л. Мартова, который, подсчитывая убытки России от русско-японской войны, не без удовлетворения констатировал, что ее неудачи идут на пользу революционному движению[2]. Как марксист-«классик» Мартов не мог сожалеть о столь благоприятных условиях для развития революционного потенциала и, хотя он не был столь же циничен, как В.И. Ленин, и не декларировал откровенно своего пренебрежения к морали, заострять внимание на столь излишней для революции материи он тоже не собирался. Правые марксисты подчас словно стеснялись обращаться к общечеловеческой тематике, чтобы не показаться сентиментальными, мягкими, «несовременными». При этом в частной жизни они в основном старались следовать нравственным законам.

Абсолютно иным был подход к «человеческому измерению» у народников и кадетов. «Истинный либерализм требует всестороннего развития личности в самом широком ее своеобразии, во всех ее проявлениях. Наша партия отстаивает начала свободы лично-

[1] НИОР РГБ. Ф. 225, картон 1. Д. 3. Л. 5.
[2] ГА РФ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 7. Лл. 9-13.

сти, для всякой личности, и потому она демократична»[1], – писал П.Б. Струве, естественная эволюция убеждений которого от легального марксизма (т.е. демократического социализма) к либерализму доказывает близкое родство идейных течений, грань между которыми иногда словно вовсе исчезает.

В 1906 г. в России появилась количественно небольшая, но весьма заметная, энергичная и достаточно авторитетная политическая партия народных социалистов, чьи взгляды и отношение к политической деятельности – доказательство того, что либерализм и тот демократический, эволюционный социализм, который исповедовали последователи правого неонародничества в первой четверти XX в. – вовсе не взаимоисключающие понятия. Помимо преимущественно эволюционных тактических установок, среди программных пунктов тех и других были вопросы свободы личности. В системе координат энесов именно человек занимал центральное место, идея самоценности и верховенства личности была для них основополагающей (в отличие от социал-демократов или эсеров, у которых личность растворяется в общественном коллективе, а то и вовсе приносится в жертву общему благу)[2]. Энесы явились своего рода провозвестниками «социализма с человеческим лицом», в своей общественно-политической деятельности были выше теоретических схем, твердо следуя принципам гуманизма и добра [3].

В популярном «толковании» партийной программы, изданном в 1917 г., когда партия после долгих лет тщетных попыток наконец консолидировалась с трудовиками, разъяснялось, что главной своей целью организация считает «свободу и независимость человеческой личности, ее всестороннее развитие и бесконечное совершенствование»[4]. К личности, неотделимой от общества, народные социалисты были намерены предъявлять высокие требования, прежде всего – труд, т.к. «лишь трудящаяся личность может быть суверенной»[5], – заявляли теоретики партии. Энесы не обижались, когда Ленин в порыве вдохновенного злоязычия именовал их «ка-

---

[1] Цит. по: Шуб Д.Н. Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.): сборник статей [Электронный ресурс]. Нью-Йорк, 1969 // URL: http://ldn-knigi.narod.ru (Дата обращения: 20.05.2017).
[2] Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: человек и эпоха. М., 2004. С. 47.
[3] Протасов Л.Г., Протасова О.Л. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 81.
[4] Пешехонов А.В. Программные вопросы. Пг:, 1917. С. 12.
[5] Там же. С. 14-15.

детствующими меньшевиками», отнюдь не считая свою позицию недостаточно самостоятельной (на что намекали ленинские слова). В доктрине энесов было, конечно, больше «коллективизма», чем у либералов, скажем, кадетов, больше рассуждений о роли государства, – именно такого, что сегодня называется социальным государством, и все же их общественный идеал являл собой некий компромисс между либеральным идеалом свободы суверенных индивидов и социалистическим замыслом общества групповой, классовой справедливости.

Права личности, политические свободы и политическая демократия были важнейшим элементом идейной конструкции и партии социалистов-революционеров. Лидер эсеров В.М. Чернов провозглашал: «Свобода, личные права, самоуправление – все, совокупность чего мы зовем демократией – с нашей точки зрения… суть самостоятельные и полноценные культурные ценности. Без них социализм – то же, что организм, из которого вынули душу. Социализм без общественной и личной свободы – не социализм вовсе, а только авторитарная казарма или каторга»[1]. А в 1922 г. член ЦК ПСР А.Р. Гоц на печально известном процессе социалистов-революционеров заявлял своим судьям: «Свобода – это душа социализма, это – основное условие деятельности масс. Если вы этот жизненный нерв, эту основную сущность… перережете, тогда, конечно, от самостоятельности масс ничего не останется»[2]. С этими словами созвучны выдержки из мемуаров А.Ф. Керенского: «История большевистской реакции еще раз доказывает невозможность никакого социального и политического прогресса без права личности на полную свободу и открытое выражение мыслей и убеждений»[3].

Видный деятель демократического социализма эсер М.В. Вишняк, эмигрировавший в 1919 г. и доживший до середины 1970-х, уже в 1920 г., когда, казалось бы, большевизм праздновал свои главные военно-политические и идеологические победы, предсказывал неизбежную гибель этой насильственно утвержденной политической системы. По мнению Вишняка, советский строй

---

[1] Цит. по: Морозов К.Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России: сборник материалов конференции. М., 2014. С. 44.
[2] Там же.
[3] Керенский А.Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 370.

неминуемо был обречен, т.к. он «стихийно враждебен всем, кто дорожит принципом личности, достоинством человека и его первейшим правом – правом на жизнь… потому что попрал главный принцип человеческого общежития, провозглашенный еще Н.Г. Чернышевским: «Выше человеческой личности мы не принимаем на земном шаре ничего»[1]. Вишняку вторил Чернов, утверждавший, что «у социализма нет проблемы более сложной и глубокой, и в то же время менее разработанной, чем проблема личности в социалистическом обществе… Гуманность, человечность требует постановки Человека в центре всех вопросов морали и общественности»[2]. Идеолог эсеров был убежден, что человеку как существу социальному необходима солидарность с другими людьми, и характер и степень этой солидарности соответствуют ступени общественного развития. «Сочувственный опыт, – рассуждал Чернов, – в его соотнесении с личным… становится исходной точкою или психологическим источником морали»[3]. Именно проблема нравственности, по убеждению эсера, во все времена обсуждалась необычайно напряженно и не оказывалась настолько бесконечно сложной, чреватой коллизиями, перепутьями и тупиками. Отказ марксизма от обсуждения этой проблемы, признание ее мнимой народник назвал «капитуляцией ума».

Демократическая суть партии выявляется не только в программах и публичных высказываниях ее идеологов, но и в реальной, практической деятельности. Демократизм эсеров выражался, не в последнюю очередь, в отношении к тому, что принято называть свободой совести – партия отличалась философским плюрализмом и веротерпимостью в собственных рядах[4]. Она не подчинялась догмам, «допускала большие различия мнений, философских взглядов, теоретических предпосылок. Она тяготела к широте, а не исключительности»[5]. Эти качества резко отличали ПСР от большевиков – «партии нового типа». Значительная часть эсеров являлась приверженцами демократических принципов организационного

---

[1] URL: http://economuch.com/ekonomicheskih-ucheniy-istoriya/vopros-ekonomicheskie-vozzreniya-13847.html (Дата обращения: 20.05.2017).
[2] Чернов В.М. «Истоки» // За свободу. 1947. № 18. С. 21-22.
[3] ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 17. Л. 177.
[4] Морозов К.Н. Указ. соч. С. 50.
[5] Там же.

устройства и демонстрировала готовность отстаивать их против властных претензий «центра».

Спустя три десятилетия после революционных событий 1917 г., Чернов рассуждал в эмигрантском издании «За свободу»: «Социализм гуманности, гуманитарный социализм – или социализм экономического автоматизма (так виделся ему социализм, "построенный" к тому времени в СССР. – *О.П.*). Второй без первого – …социализм, из которого вынута самая душа его – свобода. Без свободы нет и не может быть вложенного в труд личного начала, и без него труд не является индивидуальным творчеством, и трудящийся перестает быть человеком во всем высоком значении этого слова, а превращается в живого робота»[1]. По мнению Чернова, большевистский социализм являлся как раз «социализмом роботов». Коммунизм же как идеология, приобретшая культовый характер в СССР, виделась Чернову «русским самодержавием навыворот»[2].

Таким образом, в эсеровское определение социализма была введена подчеркнутая этико-гуманитарная нота о гармонически развитой, свободно развертывающей все свои творческие потенции, инициативной человеческой индивидуальности[3]. «Я до сих пор считал этическим обоснованием социализма стремление рассматривать весь исторический процесс в его закономерном виде с точки зрения интересов человеческой личности, с точки зрения ее всестороннего и гармоничного развития, предполагающего торжество общественной солидарности», – заявлял Чернов[4]. По мнению теоретиков эсеров, для настоящей «смычки», единения с народом, необходима этическая доктрина, которая будет понятна народу и актуальна для него. Поиск такой доктрины – дело весьма нелегкое, потому что в сознании российских масс издавна хаотически переплетались идеи религиозного смирения и вполне светского бунтарства, вольницы; установки коллективизма, общинности, и, в то же время, индивидуалистические, собственнические инстинкты и т.п. Главное же – предложить такую идеологию, которая, не являясь примитивной, однако, будет проста и в своей простоте мудра, поскольку будет содержать как общечеловеческие истины и ценности, так и апелляцию

[1] Чернов В.М. Указ. соч. С. 20.
[2] Там же. С. 21.
[3] Морозов К.Н. Указ. соч. С. 46-47.
[4] Чернов В.М. К обоснованию партийной программы. Пг., 1918. С. 10.

к конкретным русским запросам, чувствам и интересам. «Нужно такое решение всей совокупности вопросов нравственности, личной и общественной, которое можно было бы вынести на улицу, предложить массам, народу взамен по-своему стройной старой системы моральных понятий и норм»[1], – писал Чернов, подчеркивая, что, пока данная задача не выполнена, во многих отношениях любая партия самых искренних защитников народа будет простому человеку «более далека, чем представители так называемых религиозных исканий из современной интеллигенции»[2]. Сложность этой задачи усугублялась тем, что социалистическая партия – организация исключительно рационалистическая и светская, и найти общий язык с народом, для которого откровенное безбожие является делом неслыханным, суметь воздействовать не только на сердца, но и на умы – проблема тонкая и деликатная. Рационализм не был свойственен российскому простонародью (да и, как показывала популярность религиозной философии среди образованных людей империи, не только ему), поэтому обращение к разуму народа требовало особенно продуманной программной концепции. «Для нас нередко оказывается гораздо легче поднять православное население, по лени и косности продолжающее принадлежать к лону церкви и не мудрствовать лукаво о душе, смысле жизни, призвании человеческом… базируя на земельной нужде, тягости податей, произволе администрации»[3], – признавались эсеры, понимая, что эта агитация имеет внешний и временный успех, не задевая глубин массовой психологии и не обновляя миросозерцания русского человека. Недостаток у социализма именно морально-этической платформы, своей и только своей, а не заимствованной эклектично из разных доктрин, по мнению ряда его теоретиков, мешал продвижению этой идеологии в широкие массы. Созданная Марксом экономическая база социализма позволила завоевать множество поклонников, но моральное сознание большинства социалистов не имело такой же твердой, «материнской» основы, и последние искренне считали, что «социализм упраздняет этику, делает ее ненужной, что он по своей природе внеэтичен»[4]. Между тем, характер общественной борьбы в России был

[1] Он же. Этика и политика. С. 66.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 68.
[4] Там же. С. 74.

таков, что нравственная притягательность движения придавала ему огромную силу. Эсеры сознавали, что социалисты начала XX в. наследуют от своих героических предшественников-народников ореол подвижничества и мученичества, который мог, как магнит, притянуть отважных, «апостольски настроенных пионеров, нравственных ригористов и аскетов, проникнутых психологией первых веков христианства, жаждой самоотвержения»[1]. В начале XX в. социализм стараниями, как марксистов, так и последователей народничества, стал силой и одновременно модой. Чтобы обезопасить социалистическое движение от случайных или даже вредных для дела людей, движимых настроениями, далекими от насущных целей и задач социализма, твердые его приверженцы полагали необходимым сконструировать и озвучить нравственный идеал, который должен привлекать в ряды революционеров самых сознательных, убежденных и верных, в результате чего «моральный остов идеала должен обрасти плотью и кровью, превратиться в общественно-политический идеал», который «станет содержанием практической воли» его носителей[2]. Социализм представлялся им «величайшей нравственной силой современного общества», а борьба за его идеалы – держащейся «целиком на самоотвержении, на способности единичных личностей отдавать свою жизнь, свободу за счастье своей родины»[3].

При этом Чернов подчеркивал, что главное – не достижение абсолютного морального идеала, который в принципе недостижим, а поиск и бесконечное приближение к нему, перманентное развитие и совершенствование человека и общества на этом пути. Отношение умеренных социалистов (энесов в большей степени, но и многих эсеров тоже) к движению и цели не противоречило знаменитой бернштейновской установке. Этим и отличался социализм гуманный, демократический от радикального, представленного партией авангардного типа, для которой человеческие чувства, мораль, справедливость, если они не классовые, а всеобщие – лишь «дряблые хныкания»[4] мягкотелых интеллигентов. Либералы также

---

[1] Там же. С. 75.
[2] Там же. С. 80.
[3] Чернов В.М. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. Ревель, 1917. С. 17.
[4] Каутский К. Франц Меринг // URL: http://levoradikal.ru/archives/1163 (Дата обращения: 20.05.2017).

предпочитали последовательность, эволюционность и рационализм на пути общественного прогресса всяческим потрясениям и скачкам и, в целом, признавали примат общечеловеческих ценностей над утилитарными политическими установками.

Несомненной поэтому видится органическая взаимосвязь в «гуманитарных» вопросах российских либералов и умеренных социалистов периода революций. Несмотря на существенные различия в социодемографическом составе, политическом темпераменте, характере и стилистике изложения восприятия ими актуальных общественных тем, равно внимательное отношение тех и других к «человеческим» проблемам позволяет полагать, что при возможности совместной деятельности либералов и демократических социалистов в нормальных социально-политических условиях (так и не предоставленной им жизнью), общность «человеческой», «этической» платформы помогла бы становлению в России консенсусной формы разрешения политических конфликтов, широко практикующейся в странах гражданской культуры. Однако история не признает сослагательного наклонения.

И.В. Желтикова[1]

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО РОССИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ И СТО ЛЕТ СПУСТЯ

Образ будущего – это целостная картина социальной реальности ожидаемой в менее или более отдаленной перспективе, эта картина аккумулирует характеристики, ассоциирующиеся с будущим у большого количества современников. Такую картину, существующую на уровне общественного сознания, образует комплекс представлений о будущем политики, экономики, науки, медицины, культуры в целом. В этом смысле образы будущего выражают социальные ожидания того настоящего, в котором они возникают. В них находит отражение отношение общества к своему будущему –

[1] *Желтикова Инга Владиславовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.*

надежда на улучшение отдельных сторон повседневной жизни или на воплощение социального идеала, ожидание объективно возможных преобразований, опасение ухудшения существующего порядка или страх перед глобальной катастрофой. Каждое время отмечено своим набором образов будущего, которые несут зримые картины перспектив, присутствующих в общественном сознании.

Для исследователей образы будущего обладают двойной информативностью – исторической и прогностической. Образы будущего, имевшие место в прошлом, обрисовывают контуры другого будущего, будущего, которое ожидали как возможное, но которое таким не стало. В определенном смысле с прошлыми образами будущего исследователю работать проще. Временная дистанция, отделяющая его от достаточно удаленного периода прошлого, позволяет отвлечься от случайного и второстепенного в видении будущего, пренебречь сугубо индивидуальными представлениями и выделить общий знаменатель (или несколько таких знаменателей) социальных ожиданий. С другой стороны, образы будущего прошлых периодов хорошо обнаруживают самоощущение общества, его ценностные ориентиры. Образы будущего как элементы общественного сознания показывают то, каким виделось общество его современникам, что из существующих параметров развития воспринималось ими как достойное продолжения.

Образы будущего, современные нам, могут быть рассмотрены как одна из составляющих глобального прогнозирования, наряду с предсказаниями экспертов, стратегическими планами, форсайт- исследованиями и т.д. Актуально функционирующие образы будущего менее очевидны, чем образы будущего прошлого. Они должны быть выделены из различных источников, отражающих присутствие общего видения будущего у современного общества. Такие медианы социальных ожиданий трудноразличимы в обилии информации, характеризующей настоящее. В этой ситуации исследователю легче допустить ошибку в различении общезначимых и индивидуальных представлений. Тем не менее, анализ современных образов будущего способен определить ориентиры будущего развития еще недостаточно отрефлексированые, для того чтобы быть обнаруженными другими способами.

В этой статье мы обратимся к сравнительному рассмотрению образов будущего России, функционирующих в нашей стране с ин-

тервалом в сто лет – накануне революции 1917 г. и непосредственно сегодня. Образы будущего столетней давности представляются сегодняшнему наблюдателю невоплощенными возможностями, тогда как образы будущего нашего настоящего – неясными, еще неоформившимися представлениями.

Источники, позволяющие реконструировать образы будущего, обширны и разнообразны. Основной их массив представлен текстами, в которых зафиксированы достаточно разработанные и целостные картины будущего, авторы которых непосредственно размышляют о том, что ожидает их лично и общество в целом, пытаются обозначить контуры будущего, ведущие направления развития, потенциальные угрозы. К таким источникам следует отнести произведения художественной литературы, публицистику, научные прогнозы, правительственные и партийные программы, перспективные планы, манифесты. Отдельную группу источников образуют тексты, отражающие представления о будущем «простых» людей, которых проблемы будущего волнуют наряду с целым комплексом других личных вопросов, к ним относятся дневниковые записи, письма, художественные тексты, носящие автобиографический характер, с определенного времени эту группу дополняют результаты социологических опросов, интервью, анкетирования. Особую ценность представляют произведения искусства, изначально возникающие как продукт коллективного творчества – кинофильмы, образы рекламы и моды, форумы и группы в социальных сетях. Используя этот разнообразный материал, можно достаточно однозначно выделить идеи, устойчиво связываемые с будущим определенным социумом в конкретный период времени. Важно, что картину массовых социальных ожиданий мы получим только тогда, когда будем обращать внимание на сквозные темы, присутствующие в различных типах источников, у различных авторов.

Обращаясь к рассмотрению образов будущего России столетней давности, мы будем удивлены их обилием и разнообразием. Мы обнаружим не менее 10 целостных, законченных и достаточно подробно разработанных образов будущего. При этом, в ряде случаев, образы будущего демонстрируют картины в рамках одного направления, как бы создавая альтернативные варианты единой перспективы. Пожалуй, самым актуальным и разработанным направлением в размышлениях о будущем было ожидание наступ-

ления нового социального порядка, ожидание, ориентированное на изменение общественных отношений, социальной и политической структуры. В нем присутствовало, по крайней мере, 3 модели социума – коммунистическая (в другой терминологии, социалистическая), анархическая и монархическая, в равной степени, претендовавшие на то, чтобы задать направление грядущим изменениям.

Коммунистический образ будущего становится элементом общественного сознания практически с начала XX в., о нем размышляют не только сторонники[1], акцентирующие положительные черты нового мироустройства, но и противники[2], указывающие на негативные стороны реализации такой перспективы. Центральной идеей, вокруг которой формируется этот образ будущего, выступает идея равенства и отсутствия частной собственности. Сторонники коммунистического будущего видят Россию первой в мире страной без эксплуатации человека человеком, без частной собственности и социального расслоения, им вызванного. Отсутствие сословной, национальной и имущественной дифференциации сопряжено с уравнительным принципом распределения социальных благ, осуществляемым государством, всеобщим бесплатным образованием и медицинским обслуживанием. В качестве метода достижения социального равенства предлагается обобществление земельной собственности и национализация промышленности.

В том же направлении, однако, более радикально, видятся будущие социальные преобразования сторонниками анархизма[3]. Они не менее космополитичны, чем адепты коммунистической модели – будущее России, это одновременно и будущее всего мира. Существенное отличие этого варианта будущего заключается в принципиальном отрицании государства как политической структуры, не-

---

[1] Показательна в этом плане подборка статей В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Г.В. Плеханова, В.П. Воронцова, А.В. Пешехонова, представленная в антологии «Образ будущего в русской социально-экономической мысли». М., 1994. С. 44-111.

[2] Показательны в этом плане сборники статей «Проблемы идеализма», «Вехи», «Смена вех», зафиксировавшие позиции С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, П.Б. Струве, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева и др. – Манифесты русского идеализма. М., 2009. 1072 с.

[3] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. М., 2011; Куприн А.И. Тост // Собр. соч.: В 9 т. Т. 4. М., 1971. С. 219-222;.; Черный Л. Новое направление в анархизме: ассоционный анархизм // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения. М., 1994. С. 380-397; Новомирский Я. Что такое анархизм // Там же. С. 358-371; Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 37. М., 1956. С. 149-222.

обходимой для успешной жизни общества. Будущее без государственной власти – это будущее без тюрем, армии, бюрократии, налогов, без каких-либо структур, образующих внешнюю и репрессивную по отношению к человеку систему. Отрицая собственность, как и коммунисты, сторонники анархического будущего делали ставку не на силу государственного принуждения, посредством которого осуществляется равное распределение, а на принцип свободных ассоциаций и корпораций с сотовым принципом взаимодействия и самоорганизации.

В оппозицию к только что названным моделям будущего можно поставить монархический образ будущего, актуализирующийся по мере нарастания революционных настроений в российском обществе. В нем будущее России рисуется посредством перенесения на перспективу идеализированных черт прошлого: патриархальности, православия, самодержавия, четкой сословной иерархии, сильной армии, высокой степени централизации власти[1].

При всей несхожести 3 названных образов будущего в них присутствуют общие ожидания, связанные с изменением существующего социального порядка, это – ожидания гражданских свобод (свободы слова, печати, собраний), внесения принципа выборности в различные ветви власти, реформа судопроизводства, изменение форм земельной собственности, конституционные ожидания.

Второе направление социальных ожиданий кануна русской революции было связано с изменением самого человека, его нравственных и религиозных ориентиров, которое повлечет за собой социальные изменения. В направлении предвосхищения новой духовности формировались 3 образа будущего, по-разному трактующие эту духовность – модель будущего «общего дела», модель будущего непротивления злу и будущее нового религиозного сознания. Хотя у данных образов четко просматривается авторство, они, на наш взгляд, вполне соответствуют критерию широкого распро-

[1] Подобный ретроспективный утопизм прослеживается в служебных записках консервативных членов правительства К.П. Победоносцева, И.Н. Дурново, Д.С. Сипягина, записях учредителей Русского Собрания (Кирьянов Ю.И. Русское собрание 1900-1917. М., 2003. С. 85-190), в художественных произведениях (см., напр.: Красницкий И.И. За приподнятой завесой. Фантастическая повесть о делах будущего (XX век). СПб., 1900.; Шарапов С.Ф. Через полвека // Сочинения С.Ф. Шарапова. Т. 8. Вып. 22-24. М., 1902).

странения идей в обществе, т.к. число сторонников этих концепций было достаточно велико.

Образ будущего общего дела обязан своим возникновением идеям Н.Н. Федорова о научном воскрешении живущими поколениями уже ушедших[1]. Однако сама идея общего дела выходит за рамки концепции Федорова. Будущее регулирование климата, коллективные усилия по терраформированию Земли и окружающих планет, а главное – возникновение нового человека с новой моралью – идеи, весьма привлекательные в первые десятилетия XX в.[2] Будущий новый человек – это человек коллектива, у него практически нет личных интересов, его не интересуют бытовые удобства и, тем более, роскошь, его жизнь проходит на производстве, в школе, библиотеке, музее, научно- исследовательском институте[3]. Вся жизнь нового человека подчинена Общему Делу, будь то дело воскрешения отцов, строительства марсианских каналов, освоения Антарктиды или построения пролетарского искусства. Мораль нового человека рационализирована, а его эмоциональная составляющая постепенно нивелируется.

Образ будущего непротивления злу, восходящий к Л.Н. Толстому[4], во многом перекликается с анархическим образом будущего с той, однако, разницей, что здесь делается акцент не на добровольных ассоциациях и трудовых объединениях, обеспечивающих безгосударственное регулирование общественной жизни, а на внутренних изменениях человека. Будущее общество в этом варианте начинается с отдельного человека, осознавшего истинную мораль, заключающуюся в истреблении зла и несовершенства мира путем личного его игнорирования. Отказываясь от соучастия злу и от сопротивления злу, человек препятствует его разрастанию. Претерпевая страдания и неудобства от зла морального и социального, нравственно (но не деятельно) сочувствуя другим страдающим и духовно их поддерживая, практикуя целомудрие и воздержание от крайних эмоциональных проявлений, человек передаст своим примером эти принципы другим людям. Изменение же боль-

---

[1] Федоров Н.Ф. Философия общего дела // Собрание сочинений: в 4-х т. Т. I. М., 1995.

[2] См. напр.: Горностаев А.К. [Горский А.К.] Перед лицом смерти (Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров). Харбин, 1928.

[3] Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии, 1904-1906.

[4] Толстой Л.Н. В чем моя вера // Толстой Л.Н. ПСС: В 90 тт. Т. 23. М., 1957. С. 304-465.

шинства людей приведет к будущему перерождению общества изнутри. Сначала в России, а затем и во всем мире сделает ненужным государство и все его структуры.

Приход принципиально иного мира, перестройка всех социальных отношений ожидались и сторонниками нового религиозного сознания[1], и ожидания эти базировались на предчувствии возникновения новой религии, в основе которой окажется творчество. Творческий порыв должен будет освободить человека от всякого несовершенства, обеспечить свободное общение человека-Творца и Бога-Творца, а в исторической перспективе – наступление Царства Божия на земле. Целостная андрогинная личность станет в этом варианте будущего во главе новой религиозной безгосударственной общественности, построенной в духе раннего христианства, древнегреческой традиции, идей зороастризма и проч.

Данные образы будущего объединяет ожидание полномасштабного изменения человека на основе нового, тотального мировоззрения. Именно это новое мировоззрение позволит так усилиться духовной сфере, что сделает ее определяющей в жизни общества. Данные образы рисуют будущее человечества, а не только будущее России. Интересным является и то, что все они предполагали кардинальное изменение традиционного отношения полов.

Еще два образа будущего первых десятилетий XX в. могут быть рассмотрены как самостоятельные направления социальных ожиданий, это – образ будущего торжества науки и покорения космоса. Образ будущего, ориентированный на научные достижения, строился на просвещенческой идее прогресса как увеличения степени разумности жизни. Связывая будущее с наукой, сторонники этого образа акцентировали быстрый рост научных открытий и развитие образования как 2 главных параметра, определяющих будущее России. Развитие науки мыслилось главным образом как количественные открытия в уже известных направлениях (идеи о смене научной парадигмы в первые десятилетия XX в. практически не развивались) и как следствие, порожденное техническими изобретениями. Логическое продолжение этой цепочки было различно. Одни мыслители видели в технических инновациях путь к освобож-

[1] Мережковский Д.С. Не мир, но меч // Мережковский Д.С. Больная Россия. Избранное. Л., 1991. С. 207.

дению труда[1], другие ограничивали их действие сферой быта[2], третьи небезосновательно видели в этом увеличение военного потенциала страны. Ученые и популяризаторы науки охотно размышляли о развитии отдельных областей науки – изучении урана и радия, электричества и воздухоплавания[3]. Писатели и публицисты предупреждали об опасностях, скрытых в научных достижениях[4].

Развитие всех ступеней российского образования было непременным параметром этого образа будущего. Начальное образование, уже осуществлявшееся в России посредством церковно-приходских школ, расширялось до всеобще-среднего в уже ближайшей перспективе и призвано было обеспечить повышение нравственного уровня и правосознания масс[5]. Общественная миссия университетов связывалась с формированием гражданственности, ответственности и свободы[6].

Покорение космоса как образ будущего был тесно связан с образом торжества науки, однако в нем акцент приходился на внепланетное будущее человечества. С космическими полетами были связаны ожидания ученых, разрабатывавших способы орбитальных и межпланетных полетов[7], и философов, мечтавших о продолжении эволюции человеческой природы[8], позволяющей осуществлять эти полеты без посредства техники. Покорение космоса силами науки соседствовало с религиозно-мистическим настроем преобразования «земли и неба»[9].

---

[1] Богданов А.А. Инженер Мэнни. М., 1912.

[2] Чиколаев В.Н. Електровимірювальна техніка. СПб., 1897.

[3] См. напр.: Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С.197-199; Морозов Н.А. На границе неведомого (Научные полуфантазии). М., 1910.

[4] Брюсов В.Я. Восстание машин // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 95-99; Оссендовский А.Ф. Бриг «Ужас» // Русская фантастика 10-20-х гг. XX в. М., 1999. С. 7-47; Куприн А.И. Жидкое солнце // Собрание сочинений в 9 т. Т. 5. М., 1972.

[5] Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 222.

[6] Трубецкой С.Н. В университете // Собрание сочинений Кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. Публицистические статьи, напечатанные с 1896 г. по 1905 г. включительно. М., 1907. С. 158-161.

[7] Богданов А.А. Красная звезда. М., 2009; Циолковский К.Э. Ум и страсти. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. М., 1993. 32 с., Кондратюк Ю.В. Завоевание межпланетных пространств. Новосибирск, 1929. 73 с.

[8] Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. I. М., 1995. С.147-150; Сетницкий Н.А. О конечном идеале. Харбин, 1932; Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 197-198,199.

[9] Сухово-Кобылин А.В. Учение Всемир: Инженерно-философские озарения. М., 1995.

Все названные нами до сих пор образы были вдохновлены ярко выраженными положительным надеждами на будущее, однако среди социальных ожиданий кануна революции можно выделить и неуверенность в будущем, нашедшую отражение в образе приближающегося хаоса. Предчувствие потери устойчивого социального состояния шло по нарастающей, начиная с последнего десятилетия XIX в. Однако и тут отношение к грядущим беспорядкам не было однозначным. Мы полагаем, что можно говорить о позитивной и негативной модели хаоса, ожидаемого в будущем. Позитивная модель будущего, связывающая его с грядущей дестабилизацией, не ограничивала рассматриваемую перспективу концом привычного мироустройства. Хаос в этом случае служил лишь переходным состоянием и путем к социальному и духовному обновлению. Бедствия войны[1], природные катаклизмы мыслились как своеобразная «полоса препятствий», преодолеть которую необходимо для достижения более совершенного состояния. В этом же ракурсе рассматривалась и «очистительная огненная буря революции»[2].

Негативная модель грядущего хаоса включала архетипические образы религиозной эсхатологии[3] – конец света, приход антихриста, гибель человечества и всей земли. Многие связывали опасения перед будущим с крупномасштабной войной[4], противниками России в которой будут едва ли не все мировые державы. Однако в основной своей массе образ приближающегося хаоса включал страх перед абстрактными (беспричинными или с невыясненной причиной) социальными беспорядками: бунтами, погромами, драками, безнаказанными убийствами, насилием, мародерством, массовым сумасшествием и деградацией человека[5].

---

[1] Беломор А.К. Роковая война 18?? года. Ф. роман. СПб., 1889; Беломор А.К. Крейсер «Русская надежда». СПб., 1887.

[2] Эта тема хорошо проанализирована в книге Егорова Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб., 2007. С. 297-303.

[3] Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 635-762.

[4] Победоносцев К.П. Болезни нашего времени // Победоносцев: pro et contra: антология. СПб., 1996. С.137–165; Оссендовский А.Ф. Бриг «Ужас» // Русская фантастика 10-20-х гг. XX в. М., 1999. С. 7-47; Андреев Л.Н. Красный смех // Собр. соч. В 6 т. Т. 2. М.,1990.

[5] Сологуб Ф.К. Творимая легенда: роман. М., 1991; Куприн А.И. Королевский парк // Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1972. С. 272–277; Брюсов В.Я. Республика Южного Креста. М., 2011.

И все-таки мы считаем, что образы будущего, функционировавшие в общественном сознании России накануне революции, передают общий оптимистический настрой по отношению к будущему. Определенные опасения вызывали социалистическое/анархическое движение, конец света, социальный хаос, некоторые научные открытия. Однако эти настроения сопровождались достаточно заметной критикой, особенно в отношении образов социальных преобразований и конца света. В большинстве же своем жители Российской империи с будущим связывали свои надежды, ожидая от него позитивных перемен в политике и социальной жизни, прогресс науки и нравственности, завоевание космоса. Показательна и массовость обращения к теме будущего. Литература, публицистика, наука и политика – вот сферы, буквально наводненные проектами будущего.

Совершенно иная картина предстает перед нами при обращении к образам будущего современной России. Многие исследователи склонны считать, что на сегодняшний день мы не имеем сколько-нибудь ясного представления о перспективе[1]. Не разделяя такого категоричного утверждения, мы, однако не можем не признать неясность и размытость видения будущего общественным сознанием России. Мы беремся выделить 3 наметившиеся на данный момент образа будущего, при том, что 2 из них являются вариантами одной и той же темы, а еще один может быть отнесен к традиционно-эсхатологическим по сути вневременным образам.

Ведущим направлением в представлении будущего современными россиянами является парадигма, которая может быть обозначена как «Свой путь», и ее 2 варианта «открытый» и «закрытый», отличающиеся наличием или отсутствием предполагаемых контактов с внешним миром. Для начала рассмотрим ряд общих моментов, присутствующих в видении будущего в обеих этих вариантах[2]. «Свой путь» как образ будущего имеет ярко выраженный

---

[1] Анализу оценок отсутствия образа будущего в современной России посвящена статья Кулик А.Н. Будущее России как национальный политический проект // Образы будущего России: желаемое – возможное – необходимое: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва 8-9 июня 2016 г. Электронное издание/ Под общ. ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. М., 2016. С. 176-184.

[2] Выделяемые далее признаки появляются в программах правительства России, начиная с 2001 г.: «Стратегия 2010 или программа Грефа» (2000), «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период 2010 года

оппозиционный характер «европейскому» пути развития, которому противопоставляются «традиционные Российские ценности» – «не-европейские модели демократии»[1], отказ от абсолютизации выборных принципов в формировании органов власти, признание наличия собственных традиций организации и функционирования власти[2]. Главным политическим наследием, к которой следует вернуться современному российскому обществу, признается патернализм власти, готовность существенно сократить гражданские свободы в обмен на гарантии стабильности[3]. Будущее России это будущее государства-цивилизации, а не государства-нации[4], главные отличия которых заключаются в неформальном принципе выстраивания отношений власть – граждане и отсутствии традиционных институтов гражданского общества. Усиление центральной власти мыслится как частичный отказ от принципа разделения властей в пользу единоличного правления и увеличение полномочий главы государства, фактическое выведение его из системы взаимной подотчетности органов власти[5]. В этой модели будущего российское общество – это общество с развитой социальной иерархией, причем отражающей одновременно и сословный, и имущественный

и дальнейшие перспективы» (2002), «Основные направления политики Российской федерации в области развития инновационных систем на период до 2020 года» (2005), «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» (2011), «Прогноз научно-технического развития Российской Федерации на период до 2030 года как единая платформа для разработки долгосрочных стратегий» (2014). В рамки образа «Своего пути» укладываются два из базовых сценариев будущего России, сформированных в докладе 2001 г. фонда ИНДЕМ – «Вялая Россия» и «Мрачная Россия» – Россия-2015: судьба конституционно-политического устройства. М., 2001.

[1] Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г.

[2] Пример размышления в этом направлении - проект «Русская доктрина», созданный под эгидой Центра динамического консерватизма (2008), - Русская доктрина [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusdoctrina/ru (дата обращения: 13.06.2017).

[3] Исследование Института социологии РАН весной 2012 г. показало, что 76% россиян выступают за усиление в будущем роли государства во всех сферах жизни общества и только 24% ожидают защиты прав человека, демократии, свободы самовыражения.

[4] Термин впервые применительно к будущему России использован в конституционном проекте, созданном в 2005 г. по инициативе и при поддержке Института национальной стратегии – Конституция России. Новый строй. М., 2005.

В дальнейшем мы встречаемся с ним во многих правительственных документах, вплоть до Послания Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 г.

[5] Конституция России. Новый строй. М., 2005., С. 11. Русская доктрина [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusdoctrina/ru (дата обращения: 13.06.2017).

принцип дифференциации[1]. При усилении роли государства в обществе в целом и экономике, в т.ч., социальная сфера становится одной из немногих, в которых государство последовательно снижает свое участие, отказываясь от таких гарантий как доступность медицинского обслуживания, образования, предоставление помощи неимущим. В соответствии с «отечественными традициями», добровольные пожертвования, меценатство и взаимопомощь должны будут обеспечивать поддержку представителей низших социальных слоев[2]. Данный образ будущего предполагает усиление влияния Церкви и Армии[3], как в области политики, так и в социальной сфере. При этом роль науки, искусства и спорта ограничиваются досугом элитарных слоев[4].

«Открытый» вариант «Своего пути» предполагает сохранение интеграции России с другими странами, но одновременно и децентрализацию власти[5]. В этом варианте будущего русский мир сохраняет культурное единство и экономическую интеграцию при политической автономии отдельных областей (вплоть до отделения). Построссийские государства или автономные образования в системе рыхлого политического целого, активно вовлечены в мировой процесс, открыты как Западу, так и Востоку и в области торговли, и в сфере совместных политических проектов[6]. Центробежные или центростремительные силы, проявляющиеся в российских регионах, зависят от степени их экономической эффективности, при том, что

---

[1] Русская доктрина [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusdoctrina/ru (Дата обращения: 13.06.2017).
Эти же идеи мы встречаем в целом ряде литературных произведений – Толстая Т. Кысь. М., 2000; Акунин Б. Сказки для Идиотов. М., 2000; Сорокин В. Голубое сало. М., 1999; Сорокин В. Сахарный кремль. М., 2008.

[2] Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 г.; Послание Президента Федеральному Собранию. 3 декабря 2015 г.

[3] Русская доктрина [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusdoctrina/ru (Дата обращения: 13.06.2017).

[4] Русская доктрина [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusdoctrina/ru (дата обращения: 13.06.2017), Сорокин В. День опричника. М., 2006.

[5] Такой вариант будущего присутствует, например, в прогнозе МГИМО «Альтернативные сценарии российского будущего» под названием «Российская мозаика» - Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия 2020: Альтернативные сценарии и Общественные предпочтения // Полис. 2008. № 4(106).

[6] Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н. Россия 2020: Альтернативные сценарии и Общественные предпочтения // Полис. 2008. № 4(106); Сорокин В. Теллурия. М., 2013; Шаповалов В.Л. Будущее в контексте отечественных и западных сценариев развития России в XXI веке // Образы будущего России: желаемое – возможное – необходимое. Электронное издание М., 2016. С. 101-108.

экономика большинства из них сохранит ресурсоориентированный характер. Сказанное выше о принципах организации власти сохраняет актуальность в рамках отдельных политических субъектов.

«Закрытый» вариант образа будущего России, как следует из названия, ориентирован на внешнеполитический изоляционизм и усиление федеральной власти[1]. Лозунгом этого образа будущего может стать фраза «Главное для нас – Россия»[2]. Он, очевидно, разделяется теми россиянами, которые воспринимают политическую децентрализацию как национальную катастрофу. Власть в этом варианте не просто обладает высоким уровнем легитимности вне зависимости от проводимой политики, но обнаруживает стремление к тоталитаризму. Принципы сменяемости властей, подотчетности, выборности, ограничения полномочий практически полностью уходят из данного образа будущего[3]. Если в открытом варианте «Своего пути» усиление власти оправдывалось заботой о гражданах, то сторонники закрытой модели выбирают автократию, надеясь избежать распада единого государства. Степень вмешательства власти в невластные сферы, в первую очередь, экономику, позволяет говорить об этатизме в худших его проявлениях, т.к. принципа сколько-нибудь равного распределения или комплексного планирования не предполагается. Сословная структура в ситуации изоляционизма сказывается на уровне потребления – предельно низком для одних и показательно изобильном для других. В этом образе будущего Россия тяготеет не только к полицейскому, но и военизированному государству. Приближение силовых структур к элитарным позициям объяснимо как отсутствием социальных гарантий, так и общим падением уровня культуры россиян.

И «открытый», и «закрытый» варианты «Своего пути» подчеркнуто ретроспективны и ориентированы на идеализацию сильной власти, имперские претензии, оправдание жесткой социальной дифференциации, наконец, введение Церкви в публичное социальное пространство. По сути, этот образ будущего является милитаризированным вариантом монархического социального идеала предреволюционного времени, одного из самых слабых образов

---

[1] Сорокин В. День опричника. М., 2006.

[2] Послание Президента Федеральному Собранию. 3 декабря 2015 г.

[3] Русская доктрина [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusdoctrina/ru (дата обращения: 13.06.2017).

будущего. Третий, эсхатологический сценарий будущего современной России оригинальностью не отличается в принципе. В нем обыгрываются техногенные и военные катастрофы, темы локального или глобального апокалипсиса[1].

В целом, в отличие от ситуации столетней давности, современное российское общество кажется мало заинтересованным в будущем, в нем нет выраженного страха перед ним, но нет и серьезных надежд на улучшение. Бедность и размытость образов, которая иногда принимается за их отсутствие, может свидетельствовать о том, что современные россияне не задумываются о сколько-нибудь отдаленной перспективе[2]. Приходится признать, что российское общество впервые за последние сто лет не связывает свое будущее с развитием науки и практически полностью утратило интерес к освоению космоса.

Сравнение образов будущего современной России и России кануна революции обнаруживает явное преимущество в этом вопросе ситуации столетней давности. Видимо положительно оценивая свою культуру и общество, россияне начала XX в. с оптимизмом относились к будущему, связывали с ним свои надежды. Наши современники о будущем или не думают вовсе, или не хотят видеть в нем ничего принципиально нового, предпочитая ориентироваться на прошлое, а не на будущее. Характер образов будущего, представленных в нашем исследовании, указывает на широкие возможности, которые признавали за своим обществом люди кануна революции, и отсутствие таких возможностей в оценках наших современников. С другой стороны, если оценивать эту ситуацию с позиции Токвиля, усматривающего связь между ростом социальных надежд, их неоправданности и социальными потрясениями[3], то отсутствие в современном российском обществе интереса к будущему может служить показателем его стабильности.

---

[1] Данные модели будущего мы встречаем, главным образом, в литературе: «Зоны смерти» (2009-2011) Ливадного А., Глушкова Р., Шалыгина В., Калугина А. и др. «Метро 2033» (2005) Дмитрия Глуховского, «Детской книги» (2005) Б. Акунина.

[2] Левада-Центр 10.08.2016, обобщая опросы россиян, констатирует, что 46% респондентов «не знают, что будет в ближайшие месяцы», 33% могут планировать лишь на 1-2 года вперед и лишь 5 % россиян «планируют на много лет вперед». В пользу этого же свидетельствует интересный опрос молодежи Москвы, показавший, что большинство молодых москвичей не представляют своего будущего больше, чем на 2 года – Регнацкий В.В. Образ будущего в сознании молодежи Москвы // Образы будущего России: желаемое – возможное – необходимое: Электронное издание. М., 2016. С. 255-260.

[3] Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1997.

Ю.В. Кузнецов[1]

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ АМЕРИКАНСКИХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ

В начале 1990-х гг. американские историки, среди которых преобладали ученые, придерживавшиеся либеральных и леволиберальных взглядов, провозгласили задачу преодолеть пропасть между академической историей и преподаванием истории в американских школах[2]. Обновление должно было затронуть программы и учебники как по национальной, так и по всемирной истории. Можно предположить, что реформа исторического образования должна была привести к избавлению от схематизации, заскорузлых клише, стереотипов и искажений в освещении исторических событий и явлений. Произошло ли это на самом деле? В этой связи представляет интерес то, как в американских учебниках всемирной истории, изданных в конце XX – начале XXI вв., интерпретируется такое грандиозное событие, как революция 1917 г. в России.

Прежде всего, следует отметить, что русская революция расценивается американскими авторами учебников как одно из важнейших событий мировой истории XX в.[3] Она ставится в один ряд с Великой французской революцией и американской революцией. Заметим также, что в рамках понятия «русская революция» выделяются две революции – Февральская (в американской терминологии – Мартовская) и Октябрьская (Ноябрьская или большевистская). Термин «большевистский переворот», часто используемый отечественными авторами, в проанализированных нами американских учебниках не встречается.

Была ли русская революция закономерной и неизбежной? По этому вопросу авторы учебников демонстрируют схожую позицию: революция имела глубокие, исторически сложившиеся предпосыл-

---

[1] *Кузнецов Юрий Васильевич – кандидат исторической наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

[2] Nash G.B., Crabtree Ch., Dunn R. History on Trial. Culture Wars and the Teaching of the Past. N.Y.: Alfred A. Knoph, 1997. P. 7.

[3] Ellis E.G., Esler A.. World History: Connections to Today. Upper Saddle River, N. J.: Prentice Hall, 1997. P. 716.

ки и конкретные причины. Пожалуй, дальше остальных в поисках глубинных корней революции в России зашли авторы учебника «Всемирная история: модели взаимодействия», вышедшего в 2007 г. Они сравнивают русскую революцию с бомбой замедленного действия. Взрыв прогремел в 1917 г., хотя фитиль был зажжен, как утверждается, почти столетием раньше. «Жестокое репрессивное правление большинства русских царей XIX века, – говорится в учебнике, – порождало широкие социальные волнения, происходившие на протяжении десятилетий»[1]. Примерами «широких социальных волнений» служат восстание декабристов и деятельность революционных народников. Оказывается, Россия стала скатываться к «полномасштабной революции» после убийства реформистски настроенного Александра II революционерами-заговорщиками, недовольными медленным ходом политических перемен. Временем накопления потенциала будущего революционного взрыва стала эпоха Александра III. Эта эпоха описывается при помощи таких характеристик: преследование инакомыслящих и иноверцев, политическая ссылка, цензура печати, контроль тайной полиции над школами и университетами, русификация, еврейские погромы[2].

В учебнике «Всемирная история: люди и нации» под редакцией С. Миллера также утверждается, что революционные волнения потрясали Россию на протяжении всего XIX в.[3] Общая причина их объясняется стандартно – отсутствием в России демократических прав и гражданских свобод. Учащимся сообщается, что революция 1905 г. не принесла ожидаемых перемен, а созданный в результате нее законодательный орган Дума не имел реальных полномочий. Николай II оставался, по сути, абсолютным монархом. Это подталкивало недовольных режимом, особенно студенческую молодежь, к революционному террору.

В учебниках не обходятся вниманием социально-экономические проблемы России. Они рассматриваются в качестве предпосылок революции 1917 г. Как правило, говорится о том, что основная масса населения – крестьянство – пребывало в нищете.

---

[1] Beck R.B., Black L., Krieger L.S. et al. World History: Patterns of Interaction. Evanston, Il: McDougal-Litell, 2007. P. 867.
[2] Ibid.
[3] World History: People and Nations / S, Miller, Executive Editor. Austin, Texas, N.Y., etc.: Halt, Rinehart and Winston, 2000. P. 652.

Кроме того, подчеркивается, что индустриализация, начавшаяся в России на рубеже XIX и XX столетий, принесла с собой новые проблемы, такие как тяжелые условия труда и быта рабочих, низкая заработная плата, эксплуатация детского труда. Рабочие легко откликались на агитацию радикалов. На этом фоне сразу несколько соперничающих друг с другом революционных групп начали борьбу за власть. Наиболее успешной оказалась марксистская группа[1].

Общая схема, показывающая происхождение революции 1917 г. дополняется весьма краткой зарисовкой политической ситуации в России в начале XX в. В учебниках содержится упоминание о русско-японской войне, о поражении России и, как следствие, падении авторитета царского правительства. Далее следует краткий рассказ о Кровавом воскресенье и Первой русской революции, о создании и роспуске Думы. Примечательно, что деятельность Думы совершенно не интересует авторов учебников. Создается впечатление, что история российского парламентаризма началась и закончилась в 1906 г. В учебниках иногда упоминаются С.Ю. Витте и П.А. Столыпин. Их реформы расцениваются как неудачные. В результате, как резюмирует Маргарет Кинг, автор учебника «Западная цивилизация: социальная и культурная история», Николай II отказался от реформ и вернулся к политике репрессий. Либералы и прогрессисты впали в бессилие, в то время, как социалисты стали готовиться к новой революции[2].

Показывая непосредственные причины революции 1917 г., авторы учебников обращаются к такому сюжету, как Первая мировая война. Здесь говорится о неготовности России к войне, о кризисе власти, нарастании недовольства во всех слоях общества. Эти общие положения иллюстрируются некоторыми подробностями, видимо, почерпнутыми из популярной литературы и кинофильмов. Например, говорится, что после того, как Николай II лично возглавил военное командование, во время его отсутствия в Петрограде правительством стала руководить императрица Александра[3]. Далее следует непременный рассказ о «харизматичном, но неуравновешенном» Григории Распутине. Этот «сумасшедший монах», как

---

[1] Beck R.B., Black L., Krieger L.S. et al. World History: Patterns of Interaction. P. 868.
[2] King M.L. Western Civilization: A Social and Cultural History. Combined Edition. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2003. P. 759.
[3]Beck R.B., Black L., Krieger L.S. et al. World History: Patterns of Interaction. P. 869.

утверждается, с позволения императрицы стал принимать стратегические решения. М. Кинг даже считает, что в результате убийства Распутина группой аристократов в декабре 1916 г. Россия полностью осталась без руководства[1].

Падение монархии в России, как уже было сказано, в американских учебниках истории именуется «Мартовской революцией. Волнения рабочих в Петрограде, переросшие в восстание, переход солдат на сторону рабочих, отречение Николая II, образование Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов – все это включено в материал учебников. Но и здесь не обходится без лакун и ошибок. Из данного материала можно узнать, что Временное правительство, образованное лидерами Думы, возглавил А.Ф. Керенский[2]. Здесь, во-первых, поневоле возникает вопрос: откуда взялась Дума? Предыдущее упоминание о ней сводилось к тому, что созданная в ходе Первой русской революции Дума, в которой главную роль играли «конституционалисты-монархисты» была вскоре распущена Николаем II. Во-вторых, почему Керенский? Получается, что он был главой Временного правительства с февраля по октябрь 1917 г. Кстати говоря, сам Керенский в одном из учебников назван «умеренным социал-демократом». Авторы характеризуют Временное правительство как либеральное, состоящее из представителей среднего класса. Правда, ни один из либеральных деятелей первого состава Временного правительства не упоминается.

Практически полное игнорирование истории русского либерализма – общая черта американских учебников. Чем это объясняется? Возможно тем, что рассказ о либеральной традиции в России нарушил бы общую схему, демонстрирующую закономерность движения России к тоталитаризму. Но, скорее всего, можно предположить, что американские авторы имеют весьма смутное представление по этому вопросу. Еще в 1952 г. выдающийся дипломат и крупнейший специалист по России Джордж Кеннан заметил: «Нет более прекрасной либеральной традиции, чем та, которая была в русском прошлом»[3]. Сомнительно, что смысл этих слов понятен современным американским историкам, пишущим о России.

---

[1] King M.L. Western Civilization: A Social and Cultural History. P. 761.
[2] Beck R.B., Black L., Krieger L.S. et al. World History: Patterns of Interaction. P. 870.
[3] Кеннан Дж.Ф. Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 84.

Надо сказать, что не только либералы, но и остальные политические силы, участвовавшие в событиях 1917 г., описываются в учебниках невнятно. Исключение составляют победители – большевики. Им уделяется повышенное внимание. Текстовый материал, посвященный большевикам и их лидеру, как правило, подкреплен многочисленными иллюстрациями и выдержками из документов.

Вопрос о том, была ли альтернатива большевистской революции, для авторов учебников не имеет смысла. Приход большевиков к власти изображается как вполне закономерное событие. Причины победы большевиков объясняются следующим образом. Временное правительство стремилось установить в стране порядок и учредить демократическую конституцию. Однако решение продолжать войну оказалось фатальным для Временного правительства. Оно лишилось поддержки народа, что обусловило его падение. Гораздо большее влияние на массы имели Советы. Постепенно контроль над Советами приобрели большевики. Первоначально, представляя собой небольшую группу радикальных социалистов, большевики превратились в самую влиятельную политическую силу, получившую поддержку рабочих, солдат и матросов. Этому способствовала их «простая социология», объяснявшая действительность в категориях «эксплуататоры» и «эксплуатируемые», а также ясные, понятные народу лозунги. Как пишут Э. Эллис и А. Эслер: «Голодному, уставшему от войны русскому народу, Ленин обещал мир, землю и хлеб»[1].

Особое место в учебниках отводится В.И. Ленину. Авторы не упускают случая заметить, что возвращению Ленина из эмиграции содействовало германское правительство, стремившееся подбросить «революционную бациллу» в Россию, чтобы ослабить своего противника. Справедливости ради заметим, что никто из авторов в дальнейшем не спекулирует на тему измены Ленина. Наоборот, показывается самостоятельная и выдающаяся роль Ленина в российской и даже мировой истории. В учебниках подчеркивается, что Ленин адаптировал теорию К. Маркса применительно к российской действительности. Он обосновал возможность революции в России и создания пролетарского государства. Главную роль в подготовке революции, по его убеждению, должна была сыграть дисциплинированная, хорошо обученная группа профессиональных революционеров.

[1] Ellis E.G., Esler A. World History: Connections to Today. P. 721.

Как Ленин характеризуется в американских учебниках? Иногда – с использованием скупых эпитетов: «умный и решительный». Чаще применяется более выразительная лексика: «яркая личность», «превосходный организатор», «беспощадный», «выдающийся теоретик и конспиратор», «блестящий ум и железная воля», «революционный гений». Маргарет Кинг в своей книге по истории западной цивилизации пишет о Ленине: «Нарисовав в своем воображении новый мир, он принес в жертву все – свою юность, обеспеченную жизнь, жизни миллионов людей и национальные традиции – все, чтобы превратить мечту в реальность»[1]. Пытаясь осмыслить роль Ленина в новейшей истории, она прибегает к сравнению его с президентом США Вудро Вильсоном. По ее словам, В. Вильсон, президент более благополучной страны, обладающей собственными уникальными традициями, также был мечтателем. Для него мир и демократия являлись такими же императивами, как для Ленина революция. «Эти два мечтателя, находящиеся на периферии западного мира, предвосхитили его будущее гораздо точнее, чем лидеры европейских стран, составляющих ядро западной цивилизации», – заключает Кинг[2].

В оценке последствий большевистской революции авторы американских учебников единодушны: русский народ заплатил страшной ценой за революцию, он вместо желанной свободы вскоре обрел новых хозяев – большевиков. Основной вывод состоит в том, что революция вымостила дорогу к тоталитаризму. Впрочем, в учебниках говорится и о прогрессивных социальных изменениях в России в результате революции 1917 г. – уравнении в правах женщин с мужчинами, успехах в образовании, здравоохранении. Но главное состоит в том, что идеям народовластия в России не суждено было осуществиться.

Сравнивая русскую революцию с другими революциями, имевшими мировое значение, авторы учебника «Всемирная история: модели взаимодействия» указывают, что ближайшие и долговременные последствия русской революции делают ее более схожей с Великой французской революцией, нежели с американской революцией. «Американская революция, – утверждается в книге, – воплотила в жизнь английские политические идеи и создала консти-

[1] King M.L. Western Civilization: A Social and Cultural History. P. 763.
[2] Ibid.

туционное правление, основанное на сложившихся к тому времени структурах. Напротив, французская и русская революции стремились уничтожить существующие социальные и политические структуры. Революции во Франции и России сопровождались широким применением насилия и террора ради установления контроля над народом. Франция со временем стала конституционной монархией. В России же на долгие десятилетия установился полный контроль государства над обществом»[1]. По всей видимости, противопоставление русской революции и Войны за независимость выполняет здесь не только научные и познавательные функции, но также воспитательные и идеологические. То же самое можно сказать и о сравнении Ленина с Вильсоном. Эти пассажи в учебниках рассчитаны на конкретную аудиторию – американских школьников.

Рассмотренная версия русской революции, содержащаяся в американских учебниках истории, не вызывает в США критики со стороны специалистов. Лишь консервативный Дж. Сьювал, возглавляющий Американский совет по учебникам, высказал замечание, которое напрямую не относится к освещению революции в России, а касается истории России советского периода в целом. Он посетовал на то, что в некоторых учебниках всемирной истории можно встретить примеры достижений Советского Союза в разных областях жизни. Это, по его мнению, уводит учащихся от главного – неприятия тоталитаризма[2].

Судя по тому, как американские учебники преподносят читателю русскую революцию, можно констатировать, что серьезного поворота в сторону научности в них не произошло. Конечно, нельзя не признать стремления их авторов к концептуальности, наглядности, логичности и даже в какой-то степени к объективности. Однако все это обесценивается неточностями, натяжками, а порой и грубыми ошибками. Попытка упростить и выстроить фактический материал, так, чтобы он не противоречил общей логике заранее составленной схемы, приводит к его искажению. Перефразируя упрек, брошенный, в адрес французского историка XIX в. Ф. Гизо одним из современников, можно сказать об американских учебниках истории, что созданная в них картина русской революции слишком логична, чтобы быть истинной.

---

[1] Beck R.B., Black L., Krieger L.S. et al. World History: Patterns of Interaction. P. 871.
[2] Sewall G.T. World History Textbooks: A Review. N.Y.: American Textbook Council, 2004. P. 24.

Д.М. Усманова[1]

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ КАК БАРОМЕТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ (март – апрель 1917 г.)

Первые месяцы после Февральской революции российское население находилось в атмосфере чрезвычайного общественного подъема, больших надежд на грядущую светлую жизнь, в ожидании «свободы, равенства и братства». Весной 1917 г. лишь немногие особо прозорливые мыслители подозревали, что такие настроения окажутся иллюзорными, что период единодушия и общегражданского согласия будет кратковременным, что вскоре последует жестокое разочарование в неспособности новой власти решить накопившиеся проблемы и последняя будет сметена волной недовольства и радикализма. В первые же дни и недели после крушения монархии, ставшей, по сути, атрибутом прошлого, и учреждения Временного правительства в публичном пространстве царило всеобщее ликование. Такие настроения доминировали в прессе, в многочисленных публичных выступлениях и речах. Наконец, они зафиксированы в многочисленных приветственных телеграммах, которые в большом количестве приходили из всех уголков страны в Петроград, на адрес Временного правительства, а также в Таврический дворец, где размещалась Государственная дума. Общее количество подобных приветственных телеграмм историками не подсчитано, но без сомнения их тысячи, если не десятки тысяч. Такие телеграммы, в частности, собраны в фонде Государственной думы в Российском государственном историческом архиве (РГИА).[2] В отдельных «папках» хранятся аналогичные телеграммы, присланные из мест компактного проживания мусульманского населения[3].

Многочисленные телеграммы, посланные мусульманами в Государственную думу, были выявлены автором во время работы в

---

[1] *Усманова Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.*

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Дд. 1244-1363.

[3] «Мусульманские» телеграммы собраны в следующих делах: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Дд. 1249, 1303, 1324, 1338.

РГИА в количестве не менее 200 документов. Несмотря на отдельные публикации[1], приветственные телеграммы от мусульман не стали еще предметом серьезного изучения и анализа. В то же время, тот факт, что мусульманское население бывшей империи, еще пару лет назад публично демонстрировавшее лояльность и верноподданство, после свержения монархии бурно приветствовало падение «ненавистного» режима телеграммами, весьма показательно. Помещение такого рода документов в исторический контекст, текстуальный их анализ, выявление наиболее типичных аргументов и тезисов, сравнительный анализ с другими публичными текстами того времени может помочь в понимании доминирующих настроений мусульманского населения.

Львиная доля «мусульманских» телеграмм с приветствиями в адрес новых властей приходится на март месяц: из выявленных мной около 200 телеграмм более 175 датируются первым весенним месяцем 1917 г. По мере того, как эйфория от перемен улетучивалась и сменялась сначала спокойным отношением, а потом разочарованием и плохо скрываемым раздражением, уменьшается и затем вовсе иссякает поток приветственных телеграмм-посланий. Если в марте такие телеграммы составлялись и посылались от имени многолюдных митингов, а также инициировались отдельными, политически активными персонами, то ближе к апрелю месяцу телеграммы в основном посылались общественными собраниями и съездами, которые в большом количестве созывались с апреля месяца. Уже ближе к лету такого рода телеграммы становятся большой редкостью, что может также служить индикатором изменений общественных настроений.

Еще один важный показатель – география регионов, откуда в столицу поступали такого рода телеграммы. Можно сказать, что приветственные телеграммы приходили из всех центров и регионов, где мусульмане проживали более-менее компактно. А это практически вся Российская империя от западных границ до Сибири и Дальнего Востока, от северного города Архангельска до южного Туркестана, от Европейской части России до Туркестана и Сибири. Географически приветствия представлены не одной сотней населенных пунктов: Астрахань, Архангельск, Баку, Барнаул, Верх-

[1] Усманова Д.М. Февраль 17-го в телеграммах от мусульманского населения // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1997. № 1-2. С. 164-170.

неудинск, Вятка, Екатеринбург, Елисаветополь, Зайсан, Иркутск, Казань, Касимов, Коканд, Кунгур, Курган, Нижний Новгород, Орск, Омск, Пенза, Петропавловск, Самара, Саратов, Семипалатинск, Симбирск, Ставрополь, Тара, Тобольск, Томск, Троицк, Тюмень, Пенза, Пермь, Ташкент, Уфа, Харьков, Челябинск, Чистополь, Ярославль и другие. Более того, одна приветственная телеграмма пришла из города Кульджа (т.н. Восточный Туркестан, современный Китай), где наряду с уйгурами, казахами проживало немало и татар. Телеграммы шли как из крупных промышленных и культурных центров, так и из «глубинки», из провинции, из совсем небольших населенных пунктов. Не оставались в стороне и жители деревень, сел, посадов, поселков и пр., в основном, в Казанской, Уфимской и Оренбургской губерниях.

В этническом плане среди авторов и инициаторов составления телеграмм преобладали волго-уральские татары, хотя они очень редко указывали свою этническую принадлежность («татары»), чаще выступая от имени всего мусульманского населения данного населенного пункта. В то же время, представители других народностей, исповедовавших ислам, как правило, указывали свою этническую или «племенную» принадлежность.

Интересно и то, кто и почему выступал в качестве инициатора посылки приветственной телеграммы. Если речь идет об индивидуальных телеграммах, то, как правило, мы встречаем имена, хорошо известные по общественной деятельности, по гражданской активности. Не удивительно, что среди них довольно широко представлены политически активные персоны, в частности, бывшие депутаты Государственной думы, члены мусульманской фракции. Из числа последних можно назвать перводумцев Саид-Гирея Алкина, Гарифа Бадамшина, Сахипзаде Максютова, Али-Мардан-бек Топчибашева, депутата Думы 3-го созыва Фатали Ханхойского, а также депутата с действующим мандатом Мамеда Джафарова[1].

Например, казанский адвокат и общественный деятель, перводумец Саид-Гирей Алкин оказался в числе первых, кто уже 5 марта прислал на имя председателя Думы М.В. Родзянко телеграмму

[1] Биографии членов мусульманской фракции см.: Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 1 Государственная дума Российской империи (1906 – 1917). М., 2006. С. 21-22, 36-37, 171-172, 360, 639, 680. О мусульманской фракции Государственной думы подробнее см.: Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906 -1916. Казань, 2005. 584 с.

следующего содержания: «*Инородцы при старом режиме, теперь чувствуем себя гражданами, равными со всеми национальностями великого государства, доказавшего свою политическую зрелость, в глубокой уверенности, что дело раскрепощения страны и освобождения угнетенной России от векового деспотизма доведется до счастливого конца, мусульманское население г. Казани приветствует Временное правительство как оплот будущего счастья нашей Родины. По поручению своих единоверцев, бывший член Государственной думы первого созыва Саид-Гирей Алкин*»[1].

7 марта в Петрограде состоялся большой митинг, выразивший доверие и поддержку Временному правительству. От имени митинга большую приветственную телеграмму послал действующий член мусульманской фракции Государственной думы Мамед-Юсуф Джафаров. В своей телеграмме он в весьма распространенных в столичных кругах (но не в провинции) выражениях заявил об условной поддержке нового правительства («постольку-поскольку»).

Весьма цветистая и многословная телеграмма от мусульман г. Чистополь датируется 12 марта. Среди подписантов мы встречаем фамилию депутата Думы 1-го и 2-го созывов Гарифа Бадамшина: «*Именуемые инородцами, угнетаемые наравне с другими национальностями при старом режиме, ныне волею Божьей свободные, как и все сыны Великой России, мусульмане г. Чистополя приветствуют новое правительство и выражают ему свою полную солидарность в проведении в жизнь основ, намеченных в программе нового кабинета. Да поможет Бог новому правительству в его предстоящей созидательной работе [по] объединению всех национальностей Великой России в одно целое свободное человечество. Будем твердо помнить, что в единении сила. Потому поможем все, как один человек, нашему новому правительству, облеченному доверием народа, закрепить за собой власть и водворить полный порядок в стране на славу великой будущности свободной и сильной единением народа России. (…) Уполномоченные мусульман города Чистополь, член Комитета общественной безопасности Самигулла Салихов, бывший член Государственной думы первого и второго созывов Гариф Бадамшин, мулла первого*

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1338. Лл. 27, 29.

прихода Назиб Амирханов, мулла второго прихода Шигабутдин Шарафутдинов»[1].

Наиболее часто употребляемыми выражениями в этой телеграмме являются слова «*Великая Россия*», «*единение*» и «*свобода*». Вообще, эти выражения встречаются в большинстве из упомянутых телеграмм, отражая доминирующую речевую стилистику весны 1917 г.

Сразу же, после распространения вести о падении старого режима, везде, где проживали мусульмане, на традиционных «пятничных намазах» были совершены молебствия в честь установления новой власти, затем прошли многолюдные митинги и собрания. Вот, например, как описывались лишь некоторые из них: «*Семипалатинск, 11/III. Праздник свободы ознаменован громадным стечением народа, торжественным богослужением, присягой всех религий, вечной памятью погибшим борцам за свободу, молением дарования победы, парадом войск (...), торжественной манифестацией всех рабочих, всех мужских, женских учебных заведений, степных киргиз, сбором пользу семей погибших борцов. Депутация мусульманского духовенства выразила полное подчинение мусульман Временному правительству, готовность к жертвам общему делу, единодушную работу, помощь Родине, образцовый порядок*». Другая телеграмма сообщала, что в Бирском уезде Уфимской губернии 19 марта состоялась «*манифестация с красными флагами в числе около 3 тысяч человек...*»[2] На подобных митингах и собраниях произносились восторженные речи, приветствовались перемены в стране, зачитывались и обсуждалась программа нового правительства, а также принималось решение поприветствовать эту власть.

Возвращаясь к инициаторам составления и посылки приветственных телеграмм, следует назвать различных общественных деятелей, в т.ч. руководителей комитетов и благотворительных обществ, которые подписывались от имени общемусульманских собраний. Наконец, весьма значительной была доля представителей мусульманского духовенства: из более чем 200 мусульманских телеграмм почти треть была инициирована и подписана имамами. Вероятно, это доминирование духовных лиц объясняется тем, что

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1338. Л. 52.
[2] Там же. Лл. 77-78.

решение послать приветствие в адрес Временного правительства, руководства Государственной думы и лидеров мусульманской фракции нередко принималось после пятничной молитвы в соборной мечети при большом скоплении прихожан. И здесь вполне понятно, что от имени такого собрания выступал местный мулла. Помимо этого, имамы традиционно были наиболее активной частью мусульманской *уммы* и воспринимались многими как «духовные лидеры» («*юлбашчылар*»).

Гораздо более удивительно, что среди оперативно поприветствовавших новую власть оказалось даже руководство Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС): уже 8 марта муфтий Мухаммед-Сафа Баязитов направил на имя председателя Государственный думы телеграмму следующего содержания: «*Осведомившись по пути, возвращаясь со служебной поездки, об образовании нового правительства, осмеливаюсь почтительнейше принести Вашему Высокопревосходительству свое приветствие. Оренбургский муфтий Баязитов*»[1]. В этих строчках сквозит полная растерянность муфтия, которому, учитывая его чрезмерную лояльность к Верховной власти и сложные взаимоотношения с мусульманской общественностью, перемена во власти не сулила ничего хорошего. Однако уже 9 марта руководство ОМДС послало по 3 адресам (председателю Исполнительного комитета Государственной думы, председателю Совета министров и членам мусульманской фракции!) новую телеграмму следующего содержания: «*Уфа. Оренбургское магометанское собрание, приветствуя новое правительство, почтительнейше заявляет о своей полной готовности радостно послужить дорогой родине и мусульманскому населению своего округа под руководством нового правительства вместе с сим Духовное собрание циркулярно оповещает духовенство округа для объявления народу об этому с совершением молебствия за благоверное правительство. Председатель Духовного собрания Баязитов, члены Капкаев, Мамлеев, Урманов*»[2]. Впрочем, это поспешное выражение лояльности и преданности новой власти не помогло им удержаться на плаву. Уже через неделю все руководство ОМДС было смещено и посажено

[1] Там же. Л. 27.
[2] Там же. Л. 29.

под домашний арест[1]. Таким образом, радостное восприятие произошедших в стране перемен не всегда было искренним. Скорее, оно отражало желание вовремя продемонстрировать лояльность и сохранить свои прежние позиции.

Зачастую телеграммы приветствовали новую власть от имени многотысячного собрания, всех жителей того или иного населенного пункта, от имени большого коллектива. В реальности же они составлялись небольшой группой лиц или конкретной персоной. Поэтому следует иметь в виду условность этого единодушия и единства порыва масс. Всегда от имени большинства говорит некое активное и властное меньшинство. Однако, голос меньшинства тоже может отражать доминирующий общественный дискурс, точнее преобладающую в данный момент риторику. Очевидно, что доминирующая риторика была в основном либеральная с апеллированием к идее социальной и национальной справедливости.

Знакомство с содержанием упомянутых телеграмм позволяет окунуться в атмосферу весны 1917 г. и может дать ответ на следующие вопросы: что более всего волновало мусульман в первые послереволюционные месяцы? О чем они мечтали и на что надеялись? Чему верили и кому доверяли? Какие идеи и персоны доминировали в сообществе российских мусульман в этот период времени?

Прежде всего, телеграммы свидетельствуют, насколько дискредитирована, неуважаема, а потому отчуждена от народа была монархия, персонализированная в Николае II, насколько сильно было неприятие общества к павшему режиму. Ни единого доброго слова, ни капли сожаления по отношению к прежней власти, которая именовалась не иначе, как «*вековым деспотизмом*», «*беспощадной реакцией*», «*игом*», «*романовской опричниной*»; властью, «*губительной для Отечества*», «*истязавшей родину*» и т.д. Одновременно почти все телеграммы выражали новому Временному правительству полное и безусловное доверие, поддерживая его как первое «*истинно народное правительство*». Правда, продлилась эта поддержка, как известно, недолго.

---

[1] Об обстоятельствах назначения М.-С. Баязитова муфтием, о его конфликте с членами мусульманской фракции Государственной думы подробнее см.: Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906-1916. Казань, 2005. С. 397-406. О событиях марта 1917 г. и о переменах в муфтиате см. подробнее: Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 – лето 1918). М., 2003.

Судя по телеграммам, отражавшим довольно широкий спектр общественных настроений, татар волновали те же проблемы, что и всю страну: продолжавшаяся мировая война, вопрос о земле, продовольственное положение, осуществление демократических преобразований в стране, особенно в государственном управлении, и многие другие актуальные проблемы того времени. Но самым важным и значительным был вопрос о будущем нации. Эта идея пронизывает все без исключения телеграммы. В них выражалась вера, что новое правительство сумеет осуществить все необходимые преобразования, чтобы обеспечить счастливое и равноправное будущее всех народов без исключения.

В телеграммах довольно часто говорится о программе демократических преобразований, объявленной Временным правительством. Какие же ее положения привлекли внимание мусульманского населения в первую очередь? Несомненно, прежде всего, это пункт, провозглашающий и гарантирующий отмену «*всех сословных, вероисповедальних и национальных ограничений*». Чувство ущемленности, второсортности переживалось многими нерусскими народами России, в т.ч. и татарами, возможно более тяжело и мучительно, нежели даже физические и материальные лишения и страдания. Поэтому провозглашение равенства народов, ликвидация дискриминации и формальных ограничений по национальному или религиозному признаку, «*закрепление справедливости и равноправия*», по мнению мусульман, являлось первейшей задачей нового режима и основным итогом революции. Радость и ликование по этому поводу пронизывают практически все телеграммы. Главная надежда на будущее заключалась в вере, что произойдет коренное обновление страны и будет построено справедливое, гражданское общество. Основное пожелание – не чувствовать себя «*инородцами*», «*пасынками*», «*изгоями*», «*чужими в родной стране*», а стать полноправными гражданами свободной России.

Значительное место в телеграммах отводилось политическому переустройству страны, вопросу о будущей форме правления. Наиболее часто встречающееся пожелание касалось скорейшего созыва Учредительного собрания. Об этом писали мусульмане Казани, Челябинска, Иркутска, Уфимской губернии, Хабаровска и других городов. Причем, если программа правительства предполагала установление формы правления Учредительным собранием, то те-

леграммы свидетельствовали, что симпатии мусульман были явно на стороне демократической, федеративной, народной республики с основами народовластия. Эти слова также входили в набор общеупотребимых и даже модных в то время терминов и выражений.

Наряду с общедемократическими пожеланиями, в телеграммах нашли отражение и интересы отдельных слоев населения. В ряде телеграмм, посланных из сельской местности, указывается на то, что правительство должно как можно быстрее решить аграрный вопрос. Так, например, жители Стерлибашево (Уфимская губерния) надеялись на скорое решение земельного вопроса «*в пользу безземельных и малоземельных крестьян*»; крестьяне Камского устья выражали уверенность, что «*скоро осуществятся народные права и крестьяне будут наделены землей через Учредительное собрание*». Но в целом число подобных телеграмм незначительно. О чем это говорит? О том ли, что крестьянство не уповало на депутатов и Временное правительство в решении своих земельных проблем? Или о том, что к руководству парламента и депутатам зачастую апеллировали представители тех слоев населения, для которых социальные проблемы не были значимыми и болезненными.

Таким же парадоксальным, на первый взгляд, зная основные причины Февральской революции, было некоторое единодушие в вопросе о войне. Практически каждая вторая телеграмма призывала к скорому, победоносному, успешному завершению войны. Редким исключением является телеграмма, посланная от многочисленного собрания крестьян Белебеевского уезда, состоявшегося 12 марта, и выражающая надежду на «*скорейшее заключение мира*». Остальные же больше призывали к легкой и быстрой победе «*наших доблестных войск*» над внешним врагом «*на всех фронтах*», еще раз подтверждая, что настроения «*революционного оборончества*» и «*добросовестного патриотизма*» имели распространение и в татарском обществе. Отражали ли эти телеграммы истинное желание продолжать войну, или же авторы телеграмм просто использовали общеупотребимую риторику?

Весьма красноречиво то, что в «татарских» телеграммах практически игнорируются пункты правительственной программы, провозглашающие «*полную и немедленную амнистию по всем делам политическим и религиозным*», посвященные «*выборам в органы местного самоуправления*» и касающиеся положения в армии. И

хотя эти проблемы волновали мусульман не в меньшей степени (о чем ярко свидетельствует, например, татарская пресса того времени), но все же вопросы самоопределения, культурного и религиозного развития, равенства народов доминировали над иными.

В заключение можно сказать следующее. Приветственные телеграммы являются весьма специфическим документом: политически активное меньшинство говорило от имени большинства; настроения, выражаемые в этих текстах, были сиюминутными и очень изменчивыми; наконец, стилистика и язык текстов более выразительны и красноречивы, нежели смысловое содержание. Конечно, их не стоит абсолютизировать и воспринимать буквально, как, впрочем, любой публичный текст эпохи общественных потрясений. Плохо востребованные и слабо изученные историками, эти документы, тем не менее, имеют большое значение для понимания своей эпохи. Едва ли содержание подобных текстов способно создать полную и «единственно-верную» картину первых послефевральских месяцев, однако определенные тренды и преобладающий общественный дискурс они отражают вполне адекватно.

5/III. Саратов.

Мусульмане г. Саратова, преисполненные неподдельным чувством неописуемого восторга приветствуют в лице Вашем, Ваше Высокопревосходительство, новое правительство, ставшее у кормила многострадальной России в столь небывало тяжелое время и молят Бога, чтобы он ниспослал Вам силу вывести страну на широкую и торную дорогу светлой и свободной жизни, достигнув нашей доблестной армией решительной и полной победы над дерзким и упорным врагом. Председатель собрания Б.С. Юскаев.

7/III. Челябинск.

Мусульмане Челябинска, собравшись 6 марта по случаю величайшего в мире переворота, постановили приветствовать Государственную думу в лице ее Исполнительного комитета, и выразить ему глубокую признательность, подчиниться всем его распоряжениям, поддерживать его всеми мерами и просить о созыве Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования. Уполномоченные Басанов, Салимов, Ибрагимов.

10/III. Казань Забулачная.

Мусульманские мугаллимы всех медресе г. Казани выражают свою глубокую радость и полное сочувствие возрождению России.

Воодушевленные всеобщей радостью, с восторгом приветствуют новое правительство. Одинаково принимающее к сердцу интересы всех граждан без различия нации. Да здравствует свободная Россия, возрожденная для благоденствия всех верных сынов. По уполномочию казанских мугаллимов Ахметзян Мустафин.

10/III. Пермь.

Собрание мусульман города Перми и пригорода в лице Исполнительного комитета приветствует освободителей Родины: новое правительство, совет рабочих и солдатских депутатов. Надеемся и твердо верим, что они доведут Россию до желанной победы над врагом и засияет над дорогой родиной луч правды и справедливости. Председатель собрания Кайдаров.

19/III. Ижевск.

Мусульманское собрание Ижевского завода в заседании своем постановило приветствовать Ваше Превосходительство за освобождение дорогой нам родины и взятие под свое управление и сердечно выражает свою глубокую преданность Временному Исполнительному комитету Государственной думы. Просим бога даровать победу над врагом и сломить его окончательно. Уполномоченный Гялиакберов.

26/III. Уфа.

Собрание мусульман г. Уфы, ознакомившись с обнародованным Временным правительством манифестом, отменившим вероисповедальные и национальные ограничения, единогласно поручило нам выразить Временному правительству и Исполнительному комитету Государственной думы чувство восторга, вызванного этим актом, являющимся залогом братства всех народов, населяющих нашу великую родину. Уполномоченные собрания Еникеев, Наврузов.

5/IV. Иркутск.

Уверенные, что с обновлением нашей Родины загорается заря новой жизни для свободной гражданки мусульманки, что тяжкие цепи политического и бытового рабства пали навеки, мы, иркутские мусульманки, шлем вам, как одним из первых борцов за свободу свой восторг и искренний привет. Да здравствует Учредительное собрание и демократическая республика. По уполномочию иркутских мусульманок Газиза Мухамедьярова.

А.Н. Егоров[1]

ВОЛОГОДСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ 1917 г.

Февральская революция кардинально изменила положение либеральной оппозиции, превратив кадетскую партию из оппозиционной в правящую. Однако нахождение либералов у власти оказалось очень коротким, ведущая роль в течение нескольких месяцев перешла к революционным партиям. Данная ситуация породила серьезную проблему – насколько адекватной реальности была кадетская политика, почему кадеты не смогли использовать свой шанс? Либеральные историки и публицисты обращали внимание на огромный груз проблем, вызванных войной, хозяйственной разрухой, кризисом системы управления, радикальной психологией народных масс и т.п. Выход из этой ситуации был только один – укрепление власти, которая могла бы как продолжать войну, чего требовали государственные интересы России, так и довести страну до Учредительного собрания, чего требовали принципы народовластия. Однако создать сильную власть либералы не смогли, во-первых, из-за противодействия революционных сил, взявших курс на «углубление» революции и своими действиями вызвавших постоянно прогрессирующий паралич власти, во-вторых, из-за «реально данной в 1917 г. русской действительности», когда процессам распада невозможно было противостоять в силу отсутствия у новой власти реальной принудительной силы в лице армии и полиции, в-третьих, из-за ошибок членов Временного правительства, чьи решения не всегда адекватно соответствовали ситуации. В эмиграции П.Н. Милюков сформулировал «фаталистическую» точку зрения о невозможности победы либералов в таких условиях и трагической неизбежности Октября. Как он писал, не от воли кадетской партии зависело поддержать падающую власть Временного правительства, а министры-кадеты могли «только умереть с достоинством»[2].

С точки зрения эмигрантской социалистической историографии, либералы, получив власть в ходе Февраля, не смогли адекватно

---

[1] *Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета.*

[2] Милюков П.Н. При свете двух революций // Исторический архив. 1993. № 1. С. 174.

оценить ситуацию и затягиванием решений социальных проблем провоцировали дестабилизацию в стране. Консервативные круги эмиграции смотрели на либералов как на главных «героев Февраля», устроивших революцию для захвата власти. Однако в силу своей слабости, оторванности от народа, неспособности к государственному строительству либералы не смогли справиться с грузом проблем, чем погубили себя и традиционную Россию. Дискуссии о политике либералов в условиях революционных потрясений 1917 г. не прекращаются по сей день. Для объективного понимания роли и места либералов необходимо рассмотреть их политику на местах, поскольку именно в провинции во многом решалось, каким путем пойдет развитие страны.

Накануне 1917 г. Вологодская губерния являлась рядовой провинцией с преимущественно крестьянским населением. На территории края не было больших городов, крупных заводов и фабрик, высших учебных заведений. Революция 1905–1907 гг. прошла в губернии относительно спокойно. Определенный политический колорит краю придавала лишь политическая ссылка, стоявшая на втором месте в империи после Восточно-Сибирской (недаром ее называли «подстоличная Сибирь»). Кадетские организации возникли в губернии в годы революции 1905–1907 гг. на основе Вологодского отделения «Союза освобождения» и разделявших либеральные идеи земских деятелей. Кроме Вологды кадетские группы возникли в Грязовце, Никольске, Тотьме, Великом Устюге, Кадникове, а также в трех крупных селах. В августе 1906 г. в Вологде прошел общегубернский партийный съезд, выбравший губернский комитет ПНС и его председателя – видного земского деятеля В.А. Кудрявого[1]. После окончания Первой российской революции большинство провинциальных партийных организаций распалось и прекратило всякую партийную деятельность, а уцелевшие кадетские комитеты существовали в основном чисто номинально. Так, секретарь Вологодского комитета ПНС А. Васильев в письме члену ЦК ПНС А.М. Колюбакину в марте 1908 г. писал: «Наша кадетская группа мертва, но мертва летаргически. Существует только комитет, но и он существует только по названию, так как деятельность его сокращена до минимума, никто ничего не вносит в кассу группы»[2]. Февральская

[1] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 193. Л. 17.
[2] Там же. Л. 21.

революция пробудила провинциальных кадетов от «летаргического сна» и резко изменила ситуацию.

Сразу после получения известий о революционных событиях в Петрограде 1 марта 1917 г. в Вологде в здании городской думы состоялось экстренное собрание гласных с представителями местных общественных организаций, кооперативов, рабочих, крестьян и «просто обывателей» – всего более тысячи человек. После выступления эсера С.С. Маслова, говорившего от имени представителей имеющихся в тот момент в городе партий – эсеров, социал-демократов и кадетов, было решено отстранить от власти губернатора и местную администрацию, образовать Вологодский губернский Временный комитет и передать ему всю власть[1]. На первом заседании комитета 2 марта 1917 г. приняли решение о разоружении полиции и взятии под контроль всех административных учреждений губернии. 4 марта председателем комитета избрали кадетского лидера В.А. Кудрявого, а уже 6 марта Временное правительство утвердило его в качестве губернского комиссара[2].

В Вологодском губернском временном комитете, взявшем на себя функции новой власти, либералы играли серьезную роль. Одним из заместителей Кудрявого стал кадет Н.Я. Масленников, кадет А.М. Виноградов готовил целый ряд обращений от имени новой власти к населению губернии. На первый взгляд, может показаться, что власть в губернии перешла к либералам. Но это не так. Губернский комитет включал в себя представителей различных политических партий: 5 кадетов, 4 эсера, 4 социал-демократа, 1 представителя плехановской группы «Единство»[3]. Позиции эсеров и социал-демократов в губернском комитете были довольно прочными. Так, эсер С.С. Маслов стал секретарем комитета, помощниками председателя являлись эсер В.Ф. Макеев и социал-демократ К.П. Хлюстов. Кроме того, 15 марта 1917 г. в Вологде прошло первое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором ведущую роль играли левые партии.

В первых числах марта сложились уездные органы власти Временного правительства, в которых существенную роль играли представители кадетской партии. Они входили в уездные комитеты

---

[1] ГАВО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
[2] Вологодские губернские ведомости. Вологда, 1917. 10 марта.
[3] ГАВО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.

Тотьмы, Кадникова, Великого Устюга, Грязовца, Никольска и др. Комиссаром Кадниковского уезда стал кадет В.Ю. Зубов[1]. Однако, в целом, влияние политических партий в уездах Вологодской губернии весной 1917 г. оставалось незначительным, большинство уездных комиссаров были беспартийными.

Радикализация общественных настроений в ходе развития революции неизбежно привела к ослаблению позиции либералов в Вологодском губернском временном комитете. С лета 1917 г. кадетов в нем осталось только четверо: Кудрявый – губернский комиссар Временного правительства, Масленников – его помощник, Б.В. Беккер и П.А. Кадников. В то же время усиливалось влияние Советов. Под их давлением одним из заместителей Кудрявого поставили большевика И.А. Саммера. Совет стал отменять те решения Временного комитета, которые считал не соответствующими интересам революции. Саммер отвечал за проведение в жизнь политики Совета. Когда Кудрявый болел или отсутствовал, Саммер заменял него, будучи одновременно одним из руководителей Вологодского Совета. Предложения кадетов часто отклонялись Временным комитетом. Так, в мае 1917 г. представители Совета при обсуждении вопроса о создании народной милиции предлагали уволить всех старых служащих и заменить их новыми. Кадет Виноградов резонно возражал, доказывая, что их устранение грозит развалом всего дела. Однако, представители Совета, пользуясь большинством, отстояли свою точку зрения[2]. Таким образом, кадеты, несмотря на формальное руководство комиссариатом, не могли проводить ту политику, которую считали нужной.

Какими же силами располагали местные либералы? Весной 1917 г. в Вологодской губернии началось восстановление распавшихся после Первой российской революции кадетских групп. В начале марта в Вологде был сформирован губернский комитет ПНС из 7 человек во главе с инженером-технологом Масленниковым (с июля во главе губкома ПНС стал инженер Беккер)[3]. В марте возобновили свою деятельность великоустюгские кадеты под руководством частного поверенного Н.Л. Снурницина[4]. С помощью губкома

---

[1] ГАВО. Ф. 788. Оп. 1. Д. 63. Л. 34.
[2] Вологодские губернские ведомости. Вологда, 1917. 19 мая.
[3] Северное эхо. Вологда, 1917. 28 июня.
[4] Северо-Двинский край. Великий Устюг, 1917. 6 июня.

ПНС партийные отделения возникли в апреле в Тотьме, в мае – в Грязовце, в июле – в Кадникове, в августе – в Никольске[1]. В целом к сентябрю 1917 г. кадетские организации существовали в 9 из 10 городов Вологодской губернии.

Вопрос о численности кадетских организаций довольно сложный, поскольку официальных данных об общей численности ПНС в 1917 г. нет. По нашим, весьма приблизительным, подсчетам, основанным на архивных документах и материалах местной прессы, в Вологодской губернии к осени 1917 г. насчитывалось порядка 600 – 700 кадетов. Это чуть меньше социал-демократов губернии – примерно, 850 человек, но значительно меньше, чем эсеров – 1800 человек[2]. Социальный состав провинциальных организаций можно проследить по спискам кандидатов в гласные от ПНС при выборах в городские думы. В Вологде в этом списке 57 человек: 9 учителей, 5 врачей, 5 инженеров, 4 юриста, литератор и кандидат юридических наук – так представлены различные группы интеллигенции (43,9%). Следующую значительную категорию составляют чиновники и служащие, деятели местного самоуправления – 17 человек (29,8%), из которых 3 занимали довольно высокое положение: директор городского банка и т.п. Предпринимательские круги представлены 4 купцами, 3 управляющими и 3 торгово-промышленными служащими (17,5%). Кроме того, в списках числятся 2 офицера, 2 мелких ремесленника и 1 священник[3]. Аналогичная картина наблюдается и по другим городам Вологодской губернии. Бросается в глаза полное отсутствие рабочих и крестьян. Нами не выявлено ни одного факта наличия рабочих в какой-либо провинциальной кадетской организации. Крестьяне входили в некоторые уездные организации, но, как правило, это были уже не земледельцы в классическом понимании этого слова, а лица, имевшие начальное образование и связанные с волостным правлением и занимавшиеся мелкой торговлей. Некоторые из них участвовали в избирательных кампаниях в Государ-

[1] Вестник Партии Народной Свободы. Пг., 1917. № 21/22. С. 38.
[2] Безбережьев С.В. О Социальном и численном составе эсеровских организаций в губерниях северной области в 1917 г. // Вопросы истории Европейского Севера (История Великого Октября на Северо-западе России): Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. М.И. Шумилов. Петрозаводск, 1987. С. 116.
[3] Северное эхо. Вологда, 1917. 23 июля.

ственные думы, что дало им определенный политический опыт[1]. Отметим наличие в кадетских организациях небольшого количества офицеров и прапорщиков, чего не наблюдалось в 1905–1907 гг. Прапорщик П.З. Фель являлся даже одним из трех кандидатов в члены Вологодского губкома ПНС. Кадровое офицерство не поддерживало либералов, но в годы Первой мировой войны многие представители интеллигенции, воевавшие на фронтах, получили низшие офицерские звания – некоторые из них и поддерживали ПНС. Так, сын председателя губкома ПНС Беккера – Сергей, получил звание прапорщика на фронте. Вернувшись в Вологду летом 1917 г., он с помощью отца организовал кадетский Союз молодежи[2].

Основным противником кадетов был местный Совет рабочих и солдатских депутатов, объединявший все революционные партии. Взаимоотношения либералов с Советом прошли сложную эволюцию. В первые дни после Февральской революции, когда эйфория от быстрого и бескровного падения монархии и надежд на скорое построение демократического общества охватила всю страну, кадеты положительно отнеслись к возникновению Советов, увидев в них придаток Временного правительства, способствующий организации рабочего класса и крестьянства. На кадетском собрании 7 апреля 1917 г. Беккер говорил о вполне нормальном отношении ПНС к Советам, призывал подойти к местному Совету «без всякой боязни, терпимо к его ошибкам и с должным уважением к его роли в момент революции»[3]. Многие близкие к кадетам городские общественные организации даже направили своих представителей в Совет. Так, от Союза служащих в правительственных учреждениях в Совет вошло 7 человек, 2 из которых были кадетами (М.Л. Загускин и В.Н. Сомов).

Однако Советы стали развиваться совсем не так, как хотелось бы либералам. В ответ на ноту Милюкова от 18 апреля 1917 г. о продолжении войны до победного конца Вологодский Совет выразил протест и призвал всех трудящихся к сплочению вокруг социалистических партий для защиты революции[4]. Заявление Совета

---

[1] Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Междун. науч. конф. Сб. науч. статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 1. С. 88.
[2] Северное эхо. Вологда, 1917. 29 августа.
[3] Там же. 16 апреля.
[4] Известия Вологодского Совета. Вологда, 1917. 27 апреля.

вызвало резко негативную реакцию со стороны либералов. На кадетском митинге 6 мая Беккер в своем докладе «О тактике Совета рабочих и солдатских депутатов» в течение полутора часов критиковал позицию Совета. После этого отношения кадетов с Советами стали быстро ухудшаться. Уже в мае кадеты вышли из Вологодского Совета, а к концу лета 1917 г. все близкие к кадетам общественные организации отозвали своих представителей из Советов.

В редакционной статье «Северного эха» от 23 июля кадеты четко определили свое отношение к Советам: «В том-то и ошибка Совета, что, будучи представителем одного только класса, он все время старается самочинно присвоить себе право говорить от имени всей страны и в этом качестве воздействовать на Временное правительство». Кадеты полагали, что Советы не выражают мнение всего народа, а значит, не могут претендовать на государственную власть: «Мы никогда и нигде не высказывались против Совета, как органа рабочего класса. В этой области его существование законно и нельзя отрицать крупной организующей роли этого классового органа. Но когда Совет выходит из этих его нормальных рамок, когда он претендует на руководство государственной жизнью страны, когда хочет стать рядом или даже над правительством, мы решительно возражаем и говорим: руки прочь. Государственная власть не может быть и особенно в такое тяжелое и грозное время узкоклассовой, а должна быть национальной. И с этой точки зрения мы всегда будем возражать против современной политики Совета»[1]. Исходя из этих взглядов, кадеты оценивали политику Советов как «опасное расшатывание власти, нарушение ее единства, создание в стране многовластия, гибельного для свободы».

В этих условиях кадеты большое значение придавали работе в городских думах, стремясь превратить их в противовес Советам. Вологодские кадеты стали готовиться к муниципальным выборам сразу после издания закона о городском самоуправлении в апреле 1917 г. На партийном собрании 15 июня 1917 г. в Вологде решили сформировать список гласных, который «не может и не должен быть строго партийным. Этот список будет деловым, заключающим в себе как организованных партийных людей, так и беспартийных, примыкающих по своим воззрениям к партии и принимающих ее муниципальную программу»[2].

---

[1] Северное эхо. Вологда, 1917. 23 июля.
[2] Вестник Партии Народной Свободы. Пг., 1917. № 11/13. С. 34.

Кадетская муниципальная программа не ставила основные политические вопросы, исходя из того, что революция закончилась и необходимо укреплять новый строй. Кадеты, считавшие себя внеклассовой партией, выступали за справедливое удовлетворение интересов всех слоев населения. Они отдавали предпочтение охране интересов широких и экономически слабейших слоев населения. Кадеты выступали за охрану труда, особенно женского и детского, уничтожение безработицы, устройство бирж труда и примирительных камер, в которых «могли бы получить справедливое и правомерное разрешение противоположные и сталкивающиеся интересы трудящихся и работодателей». Подчеркивалось, что «во главу своей программы» партия ставит задачу примирения, правового разрешения разнообразных и часто противоположных интересов. Большое значение кадеты придавали укреплению финансового и правового положения городских дум, развитию здравоохранения и народного образования, решению продовольственного вопроса[1].

С весны 1917 г. в городах Вологодской губернии, как и по всей России, стали возникать разнообразные общественные организации, объединенные чаще всего по профессиональному признаку. В одной только Вологде таких организаций насчитывалось свыше 20, причем некоторые были довольно многочисленными. Все политические партии придавали большое значение работе в этих организациях, однако наиболее серьезным влиянием в них пользовались кадеты. Некоторые из них они сами и организовали. В Вологде при активном участии ПНС были созданы союзы домовладельцев, квартиронанимателей, медицинских врачей и пр. В руководство Союза домовладельцев входили члены губкома ПНС И.Ф. Клушин и А.М. Виноградов. В правлении Союза квартиронанимателей заметную роль играл председатель губкома ПНС Беккер, а во главе Союза медицинских врачей стоял член губкома Кадников[2]. В Великом Устюге кадеты создали Торгово-промышленный союз, в Грязовце – Мещанское общество, в Тотьме – Союз домовладельцев и т.д. Многие либералы являлись членами того или иного общества, играя в нем, как правило, далеко не последнюю роль.

Поэтому совершенно естественно встал вопрос о блоке кадетов с союзами на предстоящих городских выборах. В Вологде на

[1] Северное эхо. Вологда, 1917. 23 июня.
[2] ГАВО Ф. 475 Оп. 3. Д. 5. Л. 2.

такой блок пошли союзы служащих в правительственных учреждениях, квартиронанимателей, Лига равноправия женщин; в Великом Устюге – Торгово-промышленный союз; в Грязовце – Мещанское общество. Некоторые близкие к кадетам организации решили выставить свои списки гласных: в Вологде – Союз домовладельцев, в Тотьме – Союзы домовладельцев и квартиронанимателей, в Великом Устюге – Мещанское общество. Тем самым, эти организации подчеркивали свой профессиональный, а не политический характер. Следует также учитывать, что в состав союзов входило немало людей, сочувствующих другим партиям, в основном правым социалистам (так, в правлении вологодского Союза квартиронанимателей работал руководитель местной группы «Единство» В.Н. Трапезников[1]). Понятно, что они вряд ли одобрили бы блок с кадетской партией.

В июле 1917 г. кадеты выдвинули списки своих кандидатов в гласные в 4 городах Вологодской губернии: Вологда, Великий Устюг, Тотьма, Грязовец. В остальных 6 уездных городах списки кандидатов в гласные были непартийными, что показывало слабое влияние в провинции различных политических партий. В Грязовце кадетский список был единственным партийным. Часть кадетов избиралась по спискам близких общественных организаций (так, немало кадетов фигурировало в списке вологодского Союза домовладельцев).

В Вологодской губернии муниципальные выборы состоялись в июле – августе 1917 г. В Вологде за список ПНС проголосовало 2345 человек (18%), что позволило либералам получить в городской думе 11 мест из 60. К этому можно добавить 1739 голосов (13%), отданных за близкий к кадетам Союз домовладельцев – 8 мест. Блок эсеров, социал-демократов и Бунд завоевал 6861 голос (55%)[2]. В Грязовце либералы получили 12 мест из 21, что позволило им выбрать своего лидера П.А. Бронникова председателем городской думы[3]. В Тотьме по кадетскому списку выбрали 4 гласных, но по спискам прокадетских общественных организаций (Союз домовладельцев, Союз квартиронанимателей) избрали еще 6 либералов. В итоге в городской думе Тотьмы кадеты получили 10 мест из 20, а левые партии – всего 5 мест. Председателем городской

[1] Северное эхо. Вологда, 1917. 7 июня.
[2] ГАВО Ф. 475 Оп. 1. Д. 1549. Л. 8.
[3] Северное эхо. Вологда, 1917. 16 июля.

думы избрали заместителя председателя Тотемской кадетской организации П.А. Мужикова[1]. В Великом Устюге кадеты завоевали 11 мест из 33, левые партии – 16 мест[2]. В Никольске не было партийных списков, но некоторые местные кадеты прошли по спискам близких общественных организаций, и во главе Никольской городской думы встал кадет Н.Н. Аруев[3].

Влияние кадетов на работу органов местного самоуправления можно проследить на примере Вологодской городской думы. На первом же заседании вновь избранной думы 9 августа 1917 г. сложилось два блока: левый, в который вошли социал-демократы, эсеры, Бунд (33 гласных), и правый, объединивший кадетов, народных социалистов, «Единство» и др. (27 гласных). Левый блок выражал мнение Вологодского Совета рабочих и солдатских депутатов, правый – кадетов и правых социалистов. Ведущую роль в правом блоке играли кадеты. В первое время левые отказались от сотрудничества с кадетами, самостоятельно проведя выборы председателя думы и его заместителей, что дало повод кадету Виноградову обвинить их в «большевистских тенденциях». При выборе делегатов на Московское государственное совещание кадеты предлагали послать одного гласного от левых, одного от правых. Но левые, воспользовавшись своим незначительным преимуществом, провели двух своих делегатов[4]. Однако очень быстро стало ясно, что без соглашения работа в думе невозможна, и левые изменили свое отношение к оппонентам. При выборах в городскую управу кадетам уже предложили выставить своих кандидатов.

В отношении тактики у гласных ПНС в городской думе было 2 пути: стать в непримиримую оппозицию, тормозя работу, чтобы «показать населению, что оно послало в думу неподходящих людей», или включиться в совместную работу с левыми. Кадеты выбрали второй путь: «Мы шли в городское самоуправление не ради политики, а ради реального дела. Поэтому фракция ПНС считает своим долгом принять участие в думской работе»[5]. Либеральных кандидатов в городскую управу поддержала левая часть думы, и 2 места из 5 стали принадлежать ПНС.

---

[1] Северо-Двинский край. Великий Устюг, 1917. 29 августа.
[2] Там же. 1 августа.
[3] Северное эхо. Вологда, 1917. 5 ноября.
[4] ГАВО Ф. 476 Оп. 1 Д. 598. Л. 8.
[5] Северное эхо. Вологда, 1917. 10 ноября.

Большие прения вызвал вопрос об учреждении жилищной примирительной камеры, в которой должны были решаться конфликты между домовладельцами и квартиронанимателями. Кадеты полагали, что право выборов в камеру должно быть предоставлено общественным организациям – Союзам домовладельцев и квартиронанимателей. Левые возражали, но были побеждены, что показало неустойчивость их большинства[1]. Однако в большинстве случаев победу одерживал все же левый блок, кадеты были вынуждены уступать их требованиям. Так, при формировании думских комиссий правые сняли ряд своих кандидатур из-за протеста левых[2]. Оказавшись в меньшинстве в думе, кадетская фракция сосредоточилась на деловой работе в комиссиях, отстаивала права горожан, критиковала левые партии, по политическим вопросам вносила решительные заявления от имени ПНС. Однако превратить городские думы в противовес советам либералам не удалось – они вынуждены были учитывать позицию левых сил.

Осенью 1917 г. главным делом для либералов стали выборы в Учредительное собрание. В конце сентября в Вологде состоялся общегубернский съезд ПНС по утверждению списка кандидатов от партии в Учредительное собрание. От ЦК кадетской партии в списке значился министр исповеданий Временного правительства, обер-прокурор Синода А.В. Карташев, от Вологды –Кудрявый, Беккер, Масленников, остальные кадеты представляли различные уездные города губернии[3]. В список входили авторитетные, хорошо известные вологжанам люди.

В октябре – ноябре 1917 г. либералы делали все возможное для успешного проведения выборов в Учредительное собрание. В итоге в Вологде за кадетский список проголосовало 5973 человека (37,5% городских избирателей)[4]. Это значительно больше, чем на летних муниципальных выборах, что показало возросший авторитет кадетской партии. Списки левых партий получили в Вологде меньше голосов. Кроме того, кадеты одержали победу в наиболее крупных городах губернии – Великом Устюге, Тотьме, Кадникове. Однако подавляющее большинство крестьянского населения отдало свои голоса

---

[1] Вестник Партии Народной Свободы. 1917. № 26/27. С. 19.
[2] Северное эхо. Вологда, 1917. 10 ноября.
[3] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1004а. Л. 2.
[4] Северное эхо. Вологда, 1917. 6 декабря.

эсерам, и ни один кадет в Учредительное собрание от Вологодской губернии не прошел. Избрали 6 эсеров и 1 большевика.

После взятия власти большевиками в центре и на местах возможности для легальной деятельности кадетской партии резко сократились. Еще 28 ноября 1917 г. Совнарком принял ленинский декрет о запрещении кадетской партии и аресте ее руководителей. В Вологодской губернии преследования кадетов со стороны большевиков начались с февраля 1918 г., когда красногвардейцы арестовали председателя Вологодского губкома ПНС Беккера, захватили помещение кадетского клуба и конфисковали литературу[1]. Тем не менее, до начала лета 1918 г. кадетские организации Вологодской губернии продолжали действовать в полулегальных условиях, а в Вологде даже продолжала издаваться газета ПНС. С июля 1918 г. отдельные случаи арестов и преследований кадетов сменились массовыми репрессиями. Многие либералы, не успевшие скрыться, были арестованы, кадетские организации распались.

Анализ роли и места либералов в политической жизни Вологодской губернии позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на формальное руководство губернским комиссариатом, кадеты не располагали всей полнотой власти, не имели в своем распоряжении силовых структур и вооруженных сил, а значит, были вынуждены учитывать позицию левых партий. Кадеты имели достаточно серьезное влияние в городах Вологодской губернии, но крестьянское население шло, в основном, за эсерами, а солдаты городских гарнизонов – за большевиками. Таким образом, представляется наиболее обоснованной точка зрения тех историков, кто считает, что сложившаяся в России в 1917 г. конкретно-историческая ситуация не давала либералам никаких шансов на успех в деле мирного эволюционного развития страны на принципах гражданского общества и правового государства. Революция развивалась по своим законам, независимо от воли и желания либералов. В этой связи вряд ли правомерно заниматься выявлением некой «вины» российских либералов за происшедшее, к чему склоняется часть современных историков.

[1] Северное эхо. Вологда, 1918. 16 февраля.

В.Г. Хандорин[1]

ФЕВРАЛЬ 1917 г. ГЛАЗАМИ СИБИРСКИХ КАДЕТОВ В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В последние годы в публицистике распространено мнение о российских либералах как об активных творцах Февральской революции, «февралистах», к которым причисляются и будущие лидеры Белого движения. Расхожими стали оценки Февраля 1917 г. как «антинациональной, либерально-западнической революции» в противовес Октябрю как «национальной революции», призванные оправдать большевиков как якобы «собирателей России» и «продолжателей ее исторического пути». При этом абсолютно игнорируются реальное содержание программ и деятельности как тогдашних российских либералов, так и большевиков, и Белого движения, сам характер событий Февраля 1917 г., заставших врасплох все политические партии России.

Ложность подобных оценок очевидна, в частности, из анализа последующей деятельности российских либералов, и, прежде всего, кадетов (как ведущей либеральной партии) в Белом движении. Под влиянием краха российской демократии в лице Временного правительства 1917 г. мировоззрение и программа кадетов претерпели радикальную ломку от западнического либерального демократизма и парламентаризма – к признанию особенностей национального пути развития, идеям авторитарной и надпартийной национальной диктатуры на продолжительный период времени, от федерализма – к унитаризму, от секулярности и агностицизма – к религиозности и поддержке православной церкви как государственной религии, от альянса с умеренными социалистическими партиями – к борьбе с ними, и т.д. Но наиболее показательно менялось само отношение кадетов к событиям Февраля 1917 г. под влиянием развития революции и Гражданской войны. Рассмотрим это на примере Сибири, где в 1918–1920 гг. господствовала военная диктатура адмирала А.В. Колчака.

---

[1] *Хандорин Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва*).

Отношение сибирских кадетов к Февралю начало меняться еще при Временном правительстве. После эйфории «свободы» первых недель и месяцев революции, охватившей всю российскую интеллигенцию, уже с мая 1917 г. появляются нотки разочарования и переосмысления. Омская кадетская газета «Сибирская речь» писала: «Отечество несется на всех парусах к гибели, к экономическому и финансовому краху, к анархии…, а мы в это время, стоя на тонущем корабле, произносим свои заклинательные формулы, выносим резолюции, выкрикиваем лозунги и в этой словесной вакханалии кружимся, словно листья в ноябре»[1]. Полемизируя с эсерами и меньшевиками, по-прежнему упоенными «развитием революции», сибирские кадеты отмечали: «Весь ужас в том, что… мы приняли революцию как цель, а не как средство», и сравнивали затягивание революционной стихии с затягиванием родов акушеркой[2]. Такой пессимизм перекликался с мнением отдельных лидеров партии. Так, В.А. Маклаков на совещании депутатов Госдумы в Петрограде 4 мая 1917 г. сказал: «Россия оказалась недостойна той свободы, которую она завоевала»[3].

Главную причину того, почему демократия обернулась анархией, сибирские кадеты усматривали в отсутствии политической культуры: «Общество, привыкшее столетиями ютиться по перегородкам и полицейским камерам, на другой день после отмены сословных и национальных ограничений создало себе новые – партийные и социальные»[4]. Кардинальной ошибкой русской интеллигенции сибирские кадеты, вслед за авторами дореволюционного сборника «Вехи», называли наивно-романтическое «народопоклонство» (которому отдали дань и сами), развившееся в «политическую религию». Революция, писали они, беспощадно развеяла сентиментальные иллюзии, «стремление спасти человечество оказалось не более чем претензией синицы, мечтавшей зажечь море», «народ оказался сложнее»[5].

Эти нотки усиливаются после июльских событий 1917 г., связанных с провалом наступления на фронте, продемонстрировавшим степень разложения армии, и неудавшимся большевистским

[1] Сибирская речь (Омск). 1917. 27 мая.
[2] Сибирская речь. 1917. 18 июня.
[3] Цит. по: Сибирская жизнь (Томск). 1917. 9 мая.
[4] Сибирская речь. 1917. 22 августа.
[5] Там же. 30 сентября.

путчем. Впечатление от этих событий отражают строки иркутской кадетской газеты «Свободный край»: «Страна погибает, и каждый день приносит все новые и новые ужасы. А революционная демократия… лепечет жалкие и беспомощные слова… Ничему не научились и ничего не забыли»[1].

Характерна для кадетов оценка Временного правительства А.Ф. Керенского все той же «Сибирской речью» как «какого-то странного толстовского "непротивленческого" государства, сводящего свою деятельность к голосованиям резолюций и изданию манифестов»[2]. Разочарование в демократии сказалось и на отношении к выборам в Учредительное собрание. «Свободный край» писал: «Учредительное собрание, с которым связывали столько надежд, для многих представляется такой же бесконечной говорильней, как и все бесчисленные совещания и съезды, от которых, кроме чувства оскомины, ничего не остается»[3].

Для изменения отношения кадетов к фетишу демократии знаменательны слова, произнесенные на Сибирском областном съезде в октябре 1917 г. кадетским делегатом полковником Е.П. Березовским: «Нельзя народу навязывать формы государственного устройства, может быть, совершенные, но не отвечающие его потребностям, ему еще непонятные даже»[4].

Окончательная переоценка ценностей произошла после Октября и последовавшего в январе 1918 г. разгона Учредительного собрания. В конце 1917 г. с первой полосы ведущей газеты сибирских кадетов «Сибирская речь» исчезает девиз: «Да здравствует парламентарная демократическая республика», под которым газета выходила с момента основания в мае 1917 г. В начале 1918 г. один из сибирских кадетских лидеров В.А. Жардецкий писал: «Весь пройденный пепелищем путь внушает жуткую мысль: хорош был старый дом наш – Россия», и вопрошал: «Не забавно ли в столь прискорбных обстоятельствах твердить затверженные в марте слова: демократия, общественность, завоевания революции, свобода, всеобщее и проч.», когда «надо спасти самую возможность государства в России, установить в ней порядок в самом грубом смысле этого

---

[1] Свободный край (Иркутск). 1917. 10 октября.
[2] Сибирская речь. 1917. 19 августа.
[3] Свободный край. 1917. 28 октября.
[4] ГА ТО. Ф. р-552 (1-й Сибирский областной съезд). Оп. 1. Д. 8. Лл. 4–5.

слова… Может быть, государство Русское ближайших столетий будет весьма далеким от тех широких надежд, в которых мерещилось нам его будущее в марте 1917 года. Но это несравненно лучше, нежели если оно умрет совершенно»[1]. Показательно, что речь здесь идет об отказе от демократии западного толка возможно даже на «ближайшие столетия». Несомненна перекличка данного текста с идеями П.Б. Струве, высказанными весной 1918 г. в сборнике «Из глубины»[2]. О том же говорил на Южнорусской конференции кадетской партии в январе 1918 г. сам ее лидер П.Н. Милюков[3]. Можно согласиться с В.Д. Зиминой, что краеугольным камнем расхождения между либералами и социалистами в Гражданскую войну стало именно отношение к Февралю и его итогам, глубоко переосмысленное кадетами и оставшееся прежним у эсеров и меньшевиков[4]. Обобщая суть разногласий, лидер сибирских кадетов В.Н. Пепеляев формулировал так: «Социалисты мыслят: да здравствует революция, хотя бы погибло государство. Мы же говорим: да здравствует государство, хотя бы погибла революция»[5].

Типична для кадетов послеоктябрьского периода оценка Временного правительства, данная томским профессором Г.Г. Тельбергом (впоследствии министром правительства Колчака): «Каждый политический деятель вступал в состав правительства как делегат определенной партии…, получал от партийного комитета мандаты и директивы, связан был партийной дисциплиной… Немудрено, что правительство, состоявшее из таких министров с различными резолюциями в кармане, уподоблялось той крыловской тройке, которая усердно тянула воз в разные стороны и не могла сдвинуть его с места, пока не пришел сильный хищник, счастливый тем, что у него была лишь одна резолюция»[6] (имелись в виду большевики). Кадеты указывали, что развал государства и армии и позорный Брестский мир подготовили «не один Ленин и Бронштейн,

---

[1] Сибирская речь. 1918. 21 января.

[2] Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. М.–Пг., 1918.

[3] Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1982. С. 79.

[4] Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны (1917–1920 гг.). М., 2006. С. 27.

[5] Сибирская речь. 1918. 30 августа. См. также: Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 112.

[6] Тельберг Г.Г. О внепартийности правительства // Сибирская речь. 1918. 7 августа.

а и Чхеидзе с Церетели, и Керенский с Черновым»[1]. Отсюда их презрительное отношение к наследникам разогнанного большевиками Учредительного собрания – Комучу, Директории и съезду членов Учредительного собрания, которые они именовали такими эпитетами, как «мешанина из керенщины и совдепщины»[2], «попытка воскрешения непохороненного трупа» (из письма Н.И. Астрова В.Н. Пепеляеву от 3 ноября 1918 г.)[3], «привидение» (из дневника Пепеляева)[4] и т.п. В резолюции совещания сибирских кадетских деятелей от 7 октября 1918 г. говорилось, что партия «должна содействовать освобождению страны от тумана неосуществимых лозунгов (завоевания Февральской революции, вся власть Учредительному собранию и проч.), каковые в данных условиях являются фикциями, самообманом и обманом»[5]. Подводя итоги Февральскому периоду революции, «Сибирская речь» с горечью писала: «Мы много смеялись над немецким лозунгом "Германия превыше всего", а между тем немцы с этим лозунгом сумели создать сильнейшее государство…, мы же со своими широчайшими утопиями обратились в мировое позорище», и призывала соединить традиционное для кадетов западничество со «здоровым» национализмом[6].

При этом кадеты не снимали и с себя ответственности за произошедшее. Видный сибирский кадет Н.К. Волков говорил: «Керенский – наш общий грех… Мы сами его выдвигали и поддерживали»[7]. Они имели мужество признать демократизм партии в 1917 г. «роковой ошибкой», ибо «законодательное творчество и словесные убеждения действуют в порядке мирного времени, а во время войны, революции и государственного переворота волеизъявления государственной власти достигают своей цели применением силы»[8].

---

[1] Пределы соглашательства // Сибирская речь. 1918. 5 сентября.
[2] Свободный край. 1918. 16 ноября.
[3] ГА РФ. Ф. р-5913 (Астров Н.И.). Оп. 1. Д. 600. Лл. 1–2. Также см.: Думова Н.Г. Указ. соч. С. 174.
[4] Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы / Под ред. А.В. Квакина. М., 2007. С. 48; ГА РФ. Ф. р-195 (Пепеляев В.Н.). Оп. 1. Д. 47. Л. 7об.
[5] Отчет о совещании Партии народной свободы во Владивостоке // Свободный край. 1918. 19 октября.
[6] Сибирская речь. 1918. 4 сентября.
[7] Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 101.
[8] Сибирская речь. 1919. 10 августа.

Перемену в оценке кадетами Февральских событий отмечали и их оппоненты-социалисты, сочинившие сатирическое стихотворение о сибирских кадетах и их главном рупоре В.А. Жардецком:

О парус корабля кадетского!
Тобою правит мелкий бес.
От Милюкова до Жардецкого –
Какой разительный регресс!

От Петрункевича – к лабазникам!
Внемли, читатель, и поверь:
«Сибирской речи» безобразникам
«Речь» указала бы на дверь[1].

Колчаковский переворот 18 ноября 1918 г., в организации которого активное участие приняли кадеты во главе с Пепеляевым, завершил их идейно-политическую эволюцию. Не случайно его поддержали и кадеты центра и юга России, и заграничные группы партии, что подтверждает факт общей ломки ее мировоззрения, несмотря на разделявшие эти группы пространства (ее лидер Милюков писал Петрункевичу 2 октября 1919 г. о необходимости безоговорочно поддерживать диктатуру Колчака и Деникина – «этот свершившийся факт, полезный и благодетельный для России», и выступал «против формального ограничения фактического диктатора какой-либо коллективной волей, пока его дело не сделано»[2]. Совещание членов кадетского ЦК в Екатеринодаре в июле 1919 г. в своей резолюции подчеркивало, что «не может быть возврата к системе управления Временного правительства Львова и Керенского»[3]). Подводя черту под событиями 1917 г., иркутский кадетский «Свободный край» писал: «Высокие лозунги, сиявшие и освещавшие путь человечества светом вечных истин, брошенные в темные невежественные массы, быстро поблекли, истрепались и выродились в уродливые, отталкивающие своим безобразием формы»[4].

---

[1] Кроль Л.А. За 3 года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1921. С. 190. («Речь» – центральный орган кадетской партии до Октября).
[2] ГА РФ. Ф. р-5856 (Милюков П.Н.). Оп. 1. Д. 184. Л. 5. См. также: Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943). М., 1997. С. 147.
[3] Цит. по: Сибирская речь. 1919. 18 сентября.
[4] Свободный край. 1918. 30 ноября.

Оправдывая диктатуру, газета напоминала читателям: «История дает нам немало примеров, говорящих за то, что от революционных бурь переход к народовластию совершается через… диктатуру. Так было в Англии при Кромвеле, так было во Франции при Наполеоне»[1]. Говоря о том, что именно Временное правительство Керенского расчистило дорогу к власти большевикам, сибирский кадетский деятель Н.В. Устрялов повторял обвинения авторов «Вех» в адрес интеллигенции: «Длительная невозможность практической деятельности в сфере общественно-политической воспитала в широких интеллигентских кругах одностороннюю "теоретичность", близорукую влюбленность в программы и отвлеченные идеалы… Поверхностный, банальный и устаревший позитивизм в качестве основы общественного миросозерцания, дешевая религия прогресса в стиле Конта и Фейербаха… Поколениями воспитанные в ненависти к власти, мы приучились отождествлять правительство с государством и Родиной». Итогом, по его словам, стало попустительство «антигосударственным элементам», расчистившее дорогу к власти большевикам. В заключение Устрялов писал: «Окончательная победа над большевизмом – в окончательном преодолении русской интеллигенцией ее прошлого…, в отказе от прежней системы идей, чувств и действий… Русская интеллигенция должна сказать большевизму: – Я тебя породила, я тебя и убью»[2]. Характерна в статье Устрялова и оценка конкретных событий и лиц 1917 г. Рассматривая Корниловское выступление как попытку спасти государство, автор обвинял интеллигенцию в том, что она проявила дряблость, позволив «презренным Керенскому и Некрасову» погубить дело Корнилова. Характерно, что «презренным» именовался бывший лидер сибирских кадетов Н.В. Некрасов, оставшийся на демократических позициях и отошедший от партии.

Много говорилось и о том, что важной идейной предпосылкой большевизма была слабость духовных начал в среде интеллигенции, ее «фанатичное, религиозное преклонение перед материальной культурой и материальным прогрессом»[3]. С этим связывалась психологическая неустойчивость в борьбе. «Характерной чертой русского интеллигента, – писал "Свободный край", – всегда была

[1] Свободный край. 1918. 1 декабря.
[2] Устрялов Н.В. Большевики и мы // Сибирская речь. 1919. 12 апреля.
[3] Сибирская речь. 1919. 12 марта.

крайность настроений. Мы не знаем середины: или впадаем в самый мрачный пессимизм, или пребываем в телячьем восторге. К длительному, ровному напряжению, к упорному и настойчивому проведению своей линии мы всего менее склонны. Мы или опускаем беспомощно руки, или бестолково размахиваем ими в воздухе»[1]. Дрейф эсеров после колчаковского переворота в сторону союза с большевиками кадеты пророчески назвали «политическим самоубийством» и, не жалея хлестких эпитетов для эсеров, не сделавших выводов из событий 1917 г., обзывали их «политическими гермафродитами», «выкидышами русской революции», «мыльными пузырями», «партией обезьяньего народа бандерлогов» (из «Маугли» Р. Киплинга). (В этих оценках они парадоксально сходились с большевиками, достаточно вспомнить убийственную тираду В.И. Ленина: «Этих мещанских Нарциссов – меньшевиков, эсеров, беспартийных – настоящая деловая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковы и белогвардейщина будут дело делать»[2]). Квинтэссенцией этих рассуждений стал сформулированный «Сибирской речью» тезис о ***коллективной ответственности*** интеллигенции за итоги русской революции[3].

Кадеты открыто признавали влияние революции на ломку их мировоззрения. В речи на III Восточной конференции кадетской партии 17 мая 1919 г. председатель Восточного отдела ЦК А.К. Клафтон сказал: «Революция с огромной силой ударила по нашей программе и по нашей привычной идеологии»[4]. Ему вторил Устрялов: «Великими разочарованиями заплатила партия за предметные политические уроки, преподанные ей, как и всей русской интеллигенции, жизнью». Именно это, писал профессор, заставило кадетов «искать новых вех и новых путей»[5]. В этом вопросе кадеты извлекли уроки из событий 1917 г. Они находили изменившемуся отношению к демократии и теоретические обоснования. Независимо от М. Вебера, высказавшего мысль об ее неизбежном отрыве от

---

[1] Свободный край. 1919. 20 июня.
[2] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 239.
[3] Сибирская речь. 1919. 27 февраля.
[4] Отчет о III Восточной конференции Партии народной свободы. Доклад А.К. Клафтона // Сибирская речь. 1919. 22 мая.
[5] Сибирская речь. 1919. 1 июня.

народа, «Свободный край» писал: «Избранники народа, ставшие на верхах государственного и общественного устройства… станут снова обособленным классом»[1]. Кроме того, утверждала газета, никакая демократия не в состоянии разрешить полностью противоречия между классами. Ей вторила «Сибирская речь»: «Наиболее полезное и нужное для народа государственное и общественное устройство – то именно, которое соответствует данному, а не выдуманному уровню его общественного и культурного быта и политического развития… Примерка сшитой не по плечу и бестолковыми портными государственно-правовой одежды была русским народом испытана в 1917 г. Так или иначе, он эту одежду сбросил», – заключала газета, добавляя, что не поняли этого только эсеры, вобравшие в себя «всю оскомину русской революционной словесности»[2]. Эти настроения были вполне созвучны мыслям и идеям адмирала Колчака, о котором близко работавший с ним Г.К. Гинс вспоминал: «адмирал больше всего ненавидел "керенщину" и, может быть, из ненависти к ней допустил противоположную крайность – излишнюю "военщину"»[3]. Более того, лидеры правого крыла кадетов в Сибири Жардецкий, Пепеляев и Устрялов по своим взглядам в этот период стояли правее самого Колчака, выступая против инициированного им осенью 1919 г. созыва даже такого скромного совещательного органа на частично выборных началах, как Государственное земское совещание, считая любое выборное представительство в тот момент «несвоевременным»[4]. А Пепеляев стал инициатором привлечения на службу в правоохранительные органы профессионалов царской жандармерии и полиции (мера, на которую пошел Колчак и не решился А.И. Деникин).

Показателен поддержанный кадетами запрет колчаковским правительством в 1919 г. празднования годовщины Февральской революции и любых митингов и манифестаций в ее честь. «Сибирская речь» писала, что эту годовщину «уместно помянуть… во всенародном стыде и молчании»[5], имея ввиду плачевные последствия

---

[1] К вопросу об антагонизме между народом и интеллигенцией // Свободный край. 1919. 1 июня.
[2] Сибирская речь. 1919. 17 сентября.
[3] Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. М., 2008. С. 10.
[4] Свободный край. 1919. 9 октября; Дневник В.Н. Пепеляева // Окрест Колчака. С. 103; Кроль Л.А. Указ. соч. С. 190.
[5] Сибирская речь. 1919. 14 марта..

революции. Все это подкреплялось существенными изменениями программных установок и тактики кадетов, упомянутыми в начале статьи.

Вопреки попыткам отдельных западных исследователей представить поворот кадетов вправо «жестом отчаяния»[1], более оправдан вывод о внутренней логике их отказа от демократической модели в той обстановке, поскольку для них «либерализм всегда был менее важен, чем российская государственность»[2]. В свете этого несостоятельными выглядят распространившиеся оценки Белого движения и кадетов его эпохи как «либералов-западников», «февралистов»[3]. Недобросовестность либо некомпетентность таких заявлений очевидна, в частности, из вышеприведенных цитат и фактов.

В.П. Сапон[4]

В ОЖИДАНИИ ТРЕТЬЕГО: НИЖЕГОРОДСКИЕ КАДЕТЫ В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ – НАЧАЛЕ НОЯБРЯ 1917 г.

Конституционные демократы в Нижнем Новгороде, имея еще до крушения самодержавия довольно широкую поддержку местной либеральной и демократической общественности, на начальном этапе Февральской революции сделали попытку возглавить политические силы, стоящие «на почве народной воли», чтобы в условиях общественного равновесия довести страну до Учредительного собрания. К осени 1917 г. кадетам удалось создать достаточно эффективную партийную организацию в губернском центре, а также сформировать свои ячейки в некоторых уездах и волостях Нижегородской губернии. Соратники П.Н. Милюкова сумели добиться ряда

---

[1] Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional-Democratic Party, 1917–1921. Princtone, 1974. P. 471 и др.

[2] Перейра Н. Белая Сибирь: политика и общество / Пер. с англ. М., 1996. С. 66.

[3] Кара-Мурза С.Г. Истинная суть «белого движения» // Завтра (М.). 2000. 14 октября; Мультатули П.В. Николай II. Отречение, которого не было. М., 2010 и др.

[4] *Сапон Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина*.

заметных электоральных успехов на демократических выборах разных уровней, а также провести своих представителей в органы официальной административной власти. Отметим лишь, что на всеобщих выборах в городскую думу Нижнего Новгорода Партия народной свободы сумела сформировать вторую по численности фракцию гласных из 26 человек*. Показательно также, что обязанности губернского комиссара Временного правительства в первые послереволюционные месяцы выполнял Г.Р. Килевейн, по совместительству – председатель губкомитета КДП-ПНС[1].

Серьезный ущерб общественной репутации кадетов в широких массах нанесла косвенная связь с «корниловщиной»: с этого времени, хотя рост рядов Партии народной свободы в губернии продолжается, тем не менее, конституционные демократы получают прочную репутацию «контрреволюционеров» и «правых». В этом отношении решающее значение для окончательного политического самоопределения указанной либеральной партии, формулирования ее стратегии и тактики имели события, которые произошли в конце октября – начале ноября 1917 г., когда большевики и их союзники подняли новую революционную волну.

К этому времени нижегородские кадеты активно, раньше всех других партий и общественных организаций, включились в подготовку Учредительного собрания. Кадеты, будучи, по остроумному определению одного из своих сотоварищей, партией отнюдь не *бестемпераментной* и не *умеренно-аккуратной*[2], направили всю свою кипучую энергию на агитационно-избирательную кампанию, используя не только собственные печатные издания (газеты «Нижегородский листок» и «Народная Свобода»), но и встречи с избирателями. Примечательно, что конституционные демократы прибегли к такому избирательному приему, как совместный список с кандидатами от старообрядцев и группы «христианского единения». Как объяснил член Нижегородского губернского комитета КДП-ПНС В.Е. Чешихин-Ветринский, его партия «считает, что такие группы чисто вероисповедального характера, по существу, в политической

---

* Первое место на выборах завоевали эсеры: они провели в гордуму 40 человек. Общее количество гласных в гордумах составляло 102.

[1] Подробнее о роли кадетов в региональных политических процессах указанного периода см.: Сапон В.П. Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: от «феврализма» к большевизму: Монография. Н. Новгород, 2017.

[2] Нижегородский листок (далее – НЛ). 1917. № 263 (8 ноября). С. 3.

борьбе нежелательны», однако главным конкурентом для либералов являются социалисты[1]. «Острие соединения направлено в данном случае, конечно, *против всех социалистических групп*, как общего противника партий, стоящих на точке зрения государственного порядка и единства и не стремящихся к социальному перевороту (курсив источника. – *В.С.*)»[2], – открыто признался кадетский публицист, не смущаясь явной правизной данной позиции.

25 октября 1917 г. в Нижнем Новгороде стало известно о восстании в Петрограде, в связи с чем произошел раскол в среде левых партий, представленных в губернских Советах. В отличие от расколовшейся советской политической аудитории, гласные Нижегородской городской думы (ее заседание состоялось 26 октября 1917 г.) «проявили полное единодушие в оценке выступления большевиков по существу»[3]. На заседании думы прозвучали страстные антибольшевистские речи, а также изложенные в телеграммах из Петрограда призывы защитить Временное правительство и продолжить работу по созыву Учредительного собрания[4].

Заседание думы 26 октября 1917 г. началось с призыва гласных-эсеров (в т.ч. городского головы В.Г. Ганчеля) «встать на государственную точку зрения, объединиться вокруг думы, как представительницы всего населения, для борьбы с большевистским выступлением, и покончить скорее с большевизмом, как явлением анархическим». Еще более «строгим тоном» отличались речи представителя плехановской группы «Единство» и «правой части думы», т.е. кадетов, которые поддержали решительные призывы городского головы[5]. Не ограничиваясь словесными декларациями, думцы единогласно (при отсутствии меньшевиков) приняли решение создать ***Комитет защиты революции,*** который тут же приступил к исполнению своих обязанностей.

В комитет вошли три эсера, два трудовика, два меньшевика и три кадета (Ф.А. Ермолаев, Г.Р. Килевейн и Г.М. Степанов [кандидатом])[6]. В первом же своем воззвании (опубликовано на следующий день) Комитет защиты революции, возглавляемый городским

---

[1] НЛ. 1917. № 266 (11 ноября). С. 3.
[2] НЛ. 1917. № 266. С. 3.
[3] НЛ. 1917. № 254 (27 октября). С. 3.
[4] Там же.
[5] НЛ. 1917. № 259 (3 ноября). С. 2.
[6] НЛ. 1917. № 254. С. 3.

головой эсером В.Г. Ганчелем, пообещал, что «примет все меры к сохранению порядка и спокойствия в нашем городе и будет оказывать самую энергичную поддержку Временному правительству»[1].

В тот же день, 26 октября, в газете «Нижегородский листок» кадеты откровенно высказались по поводу текущих событий. «Началось… Несчастная, разоренная, голодающая страна стоит пред опасностью быть ввергнутой в безумную гражданскую войну. Часть вины за это (и очень большая часть) падает на руководителей страны, не умевших вести твердой внутренней политики и обессиливавших тех, кто желал водворения порядка в стране»[2], – писал редактор либеральной газеты А.А. Дробыш-Дробышевский (Перо). Сам автор выступил за жесткую внутриполитическую линию, полагая, что «против насилия, против беспорядка» должна быть применена сила – «конечно, без жестокости, приняв во внимание, что громят люди темные и голодные»[3]. Именно такую тактику и отстаивали нижегородские кадеты с самого начала большевистского восстания.

27 октября 1917 г. эпицентрами политической жизни в Нижнем Новгороде стали революционные комитеты. С одной стороны, «думский» ***Комитет защиты революции*** (председатель – эсер Ганчель) сделал попытку объединить силы с ***Временным революционным комитетом*** (появился при губернских Советах в первой половине октября под председательством эсера В.Б. Либина), однако договориться не удалось[4]. По свидетельству кадетского «Нижегородского листка», «думский комитет был тверд в своих требованиях, поэтому он решил работать самостоятельно, без участия революционного комитета»[5]. В этот же день большевики и их союзники сформировали ***Военно-революционный комитет***[6].

28 октября Комитет защиты революции приступил к энергичной организации антибольшевистских сил. Поднимается целая волна

---

[1] НЛ. 1917. № 255 (31 октября). С. 3.
[2] НЛ. 1917. № 253 (26 октября). С. 3.
[3] НЛ. 1917. № 253. С. 3. – В этот же день о насилии как методе восстановления общественного порядка говорил и Е.М. Ещин на экстренном заседании Нижегородского губернского продовольственного комитета. По словам нижегородского кадета, «без принуждения, без аппарата физической силы проведение в жизнь закона [о хлебной монополии] невозможно» (НЛ. 1917. № 254. С. 2).
[4] Материалы по истории революционного движения. В 4 тт. Т. 3. Н. Новгород, 1922. С. 111–112.
[5] НЛ. 1917. № 259 (3 ноября). С. 2.
[6] Подробнее см.: Лазарев А.М.{хе "Лазарев А.М.} Боевой штаб Октябрьского переворота в Н. Новгороде // Записки краеведов. Горький, 1977. С. 5-11.

протестов со стороны различных учреждений, организаций, воинских подразделений. На долю кадетов выпала работа с самыми разными слоями населения – от служащих органов городского и земского самоуправления до солдат и студентов. Реакция аудитории также была различной. Так, на одном из «кадетских» митингов некий оратор-солдат «обвинил буржуазную печать в оплевывании солдата», а также нелицеприятно высказался об интеллигенции, которая не желает нести в народ просвещение. По этому поводу нижегородский либерал А.К. Кабанов выразил горькое сожаление от имени «кружка нижегородской интеллигенции, небольшого, но идейно сплоченного, который в темную пору царизма всячески лавируя между сциллами и харибдами, все же работал»[1].

Нижегородский ВРК (названный в печати того времени «комитетом большевиков» или «большевистским комитетом») тогда же, 28 октября 1917 г., совершил решительную попытку переломить ситуацию в свою пользу: вызвав вооруженные отряды из рабочих пригородов и части гарнизона, большевики приступили к захвату ключевых объектов города[2]. Рабочие-красногвардейцы заняли почтово-телеграфную контору № 2 на Нижнем базаре (в доме Биржевого общества), редакции газет «Нижегородский листок» и «Волгарь», однако захват железнодорожных вокзалов не удался из-за угрозы забастовки транспортников[3]. (Впрочем, как выяснилось, кадетский «Нижегородский листок» также без особых проблем продолжил свою работу. Вечером 30 октября 1917 г. в редакцию этой газеты с мандатом «большевистского комитета» пришел Е.Н. Козин – для проведения переговоров. Он объявил, что дневное экстренное прибавление к газете с телеграммой Керенского конфисковано и потребовал публикации в «Нижегородском листке» декретов о печати и о мире за подписью Ленина. Редакция «закрытой» газеты заявила, что «этим требованиям не подчинится, что телеграммы будут печататься, как раньше, и что отдавать газету под цензуру редакция не намерена…»[4] Большевики на этот раз не стали прибегать к насилию, но и кадетская газета все-таки «смягчила» свою позицию:

---

[1] НЛ. 1917. № 254. С. 2–3.

[2] См.: Жизнь. Орган Нижегородского губернского комитета РСДРП (о). 1917. № 75 (29 октября). С. 2.

[3] Волгарь. 1917. № 255. С. 2; Материалы по истории революционного движения. Т. 3. С. 114.

[4] Экстренное прибавление «Нижегородского листка». 1917. 31 октября.

уже в начале ноября на последней странице с саркастичными комментариями был все-таки опубликован «большевистский декрет о мире»[1]).

На следующий день, 29 октября, оказавшиеся «крайне левой» в гордуме меньшевики попытались потеснить позиции кадетской фракции, потребовав создания на базе Комитета защиты революции и Временного ревкома нового чрезвычайного органа на чисто левопартийной основе. Сохранение единого «социалистического фронта» подразумевало исключение кадетов из намеченных организационных инициатив. Несмотря на блокирование меньшевиков и левого крыла эсеровской фракции, гордума путем закрытого голосования все-таки ввела в новосозданный ***Комитет спасения революции и родины*** члена КДП-ПНС (зато в него не вошли социал-демократы)[2]. Отметим, что в состав указанного комитета (всего 22 человека) пригласили лишь шестерых гласных городского муниципалитета. В таких условиях именно гордума оставалась главной политической площадкой для общественной активности нижегородских кадетов.

В последние дни октября 1917 г. чаши весов в Нижнем Новгороде установились в неустойчивом равновесии: как «красные», так и их противники не решались прибегнуть к откровенно силовым методам. Вот как развитие застоявшейся политической ситуации в Нижнем Новгороде прогнозировалось в кадетском «Нижегородском листке» (1 ноября 1917 г.): «Вокруг общественного самоуправления соединяются все общественные организации, союзы служащих и др., выражающие свой протест против большевиков забастовками. Деловая жизнь города остановилась. Кругом большевиков – небольшая кучка. Между обеими сторонами существует неписаное условие – не выступать друг против друга активно…»[3]

Поздно вечером 31 октября большевики потребовали от Комитета спасения родины и революции самораспуститься, а до этого подготовить воззвание и предложить забастовщикам возобновить работы. ВРК попытался продемонстрировать жесткость, дав на выполнение своего требования 2 часа, но натолкнулся на такую же решительную позицию оппонентов. «Городской комитет ответил, что язы-

[1] См.: НЛ. 1917. № 257 (1 ноября). С. 4.
[2] Материалы по истории революционного движения. Т. 3. С. 118.
[3] НЛ. 1917. № 257. С. 3.

ком ультиматумов с ним говорить нельзя, тем более что большевики демонстрируют свое бессилие, обращаясь к городскому комитету с требованием о влиянии на граждан. Ультиматум был снят»[1].

В ходе указанных переговоров в ночь с 31 октября на 1 ноября состоялось экстренное заседание гордумы. В то время как гласные-эсеры с удовлетворением провозгласили, что большевики «упустили власть из своих рук» и задача Комитета защиты Родины и революции состоит в том, чтобы не допустить массовых беспорядков, ораторы-кадеты обвинили в случившемся *все* левые партии и предоставили им совместными усилиями «расхлебывать заваренную кашу»[2]. Депутат Е.М. Ещин (кстати, не только член Нижегородского губернского партийного комитета, но и член ЦК КДП-ПНС) даже угрожал «всей левой части местью обывателя, угнетенного затянувшейся на 4-й год войной и 8-ю месяцами революции со всеми их последствиями и разрухами. Обыватель, по словам гласного, может потерять терпение и выступить против большевиков и вообще *всех социалистов* с кочергами и ухватами и “мы не удержим их”, заканчивает г. Ещин свою речь, *разумея очевидно под этим “мы” – кадетов*, потому что о Комитете Спасения он говорил как о чем-то постороннем, противоположном *“себе”* (курсив источника. – *В.С.*)»[3]. Другой гласный-кадет, Г.Р. Килевейн, вступил в полемику с левыми оппонентами по поводу предложенной теми тактики разоблачения большевиков. В частности, эсер М.Н. Кутузов предложил устроить ряд массовых протестных мероприятий с довольно провокационной целью: «Пусть большевики их сорвут или их красная гвардия разгонит митинги, – население увидит, какую “свободу слова” можно от них ждать в дополнение к установившейся большевистской “свободе печати”». Килевейн высказался против подобной тактики, потому что «это может обойтись слишком дорого населению»[4].

2 ноября 1917 г. на пленуме переизбранного Совета рабочих и солдатских депутатов был провозглашен переход власти в Нижнем Новгороде и губернии в руки Советов. В это же время гласные городской думы продолжили поиск выхода из политического кризиса.

---

[1] Там же.
[2] Жизнь. 1917. № 78 (2 ноября). С. 2.
[3] Там же.
[4] Там же.

В ответ на роспуск большевистского ревкома из Комитета спасения Родины и революции представители думы были отозваны, зато вместо этого создавался думский ***Комитет общественной безопасности*** (КОБ) из 10 человек. Резолюцию не поддержали лишь 7 гласных, включая 4 воздержавшихся, среди которых оказался и единственный среди участников заседания большевик {хе "Биткер Г.С."}. В комитет вошли гласные Городской думы: 4 эсера, 4 народных социалиста, 1 сионист и 1 кадет (Г.М. Степанов)[1].

Любопытный и по-своему объективный анализ политического расклада сил в стране, не менее адекватный для реалий Нижнего Новгорода, осуществил в «Нижегородском листке» А.К. Кабанов. В частности, он проницательно отметил: «По всей России все общество разбилось на две группы – на военно-революционные комитеты и на комитеты безопасности – первые большевистские, вторые – против большевиков. Опять двоевластие, как некое безумие, охватило Россию»[2]. Кабанов предложил два варианта участия в событиях: «Или действовать по чувству долга, по принятой на себя присяге. Или же “держать нос по ветру” или, более изящно, “учитывать взаимоотношение реальных сил”. Сторонникам последнего рецепта я предложил бы ряд вопросов: …Где находится Каледин? (в Харькове? в Воронеже?) Если Керенский разбит, то не действовал ли в этом случае лишь передовой отряд его? Выяснение этих вопросов не бесполезно для политика-реалиста. Иначе ему придется, м[ожет] б[ыть], совершать грандиозные прыжки – от социалиста к казаку – от Ленина к Каледину»[3].

Когда стало ясно, что большевики, осуществившие переворот в Нижнем Новгороде и получившие большинство депутатских мест в губернском Совете рабочих и солдатских депутатов, терять контроль над гарнизоном и «коридорами власти» не собираются, активным общественным силам оставалось либо принять новые правила политической игры, либо попытаться «обуздать анархию», т.е. повернуть революционный процесс вспять в союзе с «живыми силами», сделавшими стремительный маневр *от либерализма к казаку*[*].

---

[1] НЛ. 1917. № 260 (4 ноября). С. 2.
[2] НЛ. 1917. № 262 (7 ноября). С. 2–3.
[3] Там же. С. 3.
[*] Еще в июле газета нижегородских меньшевиков отметила, что «кадеты не отказались от мысли найти в казачестве опору для своих контрреволюционных замыслов». См.: Жизнь. 1917. № 14 (18 июля). С. 3.

Именно так фактически был поставлен вопрос на заседании Нижегородской городской думы 5 ноября 1917 г., где единственным пунктом повестки дня стало избрание делегатов от города и губернии на «Земский собор» – Всероссийское совещание городских и земских самоуправлений совместно с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для «воссоздания власти и порядка в стране впредь до Учредительного собрания»[1]. За посылку представителей в Петроград высказались ораторы из «социалистического блока», а также «биржевик» З.М. Таланцев[2].

Гласные из кадетской фракции наотрез отказались поддержать эту инициативу. Так, Г.Р. Килевейн заявил, что его партия признает Учредительное собрание единственным легитимным органом, правомочным установить новый социально-политический уклад. Что же касается упомянутого «собора», то здесь видный нижегородский кадет увидел продолжение все «той же самой политики самочинных захватов власти», проявлением которой явилось «мятежное, изменническое и преступное выступление большевиков». По словам Килевейна, в условиях разрастающегося мятежа «собор» способен узурпировать права «верховного распорядителя судеб России», поэтому Нижегородская городская дума не должна посылать туда своего представителя[3]. Впрочем, кадеты выразили готовность подчиниться решению большинства гордумы и принять участие в выборе делегатов, а также в составлении наказа для нижегородских представителей на Соборе[4].

В ходе дискуссии об отношении к большевистской «авантюре» в рядах гласных происходит резкое размежевание как внутри самой умеренно-социалистической коалиции, так и между «соглашателями» (эсерами и меньшевиками), с одной стороны, и либералами – с другой. В частности, эсер С.С. Векслерчик, напомнив, какой критике подверглись кадеты за неопределенное отношение к «корниловщине», обозвал меньшевиков «большевиками второго сорта» за недостаточно решительную антибольшевистскую позицию. Векслерчик также подверг сомнению тезис своего марксистского колле-

---

[1] НЛ. 1917. № 262. С. 3.
[2] Там же.
[3] Там же. – На самом «соборе» в Петрограде кадеты также выступили в качестве оппозиции организационным начинаниям умеренных социалистов. См.: Раннее утро (Москва). 1917. № 248 (12 ноября). С. 2.
[4] Жизнь. 1917. № 82. С. 2.

ги по гордуме П.Ф. Налетова о том, будто за большевиками идет рабочий класс: «Нет за ними рабочего класса, а “есть темные элементы, которые идут за теми, кто кормит одними неисполнимыми обещаниями”». Любопытно, что социалиста-революционера поддержал кадет Е.М. Ещин: раз социал-демократы являются пособниками бунтовщиков, значит, их следует привлечь к суду, «да не к социалистическому, …а к уголовному»[1]. Правда, от него перепало и эсерам: «Как “дедка за репку, бабка за дедку”, так и социалисты все тесно связаны: меньшевики за большевиков, с.-р-ы за меньшевиков». Согласно приговору Ещина, «меньшевики виноваты в пособничестве, а с.-р-ы в подстрекательстве»[2].

Еще большую смуту в умы гласных городской думы внесла апокалиптическая реплика Евсея Марковича, который немного позднее заявил, что «никакое правительство не в состоянии теперь помочь, необходим перелом в психологии народа», причем «перелом этот должен наступить сам собой, но его может силой создать тот Третий, в появлении которого повинны будут как с.-д., так и с.-р., ибо с.-р. были пособниками большевиков и они повинны во всеобщем развале, начиная со знаменитой формулы “постольку-поскольку”*»[3].

Дума все-таки выбрала своих делегатов на Петроградский «собор», однако закончилось заседание фактическим распадом думского «социалистического блока»[4]. Кстати говоря, в первую неделю ноября провалился и замысел создания «однородного социалистического министерства» в Нижегородской губернии силами левых

---

[1] Жизнь. 1917. № 83. С. 3.

[2] Там же.

* Более развернутое представление о третьем варианте развития событий дает заметка «Кровавый призрак», опубликованная в одной из кадетских газет. Автор заметки Мария Анчарова писала о двух слепых силах, которые действуют «под чьим-то неуловимым, им самим неведомым руководством». Далее следует уточнение: «Направо “оскаленный череп репрессий на фоне еврейских погромов и других успокоительных средств” вплоть до реставрации дома Романовых… Налево – опять-таки как идея, как символ, фанатик Ленин с его царством недоношенного социализма, с утопией власти и устроения родины в руках неграмотных людей… А посередине… Посередине – самое страшное: Провокация, соединяющая в одно правый и левый берег для своих низких корыстных целей…» (НЛ. 1917. № 257 (1 ноября). С. 2).

[3] НЛ. 1917. № 262. С. 3.

[4] Там же.

партий, представленных в Совете рабочих и солдатских депутатов[1]. Подобно тому, как большевики в столицах и на местах избавлялись от «правых» элементов в своих рядах, «легально»-демократические учреждения очищались от «крайней левой», при этом центрами объединения антибольшевистских сил становились именно кадетские парторганизации. Все это предвещало лишь дальнейшую поляризацию политических сил и эскалацию социального насилия.

Таким образом, нижегородские кадеты вполне сошлись с большевиками в диагнозе политического состояния губернии (да и страны в целом): умеренно-социалистический лагерь – центр партийной системы – распался и демонстрировал явные признаки упадка и деградации. Следовательно, наступило время для деятельности крайних политических сил, которые справа олицетворяли кадеты и другие буржуазно-демократические партии, а слева – большевики и их леворадикальные союзники. Наступило время *темпераментных*…

Ф.А. Селезнев[2]

ЛИБЕРАЛЫ НА ВЫБОРАХ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Существовала ли в 1917 г. либеральная альтернатива вступлению России в эпоху социализма? Был ли социализм навязан массам политической элитой или общество было готово к социалистическому выбору верхов? Объективный материал для оценки политических настроений масс в конце 1917 г. нам могут дать результаты выборов в Учредительное собрание. Рассмотрим их ход на примере Нижегородской губернии, в которой были представлены ос-

---

[1] Подробнее см.: Сапон В.П. Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: от «феврализма» к большевизму. С. 275–289.

[2] *Селезнев Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.*

новные социальные слои российского общества. Большинство населения губернии, как и России в целом, составляли крестьяне. Результаты выборов в фабричных селах, таких, как Сормово, достоверно показывают позицию рабочих. По избирательной кампании в Нижнем Новгороде можно судить о предпочтениях среднего класса. Голосование в нижегородском гарнизоне отразило политические симпатии солдат. Добавим, что зарегистрированные в Нижегородской губернии 12 списков кандидатов в депутаты Учредительного собрания со всей полнотой отражали политический спектр страны[1].

В этой связи важно отметить показательный факт: названия 5 из них указывали на приверженность к социализму. Это были списки РСДРП (меньшевиков), партии социалистов-революционеров и Совета крестьянских депутатов, РСДРП (большевиков), Общемусульманского демократического социалистического блока и Трудовой народно-социалистической партии. Фактически же к социалистическом сектору принадлежали еще 3 списка: «кооперативной группы», «группы избирателей Горбатовского уезда» и «группы украинцев».

Нижегородские кооператоры первым в своем списке поставили В.И. Анисимова из Москвы, члена ЦК Трудовой народно-социалистической партии. Вторым шел старый революционер Юрий Александрович Тархов (1853–1922), который участвовал в подготовке покушения на Александра II, был приговорен к 13 годам каторги, по возвращении из ссылки вошел в партию эсеров. В списке «группы избирателей Горбатовского уезда» на первом месте стояла фамилия владельца книжного магазина В.П. Шеломаева, который в молодости участвовал в революционном движении и сохранил приверженность политическим идеалам юности. Что касается списка «группы украинцев», опору которого составляла украинская рота запасного батальона 183 пехотного полка, то украинское движение в 1917 г. имело ярко выраженную социалистическую окраску. Таким образом, большинство кандидатов в Учредительное собрание от Нижегородской губернии было выдвинуто сторонниками социализма. Такая же

[1] Материалы по истории революционного движения / под ред. В.Т. Илларионова. Т. 3. Нижний Новгород, 1922. С.167-169.

ситуация сложилась и в общероссийском масштабе: социалисты составили 63% всего кандидатского корпуса[1].

В Нижегородской губернии им противостояли списки политического союза старообрядческих согласий, «Христианского единения за Веру и Родину», «общественных деятелей земцев-государственников прогрессистов-демократов» и конституционных демократов.

Впрочем, о старообрядцах нельзя сказать, что они являлись последовательными оппонентами социалистов. Более того, среди них имелись сторонники социалистических партий. Л.Г. Протасов приводит любопытный факт, когда в Приамурье группа беспоповцев обратилась к единоверцам с призывом голосовать на выборах за социал-демократов, убеждая не сыграть на руку кадетам «и другим реакционным силам»[2]. Правда для нижегородских старообрядцев такая позиция не была характерна. Они не стали поддерживать какую-то политическую партию, а сформировали собственный конфессиональный список во главе с купцом Д.В. Сироткиным, близким к прогрессистам.

Ряд объединений конфессионального характера был создан и приверженцами господствующей Православной церкви, которых Всероссийский Поместный собор, начавшийся в Москве в августе 1917 г., призвал принять активное участие в избирательной кампании. В Нижегородской губернии был зарегистрирован их кандидатский список под названием «Христианское единение за Веру и Родину». По нему среди прочих баллотировались архиепископ Владимирский и Шуйский Сергий (Страгородский), генерал М.В. Алексеев и философ С.Н. Булгаков.

В идейном плане наиболее яркой фигурой среди них был Булгаков. Он начинал свою общественную деятельность как марксист, в 1904–1905 гг. провозгласил себя приверженцем «христианского социализма», некоторое время, как и его давний единомышленник П.Б. Струве, принадлежал к правому крылу кадетской партии. Струве и Булгаков входили в число авторов нашумевшего либерально-консервативного сборника «Вехи». В 1917 г. Булгаков вступил в организованную Струве «Лигу русской культуры». Там ему

---

[1] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 132.
[2] Там же. С. 119.

предложили возглавить «христианско-социалистическое» движение в России. Однако Булгаков ответил на это отказом[1].

Свою позицию мыслитель объяснил в брошюре «Христианство и социализм». В ней он подверг социализм критике, но отнюдь не с либеральных позиций. В упрек социализму Булгаков ставил его «мещанство» и «буржуазность», выразившиеся в проповеди борьбы за материальные, экономические интересы. И, наоборот, «правду социализма» Булгаков видел в отрицании «неправды капитализма». На почве неприятия собственнического эгоизма социализм и христианство, по Булгакову, могли соединиться. Но он был против создания особой партии христианских социалистов, поскольку для Церкви «невместно сливаться с какой бы то ни было партией». Булгаков желал, чтобы социалисты сами ощутили себя христианами[2].

Впрочем, учитывая антицерковные настроения российских социалистов, эти надежды Булгакова были несбыточными. По наблюдению Протасова, к «церковникам» (они баллотировались под разными названиями в более чем 30 округах), как к оплоту «старой государственности», тяготели «консервативно-монархические круги»[3]. Не стала исключением и Нижегородская губерния. Здесь в списке «Христианского единения за Веру и Родину» преобладали кандидаты, имевшие репутацию консерваторов, верных слуг павшего царского режима. Таковыми были Н.П. Чернявский – прокурор окружного суда в 1915–1917 гг., управляющий Казенной палатой А.А. Булгаков, кафедральный протоиерей отец Александр Порфирьев, действительный статский советник П.С. Виноградов, в 1906 г. состоявший в комитете нижегородского черносотенного монархического союза «Белое знамя». Таким образом, «Христианское единение за Веру и Родину», призывавшее к «деятельной любви к отечеству» и воспитанию национального чувства «в противовес бесплодному космополитизму», олицетворяло консервативную альтернативу социалистам.

Что касается избирательных объединений либеральной направленности, то к ним в Нижегородской губернии можно было без оговорок отнести лишь список «общественных деятелей зем-

---

[1] Акулинин В.Н. С.Н. Булгаков: вехи жизни и творчества // Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 22.
[2] Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 222, 223, 227-229.
[3] Протасов Л.Г. Указ. соч. С.118-119.

цев-государственников прогрессистов-демократов», который возглавлял председатель Нижегородской уездной земской управы А.А. Остафьев (1856–1932). В 1906 г. он был избран депутатом I Государственной думы от Нижегородской губернии. Там Остафьев вошел во фракцию «Союза 17 октября». Этого политика с полным основанием можно назвать либералом, так же, как и других баллотировавшихся по этому списку кандидатов.

Позволительно ли определить в качестве либералов конституционных демократов? По мнению автора – нет, поскольку для большинства членов Партии народной свободы была характерна устремленность к социалистическому идеалу[1]. Сочувствие к социализму позволило министрам-кадетам после Февральской революции активно сотрудничать в рамках Временного правительства с министрами-социалистами, проводя вместе с ними социалистическую по сути политику общественного регулирования экономики[2].

В то же время ни в названии, ни в программе партии приверженность кадетов к социализму до 1917 г. не была декларирована. Ведь Партия народной свободы стремилась к легальной политической деятельности в условиях царского режима. Точно так же для получения легального статуса кадеты когда-то включили в программу пункт о монархическом государственном устройстве. После свержения самодержавия в этой маскировке не было необходимости. Поэтому VII съезд КДП, состоявшийся сразу после победы Февральской революции (в марте 1917 г.), занялся пересмотром партийной программы. Кадеты единодушно провозгласили себя республиканцами. Был поставлен и вопрос о социалистическом идеале, как цели Партии народной свободы. Ф.Ф. Кокошкин в докладе съезду об изменениях в программе признал, что кадеты в свое время уже «стали на почву социалистического мировоззрения», наметив «осуществление начал социальной справедливости, широких реформ, направленных к удовлетворению справедливых требований трудящихся классов»[3]. Делегатам нужно было решить, стоит ли прямо фиксиро-

---

[1] Селезнев Ф.А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 22-34.

[2] Он же. Министры-кадеты и экономическая политика Временного правительства (март–июль 1917 г.) // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 111-119.

[3] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. / Т. 3. Кн. 1. 1915-1917 гг. М., 2000. С. 369; См. также: Кизеветтер А.А. Партия Народной

вать это в программе. Известный философ Н.О. Лосский выступил за то, чтобы без обиняков внести в программу партии положение о ее приверженности идее «эволюционного социализма»[1]. Эта инициатива не была поддержана, но, скорее, из тактических, нежели принципиальных соображений. Тем не менее, кадеты были готовы и к проведению глубоких социальных преобразований, и к сотрудничеству с социалистическими партиями.

Особенно это было характерно для левого крыла конституционно-демократической партии. Его лидеры (Н.В. Некрасов, М.Л. Мандельштам, Д.И. Шаховской, З.Г. Френкель) в марте – апреле 1917 г. были согласны не только на коалицию с социалистами, но даже на структурное объединение с ними (на базе организации типа «Союза освобождения»), а также ратовали за заключение блоков с социалистами на местных выборах[2].

В Нижнем Новгороде подобный блок сложился на муниципальных выборах в одном из районов города (Канавино) в апреле 1917 г. Там был выставлен единый (и единственный) список кандидатов, объединивший представителей РСДРП (в т.ч. большевиков), Бунда, профессиональных союзов, национальных организаций, эсеров и кадетов (в лице Л.П. Бибихина и И.М. Матюнина)[3] .

Однако партнерство кадетов и социалистов в 1917 г. уже не могло быть прочным. До Февральской революции они плодотворно сотрудничали, борясь с общим врагом – самодержавием. Теперь этот враг исчез, и прежние союзники превратились в конкурентов в споре за власть.

В этой ситуации КДП могла стать реальной альтернативой социалистам – партией буржуазии, собственников. Капиталисты испытывали к ней естественное тяготение, поскольку конституционные демократы оказались в это время единственной крупной партией, которая не объявляла буржуазию своим врагом. В литературе имеются данные о том, что в это время устанавливаются или усиливаются связи провинциальных организаций кадетов с местными торгово-промышленными кругами. Причем не только с традиционно

Свободы и ее идеология. М., 1917; Изгоев А.С. О буржуазности // Вестник Партии народной Свободы. 1917. № 1. С. 8-9.

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 384.

[2] Думова Н.Г. Кадетская партия в годы Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 151.

[3] Нижегородский листок. 1917. 23 апреля.

симпатизировавшими конституционным демократам горнопромышленниками. Например, в нижегородский губернский комитет КДП в 1917 г. был избран представитель знаменитого рода волжских мукомолов Н.М. Башкиров (председатель Съезда фабрикантов и заводчиков Нижегородской губернии, товарищ председателя Нижегородского биржевого комитета)[1]. Параллельно шел процесс вливания в КДП членов прекративших свое существование буржуазных партий. Так, к нижегородской организации Партии народной свободы примкнули бывшие прогрессисты и октябристы Н.М. Башкиров, Д.В. Серебровский, П.Н. Михалкин, П.И. Абрамов, Н.Н. Каргер, И.Н. Кемарский, И.В. Богоявленский.

Однако этот процесс не принял массового характера, ибо кадеты старались сохранить чистоту своих партийных рядов. На заседании ЦК А.А. Корнилов заявил: «Кое-где в провинции заявляются под флагом к.-д. группы чиновничьи, торгово-промышленные, близкие к союзу земельных собственников и т.п. без связи со старыми партийными ячейками, и надо проверить, насколько полно ими воспринимается программа партии»[2].

Губернский комитет КДП инструктировал: «Лица, изъявившие желание вступить в партию Народной Свободы, числившиеся ранее в других партиях, хотя бы и вышедшие из них формально, могут вступить только с согласия губернской группы или ЦК»[3]. Такой порядок должен был «оградить партию от наплыва справа, с перепугу, элементов сомнительных и даже могущих скомпрометировать ее»[4].

Под этими «сомнительными элементами» кадетские публицисты понимали, в т.ч., предпринимателей. Партия народной свободы явно «стеснялась» присутствия в своих рядах представителей делового сообщества. Хотя его нижегородский лидер, председатель Съезда фабрикантов и заводчиков Нижегородской губернии Башкиров являлся членом губкома КДП, кадеты не включили его в свой кандидатский список на муниципальных выборах в июле 1917 г. Не попали в него и капиталисты, входившие в губернском исполнительном комитете (представительном органе, возникшем после

[1] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1028. Л. 12об.
[2] Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 2. М., 1997. С. 379.
[3] Народная свобода. 1917. 9 июля.
[4] Нижегородский листок. 1917. 7 апреля.

Февральской революции) в одну фракцию (т.н. «городскую») с конституционными демократами.

Конституционно-демократическая партия, совершенно неожиданно для себя оказавшись на самом правом краю политического спектра (поскольку октябристы и правые после Февральской революции сошли с исторической арены), чувствовала себя там очень неуютно и, чтобы избежать обвинений в реакционности, всячески стремилась подчеркнуть свои заслуги перед революцией. Об этом красноречиво свидетельствует плакат, выпущенный нижегородскими кадетами накануне муниципальных выборов в июле 1917 г. Он содержал характеристику Партии народной свободы, которую дала ей «бабушка русской революции», ветеран социалистического движения Е.К. Брешко-Брешковская: «Это близкая нам партия. Эта нужная и дорогая для России партия»[1].

Гордясь своим вкладом в свержение самодержавия, кадеты провозглашали, что критикуют социалистов, исходя из «интересов революции». Партия народной свободы выражала опасение, что экстремизм левых толкнет народные массы вправо и тем подготовит почву для более всего пугавшей кадетов правой черносотенной контрреволюции[2]. Поэтому, оказавшись самой правой партией, конституционные демократы на прошедших летом 1917 г. муниципальных выборах даже не пытались получить голоса правого электората – и не получили их. В Нижнем Новгороде три четверти избирателей просто игнорировали муниципальные выборы, в т.ч. и потому, что ни одна из партий, претендовавших на места в городской думе, не удовлетворяла их политическим запросам. Правый избиратель не пришел на выборы, а левый, естественно, отдал голоса не кадетам, а социалистам. Большинство голосов в июле 1917 г. в Нижнем Новгороде получили эсеры[3].

После провала на муниципальных выборах кадетам пришлось задуматься о своих перспективах на выборах в Учредительное собрание. Дать дополнительные голоса Партии народной свободы мог только правый (антисоветский) электорат. Но, чтобы его привлечь, кадеты должны были показать, что Партия народной свобо-

---

[1] Там же. 15 июля.
[2] Там же. 16 июля.
[3] Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 27. Оп. 1. Д. 2. Л. 69-70об.

ды является реальной альтернативой как эсеро-меньшевистскому советскому блоку, так и большевикам. В этой связи В.В. Шелохаев справедливо отмечает «нарастание консервативных тенденций в руководстве кадетской партии»[1].

Однако, хотя конституционные демократы после поражения на муниципальных выборах и качнулись вправо, пойти по этому пути до конца и сплотить вокруг себя все правые силы они так и не решились. Более того, определяя стратегию партии на выборах в Учредительное собрание, IX съезд КДП прямо рекомендовал губернским организациям не вступать в предвыборные блоки, как с «пораженцами» (т.е. большевиками), так и с «монархистами»[2]. На X съезде Партии народной свободы (октябрь 1917 г.) было вновь указано на недопустимость соединения кадетских списков с «монархическими группами»[3].

Причем, нижегородские кадеты не стали блокироваться даже с достаточно близкими к ним и вполне респектабельными правыми либералами, такими как «земцы-государственники, прогрессисты-демократы». Да и в самом списке нижегородской организации КДП не оказалось ни одного кандидата с «правой» репутацией. Даже примкнувшие было к ней бывшие октябристы и прогрессисты (Д.В. Серебровский, П.Н. Михалкин) фигурировали теперь в списке «Христианского единения за Веру и Родину».

Правда, не пойдя на создание политических блоков с более правыми группировками, кадеты все-таки заключили с двумя из них («Христианским единением» и «Политическим союзом старообрядческих согласий») «техническое» соглашение о соединении кандидатских списков. Смысл этого соглашения состоял в следующем. Согласно порядку избирательной процедуры, число голосов, поданных за каждый список, умножалось на число распределяемых депутатских мандатов (9) и делилось на общее число принявших участие в голосовании. В результате получалась дробь. Ее целая часть сразу определяла соответствующее доле того или иного списка число депутатов. Дробные же части, при заранее оговоренном соединении определенных кандидатских списков, складываясь, также могли дать

---

[1] Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 599.
[2] Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л.,1976. С. 155.
[3] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 748.

целое число, т.е. право на дополнительный депутатский мандат, который добавлялся одной из соединивших свои списки партий. Но в борьбе за основные места в Учредительном собрании конституционные демократы шли совершенно независимо, открыто заявляя, что для Партии народной свободы и «Христианское единение», и старообрядцы – конкуренты, и она борется с ними[1].

Характерно, что даже такое, чисто техническое, соглашение кадеты не стали заключать с «земцами-государственниками», выступавшими в роли защитников помещичьих интересов, понимая, что исход выборов решат голоса крестьян. Кадеты же были всерьез настроены на то, чтобы привлечь симпатии деревни.

Аграрная платформа Партии народной свободы была в популярной форме изложена в ряде изданий, подготовленных литературно-издательской комиссией нижегородского губкома КДП (листовки «К русскому крестьянству», «О земле и Учредительном собрании», брошюра В.Е. Чешихина-Ветринского «Земля – земледельцам» и т.д.). Большое количество пропагандистской литературы, в т.ч. и предвыборные плакаты, поступало также из Москвы и Петрограда. Значительная часть всей этой печатной продукции бесплатно отсылалась в деревню – в среднем около 3 000 экземпляров в неделю[2]. Однако, эффект от ее распространения был невелик. Кадетское руководство было вынуждено признать «малое значение печатной пропаганды, когда она не сопровождается устной агитацией[3]. Последняя же практически не велась, а если и велась, то не давала ожидаемого результата.

Основным получателем кадетской печатной продукции в Нижегородской губернии являлись отрубники и хуторяне[4]. Однако их положение накануне выборов в Учредительное собрание было очень тяжелым. 23 октября 1917 г. губернский комиссар М.И. Сумгин телеграфировал министру внутренних дел, что «крестьяне начинают жестоко преследовать отрубников и купивших землю через банк, разоряя жилища»[5]. У отрубников отнимали укрепленную в собственность землю. Их самих заставляли возвращаться в общину,

---

[1] Нижегородский листок. 1917. 11 ноября.
[2] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1028. Л. 3.
[3] Там же. Л. 17.
[4] Там же. Л. 3.
[5] Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Горький, 1957. С. 321.

наделяя землей на равных со всеми общинниками правах и основаниях[1]. Естественно, в такой ситуации отрубникам было не до пропаганды идей Партии народной свободы. А если бы вдруг они и решились вести агитацию в пользу кадетов, сомнительно, что общинники выступили бы в роли благодарных слушателей. В еще более опасном положении осенью 1917 г. находились помещики, также эпизодически проводившие кадетскую агитацию[2]. В октябре – ноябре 1917 г. нижегородская деревня была охвачена огнем настоящей войны. Крестьяне захватывали помещичью землю, истребляли барское имущество, жгли господские усадьбы[3]. В это время призывы Партии народной свободы подождать с окончательным решением земельного вопроса до Учредительного собрания и сохранить некоторые помещичьи хозяйства, «если они особо выделяются своей полезностью и благоустроенностью» «как пример населению»[4], могли вызвать у мужика только отрицательную реакцию.

В отличие от кадетов, великолепные возможности для воздействия на сельский электорат имели эсеры, заправлявшие в земельных комитетах и волостном земстве. Являясь по существу «партией власти», они широко использовали свое служебное положение в партийных предвыборных целях[5].

После Октябрьской революции и публикации ленинских декретов «О земле» и «О мире» значительно возросло в деревне и влияние большевиков. Основной контингент большевистских агитаторов составляли хлынувшие с фронта после прихода к власти В.И. Ленина демобилизованные или отправленные в отпуск солдаты[6]. Фронтовики, как правило, пользовались среди односельчан большим авторитетом и кое-где даже сумели преодолеть эсеровское влияние. Таким образом, основная борьба за голоса крестьян должна была развернуться между эсерами и большевиками. Прочие партии имели в деревне мало перспектив.

---

[1] Там же. С. 413, 414.
[2] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1028. Л. 16.
[3] Шульпин П.И. Нижегородское крестьянство в борьбе с царизмом и помещиками (1900-1917). Горький, 1968. С. 183-189.
[4] Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 1866. Оп. 4. Д. 210. Л. 4.
[5] Нижегородский листок. 1917. 9 ноября; ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1028. Л. 13об.
[6] Набатов Г.В. Подготовка большевистской партией агитаторов из солдат и матросов для работы в деревне (февраль 1917 – весна1918 гг.) // Ученые записки ГГУ. Вып. 165. Горький, 1973. С. 126; Народ. 1917. 6 декабря.

Иная ситуация сложилась осенью 1917 г. в городах. Горожан не притягивал к эсерам и большевикам такой магнит, как перспектива получения помещичьей земли. В то же время, в городах гораздо острее, чем в деревне, ощущались тяготы охватившего Россию хозяйственного развала. Противники самодержавия до 1917 г. бичевали чиновников за неспособность эффективно управлять страной. После Февральской революции критики «царского режима» пришли к власти и за полгода ввергли страну в хаос. Их политика привела к резкому росту преступности, дезорганизации производства, разрыву хозяйственных связей между регионами, росту цен, введению карточек на продовольственные и непродовольственные товары и реальной перспективе голода. В «губернии наступает продовольственный голод», – телеграфировал в сентябре 1917 г. в МВД нижегородский губернский комиссар М.И. Сумгин. Он же констатировал «полный недостаток ржаной муки и других предметов первой необходимости и невозможность получения их из других губерний»[1].

На этом фоне звонкая революционная фразеология эсеров и меньшевиков, доминировавших во всех властных структурах (Временное правительство, Советы, городские думы и продовольственные управы Н. Новгорода и всех уездных городов) вызывала у городского населения Нижегородской губернии все более растущее раздражение.

Но, если эсеры и меньшевики осенью 1917 г. стремительно теряли симпатии горожан, то кадеты их, наоборот, приобретали. Партия народной свободы, находившаяся в меньшинстве, как во Временном правительстве, так и в местных властных структурах, а после корниловского мятежа и вообще шельмовавшаяся как «контрреволюционная» и травимая Советами, в массовом сознании теперь воспринималась как оппозиционная. И ее призывы к наведению порядка и ликвидации анархии вызывали у городского обывателя все более благоприятный отклик.

Состоявшийся осенью 1917 г. II Всероссийский съезд Союза мещанских обществ полностью солидаризировался с платформой кадетов. Вошедшие в Союз мещанские общества Н. Новгорода, Арзамаса, Горбатова, Лукоянова, Семенова и Починок объявили, что будут поддерживать КДП на выборах в Учредительное собрание, и

[1] Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. С. 310, 311.

их представитель А.М. Тихомиров был включен в кадетский кандидатский список. О поддержке Партии народной свободы на грядущих выборах объявил также Союз мелких торговцев[1].

Октябрьский переворот, показавший полную недееспособность эсеро-меньшевистских властей и подтвердивший справедливость давних прогнозов Партии народной свободы, еще больше увеличил популярность кадетов среди городского небольшевистского электората.

Захватившие власть большевики не оказали существенного воздействия на ход выборов в Учредительное собрание, назначенных на 12 – 14 ноября 1917 г. В Нижнем Новгороде свободно вели агитацию главные противники большевиков – кадеты. Накануне выборов наблюдатели отмечали, что, если плакаты социалистических партий можно увидеть лишь изредка, то воззваний КДП очень много[2]. И кадеты, и эсеры без препятствия устраивали многолюдные митинги. Особенно энергично действовали конституционные демократы. Уже в первых числах ноября 1917 г., раньше всех других партий, они начали расклейку на улицах Нижнего Новгорода пропагандистских материалов и уже не упускали инициативу до самого дня голосования.

Стремясь перетянуть к себе не только эсеровский, но и весь антибольшевистский электорат, кадеты постарались подать себя как наиболее принципиальных и непримиримых противников большевизма, максимально обыграв все негативные сведения о действиях партии Ленина в Петрограде и Москве. Особенно эмоциональный характер носили митинговые выступления профессора В.Н. Бочкарева, свидетеля ожесточенных боев в Москве между красногвардейцами и юнкерами, в ходе которых большевики вели огонь по национальной русской святыне — Кремлю[3]. Одновременно кадетские ораторы постарались показать тесное идеологическое и политическое родство с большевиками меньшевиков и эсеров. Меньшевики назывались прямыми пособниками большевиков, эсеры – их духовными учителями. «Теперешний революционный террор большевиков, – утверждал кадетский публицист В.Е. Чешихин-

---

[1] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1028. Л. 5об, 6.

[2] Нижегородский листок. 1917. 5 ноября; Материалы по истории революционного движения. С. 166.

[3] Материалы по истории революционного движения. С. 166.

Ветринский, – воспитан теорией и политикой террора социалистов-революционеров»[1].

Интенсивная предвыборная работа кадетов в Нижнем Новгороде принесла свои плоды. Партия народной свободы добилась убедительной победы в городе, набрав 38% голосов. На втором месте было «Христианское единение за веру и Родину» (25%), на третьем – социалисты-революционеры (13%), на четвертом – большевики (11%). Оглушительный провал ждал «земцев-государственников, прогрессистов-демократов»: во всем городе у них нашлось только 87 сторонников[2].

В уездных городах, которые всегда были настроены более консервативно, чем Нижний Новгород, больше всех голосов получило «Христианское единение за веру и Родину» (34%). Эсеров там поддержали 26% избирателей, кадетов – 23%. В Нижегородском гарнизоне Партия народной свободы получила только 7% голосов, да и то, в основном, офицерских. Солдат-тыловиков, не имевших ни малейшего желания отправляться на передовую, разумеется, не могли прельстить предвыборные обещания конституционных демократов гарантировать им «право на победу». Солдаты поддержали «партию мира», отдав большевикам 67% голосов.

Полный крах ждал кадетов в деревне, где им отдали предпочтение только 3% избирателей. Крестьяне проголосовали «за землю», отдав 59% голосов эсерам, и «за мир» (22% получили большевики). Поскольку крестьяне составляли абсолютное большинство избирателей, их позиция и предопределила «социалистический выбор» Нижегородской губернии: победили социалисты-революционеры, получившие 54% голосов и большевики (23%).

---

[1] Нижегородский листок. 1917. 8 ноября, 12 ноября.

[2] Результаты выборов см.: Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905 – 1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. С. 187, 252-256.

А.Д. Гронский[1]

СОВРЕМЕННЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ЛИБЕРАЛЫ О РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 г. И ПОПЫТКЕ СОЗДАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

К событиям периода революций 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны различные политические силы относятся по-разному. Естественно, что наиболее непримиримые противники, стоящие на противоположных позициях, – это коммунисты и монархисты (но последние существуют не во всех республиках бывшего СССР). По поводу событий гражданской войны спорят не только вышеназванные силы, но ещё и националисты, для которых «парад суверенитетов», произошедший после Октябрьской революции, даёт повод говорить о зарождении или восстановлении (если миф о собственном древнем государстве существует) собственной национальной государственности. Однако, помимо перечисленных политических сил, существуют и другие, которые также определяют своё отношение к событиям 1917 г. и последующей за ними гражданской войны. В частности, представляется интересным проследить, как оценивают революцию и попытку объявить в 1918 г. Белорусскую народную республику (БНР) современные белорусские либералы.

При изучении взглядов современных белорусских либералов сначала необходимо выявить, кто таковыми является на политическом поле государства. Оказалось, что это представляет определённую проблему. Так, в 2013 г. в Минске в «Либеральном клубе» прошла панельная дискуссия, которая подняла вопрос «что значит “быть либералом” и как не запутаться в терминах?» Директор по исследованиям «Либерального клуба» Е. Прейгерман указал на то, что «по поводу либерализма у населения и даже у экспертного сообщества в головах сложилась настоящая каша. Причем это не только наша проблема». Даже на Западе в разных странах либера-

[1] Гронский Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук.

лами называют разные силы[1]. Такая ситуация, по мнению Е. Прейгермана, произошла по причине того, что сама терминология либерализма достаточно запутана, а также есть люди, которые проводят «намеренные действия по дискредитации и очернению либеральных идей».

Другие эксперты указали на то, что проблемы с бытованием либерализма наблюдаются как в России, так и на Западе, где уже существуют сложности с демократией, происходит эрозия свободы[2]. В Белоруссии есть силы, которые называют себя либералами и которые определяются как либералы другими участниками политического процесса. Однако нужно заметить, что не все политические эксперты могут говорить о либерализме того той или иной партии однозначно. Иногда мнения расходятся по причине того, что либерал определяется по разным критериям.

Учитывая полемику по поводу того, кто же такие либералы и что же такое либерализм, выделим две белорусских политических силы – Либерально-демократическую (ЛДП) и Объединённую гражданскую (ОГП) партии. Поскольку в названии первой упоминается либерализм, а лидера Объединённой гражданской партии А.В. Лебедько журналисты называют либералом[3]. Его бывший заместитель Я.Ч. Романчук, в 2011 г. вышедший из партии, был назван представителем либеральной мысли[4]. Причём, ЛДП рассматривается иногда как пропрезидентская сила, а иногда как конструктивная оппозиция. ОГП однозначно относится к оппозиции. Взгляды на революцию 1917 г. и объявление Белорусской народной республики представителей именно этих политических сил мы будем рассматривать.

У белорусских либерал-демократов существует своё отношение к Февральской революции 1917 г. Это отношение в ноябре 2016 г.

---

[1] Корф В. Определимся с понятиями в белорусской политике: что значит «быть либералом» и как не запутаться в терминах? // Либеральный клуб. URL: http://liberalclub.biz/%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D1%81%D1%8F-%D1%81-%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F%D0%BC%D0%B8-%D0%B2-%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE-2/ (Дата обращения: 15.08.2017)

[2] Там же.

[3] Макаркин А. Белорусская оппозиция перед президентскими выборами // Политком.ru. Информационный сайт политических комментариев. URL: http://politcom.ru/10667.html (дата обращения: 12.07.2017).

[4] Корф В. Указ. соч.

высказал заместитель председателя партии О. Гайдукевич, который заявил, что «период с февраля по октябрь 1917 г. очень важен для построения белорусского государства. В эти считанные месяцы начались необратимые процессы в политической жизни белорусов. Такого никогда не было ранее. Создание собственной страны стало не мечтой, а реальностью. На пути оказалось ещё множество барьеров, пролилось много крови, но февраль 1917-го дал старт»[1]. Так же С.Гайдукевич напомнил, что в 2017 г. исполнилось 100 лет «со дня заявления белорусов о стремлении построить собственную государственность. В апреле 1917 года наши предки заявили, что белорусы имеют национально-политические интересы и готовы их отстаивать. Соответствующий документ подписал председатель Белорусского национального комитета Роман Скирмунт»[2].

Таким образом, по мнению либерал-демократов, именно Февральская революция начинает отсчёт построения белорусской государственности. Однако однозначно положительная оценка февральским событиям не даётся. Тем не менее, любая критика Февральской революции отсутствует.

Октябрьская революция получила в заявлениях партийных функционеров гораздо более частое звучание. Так, в 2007 г. лидер партии С. Гайдукевич (отец О. Гайдукевича) заявил, что «такого праздника, как день Октябрьской революции, для него, равно как и для подавляющего большинства белорусов, не существует», поскольку коммунистический период оказался «тупиковой веткой развития», но есть люди, которые этого не замечают. Но самый главный белорусский либерал-демократ выступил против отмены 7 ноября как государственного праздника Белоруссии[3]. Позже сын основателя партии и одновременно его заместитель О. Гайдукевич от имени всей партии высказался однозначно против празднования 7 ноября: «Либерально-демократическая партия призывает отменить празднование Октябрьской революции по причине её губи-

---

[1] Гайдукевич О. Вчера и сегодня. Октябрь 1917-го в белорусском контексте // Naviny.by. Белорусские новости. URL: http://naviny.by/article/20161106/1478420267-oleg-gaydukevich-vchera-i-segodnya-oktyabr-1917-go-v-belorusskom (Дата обращения: 15.07.2017)

[2] Независимость – факел, освещающий путь народа // Либерально-демократическая партия Беларуси. Официальный сайт. URL: http://ldp.by/ru/informatsiya/nezavisimost-fakel-osveshhayushhij-put-naroda/ (Дата обращения: 15.07.2017)

[3] Спасюк Е., Рахлей М. 7 ноября – выходной день календаря // TUT.by. Белорусский портал. URL: https://news.tut.by/society/97596.html (Дата обращения: 12.07.2017).

тельного, разрушительного характера. Скажем честно, люди якобы рады 7-му ноября, но только лишь из-за выходного. Смысловой нагрузки сам праздник давно не несёт […]»[1]. Понимая, что с отменой празднования 7 ноября люди лишаются выходного, О. Гайдукевич предлагает «выбрать другую дату, действительно созидательную для народа Беларуси».

Также О. Гайдукевич указывает, что с правовой точки зрения события октября 1917 г. являются государственным переворотом и первым шагом к «кровопролитной Гражданской войне». Рабочие не получили обещанных большевиками заводов, а крестьяне – земли, большевики «учинили красный террор, сдали интересы России на международной арене, выйдя из Первой мировой войны на унизительных условиях», «умыли народы кровью, опустошили души, так надругались над культурно-духовным наследием. Строили “новый мир”, ломали и крушили». Также большевикам ставится в вину разделение Белоруссии по Рижскому мирному договору 1921 г., кода западная часть нынешней Белоруссии вошла в состав Польши. Сама же революция была названа «зловещим Октябрём». «Одним словом, развалили всё, что могли,» – подытожил О. Гайдукевич[2]. Чтобы ещё рельефно показать, почему современные белорусы должны негативно относится к Октябрьской революции, О. Гайдукевич заявил: «Надо помнить, что сразу после Октябрьских событий большевистские лидеры не признавали белорусов как нацию»[3]. На самом деле лидеры большевиков признавали белорусов как нацию, хотя среди руководителей рангами пониже были и те, кто не видел отличий великорусов и белорусов.

Либеральные демократы нашли достаточно изящное объяснение тому, почему к Октябрьской революции нужно относиться отрицательно. Они сравнили её с цветными революциями на постсоветском пространстве. «Нельзя продолжать дальше культивировать ложные идеалы Октября 1917 года, – утверждает О. Гайдукевич, – Вот чему учат коммунисты? Не нравится власть, считаешь её слабой, несправедливой – твори революцию!? Во многом коммунисты виноваты, что на постсоветском пространстве так модны революции». Более того, О. Гайдукевич указывает, что «с одной стороны

[1] Гайдукевич О. Вчера и сегодня ...
[2] Там же.
[3] Там же.

революцию культивируют, а с другой стороны говорят, что другие революции плохие»[1]. Правда, Февральская революция такого негативного сравнения с цветными революциями не получила. Для белорусских либерал-демократов революция есть явление разрушительное, а не созидательное, поэтому «ЛДПБ призывает молодежь Беларуси ни в коем случае не брать пример с Октября 1917 года. Из-за этих дурацких революций страдает сам народ. Самим приходится останавливаться в развитии и восстанавливать всё с нуля. И это ещё полбеды, ведь завод, деревню, даже город можно возродить, а жизнь человеческую не вернуть»[2].

Также партия высказывалась и по поводу объявления в 1918 г. БНР. О. Гайдукевич уверен, что «неудавшаяся попытка осуществить проект Белорусской Народной Республики повлекла за собой создание Советской Беларуси. БНР, как политический фактор, сыграл в пользу признания большевиками государственных прав белорусов»[3], а партия воспринимает образование БНР положительно, но требует освободиться от мифов, которые сложились вокруг этого события. Политик отвечает на вопрос, почему объявленная в 1918 г. белорусская государственность так и осталась на уровне декларации. Признавая, что БНР была объявлена «с лучшими стремлениями», О. Гайдукевич, тем не менее, однозначно требует убрать из перечня национальных героев создателей БНР, которые не смогли осуществить реальный государственный проект по причине того, что они были «дилетантами и любителями» и именно это «дилетантство и любительство сгубило Белорусскую Весну». О. Гайдукевич считает, что только небольшая группа в правительстве БНР, которая ориентировалась на Р. Скирмунта, могла бы реализовать белорусскую государственность, но в результате внутреннего конфликта в правительстве Р. Скирмунт потерял влияние[4]. В самом деле, вряд ли Р. Скирмунт мог что-нибудь сделать для становления белорусской государственности. Ведь БНР была проектом без будущего.

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Гайдукевіч А. Дзень Волі. Ад БНР да Незалежнай Беларускай Дзяржавы // Naviny.by. Белорусские новости. URL: http://naviny.by/rubrics/opinion/2015/03/24/ic_articles_410_188532 (Дата обращения: 13.07.2017))

О. Гайдукевич для положительной оценки БНР использует уже устоявшийся в белорусском дискурсе штамп о том, что, если объявление БНР вынудило большевиков создать БССР, которая, якобы была противовесом «буржуазной» государственности. В частности, он пишет: «Можно говорить, что БССР – контраргумент БНР. В любом случае был запущен маховик строительства белорусской государственности. В сложных, неоднозначных условиях. Как известно, неординарные времена требуют неординарных поступков»[1]. Однако, если анализировать источники, можно сделать вывод, что большевики были готовы создать белорусскую государственность практически сразу после Октябрьской революции. Поэтому объявление БНР не играло никакой роли в появлении БССР. Так, нарком по делам национальностей И. Сталин заявлял: «Всё равно большевики организуют Союз республик, и в нём Белоруссия займёт место самостоятельного советского государства»[2].

Белорусские провластные либералы не против, чтобы 25 марта праздновалось как принятие декларации о независимости БНР в 1918 г.. Но этот день, как и 7 ноября, не должен быть государственным праздником. Так, О. Гайдукевич заявил: «25 марта – большое историческое событие, и если коммунисты имеют право праздновать день рождения Ленина и день Октябрьской революции, то и другие граждане имеют законное право праздновать день образования БНР»[3]

Оппозиционные либералы также высказывались по вопросам революции и создания БНР. Но какие-то рассуждения, посвящённые конкретно Февральской революции оппозиционных либералов, видимо, мало интересуют. Они чаще всего обращают внимание на Октябрьскую революцию. В частности, на сайте Объединённой гражданской партии М. Пастухов попытался рассмотреть, как оце-

---

[1] Гайдукевич О. Вчера и сегодня…

[2] Цитата по: Гигин В. Могла ли состояться БССР в 1917 г.? // Беларуская думка. 2009. № 12. С. 64.

[3] Олег Гайдукевич призвал задерживать ещё больше // Чиновники.инфо. База данных белорусских чиновников. URL: https://chinovniki.info/%D1%81%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D0%B9/1321/%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B3_%D0%B3%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D1%83%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BB_%D0%B7%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D0%B5%D1%89%D1%91_%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B5.html (дата обращения: 14.07.2017)

нивалась бы Октябрьская революция «с позиции действовавшего в царской России законодательства». Он даёт однозначный ответ: «незаконный захват государственной власти путем использования вооруженной силы». Также он попытался применись к юридической оценке Октябрьской революции современные белорусские законы. Последнее должно лишний раз подтвердить, что действия большевиков в октябре 1917 г. незаконны с современной точки зрения. Но интересно то, что у М. Пастухова, как и у многих людей, видимо, путаются Октябрьская и Февральская революции, ведь, чтобы оценить большевиков в октябре 1917 г., нужно помнить, что «царской России» уже не существовало несколько месяцев. Встаёт вопрос: действовали ли в октябре 1917 г. имперские законы, чтобы именно по ним можно было оценивать большевистскую революцию? Далее М. Пастухов указывает, что после революции начались негативные процессы: «“красный террор”, высылка и бегство богатых людей и интеллигенции, гражданская война, экспроприация ценностей, раскулачивание крестьянства, набирающие обороты политические репрессии». М. Пастухов напоминает, что, помимо всем известного сталинского террора, был ещё и ленинский, но при иллюстрации репрессивной политики большевиков, всё равно используются именно цифры периода сталинских репрессий.

М. Пастухов заявляет, что днём примирения 7 ноября стать не может, т.к. примиряться – значит прощать палачей, которые прощения не заслуживают, поэтому необходимо признать эту дату Днём всенародной скорби и памяти жертв советских репрессий (что предлагала оппозиция), а также «днем покаяния перед убитыми и замученными властью». «Пришло время отказаться от советского прошлого, его памятников, учения, дел. Пора начинать новую жизнь,» – призывает М. Пастухов[1].

Проблемы с подменой Февральской революции Октябрьской существуют не только у М. Пастухова. Так, В. Корбалевич пишет: «[…] главный тренд нынешней российской политики – великодержавная идея величия России, возрождение имперской идеологии. А

[1] Пастухов М. 7 ноября – чёрный день календаря // Объединённая гражданская партия. Официальный сайт. URL: http://www.ucpb.org/news/society/pastukhov-7-noyabrya-chernyj-den-kalendarya (дата обращения: 13.07.2017)

Октябрьская революция разрушила великую империю»[1]. Но империю разрушила не Октябрьская, а Февральская революция. Октябрьская революция разрушила Российскую республику.

Достаточно резко о событиях 1917 г. отзывается член ОГП кинорежиссёр Ю. Хащеватский, который весной 2014 г., объясняя события на востоке Украины, заявил, «что в Украине сейчас действует та же самая гопота, которая действовала в 1917 году в России». При этом он добавил: «А в Беларуси эта гопота у власти почти 20 лет»[2]. Но проблема в том, что, если воспринимать майдан-2014 как революцию, тогда на востоке Украины случилась контрреволюция, и проводить аналогии надо не с «гопотой», которая штурмовала Зимний дворец, а со стихийными антибольшевистскими выступлениями крестьян или рабочих в провинции.

Провозглашение Белоруской народной республики для либеральной оппозиции, так же, как и для провластных либералов, событие достаточно значимое, хотя для оппозиции провозглашение БНР намного более весомое явление. Ведь именно оппозиция в день объявление независимости БНР проводит ежегодные шествия, получившие название День воли.

В 2015 г. в Могилёве члены ОГП решили возложить цветы к мемориалу борцам за советскую власть. Этот шаг был преднамеренным, чтобы показать, что реальная власть в данный момент находится не у местных советов, и за советы надо бороться. Тем не менее, выступавшие говорили и про БНР. Как указал сайт ОГП «Выступавшие отметили, что прошло 97 лет, а лозунг “Мы – не часть царской России” продолжает быть актуальным и сейчас. Была высказана уверенность, что у нас в стране есть здоровые силы, что мы не часть царской России с названием Белоруссия, мы суверенная Республика Беларусь, нам дороги европейские ценности, и наша страна в скором будущем станет европейским государ-

---

[1] Карбалевіч В. Імпэрскі рэнэсанс // Объединённая гражданская партия. Официальный сайт. URL: http://www.ucpb.org/news/world/imperski-renesans (дата обращения: 13.07.2017)

[2] Хащеватский Ю. Мы можем защитить Беларусь от российской гопоты // Объединённая гражданская партия. Официальный сайт.
URL: http://www.ucpb.org/news/society/khashchevatskij-my-mozhem-zashchitit-belarus-ot-rossijskoj-gopoty (дата обращения: 13.07.2017)

ством»[1]. Выступавшие, видимо, не слишком понимали, что «царская Россия» прекратила своё существование в начале марта 1917 г., а независимость БНР была объявлена в конце марта 1918 г., т.е. между «царской Россией» и объявлением БНР прошло более года.

В мае 2016 г. рядом оппозиционных сил, в том числе и либералов, была подписана «Декларация в поддержку независимости Беларуси», в которой указывалось: «Республика Беларусь стала правопреемницей не только и не столько Белорусской Советской Социалистической Республики, входившей в состав СССР, сколько Белорусской Народной Республики (БНР), которая была провозглашена 25 марта 1918 года. […] БНР просуществовала всего несколько месяцев как декларация намерения белорусского народа построить свое независимое государство. Это стремление белорусов было задушено большевиками, создававшими советское государство, а по сути – возрождающими Российскую империю в более жестокой, тоталитарной форме»[2]. О преемственности современного белорусского государства в первую очередь от БНР, а не от БССР вряд ли можно говорить серьёзно, ведь с идеей преемственности от БНР была согласна в основном оппозиция. Официальная власть даже в краткий период отсутствия поста президента, если и транслировала идею преемственности от БНР, то не слишком заметно, а с середины 90-х гг. XX в., вести преемственность от БНР продолжала лишь оппозиция. Так что эти заявления стоит признать лишь мнением небольшой группы лиц. В реальности после Декларации о государственном суверенитете Белоруссии 27 июля 1990 г. и придания 25 августа 1991 г. этой Декларации статуса конституционного закона никто не пытался создать некое подобие БНР, в целом всех устраивал республиканский механизм (но без КПСС), который действовал при СССР.

Мифология, сложившаяся вокруг БНР, продолжает транслироваться и сегодня. Так, сайт ОГП перепечатал статью о празднова-

---

[1] Мы – не часть царской России // Объединённая гражданская партия. Официальный сайт. URL: http://www.ucpb.org/news/partynews/my-ne-chast-tsarskoj-rossii (дата обращения: 13.07.2017)

[2] Лидеры оппозиции подписали Декларацию в поддержку независимости Беларуси // Объединённая гражданская партия. Официальный сайт. URL: http://www.ucpb.org/news/politics/lidery-oppozitsii-podpisali-deklaratsiyu-v-podderzhku-nezavisimosti-belarusi (Дата обращения: 13.07.2017)

нии Дня воли. Причём, название статьи достаточно амбициозное – «Белорусы праздную день воли»[1]. Однако оппозиция любит говорить от имени всех, но сама имеет не такую большую поддержку, что постоянно фиксируют опросы негосударственных социологических служб. Более корректно было бы говорить, что не белорусы, а именно оппозиция празднует День воли. Под белорусами всё же стоит понимать большинство, которое День воли воспринимает лишь как акцию оппозиции. В статье говорится, что «правительство БНР приложило немало усилий для организации национальных институтов» – объявлялся государственный статус белорусского языка, открывались школы, культурно-образовательные общества и театры, издательства, выходили белорусские газеты, велась работа по открытию университета. Часть этих инициатив, безусловно, была создана стараниями правительства БНР, но, другая часть была создана ранее без участия правительства БНР и на немецкие деньги. В частности, именно немцы открыли белорусскую учительскую семинарию и создали белорусские военизированные формирования (оказавшиеся абсолютно небоеспособными)[2].

Также в заслугу БНР ставится то, что местные власти «сумели создать силы, которые на протяжении десятилетия вели партизанскую борьбу с коммунистами». В этом случае, видимо, имеется в виду организация «Зелёный дуб», которая выступала с лозунгами независимости Белоруссии, но поддерживалась и направлялась польской разведкой. Более того, в качестве борьбы, которая приняла «угрожающую для советской власти форму» упоминается попытка оказания в 1920 г. белорусскими националистами в Слуцке вооружённого сопротивления наступающей Красной армии. Однако в реальности после нескольких боёв белорусские войска попросту ушли на территорию Польши. Помимо всего, ещё одной «угрозой» для советской власти оппозиция считает «широкую поддержку белорусами похода генерала Булак-Балаховича на Полесье». Если учитывать, что на Полесье отряды Булак-Балаховича кроме массовых еврейских погромов ничем не прославились, становится странным, почему это выдаётся за сопротивление белорусов советской

[1] Беларусы святкуюць Дзень Волі // Объединённая гражданская партия. Официальный сайт. URL: http://www.ucpb.org/news/society/belarusy-svyatkuyuts-dzen-voli (дата обращения: 13.07.2017)

[2] Западные окраины Российской империи М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 415, 418.

власти. По мнению авторов публикации, «независимость нашей страны признал ряд европейских государств». Перечень государств в тексте закономерно отсутствует, потому что на самом деле ни одна страна БНР не признала, хотя со стороны БНР попытки добиться признания были. В тексте также присутствует стандартная для белорусского дискурса идея о том, что, если бы не БНР, тогда бы большевики не провозгласили бы БССР.

Тем не менее, несмотря на явные странности в понимании того, как происходили события в 1917 – 1918 гг., беспричинном обвинении «царской России» в тех событиях, которые произошли после её исчезновения, лидер ОГП А. Лебедько, говоря о дате очередной годовщины объявления независимости БНР, сказал: «День Воли – это праздник пока еще не всей страны, пока еще не подавляющего большинства граждан Беларуси, но это праздник умных, образованных, талантливых, перспективных, думающих белорусов»[1]. Получается, что нестыковки в хронологии и незнание исторических фактов это и есть признак «образованных и думающих» людей, или всё же это праздник тех, кто верит в сформированный националистами миф о первой белорусской республике?

В целом, отношение как провластных, так и оппозиционных белорусских либералов к событиям 1917 – 1918 гг. практически ничем не отличается. О Февральской революции говорится вскользь. Октябрьская революция оценивается однозначно негативно. Попытка объявить белорусскую государственность в 1918 г. на оккупированной немцами территории воспринимается в принципе положительно провластными либералами и сугубо положительно их оппозиционными коллегами. Однако оппозиционные либералы чаще, чем провластные оперируют политическими мифами об угрозе, которую несла « царская Россия», используя её образ даже в тех случаях, когда речь идёт о событиях после Февральской революции.

[1] Лебедько: «День Воли – это праздник думающих белорусов // Объединённая гражданская партия. Официальный сайт. URL: http://www.ucpb.org/news/society/lebedko-den-voli-eto-prazdnik-dumayushchikh-belorusov (Дата обращения: 13.07.2017)

ЛИБЕРАЛЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

Девятые «Муромцевские чтения»

Сборник научных статей

ООО Издательский Дом «ОРЛИК»
(«Орловская литература и книгоиздательство»)

Подписано в печать .10.2017. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21,74. Тираж экз. Заказ № .
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.

Отпечатано ООО «Типография «Вариант»,
г. Орёл, ул. 3-я Курская, 20 www. variant-orel.ru